

Алексей Суконкин

18+

ЗАЙТИ И ВЫЙТИ

Алексей Суконкин

ЗАЙТИ И ВЫЙТИ

*Книга посвящается всем тем,
кто честно и отважно исполнял и исполняет
свой воинский долг при проведении
специальной военной операции на Украине.*

*Многие названия населённых пунктов,
имена героев и некоторые события вымышлены,
все совпадения с реальными людьми и событиями
случайны.*

Оглавление

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	38
ГЛАВА 3	79
ГЛАВА 4	121
ГЛАВА 5	156
ГЛАВА 6	196
ГЛАВА 7	237
ГЛАВА 8	280
ГЛАВА 9	324
ГЛАВА 10	372
ГЛАВА 11	418

ГЛАВА 1

Первый мотострелковый батальон вернулся с длительного полевого выхода в пункт постоянной дислокации буквально под Новый год, и люди ещё мечтали об отдыхе после учений, как в бригаду пришёл приказ доукомплектовать две батальонно-тактические группы и немедленно отправить их на далёкий «незнакомый полигон».

Все всё понимали, телевизор и Telegram-каналы смотрели и читали, и от того реагировали, как могли, а несколько десятков человек написали рапорта на увольнение с военной службы. Люди подозревали, что грядёт что-то большое и страшное, от чего нужно было бежать, сломя голову. Большинство тех, кто уже был удовлетворён всеми преференциями, данными ему службой в армии, выплатив ипотеку, уже «не видели себя» на дальнейшей службе — как раз перед самыми большими событиями.

Ситуация грозила выйти из-под контроля, и замполит бригады сбился с ног, пытаясь беседовать с людьми, убеждая их остаться в армии — но, всё было тщетно, и количество рапортов на увольнение только росло.

В курилке, возле казармы первого батальона, ощущалось гнетущее чувство надвигающейся беды.

— Мы, походу, оттуда на Украину пойдём, — сказал сержант Захаров, командир отделения из первой роты — возрастной, а потому и авторитетный для молодёжи. — Чует моё сердце — быть большой войне.

— Задавим как котят, — уверенно сказал старшина Зорин, замкомвзвод из второй роты, к которому другие бойцы прислушивались не меньше, чем к Захарову. — Нас больше, техника лучше, боевой опыт опять же...

— У кого боевой опыт? — спросил Захаров. — На постах в Карабахе постоять, да Химки поохранять — это боевой опыт? Хохлы воюют с 2014 года — восемь лет. По-настоящему воюют. Вот у них — боевой опыт. А мы пока нормальной войны ещё не видели.

— За них НАТО впишется, — вставил сержант Азаров, командир отделения. — Если мы пойдём на Украину, Америка за хохлов встрянет, Европа встрянет. Дадут нам по шапке. Потом догонят, и ещё дадут.

— Короче, стрёмно, пацаны, — подвёл итог сержант Машков. — Надо валить из армии. Я всё что хотел — уже получил: пенсия есть, квартира есть, никому ничего не должен. Пойду и напишу рапорт — имею на то полное право. А замполит... пусть сам родину защищает. Он офицер — у него призвание.

Несколько человек, находящихся в курилке, выразили своё согласие с Машковым.

— А воевать, кто будет? — спросил Зорин.

— Ты этот вопрос замполиту задай, — ответил Машков. — А я на войну с НАТО не подписываюсь. Мне как-то и без войны на пенсии было бы очень хорошо. Что, пацаны, разве не так? — он обвёл взглядом всех, кто находился в курилке, заручаясь поддержкой тех, кто уже выразил своё с ним согласие.

В штабе отдельной мотострелковой бригады в это время шло совещание. Командир соединения полковник Павлов заслушивал доклады подчинённых о выполнении мероприятий по подготовке к перевозке частей бригады железнодорожным транспортом. Офицеры по очереди излагали расчёты по своим направлениям, Павлов и на-

чальник штаба бригады подполковник Серов время от времени уточняли различные вопросы.

— Здесь у вас, товарищ майор, — комбриг остановил очередного докладчика, — в расчётах допускается нарушение организационной целостности подразделения: одна рота едет в разных эшелонах. Подумайте, как изменить порядок погрузки, чтобы устранить это нарушение...

— Есть, — начальник штаба первого мотострелкового батальона сделал пометки в блокноте, — разрешите продолжить?

Всего для перевозки двух батальонно-тактических групп, которые формировала бригада, выделялось восемь железнодорожных эшелонов. Чтобы направить в район сосредоточения хотя бы основное ударное ядро, нужно было отказаться от отправки значительной части второстепенной техники. Павлов понимал, что слово «учения» не в полной мере отражали то, что могло там начаться, и поэтому считал, что бригада, в первую очередь, должна выставить свои боевые подразделения, а уж потом можно будет думать о подтягивании тыловых структур. Решение было спорным, но иных вариантов в настоящее время жизнь не предоставляла.

Танковый батальон, недавно получивший на базе хранения сорокалетние Т-80У, убывал в полном составе. Первый мотострелковый батальон выставлял три роты, второй батальон — две, разведывательный батальон убывал половиной своей численности, в плане на погрузку в эшелоны стояли также артиллеристы и зенитчики, не полным, конечно, составом.

— Что с крепёжной проволокой для растяжек? — спросил комбриг.

Надёжным средством крепления тяжелой гусеничной техники на открытых платформах уже добрую сотню

лет оставалась обычная стальная проволока сечением шесть миллиметров. Её требовалось очень много

— Четверть от потребного количества, — отозвался начальник штаба бригады. — Еще с брусом вопрос решаем, завтра должны доставить в бригаду двадцать кубов.

— Мало, — комбриг посмотрел на собеседника: — На восемь эшелонов это как капля в море.

— Все просят денег, — сказал Серов и вопросительно посмотрел на полковника, делегируя ему решение этого вопроса.

— Решим, — задержавшись с ответом, кивнул командир, тем не менее, совершенно не представляя, как это сделать.

После завершения всех докладов и уточнений, Павлов посмотрел на подчинённых:

— Я надеюсь, что все присутствующие понимают, что мы едем не на учения. Сегодня у меня на столе лежит сто пятьдесят рапортов от контрактников. Завтра ляжет ещё столько же. К чести офицеров, пока никто подобного рапорта ещё не написал. Но, по сути, бригада сыпется у нас на глазах. Даже если я не буду подписывать эти рапорта, это ничего не изменит — люди бегут. Замполит, как так получилось? Где ваша работа с людьми?

Подполковник Демидов поднялся со стула:

— Товарищ полковник, а мы по закону никак не можем препятствовать их уходу.

— Как так? Квартиры по военной ипотеке, пенсии в тридцать лет, льготы всякие — это мы можем, а как дело дошло до самого главного, для чего их всех растили, обували, кормили, давали квартиры и льготы — так они сразу в кусты? — Павлов вскипел, едва сдерживая свой гнев.

— Так точно, товарищ полковник, — Демидов кивнул. — Кормили, обували и пенсию давали, а они в кусты.

И у нас нет никаких законных оснований их остановить. Нет закона, который запрещал бы им увольняться. У нас же в стране не военное положение, не мобилизационный период. У нас правовой режим мирного времени. А работу я веду, разговариваю с ними. Но без правовой поддержки это очень тяжело делать...

— А они что?

— А они говорят, что не желают рисковать своими жизнями и лучше уволятся. Так говорят даже те, кто ещё пенсию не выслужил. Люди напуганы, по бригаде ползут нехорошие слухи.

— Кто распространяет эти слухи?

— Есть несколько активных контрактников...

— После совещания их всех сюда. Все свободны, командир первого батальона и начальник штаба останьтесь. Поможете мне в разговоре с ренегатами.

Минут через двадцать замполит привёл шесть возрастных контрактников, которых Павлов построил прямо у себя в кабинете.

— Вот скажите мне, старому полковнику, для чего вы родились? Вот конкретно вы, товарищ сержант!

Павлов стоял напротив бывалого контрактника, отслужившего в армии уже лет пятнадцать, знавшего все тонкости военного ремесла, но в настоящее время ведущего среди личного состава разговоры, разлагающие коллектив. Контрактники, в основном младшие командиры, переминались с ноги на ногу, было заметно, что им крайне неприятен этот разговор. Одно дело смело высказывать свои мысли в курилке среди других сослуживцев, равных им по статусу, и выражающих своё согласие с обсуждаемым вопросом, и совсем другое — держать ответ перед старшим начальником, который придерживается противоположной позиции.

— Я, товарищ полковник, уверен, что мы поступаем неправильно, — дерзко сказал сержант Бураков.

— Неужели сам это понял? Зачем тогда разговоры такие ведёшь среди подчинённых?

— Я имею в виду предстоящую войну с Украиной, а не мои разговоры с подчинёнными, товарищ полковник. И я не желаю принимать участие в этом деле. Я имею право выразить своё мнение.

— Вы имеете право выразить своё мнение, — согласился полковник. — Но вы не имеете права отказаться от выполнения приказа. Вы — военнослужащий, давший клятву защищать свою Родину. И сейчас Родина требует от вас отдачи — за все предоставленные за время службы льготы. Если не вы, подготовленные военные профессионалы, то кто? Гражданское население мобилизовать прикажете?

— Товарищ полковник, льготы, которые я получил, предоставлены мне за пережитые мною условия прохождения военной службы, а не в качестве аванса на будущее. Я эти льготы честно заслужил, и вы это прекрасно знаете. Я полгода был в Сирии, я служил многие годы без выходных, я в полной мере исполнил всё то, что требовала от меня Родина.

— Вы, товарищ сержант, один из лучших бойцов бригады, на вас равняются молодые бойцы. Но сейчас вы пасуете перед трудностями, вместо того, чтобы вести за собой молодых. И мало того, что вы пасуете, вы ещё и подбиваете других бойцов к отказу от выполнения боевых задач. То есть, поступаете как самый настоящий предатель Родины. Я правильно понимаю происходящее?

— Я не предатель, товарищ полковник, и никогда им не был, — ответил Бураков.

— Хорошо, тогда какое определение своим действиям предложите вы сами?

Сержант молчал.

Павлов посмотрел на другого контрактника.

— Вот вы, товарищ сержант, как назовёте действия вашего боевого соратника, подрывающего боеспособность бригады?

— Мы, товарищ полковник, не подрываем боеспособность бригады, — тихо ответил сержант Захаров.

— Неужели? — полковник шагнул к своему столу и взял в руку пачку рапортов: — А вот это тогда что, если не подрыв боеспособности и предательство? После ваших разговоров молодые контрактники наперегонки бегут писать рапорта на увольнение. Это результат лично вашего воздействия. Никого больше. Вы рассказываете молодым бойцам всякие страшилки, вместо того, чтобы закладывать в них веру в свои силы. Разве не так?

— Сержант, — подполковник Михайлов, командир первого батальона, посмотрел на своего подчинённого: — Ты считаешь, что склоняя молодых к написанию рапортов на увольнение, совершаешь настоящий мужской поступок?

— При чём здесь это, товарищ подполковник? — вспыхнул Бураков.

— При том. Я всегда считал тебя настоящим мужчиной, способным на Поступок, а ты сейчас больше похож на тряпку... а ведь ничего ещё страшного не произошло, но вы уже предаётесь выдуманному страху, заставляете поверить в этот страх своих боевых товарищей.

Бураков опустил взор, ему нечем было возразить.

— Я не буду с вами долго разговаривать, — сказал командир бригады. — Вот здесь и сейчас вы делаете вы-

бор: либо вы предатели своего народа, и мы с вами немедленно расстаёмся, вы уходите на пенсию и радуетесь жизни, либо вы, как настоящие мужчины и воины, остаётесь с нами, и мы дальше делаем одно общее дело — защищаем Родину там, где прикажет наш Верховный Главнокомандующий — как того требует данная вами Присяга и Боевой Устав.

Комбриг допустил короткую паузу, затем посмотрел на контрактника, которому в течение всей беседы не уделял никакого внимания — ни словом, ни взглядом — выстраивая этим самым тонкий психологический приём.

— Вот вы, товарищ сержант, остаётесь с нами или всю оставшуюся жизнь предпочтёте жить предателем Родины и всего воинского коллектива нашей бригады?

— Остаюсь, товарищ полковник! — чётко и практически без заминки, выпалил сержант Азаров — у него не оставалось иных вариантов. — Я не предатель!

— А вы, товарищ сержант? — Павлов переместил своё внимание на следующего военнослужащего.

— Я с бригадой, товарищ командир, — кивнул Зорин.

Последовательно в верности поклялись все присутствующие, оставался только самый «проблемный» сержант Бураков.

— А вы, товарищ сержант? — тяжёлый взгляд командира навис как Дамоклов меч.

— Вы, товарищ полковник, неправильно ставите вопрос... — дерзко глядя в глаза Павлова, сказал сержант. — Вы ловко создаёте ложное чувство отсутствия выбора. А выбор есть всегда. Тем более в этой сложной ситуации.

— Свой выбор вы, товарищ сержант, сделали тогда, когда дали Присягу, когда подписали контракт с Вооружёнными Силами. Я жду от вас ответа.

— Я не предатель, и никогда им не был, — ответил сержант.

Командир удовлетворённо прошёл по кабинету к своему столу, сел на стул.

— Значит так, товарищи сержанты. Мы с вами определились раз и навсегда — кто есть кто. И как военные, и как мужики. И я не готов в дальнейшем слышать от вас или про вас какие-то истории об уклонении от взятых на себя обязательств. Никто не говорил, что будет легко, а сейчас — тем более. Если вам нужна помощь в работе с личным составом — каждый из здесь присутствующих офицеров вам поможет. Надеюсь, что вы из нашего разговора сделаете правильные выводы, и мы никогда к нему не вернёмся. Правильно я говорю?

— Так точно, — вразнобой ответили контрактники.

— Тогда, раз вы согласны, каждый из вас берёт по двадцать пять рапортов и разговаривает с этими контрактниками. Я думаю, что вы найдёте правильные слова, чтобы они вас поняли.

Младшие командиры стояли в нерешительности: согласившись с доводами Павлова в отношении себя лично, они открыли командиру бригады путь к следующему шагу — привлечь сержантов к работе с личным составом, уклоняющимся от военной службы.

Павлов взял со стола пачку рапортов, и, не отсчитывая, стал по частям передавать их сержантам. Бывшие бунтари брали их в руки, тем самым соглашаясь с приказом-просьбой командира бригады. Никто из них не выразил прямого отказа.

— Все свободны... — сказал командир, когда в его руках не осталось ни одного рапорта.

В своём статусе командира бригады полковник Павлов не имел аппаратных возможностей напрямую обращаться к губернатору области. Обращение же к командующему армией с просьбами помочь отправить эшелоны, в военной иерархии выглядело едва ли не должностным преступлением — ибо по сложившейся многолетней практике, нижестоящие должны были сами решать поставленные перед ними задачи, строго отвечая за неисполнение. Буквально вчера со своей должности был снят командир мотострелковой дивизии, не выдержавший график отправки эшелонов, и этот случай был доведён до всех офицеров округа, как образец вопиющей профнепригодности и пример последствий при повторении подобного в других частях. При том каждый офицер знал, что командование общевойсковой армии ничем не помогло дивизии, чтобы сделать всё в срок.

Павлов решил разорвать все условности и записался на приём к главе региона, не ставя в известность своё командование. Час ожидания, проведённый им в приёмной, полковник пережил с единственным желанием не встретиться здесь с командующим объединением или его замами.

Несколько лет назад, когда Павлов служил в другом месте, в бригаде проходил срочную службу сын главы региона, что естественным образом отражалось на внимании области к соединению. В тот благоприятный для бригады год на территории воинской части появился асфальт, в некоторых помещениях был сделан ремонт, был воздвигнут монумент в память о погибших в период чеченских кампаний, но так как Павлов не застал этого времени, он не имел личного контакта с губернатором,

и мог рассчитывать только на то, что глава региона не забыл о своём прошлом отношении к мотострелковому соединению.

— Присаживайтесь, Альберт Романович, — предложил Сергеев. — С какими проблемами пожаловали?

— Олег Петрович, — полковник занял место за столом. — Вы же знаете, что сейчас вся деятельность войск направлена на...

— Да, — кивнул хозяин кабинета. — Я предполагаю, что будет дальше.

— Прошу оказать помощь, — сказал комбриг. — Я бы к вам не пришёл, если бы у нас были хотя бы какие-то возможности... но их нет и у вышестоящих. Вы не подумайте, что я пришёл по поручению командующего. Я пришёл просить за бригаду, которая вам не чужая...

Павлов чувствовал себя неловко — ему приходилось просить, тогда, как многие годы он привык только требовать.

— Что вам необходимо? — прямо спросил губернатор.

— Брус для крепления техники на железнодорожных платформах, стальная проволока диаметром шесть миллиметров, бензогенераторы, мотопомпы, бензопилы, — начал перечислять Павлов.

— Давайте сделаем так, — Сергеев прервал речь полковника. — Составьте перечень того, что вам необходимо, я передам его знакомым предпринимателям, может, какие-то позиции сможем сразу закрыть. С бюджета я, поймите меня правильно, оплатить это не могу — прокуратура меня сразу спросит, на каком основании я осуществляю нецелевые траты.

— Вот список, — Павлов протянул Сергееву вдвое сложенный лист.

— Хорошо, — губернатор взял его, стал вчитываться, затем взял в руки телефон и набрал чей-то номер: — Василий, приветствую. Скажи мне, пожалуйста, мы можем нашей мотострелковой бригаде помочь брусом, проволокой, полевой техникой? Можем, да? Я тогда сейчас тебе список перешлю, и контактный телефон командира сброшу. Принимай. Спасибо большое!

Вдруг Павлов подумал, что губернатор не ждёт сейчас от него каких-то особых благодарностей, ибо делали они одно дело. Одно большое дело.

— Удачи тебе, Альберт Романович, — сказал Сергей. — Сохрани мальчишек. Верни их домой живыми.

— Я постараюсь, — кивнул полковник. — Спасибо вам за помощь.

Первый эшелон под погрузку подали сразу после Нового года. За неделю бригада смогла отправить в район сосредоточения восемь составов: две батальонно-тактические группы, усиленные артиллерийским дивизионом, реактивной батареей и батареей зенитчиков, плюс управление бригады. В распоряжении оставалось ещё много подразделений, которые, как полагало вышестоящее командование, были не нужны для предстоящих действий.

Ещё в ноябре штабу отдельной мотострелковой бригады было предложено разработать операцию по овладению Киевом силами... танковой бригады, состоящей из двух батальонно-тактических групп на основе двух танковых батальонов по 31 танку и мотострелкового батальона на 31 БМП-2. Артиллерия и ПВО в задаче почему-то не предусматривались, что в значительной степени

облегчало проведение различных тактических расчётов. Данные разведки были весьма скудными, и определить вероятные рубежи обороны противника, а отсюда и наиболее оптимальные маршруты выдвижения — не представлялось возможным. Тем более, что маршруты были определены жёстко, не оставляя свободу манёвра. Штабу намекнули — делайте расчёты, а подробности будут предоставлены позже. Мол, главное, это посчитать всё «в целом». Штабные догадывались, что подготовленные для танковой бригады расчёты, в нужный момент времени будут переданы в танковую бригаду, тогда как кто-то другой сейчас делал расчёты для мотострелковой бригады. Для чего всё это делалось именно так — оставалось в тумане. Можно было, конечно, сослаться на некую секретность, но к чёрту летела бы эта секретность, которая в буквальном смысле профанировала всю подготовку, необходимую для успешного решения боевых задач.

— Полковник, тебе что, погоны жмут? — командующий общевойсковой армией генерал-майор Лазаренко открыл оперативное совещание.

Павлов встал. В помещении находились командиры бригад, полков и отдельных батальонов, собранные для постановки задач.

— Никак нет, товарищ генерал, — осторожно ответил Павлов.

— А я вижу, что жмут, — пробасил Лазаренко. — Какое ты имел право через мою голову обращаться к Сергееву?

— Виноват, товарищ генерал! — комбриг сделал повинное лицо, чтобы снизить накал предстоящих страстей.

Тем более, что винить его в чём-то сейчас, когда дело уже сделано, было бессмысленно. Однако, и мотив генеральских претензий ему был совершенно понятен: факт обращения командира бригады к главе региона через

голову командующего армией за помощью в подготовке эшелонов к отправке, свидетельствовал о неспособности командующего обеспечить этот процесс и самоустранении от решения важнейших вопросов через их оставление на совести нижестоящих командиров, не обладающих необходимым ресурсом. Пример снятого с должности командира дивизии, который не смог найти проволоку и брус для крепления боевой техники, был у всех на виду.

— Да что мне твоё «виноват»! — Лазаренко сверкнул взглядом. — Ты понимаешь, на кого ты похож, когда ходишь и побираешься, подачки просишь? А потом эти гражданские будут думать, что мы, военные, все такие... побирушки! Выговор!

— Есть выговор, — кивнул Павлов.

— Всю использованную проволоку и весь брус погрузить на эшелон и отправить в распоряжение тыла армии, — приказал генерал. — Немедленно! Это же ценный ресурс!

— Есть, — кивнул командир бригады. — Разрешите уточнить?

— Что ещё?

— Проволока порезана на куски и перекручена, и вряд ли её можно повторно использовать для крепежа техники, кроме того, значительная часть используется в подразделениях для бытовых нужд. Брус уже давно распилен на дрова. Прикажете вернуть брус дровами?

В помещении воцарилась гнетущая тишина. Большинство присутствующих офицеров смекнули, что полковник сейчас явно глумится над приказом командующего.

— Вам не ясен приказ? — генерал показал, что его не интересовало, в каком состоянии находится использованный «ценный ресурс». — Выполнять!

Павлов счёл необходимым продемонстрировать готовность выполнить любой приказ вышестоящего командования.

— Приказ ясен, товарищ генерал-майор. Будет исполнено.

После того, как поступила команда разобрать и загрузить в транспортные машины войсковые палатки, а предстоящей ночью спать в боевых машинах, ни у кого больше не оставалось никаких сомнений — то, чего все ждали, вот-вот начнётся. Разведчики бригады уже несколько дней летали на «Элеронах» за линию государственной границы, изучая местность и нанося на карту вскрытую обстановку.

— Товарищ старший лейтенант, к комбату!

Миша Хвостов, командир первой танковой роты, обтёр руки сухой ветошью и спрыгнул с танка на землю. Посыльный уже повернулся и побежал дальше, не ожидая ответа.

Когда в прошлом году в бригаде танковую роту развернули в танковый батальон, Хвостов уже перехаживал в должности командира мотострелкового взвода, и на предложение возглавить роту в новом батальоне, он согласился не раздумывая. Танки Т-80У поступили с базы хранения и в своём сорокалетнем возрасте внушали самые разные эмоции и чувства. Так получилось, что Хвостов участвовал в приёмке «новых» танков и был осведомлён об их истинном состоянии, помноженном на практически полное отсутствие ЗИПа и даже в некоторых случаях формуляров на боевые машины, без которых было трудно сказать, какие виды ремонтов проходили эти танки на своём жизненном пути.

Однако, Миша был хорошо подкованным специалистом, возиться с техникой любил и вскоре доказал это своими практическими действиями — все танки были «приведены в чувство» и оказались вполне себе способными и к передвижению, и к бою — то же самое можно было сказать и о личном составе. По всем «внезапным» тревогам роты поднималась в пределах назначенных нормативов и даже зимой успешно заводилась и покидала расположение в район сосредоточения, наблюдая по пути, как мотострелки мучаются со своей техникой, не в силах запустить дизельные двигатели на большинстве машин. Несколько учений с присутствием «верхнего руководства» и отличная боевая стрельба всей ротой на полигоне, и вот на очередном совещании Миша был отмечен Павловым как лучший командир роты во всей мотострелковой бригаде, а кадры и строевой наконец-то подготовили документы к присвоению звания «капитан».

— Разрешите? — Миша приблизился к группе офицеров батальона, стоявших вокруг комбата.

— Хвостов, — комбат майор Дужников обратил на него внимание: — Получаете комплекты взрывчатки на «Контакт», ставите на технику. В восемнадцать ноль-ноль доклад о выполнении всех работ.

В танковый батальон пришли КамАЗы со взрывчаткой для элементов динамической защиты, установленной на танках, и теперь предстояло всё это аккуратно установить. Работа была не сложная, но по времени весьма затратная, да и следование правилам работы со взрывчатыми веществами никто не отменял. Это было последней каплей, убедившей Мишу Хвостова в приближении войны.

Весь день прошёл в работе и лишь вечером он позвонил супруге, которая в разговоре уловила такие нотки, каких от Миши никогда не слышала.

— Да что же за учения у вас такие? — спросила она. — Ты словно прощаешься со мной.

— Мы идём на Украину, — сказал Хвостов, нарушив данное себе обещание не говорить это супруге.

— Это надолго? — спросила она и замолчала, догадавшись, что речь здесь идёт совсем не о сроках предстоящего похода.

— Прости меня, — сказал Миша. — Прости, если когда обидел.

— Нет... — растерянно произнесла супруга, имея в виду совсем не отказ простить обиды...

После обстоятельного доклада начальника штаба бригады подполковника Серова о порядке выполнения стоящих перед бригадой первоочередных задач, взял слово командир.

— Я требую от каждого командира подразделений осторожности в действиях, — Павлов ходил перед строем старших офицеров бригады, собранных на уточнение задач перед началом выдвижения. — По данным разведки, которые были доведены мне в штабе армии, вооружённые силы Украины не готовы оказывать нам сопротивление, и, по всей видимости, операция пройдёт по сценарию Крыма. Однако, не стоит думать, что это будет лёгкая прогулка. Оружие применять только в рамках самообороны. Это всем понятно?

Мнение старших офицеров бригады разделилось: кто-то всерьёз опасался жёсткого сопротивления со стороны украинских военных, кто-то склонялся к «крымскому сценарию», опираясь на результаты войсковой разведки, с воздуха не обнаружившей никаких засад, а равно и готовности противника к отражению вторжения.

— Давайте богатыри, я в вас верю, — завершил свою речь командир бригады. — С богом!

Командирам подразделений были доведены рабочие и запасные частоты, время прохождения контрольных точек маршрута, уточнены позывные, после чего все разошлись по своим боевым местам.

Сам переход границы не представлял никакой сложности. В полночь поступила команда к началу выдвижения и лес, в котором стоял танковый батальон, засвистел турбинами и залязгал гусеницами. Десять километров, которые разделяли батальон от украинской границы, прошли быстро — кое-кто даже не успел окончательно проснуться.

Приближаясь к государственной границе, Миша испытывал разные чувства, преобладающим из которых была гордость за порученное дело. Его танк шёл первым, и когда показали огни контрольно-пропускного пункта, Хвостов понял, что его фамилия будет вписана в историю, ибо именно он, старший лейтенант Михаил Хвостов, в настоящий момент первым из всей огромной группировки войск, пересекал границу.

Границу между миром и войной.

Когда его танк снёс шлагбаум на украинской стороне, Миша вдруг ясно почувствовал, что вместе с государственной границей теперь уже чужого государства, его танкисты перешли и границы вседозволенности — теперь можно было не только давить гусеницами шлагбаумы, но и творить другие дела, которые в мирное время были бы уголовно наказуемы.

Украинских пограничников видно не было, заслышав приближение танковой армады, они благоразумно удалились.

Миша сидел на башне, свесив ноги в люк. Его командирский танк теперь шёл вторым, сразу за танком первого взвода, который был оснащён минным тралом. Первые минуты напряжения уже прошли, ничего страшного вокруг не происходило, и он, держа в руках автомат, заряженный трассерами, уже едва ли не буднично всматривался в затаившуюся темноту леса. Его распирало горделивое чувство превосходства и силы, которое подкреплялось визгом танковых турбин, лязгом гусениц и запахом сгоревшего керосина.

Накануне выступления на совещании в батальоне присутствовал какой-то полковник из штаба округа, всеми своими силами пытавшийся внушить собравшимся офицерам лёгкость предстоящей задачи. Он сыпал шутками, говорил о «полной неготовности хохлов» к нашему наступлению, что согласно «данным разведки» население Украины будет встречать российские войска как освободителей от фашистского гнёта, поработившего страну с 2014 года. Уверенность так и лилась из этого рыхлого и розовощёкого офицера, по виду которого трудно было сказать, знает ли он, как командовать взводом. Спич полковника произвёл обратный эффект — командиры рот и взводов поняли, что задача предстоит не из лёгких.

Начало чего-то большого — всегда такое. Или ночью, или утром. И потом нужно сделать очень много, прежде чем ты первый раз закроешь глаза, чтобы поспать — это если не закроешь их навсегда. Хвостов понимал, что спать ему теперь предстоит как минимум суток через двое, а может и больше. И то, вместо полноценного сна это будут урывки по полчаса или часу, которые будут лишь условно восстанавливать силы на некоторое время, чтобы совсем уж не падать в обморок от недосыпа. По-насто-

ящему выспаться можно будет только после окончания всех этих действий.

«После окончания войны» — подумал Миша. «Когда это будет?».

В захват Киева за три дня, о чём твердил розовощёкий, конечно, Миша Хвостов не верил. Просто потому, что Киев был настолько огромным городом, что было страшно подумать, сколько нужно войск, для овладения таким мегаполисом. Таким количеством сил группировка явно не располагала. «Трёхдневный» расчёт строился исключительно на уверенности, что ВСУ сложат оружие без сопротивления, а войска, не заплутав на улицах огромного города, выйдут к назначенным рубежам, пунктам и адресам.

Когда на востоке забрезжил рассвет, колонна первой роты лесными дорогами по зоне отчуждения Чернобыльской АЭС уже прошла более сорока километров. Когда же танки вышли на достаточно открытую местность, вдали Миша разглядел огромный саркофаг атомной электростанции. Той самой, которая стала известна на весь мир в апреле 1986 года — тридцать шесть лет назад.

От увиденного у него перехватило дыхание — вот уж точно, играя в «Сталкера», он никогда и подумать не мог, что окажется здесь в реальности. Но это произошло. И вместо набора предлагаемого игрой стрелкового оружия, в его руках было нечто значительно более мощное — целая танковая рота.

— «Броня», я «Хасан», доложите обстановку! — по рации на Хвостова вышел командир батальона майор Дужников.

Миша раскрыл свой командирский планшет и глянул на карту — колонна как раз подходила к мосту через небольшую реку, что позволяло быстро сориентироваться по пересечению линейных ориентиров.

— «Хасан», обстановка в норме, идём по плану, голова колонны проходит пункт «Лиан-23», — ответил он, назвав закодированный ориентир.

— Принял, — командир батальона отключился, не сказав традиционную фразу «конец связи».

Почти сразу на Хвостова вышел другой абонент.

— «Броня», я «Смоленск», доложите обстановку!

Миша никакого «Смоленска» не знал. Однако, представляя реальное состояние организации связи, он вполне мог допустить, что данный корреспондент мог быть просто не включен в перечень позывных, выданный начальником связи всем командирам рот и взводов.

— Голова колонны проходит «Лиан-23», — ответил Миша, ничем не рискуя.

Если у корреспондента нет закодированной карты, то понять, о каком месте идёт речь, практически невозможно. Если, конечно, тебя не пеленгует радиотехническая разведка противника.

— Слышь, балбес, — отозвалась рация, — я — замкомандующего армии, мой позывной «Смоленск»! Запомни его! Докладывай нормально, человеческими названиями! Я что, должен каждый раз коды сверять?

Голос в рации был требовательный, не допускающий отказа — совсем как у старших офицеров или генералов, прослуживших многие годы в реальной, а не паркетной армии. Голос добавил к своим требованиям пару матерных оборотов, склоняя Хвостова к немедленному докладу «человеческими названиями». Миша снова развернул карту и вчитался в наименования населённых пунктов и рек, которые окружали его местоположение. Он уже собирался доложить по рации название реки, как в эфире снова появился командир батальона:

— «Броня», я «Хасан»! «Смоленск» — это хохлы!

Миша не успел ничего ответить, как в эфире снова появился «Смоленск».

— Мы вас ждём, русня. Готовьтесь умереть. Уже скоро! — если вначале разговора абонент говорил на чистом русском, то сейчас прозвучал чётко различимый западно-украинский акцент.

— Иди к чёрту, укроп... — комбат снова опередил ротного с ответом, после чего обратился к Хвостову: — «Броня», максимальное внимание!

— Принял, «Хасан», — ответил Миша, радуясь тому, что комбат своим вмешательством позволил избежать настоящего позора — как бы потом его, командира первой танковой роты, извели бы офицеры бригады, если бы он по связи доложил хохлам о своей диспозиции. — Конец связи!

— Конец связи, — подтвердил комбат.

Хвостов повернулся к наводчику:

— Хохлы сейчас выходили на меня по связи!

— Чего хотели? — спросил сержант Цыганов.

— Просили доложить обстановку — где находимся, какой прошли рубеж...

— Весело, — вздохнул сержант. — Чую, сейчас вяпаемся... идём ведь без разведки. Что там впереди — кто его знает?

Хвостов изначально почему-то был уверен, что маршрут, по которому шла его рота, прежде был осмотрен разведгруппами, но чем дальше они углублялись в территорию Украины, тем он более склонялся к мысли о том, что разведкой является именно его рота, а не кто-то другой. Полагаться на результаты работы БЛА, конечно, можно, но с воздуха не всегда получается разглядеть хорошо замаскированную засаду.

Постановка задачи была максимально размыта, и например, вопрос о применении оружия так и повис

в воздухе. Такое было чувство, что комбриг, говоря, что «действовать нужно будет по обстановке», и сам не был чётко озадачен со стороны вышестоящего командования, и пределы своих полномочий не понимал также, как и командир первой танковой роты, идущей в авангарде не только бригады, но и всей группировки, по крайней мере, на данном тактическом направлении. Из того, что видел и понимал Хвостов, он мог делать выводы только лишь о рубежах, какие нужно было достичь его роте к указанным срокам. Про остальное Миша решил не думать, считая, что этим должен быть озабочен штаб и командир соединения.

Впереди показался населённый пункт. Миша сверился с картой. Здесь он должен был развернуться в оборону и ждать подхода первого мотострелкового батальона, который, согласно плану, шёл параллельной дорогой.

— Первая рота достигла точки «Лиан-56», — начальник оперативного отделения штаба бригады на расстеленной на столе карте остриём карандаша указал на место нахождения танковой роты.

Павлов склонился, вчитываясь в название населённого пункта, затем циркулем измерил расстояние, пройденное ротой от линии государственной границы, посмотрел на часы, сверился с плановой таблицей.

— Хорошо идёт, — похвалил он командира роты.

Командный пункт бригады располагался в КУНГе КамАЗа, который следовал в хвосте главной колонны мотострелкового соединения, действующего двумя батальонно-тактическими группами. Комбриг, начальник штаба, начальник связи и начальник оперативного

отделения, получая от подчинённых органов информацию, оценивали обстановку, анализировали действия своих сил, пытались прогнозировать действия сил противника, который пока ещё никак не проявил себя. Павлов каждые полчаса докладывал обстановку генералу Лазаренко, штаб которого только готовился перейти границу.

— «Каштан», я «Кавказ», действую согласно плану, передовая группа прошла точку «Лиан-56», приём.

— Принял, «Кавказ»! Сократить дистанцию между машинами!

Комбриг чертыхнулся — генерал не знал, и не мог знать, насколько растянулись колонны бригады, а значит, этот приказ был не чем иным, как дутой демонстрацией глубокой осведомлённости и крепкого, устойчивого управления.

Командующий армией генерал-майор Лазаренко, находящийся в КУНГе мобильного пункта управления, глянул на своего начальника оперативного отдела, и словно оправдываясь, произнёс:

— Их не подбадривать, так они начнут считать, что я ничего не вижу и ничего не знаю! А там глядишь, и до очковтирательства с их стороны дело дойдёт. А нам это надо?

— Нам это не надо, — с готовностью подтвердил полковник и спросил: — Разрешите отдать указания о начале выдвижения? Время, товарищ генерал-майор...

— Обождём ещё, — ответил Лазаренко. — Пусть колонны войдут глубже.

— Есть обождать!

— В штаб группировки доложите, что мы уже выдвинулись... а то начнут вопросы задавать...

— У нас никогда вийськових тут не було.

Парень улыбался, глядя на окруживших его военных. Его только что остановили, когда он на велосипеде ехал вдоль остановившейся на обочине дороги колонны первой мотострелковой роты. Парень имел совершенно непричастный вид, словно иностранные военные были в какой-то иной реальности, не относящейся к его миру. «Война» шла уже почти сутки, но пока не было произведено ни одного выстрела, и пехотинцы, возбуждённые «захватом языка», уточняли у местного жителя обстановку. Тот в ответ только пожимал плечами и разводил руками.

— Где ваши военные? — командир первой мотострелковой роты капитан Андреев ухватил сельчанина за плечо и встряхнул. — Хватит мне тут сказки рассказывать!

Улыбка покинула лицо местного парня.

— А що говорить? Нема тут никого!

— Куда едешь?

— В Поденку. До бабуси.

— Адрес?

— Вулиця Садовая... номер не памятую.

— Откуда едешь?

— С Горшовки.

— Адрес в Горшовке?

— Вулиця Садовая...

В этот момент задержанный впервые проявил испуг, осознав, что одинаковые названия улиц в разных населённых пунктах могут сыграть с ним злую шутку. Ко всему прочему, где-то вдали начала разрастаться артиллерийская канонада, прежде ещё здесь не слышанная.

— Расстрелять, — Андреев повернулся к подчинённым, показывая собеседнику, что разговор закончен.

— Не треба! — растерянно крикнул молодой человек, ещё надеясь на благополучный исход этой встречи.

Двое рослых пехотинцев, подхватив парня под плечи, поволокли его к обочине дороги, где валялся велосипед.

— Не треба! — ещё громче крикнул он и заговорил скороговоркой: — На въизди в Мельниково танкова засидка у куцах! Щойно бачив!

— Стоп! — Иван Андреев мгновенно открыл командирский планшет, достал и развернул карту. Поднёс её к лицу задержанного: — Где?

Тот уверенно ткнул пальцем в окраину населённого пункта.

— Сколько там танков?

— Три.

Получив необходимую информацию, Андреев замешкался — он не знал, что делать с этим человеком, и в какой-то момент решил всё же не брать грех на душу.

— Отберите у него телефон, — выслушав «языка», приказал командир роты. — И леща ему дайте. Пусть идёт на все четыре стороны.

Пехота с удовольствием выполнила приказ, и вскоре парень быстро укатил с глаз долой.

Андреев связался по рации с комбатом.

— «Скиф», «Аркану». Информация от местных: на въезде в «Монголию-23» устроена танковая засада в составе трёх танков. Мои действия?

— «Аркан», будь на связи, — ответил командир батальона. — Жди указаний!

Коля Михайлов глянул карту, прикинул, как долго первая рота будет добираться до Мельниково, затем связался с командиром бригады.

— «Кавказ», я «Скиф», на окраине «Монголии-23», по данным местного населения, расположена танковая засада. Каковы мои действия?

Комбриг измерил циркулем расстояние от точки, в которой по последнему докладу фиксировалась первая рота, до окраины Мельниково, на калькуляторе высчитал время выхода первой роты на данный рубеж и связался с командующим армией.

— «Каштан», я «Кавказ», опрос местных показал наличие танковой засады на окраине «Монголии-23». Головная колонна выйдет на указанный рубеж через час сорок минут. Прошу указаний!

— «Кавказ», изложите свой замысел! — предложил Лазаренко.

— Чтобы принять решение, полагаю необходимым просить проведение воздушной разведки указанного места средствами воздушного наблюдения армейского звена, — заявил полковник Павлов.

Командир бригады попытался зайти издалека, с воздушной разведки армейского уровня, чтобы затем, в случае успеха, обоснованно предложить командующему нанести по засаде дистанционный удар тактической ракетой «Искандер», исключив вовлечение своих разведчиков в прямое столкновение с противником.

— Предлагаю провести разведку своими силами, — ответил генерал. — Могу дополнительно сообщить, что армейская разведка занята на другом направлении.

Павлов заготовил ещё один козырь в попытке переложить задачу на старшего командира.

— Товарищ «Каштан», разрешите доложить! Имеющиеся в бригаде «Элероны» в настоящее время небоеспособны по причине технических отказов. Аппараты

находятся в оперативном ремонте и будут готовы в течение шести часов.

Абоненты играли в самую интересную в мире игру, суть которой сводится к заблаговременному определению виновного, если в результате принятых решений что-то пойдёт не так, и возникнут неприглядные последствия. Административно-командный ресурс заранее давал командующему сто очков вперёд, но чтобы исключить возможные нюансы, нужно было обставить дело таким образом, чтобы решение на какие-то действия принял сам подчинённый.

— Как же вы, товарищ «Кавказ», подготовились к маршу, если у вас в первые сутки уже нет разведки? Через десять минут доложить о принятом решении! — безапелляционно отрезал генерал.

— Есть, товарищ «Каштан»! — отчеканил полковник.

Павлов по связи вышел на командира разведывательного батальона подполковника Чехова.

— «Амур», я «Кавказ»! Необходимо в течение полусачаса установить характер танковой засады в районе «Монголия-23». В течение пяти минут доложите ваше решение.

— Товарищ «Кавказ», — сразу отозвался Чехов. — У меня птички в отказе. Что прикажете делать?

— Я приказал через пять минут доложить мне решение на проведение разведки, — Павлов повысил голос.

— Товарищ «Кавказ», — ровно через пять минут «Амур» снова вышел на связь. — Согласно расчётам, разведгруппа на «Тиграх» сможет достичь района проведения разведки через час, если прикажете отменить плановую работу разведки в районе «Шостка-12» и «Шостка-15» и перенацелить разведывательную группу номер триста двадцать на район «Монголия-23».

— Какие ещё есть варианты? — спросил командир бригады.

— В других вариантах другие разведывательные группы смогут прибыть в район разведки через два и более часов.

— Принял, — ответил Павлов и связался с командующим: — Товарищ «Каштан», докладываю решение на проведение разведки! Предлагаю в качестве разведывательного органа использовать передовое подразделение «Скифа», которое сможет достигнуть района разведки в течение одного часа сорока минут. В случае подтверждения полученной информации, прошу артиллерийской поддержки дальнобойными орудиями армейской артиллерийской бригады.

— Предлагаю решить задачу по поражению бронетехники противника с помощью противотанковых ракет передового подразделения, — сказал генерал, зная, что артиллерийская бригада только пару часов назад покинула район сосредоточения и находилась на марше — чтобы она начала огневую работу, требовалось некоторое время, но самое главное — это непредвиденное событие ломало график движения колонн, и без того трещащий по швам.

— Есть решить задачу с помощью противотанковых ракет передового подразделения! — ответил Павлов, формулируя свой ответ таким образом, чтобы впоследствии его можно было расценивать как ответ на приказ старшего начальника.

— Доложите ваше окончательное решение, — предложил генерал.

Во всей этой диалектической конструкции успех уклонения от ответственности обеспечивался либо полным отсутствием приказа со стороны старшего начальника, либо его безграничной размытостью.

— Предлагаю произвести разведку точки «Монголия-23» силами передового подразделения, в случае обнаружения бронетехники противника, уничтожить её с помощью противотанковых ракет.

— Пробуйте, — ответил генерал. — Жду доклада о результатах разведки. Конец связи.

Командир бригады связался с Михайловым.

— «Скиф», я «Кавказ». Полагаю, что твой «Аркан» сможет осуществить разведку самостоятельно. Сформулируй и доведи до него приказ. Конец связи.

Командир батальона связался с Андреевым.

— «Аркан», действуешь самостоятельно. Результаты разведки доложить к одиннадцати тридцати. Как понял, приём?

Андреев, успевший задремать в ожидании ответа командира батальона, подумал, что спросонья что-то упустил.

— «Скиф», разрешите уточнить порядок действий?

— Едешь сам. Сам всех жжёшь, — комбат повысил голос, осуждая недогадливость командира роты. — Чего ещё тебе не понятно?

— Принял, — ответил Иван. — Конец связи.

Колонна первой мотострелковой роты возобновила движение. Боевые машины пехоты, газуя сизым дымом, трогались с места и начинали растягиваться по дороге. Через пару километров был поворот к Ильичевке, где была запланирована встреча с танковой ротой Миши Хвостова, и это обстоятельство вселяло хотя бы какой-то оптимизм и уверенность, что randevу с украинской засадой пройдёт в пользу российских военных.

Приданная мотострелковой роте снайперская пара находилась на одной из БМП-2 и безучастно взидала на происходящее. Оба сержанта, что Петр Горячев, что Рустам Галеев из стрелковой роты снайперов, тихонько возмущались организацией текущих событий, вспоминая то, как всё четко было организовано в Сирии, где они успели получить некоторый боевой опыт.

— Мы куда-то несёмся невесть куда, — сказал Рустам, — а чёрт его знает, что там, за поворотом... хотя бы дозор вперёд выслали.

— Ну да, — кивнул Петр. — Всё через любимое русское место... не удивлюсь, если мы сейчас отхватим от укропа.

В данной ситуации лично от них ничего не зависело, и поэтому кроме привычного солдатского осуждения своих вышестоящих командиров, не удосужившихся, по их мнению, организовать движение колонны как того требовал боевой устав, делать им было больше нечего. У каждого из них было по винтовке СВДС и автомату, в разгрузках, поясах и рюкзаках было по два боекомплекта патронов, они были укомплектованы тактической медициной и «баофенгами», настроенными на частоту радиосети первого батальона. Одна рация была включена, и сержанты время от времени могли слышать переговоры корреспондентов, в основном открыто обсуждающих наблюдаемую обстановку.

На БМП-2 запрыгнул командир первого взвода лейтенант Григорий Свиридов. Свесив ноги в люк, он повернулся к снайперам, которые были старше его на десяток лет:

— Впереди танковая засада. Нам поставлена задача разведать и уничтожить.

— Стало быть, мы и есть разведчики, — Рустам глянул на Петю. — Один большой разведывательный дозор в составе целой роты.

— Хорошо же, — с сарказмом улыбнулся Петр. — Хорошо и весело.

Когда голова колонны первой роты стала втягиваться в Ильичевку, танкисты, как оказалось, только вошли в неё и ещё сами не сориентировались в обстановке. Танковая рота всей своей колонной стояла на обочине дороги, заглушив моторы. Танкисты частью сидели в танках, частью разбрелись по селу в поисках магазинов, где можно было пожить вкусняшками. Миша Хвостов обнял Андреева.

— Ты как? — спросил танкист.

— Идём потихоньку, — ответил Иван. — Поставлена задача разведать окраину Мельниково, где местные видели танковую засаду.

— А нас озадачили ещё круче, — ответил Миша. — Приказано переправиться через реку Шумная, и взять под контроль село Шумное.

— То есть, — уточнил Иван. — Вам, танкистам, приказано взять село, а нам, пехоте, вломить танковую засаду?

— Получается, что так, — Миша пожал плечами.

— Не находишь ничего удивительного?

— Нисколько, — улыбнулся Миша. — Мы же не в армии Лаоса какого-то служим. Мы удивляться отучены.

— Может, стоит доложить «Кавказу», что было бы лучше поменять нам задачи? — спросил Иван.

— То есть, ты меня под танки решил кинуть? — рассмеялся Хвостов. — Нормальный друг, добрый.

— Да я серьёзно, — Андреев развёл руками. — Наверняка там, в штабах такая суета, что они тупо перепутали задачи. Или позывные.

— Не исключено, — согласился Хвостов. — Только давай ты сам на комбрига выходи. Я что-то очкую лишний раз ему на глаза попадаться.

Андреев связался с комбатом, доложил ему о встрече с танковой ротой танкового батальона и спросил, нет ли ошибки в поставленной задаче. Михайлов уверил его, что никакой ошибки нет, и уже хотел было выйти на командира бригады с уточнениями, как счёл более разумным делегировать эту «почётную миссию» своему коллеге из танкового батальона.

— «Хасан», тебе что, поставили задачу Шумное взять танковой ротой?

— Тебе весело, да? — злость переполняла голос Дужникова.

— Весело от того, что моей первой роте поставлена задача снести танковую засаду из трёх танков на окраине Мельниково. Тебе-то эту задачу выполнить — раз плюнуть, а вот село танковой ротой брать — такого я ещё не видел.

Не вдаваясь в длинные переговоры, Михайлов отключился. «Заряженный» Дужников тут же вышел по связи на комбрига.

— «Кавказ», разрешите уточнить задачу моей первой роты и задачу первой роты «Скифа»!

Одного этого вопроса командиру бригады хватило, чтобы понять допущенную ошибку — по какой-то неизвестной ему причине, он перепутал в голове позывные своих комбатов, и в предыдущих переговорах был уверен, что «Скиф» — это танковый батальон, а «Хасан» — мотострелковый. Признавать это сейчас — значит перед лицом подчинённых подрывать свой командирский авторитет, оставлять ситуацию без изменений — значит гарантировать себе проблемы уже в самое ближайшее время.

— Смотри, «Хасан», точка «Монголия-23» — предположительно, танковая засада. Возможно, три танка. Твоя задача — идёшь туда, смотришь, докладываешь, что видишь и уничтожаешь обнаруженные танки, — словно ничего прежде и не было, сказал Павлов.

— То есть, — уточнил Дужников, — открываю огонь на поражение по факту их обнаружения, не дожидаясь, пока они меня начнут обстреливать? Я правильно всё понял? Вопрос!

— Да, всё так, — ответил командир бригады и тут же вышел на Михайлова: — «Скиф», новая задача. Пункт «Темза-4» — силами первой роты переправиться через реку, досмотреть населённый пункт, закрепиться, ожидать подхода основных сил бригады. Быть в готовности оказать помощь силам бригады в форсировании реки. Начало форсирования — не позднее двенадцати часов. Как понял?

Михайлов повторил сказанное, и командир бригады отключился.

Решительно отринув сомнения, командир бригады посчитал, что будет излишне уведомлять генерала о перенацеливании подразделений вследствие исправления «ранее допущенного досадного недоразумения». Ибо, «от перемены мест слагаемых, сумма не меняется».

ГЛАВА 2

— А нас снова озадачили, — усмехнулся Андреев. — Приказано форсировать Шумную и закрепиться в селе. Потом, как я понял, на тот берег реки переходит вся бригада, а дальше мы идём на Киев. Мне одному кажется, что это была твоя задача?

— Уже нет, — усмехнулся Хвостов. — Мне только что поставили твою задачу — снести танковую засаду в Мельниково. Сроки настолько жёсткие, что я могу успеть выпастись.

— А меня гонят, как на убой, — рассмеялся Андреев.

— Смотри, что мне выдали, — Миша достал из-за пазухи многократно сложенную карту, развернул. — Киев и прилегающие районы. Здесь даже указан маршрут движения по городу, и вот ещё это...

Иван рассмотрел несколько отметок на улицах города.

— Что это?

— Это банкоматы, — хмыкнул Хвостов, — которые нам категорически запретили грабить.

— Интересно, — Андреев внимательнее глянул на карту. — Эти нельзя, а что, остальные грабить можно?

— Выходит, что можно, — кивнул Миша. — Не запрещено же.

— Не нравится мне всё это, — заключил Иван.

— Думаешь, мне нравится? — Миша махнул рукой вдоль колонны: — Идём как слепые котят, без разведки, без охранения. Мне запретили силы распылять, я не могу даже дозор выслать. Дали хотя бы «Тигр» или на худой конец «Патриот», чтобы впереди ехал и обстановку изучал. Но нет. А хохлы нас пасут плотно. Коптеры видел?

— Нет, — Иван мотнул головой.

— Не видел, а они есть, — съязвил Миша. — Надо мной летали, раз шесть уже. Да ещё камеры на придорожных столбах стоят. Вот я уверен, их бить надо, чтобы враг не мог нас видеть.

— Так бей, — Иван пожал плечами. — В чём проблема?

— Мне запретили, — Миша развёл руками. — Комбриг приказал не портить дорожное оборудование.

— Ну, а кому охота ответственность нести? — Иван резюмировал самое очевидное военное утверждение.

— Слушай, а снайпера у тебя? — спросил Хвостов. — Или во второй роте? На совещании говорили, что дадут снайперов в какую-то роту...

— У меня, — кивнул Иван. — Двое.

— А зови их, давай снесём камеры со столбов.

Вскоре Хвостов, Андреев и два снайпера двинулись в голову колонны, где стоял танк с минным тралом. Здесь командир первого танкового взвода с парой спешенных танкистов изображал охранение.

— Как обстановка? — походя, спросил Миша.

— Без изменений, — доложил командир взвода.

Хвостов махнул рукой вдоль дороги и обратился к снайперу:

— Товарищ сержант, смотрите на столбы — видите на них камеры уличного наблюдения?

— Вижу, — подтвердил Горячев. — Работаем?

— Бейте их все, — приказал Андреев.

Снайпера переглянулись — это уже начинало напоминать хоть какую-то боевую работу — с чётко поставленной задачей.

— Добро, — кивнул Петр.

До ближайшей камеры было метров сто, и она разлетелась после первого выстрела. Следующая висела на

столбе метрах в трёхстах, и на неё пришлось потратить два патрона, пока и она не разлетелась в клочья.

Из соседних домов стали выглядывать жители, некоторые порицали снайперов за громкую стрельбу. Глядя на них, Петр подумал, что население, ещё не осознающее опасность своих поступков, пытается как-то противодействовать военным, но затем, спустя всего несколько дней, будет бежать прочь, узнав, простую истину.

Истина эта звучала так: «там, где начинаются законы войны — заканчиваются законы мирного времени».

Глядя на обрывистые и заросшие берега, на холодный поток воды, командир роты понял, что переправляться придётся в пешем порядке. Глубина реки в назначенном для переправы районе не превышала полутора метров. Это летом, на отдыхе, река обычно доставляет человеку удовольствие, но зимой, да ещё в боевом снаряжении, это удовольствие превращается в ужасную пытку.

Не представляя, каким образом придётся сушить одежду на том берегу, многие бойцы стали полностью раздеваться. Вода обжигала холодом, но люди, подняв над головой одежду, снаряжение, оружие и средства защиты, стали переходить реку — по несколько раз, чтобы перенести на другой берег все свои вещи. Пока шла переправа, противник себя никак не проявлял, лишь однажды Андрееву доложили, что был слышен звук пролетающего коптера, но увидеть его не удалось.

Одеваясь, Петр посмотрел на своего напарника:

— Если сейчас начнётся заруба, как мы будем переправлять раненых обратно?

— Обратно раненые сами пойдут... — отшутился Галеев.

Не переправленные на другой берег боевые машины пехоты были выстроены на опушке небольшого леса. На них остались механики-водители и наводчики-операторы, с которыми оставался один из взводных.

Когда переправившаяся часть роты была готова к дальнейшим действиям, Андреев поставил командирам взводов задачи, распределив направления действий. Снайпера остались в первом взводе лейтенанта Свиридова, бойцы которого смогли перетащить через реку один АГС и шесть коробок гранат. Во взводе в основном была молодёжь, вчерашние срочники, и парни постоянно подтрунивали друг над другом, хохотали по каждому неловкому действию своих же боевых товарищей и всем своим видом показывали полную неготовность серьёзно воспринимать ситуацию.

Впрочем, Григорий Свиридов, их командир, едва ли сам серьёзно принимал происходящее, очевидно не веря в то, что такая спокойная и мирная обстановка может в любой момент кардинально измениться.

Выходило, что снайпера были самыми старшими и опытными во взводе бойцами, но их попытки одёрнуть личный состав, встречали агрессивное недопонимание.

Вдруг выяснилось, что никто не знает, как вести разведку улиц посёлка: внешний осмотр строений это, конечно, правильно, но как досматривать дома, если некоторые жители не открывали двери, а другие дома вообще стояли закрытые без признаков присутствия в них людей. Выламывать двери и врываться вовнутрь никому в голову не приходило, но когда Горячев сообщил об этом лейтенанту, Григорий выпучил глаза:

— А что, так можно?

— Нужно, — утвердительно кивнул сержант. — Может, они здесь в домах целый батальон прячут. Откроют по команде внезапный огонь, и перебьют нас как котят...

— Ну, я не знаю... — в глазах Свиридова играла нерешительность, основанная на боязни ответственности за уничтоженное гражданское имущество — о чём было неоднократно доведено каждому офицеру.

Передовая группа первого взвода остановилась на перекрёстке, бойцы курили и рассказывали друг другу анекдоты.

— В кучу не сбиваемся, — крикнул Петр, стараясь перекричать громкий хохот.

На него повернулись два-три бойца, но никто на окрик никак не отреагировал.

Метрах в двадцати далее по улице, слева располагался каменный двухэтажный дом, напротив него, справа, был дом одноэтажный. Мелькнула мысль, что было бы хорошо подняться на второй этаж и оттуда осмотреться. Петр обернулся назад, ища глазами лейтенанта Свиридова, и в этот момент услышал нарастающий свист падающей мины.

— На землю! — успел он крикнуть, падая в грязь и наблюдая боковым зрением, как рядом растягивается Галеев. — Ложись!

Спустя пару секунд впереди полыхнуло — группа бойцов, травящих анекдоты, была разбросана в разные стороны — взрыв произошёл буквально в центре скопившихся на перекур пехотинцев.

В секунду оценив обстановку, Петр вдруг понял, что вопрос «все целы?» задавать было бессмысленно. Он подскочил на ноги и бросился к месту взрыва. Мина разметала людей по сторонам, посекала осколками. Три-четыре человека лежали замертво, остальные пытались подняться — привстать на колени, на ноги. Петр опустился перед ближайшим, быстро осмотрел его — у парня осколком была рассечена сонная артерия, и поток алой крови

хлестал в сторону, словно хорошо открытый кран с горячей водой. Если бы у него был поднят противоосколочный воротник бронежилета, ничего бы этого сейчас не было.

В какой-то момент Горячев перехватил взгляд мальчишки — непонимающего, что произошло — и сейчас, может быть, для него это было и лучше. Он словно спрашивал, что случилось, откуда такой кровавый фонтан.

«Этот всё», — мелькнула мысль. «Оставь этого, иди смотреть другого».

Петр поднялся, но парень ухватил его за руку:

— Товарищ сержант... — прохрипел он.

Горячев резко вырвал руку и отступил назад, ему стоило больших сил оторвать взгляд и шагнуть к следующему раненому, слыша за спиной вой человека, которому помочь было уже невозможно.

У второго несколько осколков посекали ноги и руки. Парень судорожно закрывал ладонями пятна крови, расплывающиеся на ногах выше колен.

— Жгут твой где? — спросил Петр.

— Нету... — выл мальчишка. — В «бэхе» оставил. Я же не знал, что так будет...

Сержант выругался на него матом, доставая свой турникет.

— Ногу вытяни, — попросил он.

Накинув петлю турникета, и подтянув его к самому паху — так как установить точное место ранения было сейчас невозможно, и нужно было перекрывать весь поток — стал быстро закручивать вороток. Раненый взвыл от боли.

— Кто есть, все сюда, — раздался над ухом громкий голос Галеева. — Раненых заносим в дом! Скорее!

В воздухе снова раздался свист мины.

— Мина! — крикнул Петр, — все на землю!

На этот раз мина разорвалась метрах в пятидесяти, за двумя заборами. Подбежал Свиридов, который только сейчас нашёл в себе силы подняться с земли ещё с первого взрыва.

— Лейтенант, — Петр сверкнул глазами, — командуй! Пусть всех раненых несут в дом! В подвал! Нас сейчас начнут крыть очень плотно!

От вида разорванных тел, минуту назад бывших его подчинёнными, командир взвода несколько мгновений пребывал в ступоре, но потом нашёл в себе силы вернуть самообладание. Подбежали ещё два бойца. Под руководством лейтенанта они подхватили одного из раненых и понесли к одноэтажному дому.

Петр достал перевязочный пакет, разорвал оболочку, стал наматывать его на вторую ногу раненого пехотинца, предполагая, что именно здесь находится ранение, красящее кровью штанину бойца. В это время Рустам и лейтенант Свиридов подняли и потащили к дому следующего.

— Поднимайся, — приказал Петр раненому, ухватив его за снаряжение.

Боец с трудом привстал, но оказалось, что стоять он может только с опорой на одну ногу — очевидно, что на другой была перебита кость. Горячев подставил плечо, и они поскакали к воротам двора дома, куда начали стаскивать раненых. В этот момент прилетела третья мина, она разорвалась метрах в тридцати, и пока Петр поднимался снова на ноги, прилетела четвёртая — которая разорвалась буквально в десятке метров за деревянным сараем. У сарая взрывом сорвало крышу, и она перелетела в соседний двор.

— Давай сюда, — лейтенант махал из открытого гаража, пристроенного к дому на одном уровне. — Здесь подвал есть!

Усадив раненого к стене, Петр выпрямился:

— Там ещё трое или четверо...

Это было приглашение выйти из укрытия, чтобы забрать оставшихся на улице боевых товарищей. Здесь, в подвале, уже было трое раненых и ещё человек шесть, прибежавших сюда спрятаться от обстрела.

— Там никому уже не поможешь, — ища оправдание своим страхам, сказал один из бойцов.

— Ты их лично проверил? — спросил Петр.

— Я не должен их проверять, — ответил боец. — Я не медик. Я гранатомётчик.

— Если ты гранатомётчик, — Петр хмуро посмотрел собеседнику в глаза, — тогда иди и стреляй из гранатомёта, чего ты тут сидишь?

Хоть это был и риторический вопрос, боец поспешил отвести взгляд в сторону.

Петр с Рустамом выскочили из подвала и бросились к месту взрыва первой мины. Признаки жизни подавали ещё двое. Вначале снайпера отволокли в подвал одного, затем другого. У этих бойцов также не оказалось при себе аптечек первой помощи.

— Ты — «не медик»? — Петр вернулся к разговору.

— Да, — дерзко ответил гранатомётчик.

Ухватив бойца за шкирку, Петр поднял его на ноги и что было сил, залепил по шее леща:

— Бегом в дом, найти медикаменты и перевязочные материалы!

Боец выскочил из подвала в гараж, где автоматной очередью вынес замок, выбил ногой дверь и вошёл в жилую часть дома.

— По ходу с коптеров нас срисовали, — сказал лейтенант, обращаясь к Горячеву. — Первой же миной накрыли.

— Потому что на перекрёстке ваши солдатики стояли, — пояснил сержант. — Пересечение линейных ориентиров — что может быть лучше для артиллерии? Если по реперу пристрелялись, то и по нам сразу на поражение перейти — труда не составило. Интересно, в батальон сообщили об обстреле, и что у нас раненые есть?

— Не знаю, — «обрадовал» Свиридов. — Андреев же командует.

— А где он?

— Не знаю.

— А с ним есть связь?

Только сейчас Петр понял, что не слышит звуков эфира, и пройдя рукой по груди, обнаружил пропажу своей радиостанции.

— Станцию прощёлкал... — констатировал он. — Ру-стам, включая свою...

Галеев включил «баофенг» — тот сразу разразился криками, командами и матами. Судя по услышанному, в батальоне о ситуации уже знали, но кроме как «действовать по обстановке», ничего иного предложить пока не могли. Страшно было предположить, что рота могла оказаться отрезанной от остальных сил батальона и бригады.

Обстрел прекратился минут через десять, после того, как в селе разорвалось до полусотни мин. Свою рацию Петр нашёл там, где его застал первый взрыв — она лежала в грязи, в которой сержант искал спасения от обстрела.

К дому прибежал Андреев. Он быстро осмотрел место взрыва.

— Свиридов, занимайте оборону по линии этого и того дома, — капитан рукой указал направление. — Ожидаем атаку с той стороны, возможны новые обстрелы.

— Есть, — кивнул Григорий.

Командир роты повернулся к Горячеву:

— Сержант... — начал было он, но Петр опередил его.

— Занимаем второй этаж, хорошая позиция... — он указал рукой на противоположный дом.

Андреев быстро глянул на строение.

— Добро! Действуйте! Будьте на связи, возможно, я вам найду более подходящее место.

Стеклянная дверь заднего двора двухэтажного дома резко контрастировала с мощной бронированной дверью «парадного» входа. Дом оказался пустым, видимо, жители уехали отсюда, как только стало известно о приближении российских войск. Поднявшись на второй этаж, Петр оценил перспективы — отсюда можно было видеть крыши практически всего села, в паре мест открывался вид на пустыри и перекрёстки. К окну, выходящему на восток, подтащили стол и кресло. На стол, подложив вдвое сложенный матрас, установили на сошки одну винтовку — получилась нормальная огневая позиция. Чтобы не «привлекать внимание», окно открывать не стали, а просто выбили стекло в нижней части рамы — после миномётного обстрела у многих домов были выбиты стёкла, а значит, теперь оно ничем не отличалось от других.

Буквально через десять минут Рустам заметил движение — метрах в пятистах он увидел группу военных, короткими перебежками сокращавшими дистанцию.

— Идут, — сказал он. — Пригласи сюда лейтенанта...

Петр сбежал вниз по лестнице, выскочил во двор и перебежал улицу к дому, где были сосредоточены раненые. Свиридов был в гараже.

— Товарищ лейтенант, есть движение. Пойдёмте, глянете. Не стал по рации говорить, чтобы не палить в эфир обстановку...

Сержант с лейтенантом забежали на второй этаж. Галеев уже изготовился к стрельбе, но не решался начать, ожидая команду.

— Где они?

— Видите дом с синей крышей?

— Наблюдаю, — ответил Свиридов.

— Вправо ладонь, там просвет по улице... вот там было движение, — указал Рустам.

В этот момент там снова появились люди.

— Ага, вижу, — кивнул Свиридов. — Метров пятьсот, чуть дальше. Сейчас накидаем туда...

Он направился вниз.

— А нам что делать? — спросил Рустам вослед. — Корректировать?

— Сами стреляйте! — отозвался лейтенант, спускаясь по лестнице. — Как наши гранаты начнут прилетать, и вы открывайте огонь на поражение!

Через какое-то время Петр увидел, как подчинённые Свиридова затаскивают АГС на крышу курятника — дальность была слишком мала, чтобы можно было накидать гранат навесным огнём, а для стрельбы по настильной траектории на врага не было прямой видимости. Решить вопрос Свиридов вознамерился стрельбой с курятника, откуда была видна синяя крыша ориентира. Однако, как только бойцы установили АГС, как тут же их самих накрыло точно такими же гранатами. Один из бойцов скатился по крыше и упал на землю, остальные, бросив гранатомёт, спрятались в доме.

— Я его вижу, — сказал Петр, рассмотрев в прицел расчёт вражеского автоматического гранатомёта.

В высоком темпе снайпера сделали по несколько выстрелов, с удовлетворением отметив уничтожение вражеского расчёта. Петр бросился вниз, вбежал в соседний дом:

— Товарищ лейтенант, мы расчёт «агээса» положили, стреляйте по пехоте скорее!

— К бою! — лейтенант первым выбежал из дома и стал забираться на курятник.

Горячев вернулся на второй этаж.

— Я ещё двоих положил, — радостно сообщил Рустам. — Прямо возле АГС. Их там теперь целая куча лежит — полюбуюсь!

В словах снайпера сквозила гордость за свою работу. Петр сделал шаг к окну, но в этот момент в ушах раздался щелчок, выключающий звук. В глазах мелькнула яркая вспышка, в лицо ударило жаркое пламя.словно в замедленном кино Петр увидел, как его тело отрывается от пола и летит вдоль комнаты, а само помещение заволакивает дым.

Вдруг время потекло как обычно — он завалился в угол комнаты, увидев, как рядом упала винтовка. В голове мелькнуло «всё...». Закрыв глаза — в голове звенело, и нарастала боль. Открыл глаза — комната была вся в дыму, и ему было видно только винтовку, которая лежала рядом с ним.

Петр протянул руку, чтобы взять СВДС, но почему-то ему не удалось ухватить привычное на ощупь цевьё. Попробовал ещё раз, и снова винтовка оставалась лежать.

«Да что же это...»

Он посмотрел на свою правую руку.

«Так, Петя, спокойно... где турникет?», — осознание уже пришло, нужно было сохранять волю и не поддаваться эмоциям.

Сержант повернулся на спину и левой рукой пошарил привычное место крепления турникета — его там не было.

«Я же затанул им рану у раненого солдата...», — вспомнил он. «Мне нужен жгут».

Жгут лежал в одном из подсумков на поясе справа, и чтобы достать его левой рукой, пришлось изогнуться. Ухватив конец жгута зубами, Петр наверху на правое плечо первый тур — желательно, чтобы он был максимально сильным. Обильное кровотечение остановилось.

«Хорошо...» — подумал он и только после этого, преодолевая страх, он осмотрел ранение — всё, что было ниже локтевого сустава, уже трудно было назвать рукой.

— Рустам, — позвал Горячев.

В ответ ему была тишина. В рассеивающемся дыму он увидел разбросанные по всей комнате какие-то кровавые куски, часть которых была прикрыта штатным цифровым камуфляжем ЕМР.

— Рустам, — тише сказал Петр, внезапно осознав, что кровавые куски — это и есть Рустам, вернее то, что от него осталось.

Сержант встал на колени, достал из подсумка «второго эшелона» перевязочный пакет, зубами вскрыл упаковку. Как закрывать рану он не знал — она была слишком обширна — и поэтому стал мотать бинт прямо на рукав. Хотя бы для того, чтобы что-то делать. Когда бинт закончился, Петр с трудом достал из аптечки промедол. Управиться со шприц-тюбиком оказалось не просто: в ход снова пошли зубы, чтобы повернуть канюлю и подготовить шприц к работе. Наметив точку на левом бедре, Петр вогнал шприц-тюбик на всю длину иглы и выдавил содержимое.

К этому времени боль была уже невыносимая, каждое движение только усугубляло положение — и от боли, и от осознания произошедшего, хотелось выть. Ясно вырисовывалась трагическая безнадёжность сложившейся ситуации.

«Как я теперь буду через реку переправляться?», — мелькнуло в голове.

Он посмотрел на останки Галеева. Способ пересечения реки напарнику был уже безразличен.

На улице шёл стрелковый бой. Время от времени стрелял АГС, что говорило о сохранении хотя бы какого-то управления, так как это было групповое оружие, и чтобы его использовать, необходимы были усилия нескольких человек, а значит, их координация.

«Молодец лейтенант, держит себя в руках», — мелькнула мысль.

Минут через двадцать на второй этаж поднялся один из бойцов.

— Товарищ сержант, там лейтенант Свиридов ранен, просит, чтобы кто-нибудь из вас принял командование взводом, — с порога заявил солдат.

— Некому, — ответил Петр. — Я ранен, мне руку оторвало, а Рустам... вон он, лежит по всей комнате.

— Понял, — сказал боец, и окинув безразличным взглядом помещение, убежал вниз.

— Стой, — Петр крикнул вослед, но тщетно — боец пропал.

Действие промедола немного облегчило страдания. Закинув за спину автомат, подхватив винтовку в левую руку, Петр спустился вниз. Перестрелка шла вдоль улицы, но стрельба, похоже, стала затихать — та сторона, натолкнувшись на сопротивление, начала отходить. Выждав момент, Горячев перешёл улицу и спустился в подвал. Здесь сидел раненый Свиридов, которому осколок рассёк лоб, не пробив череп. Осколок выпал, а кровь так заливала лейтенанту глаза, что тот поспешил распрощаться с жизнью, от чего и принял решение передать командование взводом хотя бы кому-то, кто мог сохранить рассудок в сложной боевой ситуации.

— Галеева на части разорвало, — сообщил сержант. — Мне руку разбило, правую...

— У нас ещё двое двухсотых, шесть трёхсотых, человек шесть куда-то пропали, — в ответ сказал лейтенант и честно признался: — Я не знаю, что теперь делать...

— Закрепляться, — ответил сержант. — Пропавших ищите, скорее всего, они напуганы и прячутся где-то неподалёку. Так бывает.

— Некем закрепляться, — Григорий пожал плечами. — Три человека в строю осталось.

— Тремя закрепляться, — посоветовал Петр. — В этом доме, в соседнем — где мы с Галеевым сидели. Легкораненых в строй. Эвакуации всё равно в ближайшее время не будет...

Свиридов уже понял, что осколок его не убил, и придя в себя, начал восстанавливать управление. В течение получаса в разных «норах» смогли найти троих бойцов — испуганных, но живых. Попав под уверенное командование, преодолевая свои страхи, они включались в боевую работу, возвращая взводу боеспособность.

Незаметно стало темнеть — день прошёл очень быстро. Сил, физических и моральных, не было даже на то, чтобы выставить дозоры. У всех, после пережитого, наступила апатия и физическое истощение.

— Нам должны прислать подкрепление, — заявил Свиридов.

Они вдвоём с Горячевым сидели в углу холодного гаража. Было понимание, что вот здесь и сейчас никто не придёт им на помощь, никто не окажет поддержки. Просто очень хотелось в это верить, потому что верить они уже не могли ни во что. Всё получилось как-то неправильно, как-то наперекосья. Вопреки всей мыслимой военной науке, выполняя приказ, они переправились через реку,

отрезав себе отступление. Они оторвались от собственной брони, которая осталась на том берегу, у них не было поддержки артиллерии. Всё было, словно, на «авось». Но не пронесло.

Они вступили в бой с неизвестными силами противника — никто не знал, какие враг осуществляет манёвры, какой может иметь замысел. Да чего так далеко заходить... Свиридов даже не знал, что делается за пределами этого холодного гаража. Они оставались здесь только потому, что не знали, куда им отходить, опасаясь, что части ВСУ уже перерезали отход к реке и выставили засады.

— Не будет подкрепления, — сказал Петр. — Мы не продвинулись вперёд, успеха на нашем направлении нет, и поэтому наращивать усилия здесь никто не будет. Скорее всего, утром прикажут отойти.

— Отойти куда? — безысходность наполнила слова лейтенанта. — К броду? Ты видел, у них коптеры... они контролируют каждый наш шаг. А мы — как слепые котята. А ещё вчера мы обсуждали, как будем входить в Киев, и какие банкоматы категорически грабить нельзя, а про какие указаний не было! Никогда не думал, что буду умирать под стенами самого русского города...

— Всё по-глупому... — согласился Петр. — Аж зло берёт. Не организовано ничего... и людей сколько уже погибло...

В этот момент заговорила рация у Свиридова — на связи был комбат. Лейтенант вышел из помещения, чтобы улучшить качество связи. Через несколько минут он вернулся:

— Михайлов приказал к пяти часам утра подготовить раненых к эвакуации. На реке наведут понтонную переправу, к нам зайдут боевые машины...

— Отлично, — Петр поднялся. — Пойду — прилягу. До утра, я так понимаю, я никому уже не нужен. Всем спокойной ночи.

Одной рукой забрав из дома матрас, он спустился в подвал, наполненный людьми, пристроился в углу. Его бил озноб от холода, от потери крови, но сильнее всего проявлялась усталость последних дней. Несколько раз он проваливался в короткий сон, и ему или снилось, или просто казалось, как утром его несут на носилках, как кладут в УАЗ-буханку, как они переезжают по наведённой переправе, по обузданной понтонами реке, как потом едут-едут... и вот уже белые госпитальные простыни... какой-то медицинский профессор спасает ему руку, и вот рука уже как новенькая — осталось только зажить швам... а вот и медсестра нависает над ним с неприлично расстёгнутым халатом...

Снаружи то и дело раздавались взрывы, иногда ночь перерезали автоматные очереди, к утру всё затихло.

— Петя, поднимайся, — его толкнули в плечо — в плечо раненой руки.

Горячев взвыл от боли — промедол уже давно прекратил своё действие. Кровь сочилась из-под повязки, которую Петр в течение ночи пару раз перематывал, отпуская на время жгут.

— Что, эвакуация пришла? — спросил он.

— Да, — ответили ему.

Он поднялся в гараж, вышел на улицу. Здесь его ждали два легкораненых бойца.

— Товарищ сержант, по рации сообщили, что мы можем выходить к переправе. Идёмте, пока не рассветло.

— Как идёмте? — удивился Петр. — А где «буханка»?

— Какая «буханка»? — спросил боец.

Горячев со всей очевидностью осознал, что никакого понтона никто не навёл, и навести не мог — за последнюю неделю он в глаза не видел никакой инженерной техники, и уж тем более, переправа не могла появиться из ниоткуда, не могла сама навестись через реку.

— Надо же, столько лет в армии, а сам в сказку и поверил... — сказал Петр. — Идём...

Этой же просёлочной дорогой вчера утром рота заходила в деревню. На пути к реке парни несколько раз останавливались и отдыхали. Особенно тяжело было идти сержанту, который потерял много крови, и фактически держался сейчас только на волевых. Бойцы пытались ему помогать, но Петр отмахивался, считая, что их помощь может пригодиться только тогда, когда силы оставят его окончательно. Бронежилет он бросил где-то в самом начале пути, недалеко от дома, в котором выдалось провести ночь.

— Я дойду, — сказал он несколько раз. — Сам дойду! Я смогу!

У переправы никого не было. Они сели на берегу под деревьями. Помощи не было и хотелось выть от безысходности.

Спустя пару часов, когда пехотинцы окоченели на холоде, с той стороны подкатила «буханка» — точно такая, какая приснилась Горячеву во сне. Было уже светло, и приехавшие люди смогли разглядеть раненых.

Петр, впадая то ли в дрёму, то ли теряя сознание, будто сквозь туман увидел «буханку», в голове вспыхнуло — «помощь пришла!». Он махнул здоровой рукой, растолкал своих соратников.

— Переходите реку! — предложили с той стороны, и поторопили: — Скорее!

— Как? — Петр посмотрел на бойцов, они стояли в полной растерянности.

Этого он точно не ожидал, предполагая, что будет организована хоть какая-то переправа для раненых... а здесь предельно просто: «переходите... скорее!».

С той стороны попытались ускорить действия привычным матом, но Горячев в ответ загнул не менее красиво, добавив военных афоризмов. Прибывшие на эвакуацию немного остыли и стали думать, как переправлять раненых. В итоге один из бойцов разделся и перешёл реку вброд — он принёс страховочный конец, которым обвязали Горячева.

— Давай помогу... — боец подхватил сержанта, когда они входили в воду.

Теряя остатки сил, Петр наваливался на поток воды грудью, переставлял по дну ноги, чувствуя, как тяжелеет мокрый зимний ВКБО. С того берега его тянули на страховочный конец, в какой-то момент времени он не смог удержаться в борьбе со стихией и его понесло потоком холодной воды.

Когда он открыл глаза, увидел над собой яркую лампу. Силы оставили его настолько, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Вокруг слышалась какая-то возня, и скосив глаза, он увидел обстановку, в которой распознал операционную палату.

— Не понимаю, как он выжил, — через мерцающее сознание прорвался мужской голос. — Массивная кровопотеря — более двух литров.

Петр стал концентрировать сознание, пытаясь вслушиваться в то, о чём говорили неизвестные голоса.

— Тридцать часов прошло после ранения, прежде чем он оказался у нас... о каком «золотом часе» мы говорим, коллега? — послышался другой голос.

«Интересно, а сколько прошло времени после моего ранения?» — подумал Петр.

— Надо резать руку... — предложил голос. — Вариантов нет...

Перед глазами появилось движение, и сержант увидел... обычный лобзик с жёлтой ручкой.

«Вот же не повезло кому-то, — подумал он. — Руку сейчас отрежут...».

В поле зрения появились ещё несколько человек, двое навалились на него, крепко прижав к кушетке.

«Что они делают?», — мелькнуло в голове, и только когда появилась острая боль в правом плече, сознание обожгла страшная догадка.

Сержант Горячев потерял сознание.

С наступлением рассвета, когда мгла раскрыла очертания соседних домов, лейтенант Свиридов выглянул из-за ворот на улицу, стараясь рассмотреть то, что происходило впереди. Со стороны противника слышались какие-то звуки, очевидно, шло движение техники, временами доносились обрывки голосов — враг был совсем рядом.

Где-то впереди разворачивалась сила, которая, вне всякого сомнения, превосходила мотострелковую роту, переправившуюся через реку Шумную и закрепившуюся в нескольких домах в центре села Шумное. Григорий Свиридов с ужасом думал, что будет, когда окончательно рассветёт, и не находил никаких положительных для себя исходов.

Совсем недалеко, на перекрёстке, лежали тела пехотинцев, погибших при первом взрыве мины — за все прошедшие сутки живым было не до этих мёртвых.

— «Мамай», я «Аркан», не стреляй, — прошипела рация.

В утренней мгле показался приближающийся силуэт — это был командир роты.

— Как спалось? — Андреев не преминул проявить заботу о личном составе строго в стиле военного юмора.

Однако, Свиридов, не сомкнувший ночью глаз, шуток уже не понимал.

— Товарищ капитан, первый взвод первой роты занимает указанный оборонительный рубеж. Потери: убитыми восемь, эвакуировано трое раненых, все остальные, кроме одного, имеют мелкие ранения. Остаток боеприпасов — ноль-три боекомплекта. Батареи на рациях вот-вот сядут. Со стороны противника идут звуки, похожие на шум приближающихся машин. Похоже, не удержим мы тут никакие рубежи...

Иван хлопнул своего подчинённого по плечу:

— Гриша, не дрейфь, бывало и хуже.

— Да уж, куда ещё хуже? — Свиридов выразительно кивнул в сторону перекрёстка. — Как их вытаскивать, если батальон не придёт?

— Батальон придёт, — уверенно сказал командир роты. — Мы что, сюда зря, что ли заходили? Зря столько людей потеряли? Батальон просто обязан прийти.

Шестым чувством Свиридов понял, что ротный сейчас просто пытается успокоить командира взвода, при том, что никакого батальона здесь не будет.

— Отходить надо, — предложил Григорий. — Пока нас здесь всех не размотали.

Офицеры встретились взглядами. В сию секунду они оба боролись со своими внутренними бесами, лихорадочно взвешивая обстановку, пытаясь найти в ней тот порядок действий, который помог бы и задачу выполнить, и жизнь сохранить. Всё складывалось к тому, что нужно было уходить. И чем быстрее, тем лучше.

Андреев был опытным командиром роты, находящимся в должности уже пять лет, побывавший в различных ситуациях, и сейчас он вполне ясно осознавал отсутствие перспектив в сложившейся обстановке. Не говорил он Свиридову главное — буквально десяток минут назад у него состоялся разговор с командиром бригады, который попытался уличить ротного в трусости и некомпетенции из-за того, что тот попросил артиллерией прикрыть отход подразделения к реке.

— Какой отход? Держать рубежи! Докладывать обо всех изменениях! — Павлов набросился на ротного, как только тот заикнулся о выходе из села и возвращении к боевым машинам.

А несколько часов до этого, глубокой ночью, сам Павлов выходил по связи на командующего армией и просил генерала Лазаренко передать ему из резерва две роты, которыми он, в отсутствии своих сил, мог бы придать устойчивости роте Андреева, понесшей потери. Ему было очевидно, что Андреев, без танков и БМП, не сможет удержать село, но Лазаренко и слушать его не захотел, обвинив в паникёрстве и предательстве.

— Какой отход? Держать рубежи! Докладывать обо всех изменениях!

— Товарищ «Каштан», рота без тяжелого вооружения, — пытался объяснить полковник Павлов. — Они не удержат Шумное!

Генерал-майор Лазаренко, с красными глазами, смотрел на карту, на которой Шумное уже было поднято красным цветом, что означало овладение населённым пунктом частями Российской Армии. Только что он сообщил в округ, что село, благодаря его личным полководческим талантам, было успешно освобождено от «превосходящих сил противника», и отказываться от уже доведённого «наверх» доклада было как минимум неразумно.

«Какой отход? Держать рубежи! Докладывать обо всех изменениях!» — привиделся ему окрик командующего округом.

Но два младших офицера, находящихся сейчас в центре просыпающегося села, дрожа от пронизывающего холода, ничего этого не знали. Сейчас они вслушивались в звуки, доносящиеся со стороны противника, и единственным их желанием было поскорее унести отсюда ноги — чтобы эти ноги не оторвало близким разрывом.

Издали донёсся знакомый хлопок.

— Миномёт, — сказал капитан. — В подвал!

Они кинулись к подвалу, и едва успев под вой падающей мины забежать вовнутрь, спинами ощутили на улице разрыв. В помещении их встретили пехотинцы, столпившиеся у входа. Один из них требовательно сказал:

— Товарищ капитан, мы решили отсюда уходить. Пропустите нас...

С улицы раздался ещё один взрыв. Было понятно, что миномётный обстрел предварял атаку.

— Мы не хотим здесь погибать, — сказал другой.

— Если вам надо, вы и оставайтесь! — предложил третий.

Андреев глянул на лейтенанта, так, чтобы поймать взгляд, заручиться его поддержкой, но тот, словно специально, стоял к нему спиной. Простым и привычным окриком, как он понял, неповиновение решить было нельзя — упавшие духом воины путь к своему спасению могли проложить силой оружия. Нужно было вернуть управляемость.

— Вы, — капитан ткнул пальцем ближайшего к нему солдата. — Как только мы выходим, устанавливаете пулемёт сразу за воротами и будете прикрывать отход. Задача ясна?

— Да, — ответил боец совсем не по-уставному.

— Раненые в доме есть? — спросил Андреев, продолжая возвращать подразделению управляемость. — Лейтенант Свиридов!

— Есть один.

— Организовать эвакуацию! Вы, вы, вы и вы, — Иван указал на бойцов. — Берите плащ-палатку, если нет, то в доме берите одеяло, понесёте раненого!

Бойцы не сдвинулись с места.

— Несём раненого к реке! — Андреев повысил голос, задавая направление «на выход» из села, что сейчас должно было облегчить людям принятие тяжелого решения — что бежать им придётся не налегке, а с боевым товарищем в импровизированных носилках. — Действуем, ну!

— Ты — за одеялом в дом! — Свиридову вернулись командирские нотки, и он включился в процесс.

Люди, почувствовав на себе управление, поняв, что Андреев пытается организовать выход, а не гибельную для всех оборону, задвигались. Всё же отходить с командиром, пусть и значительно тяжелее из-за раненого, было более правильно, чем бежать без приказа.

Когда раненый уже лежал в одеяле, Андреев подмигнул ему:

— Никто тебя здесь не оставит, боец!

Свиридов чётко осознал, что этой фразой командир роты скорее не раненого приободрил, а упрекнул подчинённых в несбывшемся желании бросить своего товарища только потому, что было бы тяжело его нести к переправе.

— Готовы? — спросил Андреев бойцов.

Десяток человек сосредоточенно смотрели на дверь, ведущую на улицу, и нервно прислушивались к громким разрывам.

— Пулемётчик, пошёл, — Андреев толкнул дверь.

Боец с пулемётом ПК выбежал первым, и как договаривались, лёг на дорогу, обратив оружие в сторону врага. Следом выбежали остальные.

— Давай, к переправе, — сказал Андреев Свиридову. — А я пойду, второй и третий взвода выведу.

Однако, как Григорий не старался, сохранить управляемость не удалось. Близкий разрыв мины заставил бойцов бросить раненого на окраине села — страх превратился во всеобщую панику, и бойцы уже не слушались команд своего командира — что было сил они бежали к реке, словно там их ждало какое-то укрытие, способное защитить от обстрела. Над ними кружил квадрокоптер, оператор которого, очевидно, сейчас где-то потешался, наблюдая за бегством тех, кого он называл «орками».

— Не бросайте меня, товарищ лейтенант, — тихо выговорил раненый, когда Григорий склонился над ним.

— Если возьму на плечо, сможешь идти? — спросил лейтенант.

— Я попробую.

Свиридов расстегнул фастексы бронежилета, сбросил его с себя. Как когда-то учили, подхватил раненого бойца, совсем ещё мальчишку, поставил его на ноги. Тот взвыл и сразу свалился обратно — одна нога его была прострелена, на другой он, после суточного лежания, стоять ещё не мог.

После второй попытки раненый смог опереться на подставленное плечо, и они даже смогли идти. Сзади раздавались автоматные очереди.

— За нами... — нервно запричитал раненый.

— Не нагнетай, — прервал его Свиридов. — Уйдём... оторвёмся...

Путь до переправы они преодолели за четыре часа, постоянно делая остановки, чтобы отдышаться и набраться сил. Григорий срубил крепкую ветку, и раненый опирался на неё, как мог, помогая офицеру. Солнце было в зените, когда перед глазами Свиридова предстала страшная картина: буквально весь берег был завален военным снаряжением, оружием и верхней одеждой. Среди всего этого военного имущества зияли воронки от разрывов миномётных мин, и лежало несколько тел погибших солдат.

Осматривая убитых, Свиридов удостоверился, что это были бойцы из второго и третьего взводов – вывести которых направился капитан Андреев. Получалось, что они вышли из Шумного ещё до того, как Иван принял такое решение, и сделали они это, видимо, сразу после того, как Андреев ушёл под утро в первый взвод. Но судьба наказала их за это, убив буквально на пороге кажущегося спасения.

На том берегу никого не было. Раненый, осознавший своё положение, тихо вылез, сидя под деревом. Свиридов, понимая, что одному ему никак не доставить бойца на тот берег, в отчаянии опустил руки. Рации, чтобы вызвать помощь, у него не было. Силы оставили лейтенанта, и он вдруг подумал, что достойным выходом из этой ситуации будет самоубийство.

Миша почувствовал, что его начинает трясти – и от холода, так как он сидел, высунувшись по пояс из башни, и от переживаний, граничащих со страхом, от того, что рота шла, невесть куда. Рёв танковых турбин, скрежет гусениц и острый запах керосина сопровождали движение колонны, вот этих многотонных монстров, способных,

как казалось, раздавить, растоптать, любое препятствие. Где-то впереди находился враг, уже испивший крови, а от того, готовый с яростью рвать своего противника, неумолимо приближающегося к незримым рубежам, по достижении которых только бой мог рассудить правоту сторон.

Ожидание боя, вот это парализующее состояние, предшествующее выбросу накопившейся энергии с началом сражения, каждый переживает по-разному. Впрочем, и когда всё начинается, каждый по-разному принимает удары судьбы. Кто-то в бою будет искать спасение в укрытии, и соответственно, в бездействии, не причиняющей вреда противнику, а кто-то, презрев страх, будет до последнего ломать своего врага, ища личное спасение в уничтожении самой причины страха.

Миша не знал, как он будет реагировать, как он будет действовать, когда начнётся бой. Интуитивно он понимал, что это должно случиться уже вот-вот, но колонна пока продолжала идти, оглашая окрестности рёвом моторов, и окрестности пока ещё не огрызались смертельным огнём.

Первым шёл танк сержанта Касымова, оснащённый катковым минным тралом, который был необходим для преодоления заминированных участков, если такие будут обнаружены. Пока танковая рота шла по асфальтовой дороге, нужды в использовании трала не было, и поэтому он был поднят, что сохраняло колонне запланированную скорость движения.

Следом шёл танк командира роты. Миша подавлял в себе желание перестроиться в середину или вообще, в хвост колонны, боясь вызвать среди подчинённых осуждение этому поступку, что рота могла бы счесть за трусость. Но и идти фактически в голове колонны для командира подразделения тоже было не правильно. Где-то

в глубине души он надеялся, что ничего страшного не случится.

Сверяясь с картой, Хвостов отмечал пройденный путь, с замиранием сердца наблюдая, как рота сближалась с местом вероятной засады, на которое указал оставленный Андреевым велосипедист. Уточняя у командира батальона порядок работы, ничего конкретного в ответ Миша не услышал, сделав вывод, что Дужников и сам не знает, как им действовать. «Действовать по обстановке» — универсальный ответ, который совершенно не удовлетворял возникающие запросы.

Миша обернулся — танковая колонна растянулась, хвост маячил примерно в километре от головы. Где-то за танковой ротой шла мотострелковая рота второго батальона, но их БМП видно не было. Прижав к горлу ларингофоны, Хвостов приказал наводчику зарядить оружие осколочно-фугасным снарядом, после чего вызвал в ротной сети сержанта Касимова и потребовал остановиться. Танк командира роты остановился левее первого танка и Хвостов спустился в башню.

— Осмотримся? — спросил он своего наводчика.

Прильнув к прибору наблюдения с тепловизионным каналом, Миша глянул в прилегающую темноту и тут же удивлённо вскрикнул:

— Да их тут... — в приборе он увидел силуэты нескольких танков и БМП, «светящихся» температурой, превышающей средний фон. — Интересно, наши это, или укропские?

Хвостов вопросительно посмотрел на наводчика. Тот пожал плечами и выдал первое, что пришло на ум:

— Товарищ капитан, спросите у комбата.

— «Хасан», я «Броня», — Миша вошёл в радиосеть батальона.

— «Броня», я «Хасан», на приёме.

— Квадрат «Искра-16», наблюдаю скопление боевой техники: танки до трёх единиц, БМП до пяти единиц. Прошу уточнения — это свои или противник?

— Жди, — ответил комбат и отключился.

Хвостов, поворачивая башню, последовательно рассмотрел замеченные силуэты, отметив, как человеческие фигурки спешно забираются в люки.

— Укроп, что ли? — спросил он сам себя. — Ну, что там «Хасан» молчит?

В этот момент несколько наблюдаемых силуэтов озарились вспышками, и буквально в следующее мгновение стоящий на месте танк словно подпрыгнул на кочке, и даже не ушами, а всей грудью Миша ощутил оглушительный грохот.

«Началось» — мелькнуло в голове вместе с внезапно онемевшими руками и окатившей всё тело волной дрожи.

Первое, что он сделал — захлопнул крышку люка. Буквально тут же услышал в шлемофоне голос командира батальона, который в критическую минуту позабыл про позывные:

— Миша, это хохлы!

Хвостов переключился на внутреннюю связь и, повернувшись к наводчику, крикнул:

— Стёпа, огонь!

Цыганов уже ухватился за «чебурашку», башня ожила, довернула немного влево.

— Выстрел! — крикнул наводчик.

В шлемофоне Миша услышал щелчок, готовящий слух к резкому звуку выстрела, ударил грохот и тут же казённый с силой отскочил назад. Башня наполнилась пороховыми газами. Автомат заряжания закинул в ствол снаряд, затем заряд. Буквально через несколько секунд

орудие снова оглушительно ухнуло. Справа раздался мощнейший удар, потрясший танк. В триплексе полыхнуло яркое пламя. Хвостов почувствовал, что танк начал движение назад, а потом стал разворачиваться влево.

— Аяс,— Миша нажал кнопку внутренней связи.— Ты куда?

Механик-водитель что-то крикнул в ответ неразборчивое, танк рывком снова двинулся назад, но практически сразу остановился. Нестерпимо яркое пламя, сопровождаемое громким ломающимся треском, продолжало бить снаружи по триплексам, наполняя сумрак башни ослепительным светом.

Автомат заряжания вогнал в ствол очередные снаряд и заряд. Пытаясь удержаться и не разбить лицо в резкодвигающемся танке, Миша совершенно утратил контроль за обстановкой, и сейчас он даже не понимал, в какую сторону обращён нос танка. Наводчик обернулся к командиру, ища помощи или команды.

«Рота»,— мелькнула мысль. Хвостов переключился на частоту ротной сети.

— Внимание рота, я «Броня». Противник атакует в секторе одиннадцать — час. Удаление — триста и далее. Все обнаруженные цели уничтожить. Первый взвод влево, третий вправо. Развернуться в боевой порядок!

Снаружи раздался сильный взрыв, и танк снова подпрыгнул, словно на кочке. Поворачиваемая в этот момент башня резко остановилась, оперевшись во что-то длинным стволом. Миша ударился головой о приборы наблюдения, в глазах на мгновение потемнело.

— Огонь! — крикнул он наводчику.

— Я не вижу куда,— отозвался Цыганов.

Понять, как стоит танк, Миша не мог, и поэтому он приоткрыл люк и выглянул наружу. Увиденное впечат-

лило его — черное небо было раскрашено летящими во все стороны строчками трассеров, кругом гремели выстрелы и взрывы, рядом, буквально в десятке метров, что-то сильно горело, и только приподнявшись чуть выше, Хвостов понял, что это горел танк сержанта Касимова — горел только корпус, на котором отсутствовала башня. Горящий корпус закрывал обзор в сторону противника, впрочем, можно было сказать и иначе: танк Хвостова был укрыт от огня противника корпусом горящего танка сержанта Касимова.

Миша спустился в башню, закрыл люк, обратился к механику-водителю.

— Аяс, давай, на первой, двадцать метров вперёд. Как только услышишь выстрел, откатываешься назад... понял?

— Командир, — отозвался мехвод, — если мы высушемся, нам хана...

— Если мы будем стоять, нам точно хана, — Миша постарался сказать это максимально спокойно, как только это можно было исполнить в данной ситуации.

— Я постараюсь...

Хвостов почувствовал, как механик включил скорость, и танк начал движение.

— Стёпа, — он обратился к наводчику. — Выходим, быстро целишься, стреляешь. Неважно, в какую цель! Главное — задавить их огнём, пока разворачивается рота!

Аяс остановил танк, едва он выполз из-за горячей машины. Цыганов повёл стволом, и практически сразу выстрелил. Механик включил задний ход, и танк вернулся обратно за корпус убитого танка. Автомат заряжания закинул в казённый подкалиберный снаряд, из чего Хвостов сделал вывод, что наводчик обнаружил вражеский танк и готовится открыть по нему огонь.

— Аяс, вперёд, — приказал Миша.

Танк двинулся, наводчик прильнул к прицелу.

— «Броня», я «Хасан», команда отход, — раздалось из рации.

Раздался выстрел, наводчик вскрикнул.

— Есть! Попал!

— Внимание рота, я «Броня», команда отход, — Миша передал команду командира батальона и уделил внимание своему наводчику: — Куда?

— Не знаю, — ответил наводчик. — В кого-то попал, полыхнуло там сильно! Похоже, башню оторвало!

— Аяс, валим по дороге обратно, — Хвостов дал указание мехводу и отстрелил дымовые гранаты.

Когда «туча» превратилась в стену дыма, Миша открыл люк и высунул голову, чтобы осмотреть поле боя. Аяс уже развернул танк и двинулся обратно, всё больше удаляясь от горящего остова первого танка, и Хвостов поймал себя на мысли, что в сложившейся ситуации он и секунды не думал о мерах по спасению экипажа танка сержанта Касымова. Очевидность исхода не позволяла считать, что кто-то из них мог остаться в живых.

«Только бы выйти отсюда», — крутилось в голове. «Только бы выйти».

Развернув башню назад, наводчик сделал ещё три выстрела в сторону противника, пока танк не обошёл ещё одну подбитую машину, из второго взвода. Этот танк кормой съехал с дороги в кювет, размотав по асфальту одну гусеницу. Открытые люки говорили о том, что экипаж покинул аварийную машину. Правда, не ясно было, куда танкисты ушли, но Хвостов питал себя уверенностью, что их подхватили на себя другие экипажи.

Мишу снова стало трясти, как перед боем. Но на этот раз не от его ожидания, а от его последствий. Смерть,

несколько раз махнувшая над ним своей косой, ушла ни с чем, оставив после себя только переживания.

Откатившись от места боя на пару километров, Хвостов по рации подал команду остановиться, но её исполнил лишь один экипаж, остальные продолжали откатываться по дороге назад, делая вид, что не слышат.

— Товарищ старший лейтенант, — из остановившегося танка высунулся сержант Рыжков. — Вы целы?

После всего пережитого кошмара, такая человеческая забота тронула ротного, и он махнул рукой, мол, всё в порядке.

Убегающая рота остановилась только тогда, когда упёрлась в мотострелковую роту второго батальона, остановившуюся там, где их застали звуки первых выстрелов скоротечного боя. Хвостов построил командиров взводов, и в ожидании прибытия командира батальона, устроил им свой «разбор полётов». Прежде всего, его интересовало, почему никто не выполнил команду на развёртывание в боевой порядок, а потом, после команды на отход, не выполнили команду остановиться. Он сам ещё продолжал дрожать от пережитого, но показывать своим подчинённым слабость считал ниже своего достоинства.

Командиры взводов, прошлогодние лейтенанты, стояли перед ним, опустив головы. Поодаль собрались командиры танков, не смевшие в данный момент приближаться к ротному.

— Как минимум, вы бросили экипаж Самохина, — сказал Миша. — Вы бросили меня, своего командира. Я не буду спрашивать, зачем и почему вы это сделали, но кто вы после этого?

— Товарищ старший лейтенант, — командир первого взвода лейтенант Гладун нашёл в себе силы возразить командиру: — Вы же сами видели, какое там было море огня! Это же невозможно...

— Что «невозможно»? — Миша навис над командиром взвода. — Невозможно воевать? У нас с вами одинаковые танки, товарищ лейтенант, но почему-то я нашёл в себе силы вести огонь по врагу, а вы... сколько вы потратили снарядов?

— Нисколько, — лейтенант «сдулся».

— А почему? Что вам помешало?

Гладун молчал.

— Товарищи офицеры, — Миша посмотрел на каждого. — Почему вы не выполнили команду на развёртывание в боевой порядок?

Офицеры молчали.

В этот момент подъехал танк командира батальона. Дужников, увидев «построение», соскочил с танка и быстрым шагом направился к Хвостову. Миша вытянулся, не зная, подавать команду «смирно», или не надо.

— Товарищ майор...

— Докладывай, — перебил комбат.

— Обнаружена засада противника, до трёх танков, до пяти БМП. Вступили в бой. Потери: уничтожен танк сержанта Касымова, экипаж, вероятно, погиб — взрывом на танке оторвало башню. Повреждён танк сержанта Самохина. Экипаж пропал без вести. Лично я видел на танке открытые люки, предполагаю, что Самохин прячется где-то в районе боя.

— Самохин чей? — Дужников глянул на командиров взводов.

— Мой, товарищ майор, — ответил Гладун.

— Ты его потерял, тебе его и вытаскивать — и экипаж, и повреждённый танк, — майор повысил голос, прекрасно понимая, в каком сейчас состоянии находятся эти лейтенанты. — Слушай боевую задачу!

— Я туда не поеду, — опережая командира, воскликнул лейтенант.

— Что? — Дужников потянулся было рукой, чтобы схватить офицера за грудки, но вспомнив про толпящихся неподалёку сержантов, опустил руку. — Я сейчас отдам вам боевой приказ, — сказал майор. — Под козырёк. И вы обязаны будете его исполнить!

— Я туда не поеду, — твёрдо повторил Гладун.

— Товарищ майор, разрешите, — вмешался Хвостов.

— Давай, — кивнул Дужников.

— Я выдвигаюсь обратно к месту боя на своём танке с первым взводом, только забираю Гладуна к себе наводчиком, а своего наводчика сажу в его танк в качестве командира машины. Разрешите?

Майор некоторое время смотрел на командира роты, потом бросил в сторону лейтенантов:

— Командиры взводов — свободны.

Когда они отошли, майор сменил тон.

— Покажи на карте, где ты их потерял, — предложил комбат.

Миша с готовностью достал из офицерской сумки карту и развернул её.

— Вот здесь, — карандашом он ткнул в изгиб дороги. — Вот здесь, в линию, в зарослях, стоят танки и БМП противника, я доехал примерно вот до сюда, а танк Самохина остался стоять примерно здесь.

— Пожалуй, если вы оттуда всей ротой сбежали, то взводом туда возвращаться будет не совсем верно, — сказал Дужников. — Огонь сильный был?

— Я такого огня раньше даже представить себе не мог, — признался Хвостов.

— Но людей найти надо, — сказал майор. — И танк вытащить.

Некоторое время они обсуждали детали предстоящего дела, затем комбат подозвал командиров взводов.

— Гладун, ты едешь с командиром роты, а его наводчик в твоём танке — за командира. Ваша задача — по достижении рубежа, откуда будет видна засада, останавливаетесь и открываете по ней огонь. Интенсивный огонь на подавление. Экипаж лейтенанта Краснова и экипаж сержанта Рыжкова на максимальной скорости подходят к танку Самохина и прикрываются «тучей». Затем Краснов берёт на буксир подбитый танк, предварительно убедившись, что на нём включена нейтральная скорость, и эвакуирует его. Рыжков берёт на буксир перебитую гусеницу. Тросы подготовить заранее — чтобы их можно было быстро зацепить. На всё про всё — пятнадцать минут. Начать и кончить!

Майор, довольный своим планом, посмотрел на потенциальных исполнителей. На лицах офицеров отразилась смертельная тоска.

Забираясь на свой танк, в нескольких местах Миша увидел сработавшие элементы динамической защиты, что и объясняло ощутимые удары по танку, которые он воспринимал как прыжки по кочкам.

— Сможешь стрелять? — спросил Хвостов, когда командир первого взвода, заняв место наводчика, подключал шлемофон к сети.

— Смогу, — буркнул тот в ответ, не вселив в командира роты никакой уверенности.

Однако, плану не суждено было сбыться. Как только танки пришли в движение, противник открыл сильнейший заградительный огонь артиллерией крупного калибра, не давая возможности проехать к подбитому танку. Представив, как под таким огнём будет тяжело осуществить выход экипажей из танков и все манипуляции с тросами, Дужников дал команду на возвращение.

Эту команду экипажи выполнили с блеском.

В коровнике, где временно разместился штаб бригады, Миша узнал о больших потерях, случившихся в первом батальоне, посланном на форсирование реки Шумной с последующим захватом плацдарма. Потери были настолько огромными, что не укладывались в голове — за две кампании в Чечне бригада потеряла людей меньше, чем за сутки боёв в небольшом украинском селе. Переход вброд реки в конце зимы окончательно добил батальон — к убитым, раненым и пропавшим без вести добавились несколько десятков человек с жёсткой простудой, лечить которых нужно было в щадящих условиях стационара.

С большой горечью Хвостов узнал, что его друг, капитан Иван Андреев пропал без вести, пытаясь организовать выход своей роты из села. Последним, кто его видел, был приданный роте снайпер сержант Горячев, которому в бою оторвало руку, и выжить он смог только на сочетании собственной воли с волею случая.

Приводя офицеров бригады в необходимый тонус, полковник Павлов приводил примеры вопиющей трусости, выводя виновных на всеобщее обозрение перед собой. Большинство присутствующих уже и сами хлебнули военного лиха и смотрели на это представление скорее безразлично, за спинами коллег обсуждая «более важные» текущие вопросы. Нутром все понимали, что нужно время, чтобы психика «настроилась» на восприятие происходящих событий — у кого-то этот процесс шёл быстрее, и им не приходилось краснеть перед офицерским собранием, у кого-то медленнее, и сейчас они стояли рядом с командиром бригады, выслушивая о себе нелюбимые памфлеты.

Добавляло проблем и то, что после первых стычек с противником, вопрос с отказниками снова встал в полный рост. Если в пункте постоянной дислокации командиру бригады уловками и рассказами о патриотизме ещё как-то удавалось сдерживать бегство контрактников, то здесь, на Украине, когда людям в лицо дохнула старуха-смерть, к числу пятисотых всё чаще стали присоединяться испуганные офицеры. Дошло до того, что рапорт на увольнение написал даже заместитель командира бригады, опытный полковник, который когда-то, будучи лейтенантом, застал войну в Чечне. До последних дней он слыл опытным и боевым офицером, пока в один «прекрасный» момент не попал под удар «Градов». После пережитого он замкнулся и отказывался выполнять приказы командира бригады, проводя всё время в своём КУНГе в обществе алкоголя.

Когда комбриг впервые раскрыл «секрет Полишинеля» относительно своего заместителя, присутствующие на совещании офицеры притихли: если это дошло уже до самых «верхних слоёв атмосферы», и это стало прилюдно обсуждаться, тогда, кто теперь может запретить делать то же самое каждому из присутствующих?

Однако, Павлов чутко уловил момент и неожиданно для многих обратился к находящимся здесь же офицерам военной контрразведки, сочетавших своё обычное контрразведывательное обеспечение мотострелковой бригады с какими-то собственными задачами, скрытыми от военной общественности. На группу этих офицеров в бригаде посматривали с уважением, но никто до конца не понимал, для чего они были здесь нужны.

— Товарищ майор, вам слово.

Со второго ряда встал и вышел к командиру бригады офицер-контрразведчик — среднего роста, с непримет-

ным лицом и одетый, по меркам многих, совершенно «не модно» — в старый классический «дубок».

— Майор Каренин, — представился он. — Военная контрразведка.

— Товарищ майор, обрисуйте ситуацию, — попросил Павлов.

— Товарищи офицеры, — голос его был жёстким. — Перед нашей службой поставлена задача по пресечению возможных проявлений предательства, шпионажа в пользу противника и фактов государственной измены. С момента пересечения линии государственной границы всем вам было запрещено пользоваться телефонами сотовой связи, однако, этот запрет коснулся, как мы убедились, далеко не всех. Я разделяю ваше желание разговаривать со своими родственниками, делиться с ними впечатлениями, но если бы это не влекло раскрытия государственной тайны, мы бы смотрели на это сквозь пальцы. Однако, дело более чем серьёзное. Сегодня утром нами был задержан по подозрению в государственной измене полковник Цимбал, заместитель командира бригады. В его телефоне обнаружена передача боевых документов и места расположения войск. Цимбал передавал информацию своему брату — офицеру Службы Безопасности Украины. Вчера вечером, как вам известно, противник нанёс поражение пункту заправки боевых машин и полевому госпиталю — их координаты передал врагу ваш сослуживец. Погибло шесть человек, ещё шесть были ранены, в том числе две сотрудницы госпиталя.

Каренин на миг замолчал, отслеживая реакцию офицеров.

— А что же вы, товарищ майор, раньше не пресекли? Зачем вы позволили полковнику Цимбалу принять участие в боевых действиях вместе с бригадой? Вся брига-

да знала, что его брат в СБУ! — дерзко бросил командир первого батальона подполковник Михайлов.

— У меня встречный вопрос, товарищ подполковник, — парировал Валентин Каренин. — Если вы все знали о факте родства полковника Цимбала с сотрудником СБУ, почему не сообщили в отдел военной контрразведки?

— Это ваша работа, — ответил Михайлов под гул одобрения. — Вы сами должны были это установить.

— Здесь — согласен, — кивнул Каренин и неожиданно изменил траекторию разговора: — Поэтому, мы сработаем на опережение: попрошу, товарищи офицеры, сдать на проверку ваши личные телефоны. Это временная, но безотлагательная мера. После проверки все телефоны будут возвращены владельцам. Если кто-то поддерживает в настоящее время контакты с родственниками на Украине, прошу самостоятельно об этом доложить. У меня всё, — завершая разговор, он вопросительно посмотрел на командира бригады.

— Сдать телефоны! — приказал Павлов и первым, подавая пример, выложил свой айфон на стол.

— Это незаконно, — сказал Михайлов, заручаясь поддержкой масс.

— Если вы, товарищ подполковник, считаете, что проверка телефонов является незаконной, тогда я на основании действующего приказа о запрете использования сотовой связи в расположении воинских частей, просто изыму у вас все телефоны и уничтожу их по акту, как вы любите это делать с телефонами ваших контрактников.

Взвесив перспективы, Михайлов выложил на стол телефон.

— Второй тоже, — попросил Каренин, демонстрируя глубокую осведомлённость о наличии другого телефона у командира первого батальона.

Хмыкнув, Николай выложил и второй телефон. За сообщения в своих телефонах он мог бы не беспокоиться, там не было ничего криминального, но продемонстрировать офицеру контрразведки своё к нему отношение, он не преминул.

Через полчаса после совещания, когда офицеры разошлись по своим подразделениям и стали готовиться к новому дню войны, сержант Муртазалиев из третьего взвода, напившись вусмерть, забросил в открытый башенный люк своего танка осколочную гранату, взрыв которой вызвал пожар в боевой машине с последующим возгоранием зарядов и детонацией боекомплекта. Чудовищным взрывом с танка сорвало башню, которая приземлилась на палатку, впечатав в землю трёх человек.

Павлов впервые за всю свою офицерскую карьеру не смог сдержать чувств и несколько минут в иступлении бил пойманного сержанта.

— Вот скажи мне, скот, зачем ты сжёг свой танк? — Павлов держал Муртазалиева за грудки, мотая его из стороны в сторону.

— Идите вы со своей войной... — орал в ответ сержант. — Я не хочу умирать!

Каренин забрал сержанта, к которому в одно мгновение появилось много вопросов. Его повезли на Родину в той же машине, в которой ехал арестованный полковник Цимбал.

ГЛАВА 3

Юра решительно открыл обитую кожей дверь.

— Разрешите?

— Заходи, — в центре накуренного кабинета сидел старый подполковник, на кителе которого были прикреплены колодки наград, среди которых Юра сразу разглядел выделяющуюся красно-белую — символизирующую орден Красного Знамени. Наверное, ещё за Афганистан.

— Майор запаса Трофимов Юрий Павлович, — представился Юра.

— Присаживайся, Юрий Павлович, — старый офицер мгновение смотрел на вошедшего, по одному ему известным признакам вмиг отделив Трофимова от очереди предыдущих посетителей, затем из стопки личных дел достал нужное, открыл и вчитался, отключившись от этого мира на несколько минут.

Юра расположился на стуле, осматривая кабинет, в котором не было ничего лишнего — портреты Путина и Шойгу на стене, карта мира, грамота от областного военкома и вымпел военного округа. В шкафу, можно было быть уверенным, стояла бутылка коньяка — по старой военкомовской традиции.

— Скажи мне, Юрий Палыч, «восьмидесятого года рождения», — работник военкомата поднял взгляд на собеседника. — У тебя вот тут написано, что ты семь лет командовал ротами — вначале мотострелковой, потом разведывательной. Потом вот батальоном командовал. Потом разорвал контракт и ушёл из армии. Что тебе мешало дальше служить?

— «Новый облик», товарищ подполковник. Я со своим пехотным рылом не смог вписаться в калашный ряд военной

реформы: эра фотоотчётов пришла на смену боевой подготовке, ложь и очковитирательство подменили офицерскую честь. Мне надоело, переступая через себя, вживаться в «новый облик», вот я и ушёл. В народном хозяйстве, как оказалось, тоже есть много достойных занятий. Да и платят больше.

— Ладно, — кивнул военком. Это в прошлом. Вернёмся в день сегодняшний. Ты понимаешь, что происходит?

— Конечно, — кивнул Юра. — Потому и пришёл. Кому-то же надо воевать.

— Сам готов к войне?

— Полностью, — кивнул Трофимов.

— Часть присмотрел, куда пойти хочешь?

— В нашу мотострелковую бригаду, — ответил Юра. — Если возможно.

— Возможно, — сказал военком. — Но прогулка будет не быстрой — там мы огребаем по полной программе. Как бы не затянулось на месяцы, а то и годы...

— Затянется, — кивнул Трофимов. — Потому что они — это мы. Такие же стойкие. Такие же русские.

— Вот именно, — военком поднял на майора свой взгляд. — Значит, твоё решение твёрдое?

— Так точно, — ответил Юра. — На предприятии я ушёл в неоплачиваемый отпуск, супруга будет ждать, дети тоже.

— Вот и хорошо, что готов, — подполковник встал, чтобы обойти стол и пожать офицеру руку. — Ты там давай, береги себя.

— Я буду стараться, — пообещал Трофимов.

— Я знаю, где ты сегодня был, — сказала Таня, когда Юра заехал за ней на работу.

Супруга села в машину в расстроенных чувствах.

— И где же? — уточнил Юра.

— Вот не прикидывайся только, — она сверкнула глазами. — Ты точно всё взвесил, ты точно уверен в том, что поступаешь правильно?

— Я всегда поступаю правильно, — ответил Трофимов.

— А как же мы? — сейчас она смотрела на него как мама двоих детей. — Ты подумал о нас?

— А как же Родина, кто подумает о ней? — Юра улыбнулся — в нём говорило мужское начало.

— Твоя Родина — это семья, — а в Тане говорило женское. — Тебе скучно с нами, да? Тебе захотелось приключений?

Она говорила то, о чём думала, то, что чувствовала.

— Ну, почему сразу так?

— А как? Найди мне доступное объяснение, для чего ты едешь на войну, если тебя туда пока ещё никто не зовёт. Для чего ты вообще живёшь, Трофимов?

— Зов сердца и чести, — ответил Юра. — Я же Трофимов! Помнишь: «есть такая профессия — Родину защищать»!?

— Ты офицер запаса, — напомнила супруга. — И не говори мне про Родину, про «никто кроме нас», про долг и про тяжёлую для страны пору.

— Вот видишь, ты сама все нужные слова знаешь и без меня.

— Ты подлец, — Таня высказала то, что давно вертелось на языке. — Ты нас бросаешь! Что мы сделали тебе плохого?

— Я не готов с тобой обсуждать вещи, которые ты не понимаешь, — парировал супруг. — Скажу больше — я с тобой даже не собираюсь это обсуждать. Я принял

мужское решение, и я буду его выполнять. А сейчас мы с тобой едем к нотариусу, где оформим генеральную доверенность. Чтобы ты от моего имени могла выполнять любые действия. Поверь, так будет проще.

— Ты подлец, — повторила она.

— Я люблю тебя, Таня, — Юра попытался обнять её, но супруга уклонилась, выставив руки.

— Не надо. Не любишь ты меня. Если бы любил, то куда бы не поехал.

— Прими это как есть. Я не намерен распускать розовые сопли, — Юра отвернулся и стал смотреть на дорогу, демонстрируя отсутствие интереса к реакции супруги.

— Когда уезжаешь? — спросила она минут через десять, когда они уже подъезжали к нотариальной конторе.

— Не знаю, — честно признался он. — Я пока вообще ничего не знаю. Завтра всё станет ясно. Всё, приехали...

Таня молча проследовала за ним.

После завершения эпопеи с киевским направлением, мотострелковая бригада была выведена в Россию, где терпела массовый отток контрактников и офицеров, ощутивших тяжесть войны и не пожелавших принять в ней дальнейшее участие. Те, кто оставался, смотрели на «пятисотых» как на предателей, но и сами не видели перспектив, которые могли бы привести к быстрой победе. Среди офицеров разрасталось мнение, что всё это было затеяно зря, и кто-то уже даже был готов принять мысль о необходимости вывода всей группировки.

После череды увольнений и дезертирства среди старших офицеров, полковнику Павлову предложили должность в штабе общевойсковой армии, куда входил

ла мотострелковая бригада, а на место командира бригады выдвинули молодого и решительного командира первого батальона — подполковника Михайлова. Сдавать дела Павлов приехал в пункт постоянной дислокации, где в первый же день в коридоре штаба столкнулся с Трофимовым, у которого он был командиром роты, когда Юра начинал свою офицерскую карьеру командиром мотострелкового взвода.

— О, Юра, какими судьбами? — полковник обнял майора.

— Да вот, товарищ полковник, — Юра демонстративно смахнул мнимую пыль с погона. — Вернулся обратно. По-другому не смог. А вы ещё не генерал?

— Нет ещё, — усмехнулся бывший комбриг. — Заходи, — Павлов открыл дверь командирского кабинета. — Рассказывай!

— Подписал контракт, жду должность.

— Пожелания есть?

— Видимо, предложите должность командира роты? Или батальона?

— Предложу, — Павлов хитро улыбнулся. — Но не роты и батальона. Есть у меня одна задумка, давно её вынашиваю, да всё людей подходящих не было, а тут ты. Очень кстати! Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть!

— Интересно.

— Я анализировал наш небольшой боевой опыт, и понял, чего нам, на фоне реальности, не хватает для полного счастья.

— Так, я весь — внимание.

— Как мне кажется, история с батальонными тактическими группами была бы хороша, конечно, но для другой войны. Сейчас у нас там война самая настоящая,

с применением всех видов вооружения, всех средств разведки, в том числе появились новые вещи, о которых мы ещё три месяца назад вообще ничего не знали. Например — коптеры. Эти игрушки нам столько крови выпили, ты просто не представляешь!

— Видел по телевизору, — кивнул Юра.

— В общем, я понял, что и нам надо меняться, приобретать мобильность, повышать скорость принятия решений, ускорять реагирование и иметь возможность быстро сосредотачивать ударную мощь на конкретном направлении или объекте.

— И?

— Моё решение — создать в бригаде некую мобильную группу или отряд, хорошо вооружённый наиболее перспективным оружием, хорошо подготовленный, обеспеченный связью и информацией. Вооружение: противотанковые ракетные комплексы, переносные зенитные ракетные комплексы, дальнобойные снайперские винтовки и даже коптеры. Состав отряда — пока до взвода. До взвода — потому что я реально из числа наиболее подготовленных бойцов не смогу собрать больше в одном подразделении. В перспективе — развёртывание до батальона. Предлагаю тебе возглавить этот отряд.

— Шикарно, — согласился Юра. — Как во время Великой Отечественной войны...

— Именно так, — кивнул полковник. — Как во время войны в дивизиях создавались мобильные группы истребителей танков, или группы снайперов — не от хорошей же жизни, а в связи с острой необходимостью. Так же и у нас — острая необходимость. Современный бой стал совершенно другим, и пока нет новых боевых уставов, мы сами должны вырабатывать новые методы и способы успешного ведения боевых действий!

— Я готов. К вечеру могу представить свои соображения на этот счёт! — сказал Юра. — Вы, Альберт Романович, меня прямо взбодрили. Тема действительно очень интересная!

— Официально я поставлю тебя на должность начальника отдела боевой подготовки бригады, но фактически ты будешь заниматься только мобильным отрядом. Новый комбриг, Коля Михайлов, в курсе, что я планирую создать такой отряд, так что, он тебя тоже поддержит. Если не поддержит, то я, как заместитель командующего армией, быстро поставлю его на место. В общем, занимайся, подбирай людей, обучай их. Похоже, что предыдущая будет не долгой и бригада скоро снова пойдёт в бой.

— Понял, товарищ полковник!

— Не забыл ещё, как людьми командовать? — улыбнулся полковник.

— Нет, — ответил Юра. — На «гражданке» я занимал высокую руководящую должность в крупной коммерческой компании, а там не только «упал — отжался», там к каждому подход должен был быть индивидуальный.

— Ты же вроде в строительстве работал?

— Да, до вчерашнего дня был директором по персоналу в строительном холдинге «Восток». Впрочем, продолжаю им числиться.

— Отлично, так тебя и назовём, — усмехнулся Павлов. — С этой минуты твой позывной — «Восток».

— Вот уж не знаю, хорошо это, или плохо, — рассмеялся «Восток».

Костяк вновь формируемой группы составили четыре снайпера из стрелковой роты снайперов, отслужившие

несколько лет и хорошо владевшие предметом. Старшина Романов и сержант Воробьёв, ранее закончили школу снайперов, получив квалификацию, достаточную для работы с высокоточными комплексами. Двое других, рядовые Ларин и Ганжа, не отставали от своих старших товарищей и старательно изучали снайперское ремесло, достигнув на этом поприще некоторых успехов. Снайперская группа, помимо обычных СВД и специальных ВСС, была вооружена двумя 12,7-мм винтовками АСВКМ, двумя винтовками «Манлихер» 308-го калибра и одной 338-го калибра, которая числилась за наиболее толковым снайпером — сержантом Воробьёвым. Старшина даже провёл с Трофимовым небольшой обучающий курс, чтобы майор был немного в теме того, как могут работать «тяжёлые» снайпера, и чтобы приобрёл первоначальные навыки стрельбы из высокоточных комплексов.

Ранее Трофимов, ещё с детства, занимался стрелковым спортом, а став взводным и ротным, увлекался снайперской стрельбой, и даже выступал на окружных соревнованиях, добиваясь призовых мест, но сейчас ему пришлось изучать некоторые вещи заново — настолько глубоко шагнула снайперская мысль за время его жизни на «гражданке». В новинку ему были приборы наблюдения, специальные снайперские программы для расчета установок прицела для стрельбы на большие дистанции, лазерные дальномеры, измерители скорости ветра, и конечно, иностранные винтовки с непривычными прицелами. Можно сказать, что новизна вопроса увлекла его, и после нескольких практических занятий Юра понял, что вопрос освоения высокоточных винтовок вполне решаемый — нужна лишь наработка и практика.

Ещё проще было с противотанковыми ракетными комплексами, которые не изменились за время отсут-

ствия Трофимова на военной службе. Те же самые «Фаготы» и «Конкурсы» с перспективой их замены на «Корнет». Управляться с первыми двумя Юра мог, а более новый не вызывал опасений, так как принцип работы с ним был примерно аналогичен «Фаготу».

На должность операторов ПТРК кадровик предложил двух контрактников, но поговорив с ними, Юра отказался принимать этих бойцов в отряд — парни не выражали желания воевать, да и материальную часть не знали, и знать не хотели. С зенитчиками вообще не повезло — все, какие были, уже уехали на СВО.

Узнав о формировании «специального отряда», к Трофимову подошёл молодой контрактник рядовой Пастухов, который только полгода назад отслужил службу по призыву.

— Товарищ майор, возьмите меня в ваш отряд, — попросил боец. — Я пригожусь.

— А что умеешь? — поинтересовался Юра.

— Я на все руки мастер, — улыбнулся боец. — Могу паять, варить, копать, рулить...

— А стрелять умеешь из чего-нибудь тяжелее автомата?

— Я в роте связи служу, водителем, нам стрелять давали только из автоматов.

— Водителем, говоришь?

— Так точно, товарищ майор!

— С КамАЗом справишься?

— Я только на них и умею справляться, хотя права у меня категории ВС.

— Добро, — кивнул Трофимов. — Беру.

На отряд было выделено два КамАЗа, один из которых был бронированным — так называемая «капсула», а другой был короткобазным, с колёсной формулой 4х4.

С учётом временного отсутствия второго водителя, обеими машинами по очереди заправлял Георгий Пастухов, который быстро получил прозвище «Жорж», если было необходимо, второй машиной мог управлять Слава Воробьёв, у которого имелись права соответствующей категории.

Из вооружения Юра получил на отряд две пусковые установки ПТРК «Фагот» и четыре ПЗРК «Стрела-3». Всё это было размещено в «капсуле» в готовности убыть на Украину.

Освежая знания и навыки, Юра буквально жил с инструкциями и руководствами по эксплуатации, забирая их даже домой, где читал допоздна, пока Таня насильно не заставляла его спать.

Предполагалось, что подготовка мобильного отряда займёт пару месяцев, но уже через неделю всё изменилось. Михайлов, получив новую задачу, затребовал выезд Трофимова в действующую бригаду вместе с тем имуществом, которое тот уже успел получить и людьми, которых он успел подобрать.

В последний семейный вечер Таня ревела не оставаясь. Дети, в целом осознающие, что происходит, жались к отцу. Разговоры совершенно не клеились.

Было страшно? Конечно. По рассказам друзей, которые уже во всю ураганили Украину, эта война была совсем не похожа на всё то, что было прежде. Это была настоящая война, с артиллерией, авиацией, бомбами, танками, трусостью, предательством и героизмом. Всё, что было прежде, что успел Юра застать во время своей военной службы, можно было не брать во внимание — нужно

было учиться заново. Учиться воевать так, как воевали деды и прадеды в Великой Отечественной войне — с полной самоотдачей, без всяких условностей.

Страна ещё жила довольной и сытой жизнью, и мало кто хотел принимать и понимать, что где-то идёт кровавая бойня, что гробы уже потоком идут во все уголки России. Слезы жён, детей и матерей погибших воинов каким-то фантастическим образом уживались в российском обществе с праздностью и весёлым застольем «светской» жизни. Среди тусовки было модно «осуждать СВО», что немедленно встречало поддержку среди огромной массы никчемных существ, ошибочно считавших себя истинной ценностью страны, её элитой.

Общество разделилось: кто-то шёл добровольцем на фронт, желая принять личное участие в спасении Русского мира от вторжения Запада, кто-то в ужасе бежал из России через Верхний Ларс, открестившись от причастности к Русскому миру — и зачастую на телевидении больше героизировали вторых, чем восхищались первыми.

Какой-то очередной русскоязычный недоумок, на случайно включенном телешоу, с пафосом рассуждал о необходимости коленопреклонения перед извращённым убожеством западных стран — Трофимов специально не переключал канал, целенаправленно накачивая себя злостью по отношению к этим политическим клоунам.

— Выключи, пожалуйста, — попросила Таня. — Сил моих нет, на это смотреть...

В комнате воцарилась тишина.

Таня присела рядом, и Юра обнял супругу, вдыхая запах её волос. Близость расставания и непредсказуемость будущего разрывали душу, и если она могла выразить свои эмоции слезами, то Юра, следуя устоявшему мнению о том, что мужчины не плачут, едва сдерживал себя.

— Родная... — он запустил пальцы в её волосы. — Всё будет хорошо... — голос его дрогнул.

Когда ты знаешь, что скоро тебя направят на войну, конечно, испытываешь в душе ощущение приближения чего-то страшного, иногда неведомого, иногда понятного, но никогда — не берущего тебя в моменте за глотку. Настоящее ощущение приближающейся беды приходит только в последние мгновения перед расставанием, но в этот момент что-то делать обычно уже поздно. Нужно просто принять это, как есть, а кому-то нужно и простить.

Закрыв глаза, Юра почувствовал, как он проваливается в сон — что было необходимо после нескольких бессонных ночей, потраченных на срочные сборы и различную военную суету. Таня лежала рядом, нежно прижавшись к его груди. Сознание стало проваливаться, туманиться и расплываться, и вдруг среди этой неги он совершенно отчётливо увидел себя — мёртвым. Вот только что ты был живой, тёплый и мягкий, но вдруг раз, и всё... твоей души больше нет здесь, она выпорхнула куда-то, оставив родным и близким только неживое, остывающее тело. Во сне Юра вдруг почувствовал стойкий трупный запах, который окончательно заставил его проснуться и подскочить.

Он чувствовал, как колотилось сердце, реагируя на привидевшийся ужас. Резкое действие подняло и супругу.

— Что?

— Да так, — он отмахнулся. — Давай спать...

Закрыв глаза, он попытался проанализировать увиденный сон: словно свыше ему указывали последствия принятого решения. Нахлынувшая тоска ясно рисовала то, что могло случиться — семья вполне могла остаться без отца, без его любви, без его чуткой заботы, без его сильных рук. И отскочить назад уже не было никакой

возможности. Стоит ли принятое решение таких последствий?

Уснуть удалось только под утро, и всё это время Юра чувствовал, как не спит рядом супруга...

— Не провожай меня, пожалуйста, — попросил Юра. — Просто закрой за мной дверь.

Они обнялись. Так не хотелось размыкать объятия, но уже нужно было идти. Юра зашёл в детскую, чтобы поцеловать спящих детей.

— Я люблю тебя, — повернулся он к Тане. — А кто любит, тот обязательно возвращается!

Поспешность отправки отряда выразилась в том, что было принято решение короткий грузовик оставить в расположении бригады для дальнейшего формирования отряда, а «капсулу», вместе с личным составом отправить на войну самолётом.

Прибыв ранним утром в часть, Юра проверил личный состав и уже через два часа Жорж аккуратно загнал машину в грузовой отсек огромного транспортного самолёта. Следом туда же вошёл «Тигр», не успевший на войну потому, что зимой находился в ремонте. Вместе с «Тигром» летели разведчики из армейской роты специального назначения, старшим у которых был молодой командир разведывательного взвода лейтенант Сергей Шаманов. Лететь предстояло практически через всю страну.

Сразу после взлёта лейтенант пригласил Трофимова в «Тигр» — здесь уже был вскрыт сухпаёк, и на сиденье лежала бутылка коньяка.

— Товарищ майор, разрешите предложить! — лейтенант был вдвое младше майора, но так как субординация

запрещала ему «отмечать» вылет со своими подчинёнными, другого потенциального собутыльника у него здесь не было.

— Не откажусь, — Юра взвесил все «за» и «против»: его бойцы вместе с разведчиками Шаманова забрались в «капсулу» и было бы наивно думать, что они там пьют чай. — Заодно познакомимся!

Лейтенант разлили по кружкам.

— Товарищ майор, меня зовут Сергей Шаманов, в прошлом году закончил ДВОКУ, командир второго разведывательного взвода армейской роты спецназа.

— Ох, как официально, — усмехнулся Юра и представился: — начальник отдела по боевой подготовке мотострелковой бригады майор Трофимов Юрий Павлович. Двадцать лет назад закончил ДВОКУ. Десять лет назад уволился из вооружённых сил. Пару недель назад восстановился в вооружённых силах. Будем здоровы!

Офицеры выпили, закусили тушёнкой и рагу. Лететь предстояло очень долго.

За лёгкими разговорами «ни о чём» следовали осмысленные размышления о предстоящих событиях, которые сменялись лёгкими историями из жизни, за которыми шли рассуждения о тактике в исторических примерах — и здесь Трофимову было, что рассказать молодому лейтенанту.

Юра вспоминал годы своей службы, рассказывал о принципах боевой учёбы, о тонкостях управления подразделениями, приводя примеры из личной практики. Лейтенант слушал его с упоением, в том числе и потому, что когда-то Трофимов командовал разведывательной ротой и многое мог рассказать молодому разведчику.

Так, за разговорами и коротали время во время взлётов и посадок, пока не добрались до Таганрога.

Границу с ДНР проходили поздним вечером. Следуя в составе колонны, довольно бодро гнали по трассе, однако, вскоре водитель вдруг поменялся в лице и покрепче ухватился за руль. Трофимов почувствовал, что машину начало ритмично трясти.

— Что такое? — спросил он.

— Не знаю, — ответил водитель. — Надо выходить из колонны...

— Обожди...

Юра достал рацию и связался со старшим колонны, быстро доложил о ситуации. Тот дал команду на остановку всей колонны.

Оказалось, что на заднем правом колесе каким-то образом срезало семь шпилек, и колесо держалось на честном слове, вернее, трёх оставшихся. Естественно, его и било, что и чувствовали водитель и пассажиры.

— Недоброе начало... — Трофимов посмотрел на водителя: — Что скажешь? На месте устранить можно?

— Штук пять шпилек у меня есть в запасе, — ответил Жорж. — Больше часа понадобится.

Подошёл старший колонны.

— Что у вас?

— Шпильки срезало, — сказал Юра и подсветил фонарём ступицу колеса. — Водитель говорит, что на ремонт нужно не менее часа.

— Нет у нас часа, — ответил старший. — Снимайте колесо, на пяти колёсах машина нормально идёт. У тебя же не перегружена «капсула»?

— Да как сказать...

В этот момент дверца «капсулы» открылась, показали бойцы.

— Надолго, товарищ майор? — на землю спрыгнул сержант Воробьёв.

— Нет, — ответил Юра. — Не расходимся!

Из «капсулы» вылезли остальные. Совмещая перекресток с полезными действиями, парни стали помогать водителю, быстро распределив между собой обязанности. Вскоре колесо было заброшено в кузов «капсулы».

— Да, нездоровый знак, — сказал Жорж, когда колонна снова тронулась.

Вскоре машины свернули в сторону здания заводоуправления, где было определено место ночёвки. С раннего утра двинулись дальше, и к обеду остановились в Антоновке, где располагался тыл мотострелковой бригады.

Как и ожидалось, никто не удосужился встретить колонну и дать указания по размещению, поэтому всему прибывшему личному составу, в том числе и мобильному отряду, пришлось до вечера самостоятельно решать вопросы пропитания и временного размещения. К вечеру появился помощник коменданта, который быстро «организовал» прибытие одного из старших офицеров бригады, вместе с которым и распределил вновь прибывших людей — кого на временное размещение до дальнейшего распределения, а кого и на «постоянку».

Юра осмотрел дом, предоставленный его отряду. Во время боёв за Антоновку в этот дом попало два снаряда — один от автоматической пушки, в угол дома, сделав в стене дыру, и второй, гаубичный, разорвался во дворе, оставив после себя большую воронку и куски земли по всему участку. Ну, и лишив дом всех стёкол. В любом случае это было лучше, чем спать скрюченным в машине.

Назначив Романова ответственным за наведение порядка и приведение дома в жилое состояние, Трофимов вначале направился в военную комендатуру, отку-

да, выяснив месторасположение штаба бригады, поехал представляться своему командованию о прибытии.

— Трофимов, — подполковник Михайлов уже вошёл в роль командира бригады. — Что ты тут придумал? Какой к чёрту «мобильный отряд»? У меня офицеров не хватает в каждом подразделении — раненые, убитые, пропавшие без вести! Давай, будешь замом во втором батальоне? Там много чего разрулить надо!

— Товарищ подполковник, вот выписка из приказа... — Юра решил не спорить, так как понимал, что Михайлов тоже по-своему прав, и офицеров в боевых подразделениях действительно не хватало. — Ознакомьтесь.

Николай быстро прочитал документ.

— Офицер, который берёт в руки оружие, становится солдатом, — поучительно сказал подполковник. — Ты — целый майор, старший офицер, ты должен управлять боем, а не бегать с винтовкой или ПТУРом по окопам.

— Мне всё это известно, товарищ подполковник. Но есть решение заместителя командующего армией, и я его буду выполнять.

— А давай так, — Николай начал выискивать разумные варианты. — Ты принимаешь должность заместителя командира батальона, и одновременно с этим командуешь своим мобильным отрядом?

— Разорваться на два фронта я не могу, — парировал Юра. — По мобильному отряду есть организационный приказ. Так что... введите меня в обстановку, и я начну работать по своему предназначению, товарищ подполковник.

— Свободен, — было видно, что Михайлов остался недоволен разговором. — Иди к Серову, он тебя введёт в курс дела. Будут проблемы по отряду — решаешь их сам, на меня можешь не рассчитывать. Как ты ко мне — так и я к тебе.

Наверное, это была такая маленькая месть со стороны новоиспечённого комбрига, который не смог закрыть хотя бы одну остро необходимую вакансию.

— Добро, — кивнул Трофимов.

Начальник штаба бригады предложил чаю. Когда Юра, обжигаясь, взял в руку кружку, Серов развернул перед ним карту и кончиком хорошо оточенного карандаша стал водить по линии обороны.

— Бригада занимает полосу обороны шириной сорок пять километров...

— Сколько? — спросил Трофимов, не веря своим ушам.

— Сорок пять, — Сергей внимательно посмотрел ему в глаза. — Ты, вижу, удивлён?

— Слегка, — кивнул Юра.

— Напрасно ты так рано начал удивляться, — усмехнулся подполковник Серов. — Тебя ждёт много интересных открытий...

— Я готов.

— Оборона бригады выстроена системой опорных пунктов по линии Трудовое — Залежное — Петровка — Николаевка — Татьяновка. Командный пункт бригады находится здесь, под нами, полевой пункт управления — здесь, — Сергей указал на карте карандашом расположение полевого пункта. — В каждом населённом пункте — взводный опорный пункт силами до двадцати человек. В Трудовом, как самом левофланговом, мы поставили роту — шестьдесят человек. Там же огнемётное отделение и противотанковый взвод с «Корнетами» и «Фаготами». Бригадная артиллерия несколькими группами стоит в глубине обороны, ведёт плановый огонь по выявленным целям, пытаемся реагировать на внезапно появляющиеся цели, но пока получается плохо — раньше чем через полчаса

стрелять не начинаем — причин на то много, но главная одна — чтобы открыть огонь, мы должны получить разрешение от командующего группировкой.

— Глупейшее решение! — воскликнул Юра. — Кто это придумал?

— Догадайся сам, — предложил Сергей и продолжил: — Обстановка сложная. Опорники держат оборону, бригада ведёт подготовку к наступлению на Сталедар. Пытаемся вести разведку — наблюдением обнаруживать огневые средства и «укрепы» противника.

— А что, у бригады есть силы вести наступление? — удивился Юра.

— Откуда? — вопросом на вопрос ответил начальник штаба. — Сверху приказали подготовиться, мы и готовимся. Тут оборону-то держать не кем, не то, что наступление вести...

— Как так, товарищ подполковник?

— Это ты меня спрашиваешь?

— Типа того...

— Скажи спасибо, что за всей этой боевой суетой мы пока про плановые отчёты забыли, про доклады о наличии туалетной бумаги в солдатских туалетах и инструктажах о запрете движения на личном транспорте со скоростями свыше девяносто километров в час... Впрочем, пока мы были на киевском направлении, с нас ещё и не то требовали. И вместо того, чтобы нормально воевать, и планировать боевую работу, мой штаб, к примеру, в полевых условиях продолжал рожать фотоотчёты о состоянии дисциплины, которые требовали армия и округ. Нормально, да? Всем было просто безразлично, как у нас продвигается боевая работа — вышестоящие штабы интересовались только привычными ежедневными отчётами. Бессмысленными по своей сути, но красивыми по

исполнению. В том числе и поэтому мы там всё прощёлкали... в общем, вышли оттуда.

— Вот здесь не удивлён, — кивнул Трофимов. — Что дальше по обстановке?

— По обстановке: враг имеет преимущество в разведке и артиллерии — над передним краем постоянно работают разведывательные коптеры и БПЛА. Как только они замечают какое-то движение — сразу следует удар артиллерии. Стреляют очень точно — нам такое и не снилось. И кстати, между опорными пунктами нет никаких заграждений, чтобы ты понимал. На многих участках нет даже огневого контроля. Если враг захочет, наберётся смелости, то он там, между любыми сёлами, спокойно может вклиниться в нашу оборону, его никто даже не заметит. Я считаю, что твой отряд, раз у вас есть ПТУРЫ и снайперские винтовки, должен заняться контролем пространства между опорниками. Подумай, как можно это реализовать. Какие у тебя будут предложения прямо сейчас?

— Мне бы мобильность повысить, какой-нибудь УАЗ получить. А по боевой работе — я бы начал с изучения обстановки на переднем крае. Если были случаи снайперского огня со стороны противника, или прилётов противотанковых ракет — хотел бы на месте услышать подробности. И реализовать контрмеры.

— Не возражаю, — кивнул Серов. — Тогда могу предложить начать с левого фланга — с Трудового. У нас там самый беспокойный участок, и местами позиции противника находятся в полукилометре от наших позиций.

— Могу я выехать туда в ближайшее время?

— Да, конечно. Согласуй вопрос с зампотылом, он туда должен завтра машины с продуктами и боеприпасами отправить.

— Хорошо, — кивнул Юра. — Сделаем.

— «Шелест», — мужчина в «цифре» без знаков различия протянул Трофимову свою руку, — командир четвёртой роты ополчения.

— «Восток», — Юра в ответ пожал крепкую руку.

Только что вместе со своими снайперами и водителем, на «капсуле» он приехал на окраину населённого пункта Кирпичик, где ему рекомендовали оставить машину и до Трудового идти пешком. Здесь его встретили как бойцы из своей бригады, так и донецкие ополченцы, приданные мотострелковому соединению в качестве пехотного усиления.

— Машину загоняйте в ангар, чтобы её с воздуха видно не было, — предложил «Шелест». — И пойдёмте за стол.

Из ангара все двинулись за «Шелестом» и вскоре вошли в один из частных домов. Здесь, по всей видимости, располагался штаб подразделения ополченцев. За столом «Шелест» организовал чай, после чего предложил заняться делом.

— Рассказывайте, чем мы вам можем помочь?

— Меня интересуют факты работы снайперов и противотанкистов противника, — сказал Юра. — Если таковые имеются, тогда мы обсудим этот вопрос подробнее.

— Да кто их знает, — «Шелест» усмехнулся. — Стрельба идёт постоянно, но снайпер это стреляет, или нет — кто их разберёт?

— У вас были случаи гибели личного состава от выстрелов в голову? — спросил Воробьёв.

— Бывало, конечно, — кивнул ротный.

— Так, чтобы вне обстрела. Тишина кругом, а потом раз, выстрел. Было?

— Может, и было...

Трофимов понял, что ополченец просто не понимает, чего от него добивается старшина и, оставив эту затею, предложил пройти на передний край, в Трудовое. Всего нужно было идти около пяти километров. Юра забрал из машины бинокль и дальномер, Романов взял АСВКМ — крупнокалиберная винтовка была сложена в походное положение и находилась в чехле для переноски.

«Шелест» выделил проводника и группа, обойдя сельхозпредприятие на северной окраине поселка, вышла на дорогу. Идти к Трудовому предстояло через поле, вдоль лесопосадки. Непросохшая после дождей дорога доставляла путникам мало удовольствия, однако, идти по полю или по самой лесополосе, было ещё сложнее.

— Командир, — Романов вытер со лба пот. — Может, ну его, тащить эту дуру в такую даль?

— Всем тяжело, — усмехнулся Юра. — А ты — выскочка!

— А патроны взяли? — спросил сержант.

— Я взял, — ответил Трофимов. — К автомату.

— А мы? — Романов повернулся к своему «второму номеру».

— Я думал, что ты взял, — Антон Ларин демонстративно хлопнул рукой по подсумку.

— Что, не взял патроны? — старшина остановился.

В него уткнулся идущий следом Тимур Ганжа.

— Да взял, взял! — улыбнулся Антон. — Куда бы я без них?

Снайпера расхохотались — от предстоящего дела веяло смертельной опасностью, и бойцы защищались как могли — шутками и взаимным подтруниванием.

— Угмонитесь, — сказал Юра. — Прислушивайтесь вокруг — могут коптеры прилететь.

— Постоянно летают, — подтвердил проводник. — Как движение замечают — сразу начинают минами обкладывать. Ну, здесь ещё нормально, у них дальности не хватает, а вот как ближе к Трудовому подойдём, там нужно будет внимательно следить.

— А если нас обнаружат?

— Бежать, — сказал проводник. — Чем быстрее, тем лучше.

До посёлка шли больше часа. Там у первых домов их встретил Свиридов, недавно назначенный командиром первой роты после того, как прежний ротный пропал без вести.

— Здравия желаю, товарищ майор, — лейтенант позвал Трофимову руку. — Мне сообщили о вашем прибытии. Что вам показать?

— Есть места с прямой видимостью на противника?

— Практически повсеместно.

— Какова дальность?

— До секретов и дозоров метров триста-четырееста, до позиций метров пятьсот — шестьсот.

— Чем вы их кошмарите?

— Иногда из АГС накидываем, — сказал Григорий. — Бывает, БМП выгоним из укрытия, и пушкой отрабатываем. Но это если они совсем уж нагло себя ведут.

Оставив снайперов в одном из домов, Юра с командиром роты направился на передний край — северную окраину села. Трудовое было изрядно побито миномётами и артиллерией, но большая часть домов оставалась нетронутой, в некоторых даже стёкла не были выбиты. К своему удивлению Юра увидел и мирных жителей. В одном из дворов пожилая женщина что-то делала в огороде, готовя его к летнему сезону.

— Как же так? — спросил Юра.

— Мы им говорили — уходите, — сказал Григорий. — Кто моложе, давно уже ушли, а старики остались. Я разговаривал с некоторыми, они говорят, что идти им некуда, жизнь они прожили, и умереть предпочтут на родной земле.

— Сто процентов, стучат на вас, — сказал Трофимов.

— Более чем уверен, — согласился Свиридов. — Телефоны у них есть. Сотовая связь работает. Мы для них враги. Их бы отсюда принудительно вывезти, и мы даже в комендатуру обращались в Антоновке, но там и без нас работы хватает... короче, живут. Что мы им сделаем? Кормим их из общего котла... если просят.

Вскоре они подошли к крайнему дому, на чердаке которого, через пролом в торцевой стене было организовано наблюдение. Свиридов, отодвинув засыпающего бойца, сел на стул наблюдателя и выглянул в щель.

— Впереди, метров шестьсот, лесополка, видите?

Трофимов выглянул наружу — за широким полем виднелась лесополоса, чуть правее в сторону противника по дамбе уходила проселочная дорога, а ещё правее он увидел гладь водохранилища.

— Вижу.

— В этой лесополке у меня сидит боевой дозор — шесть человек. За ним уже противник. Там далее река Бесовка, а дальше видите, ещё одна лесополка? Вот в ней уже укроп сидит.

Юра достал недавно купленный лазерный дальномер и измерил дистанцию до противника — прибор показал 970 метров.

— У вас есть ещё подобные чердаки?

— Для стрельбы?

— Да.

— Вот только с этого не стреляйте, товарищ майор! Спалите мне пост наблюдения. А стрелять можно

с фермы, там есть несколько зданий. Какое выберете, то и ваше.

— Добро, — согласился Трофимов.

Составив схематичную карточку огня, Юра вышел на улицу. Пока они со Свиридовым шли обратно, над ними пролетел коптер. Григорий прибавил шаг.

— Товарищ майор, давайте быстрее. Как только они засекают движение, начинается миномётный обстрел.

Со стороны противника донёсся звук миномётного выстрела.

— Выход, — пояснил Свиридов и побежал.

Трофимов припустил за ним. Спустя несколько секунд раздался шорох летящей мины, и офицеры поспешили упасть в придорожный кювет. Взрыв произошёл метрах в тридцати позади. Свиридов тут же подскочил.

— Бежим.

Юра последовал его примеру. Они свернули во двор ближайшего дома, пересекли его, перелезли через невысокую оградку. Снова донёсся звук выстрела. Мина легла примерно в том месте, где они спасались от первого прилёта. Прямо над головами прожужжал коптер. Трофимов поднял голову — аппарат висел буквально над ними, на высоте метров пятьдесят.

— Сейчас нас загоняют, — констатировал Григорий.

— Почему по нему никто не стреляет? — удивился Юра.

— А толку-то? Всё равно не попадёшь...

Трофимов лёг на спину и прицелился в коптер. Когда-то он считал себя хорошим стрелком, но после десятилетнего перерыва трудно было ожидать результата.

Послышался ещё один «выход».

Бах-бах-бах... — в высоком темпе Юра произвёл три одиночных выстрела, дрон кувыркнулся и камнем полетел на землю.

— Не, не верю, — улыбнулся Григорий. — А что, так можно было?

— Да я сам удивлён не меньше твоего, — усмехнулся Юра.

Коптер упал рядом с ними, через несколько секунд метрах в двадцати от них упала мина. После разрыва они подскочили и побежали.

— Без корректировки они стрелять не будут, — предположил Свиридов.

И точно, миномётный огонь прекратился. Григорий вернулся, чтобы забрать упавший дрон. Стал разглядывать его. Трофимов делал вид, словно он эти коптеры сбивает постоянно, мол, ничего сверхъестественного сейчас не произошло.

— Могли бы и сами их сбивать, — улыбался он.

— У меня в роте никто так не стреляет, — сокрушался Свиридов. — Вот по вам сразу видно — снайпер...

— Да брось. Каждый может. Да и не снайпер я. Трассера у тебя есть?

— Нет.

— Получи трассера и стреляйте очередями — можно видеть, куда пуля летит, и тут же подводить, корректировать...

— Понял, — сказал лейтенант. — Обязательно получим! А вообще, говорят, есть какие-то антидроновые ружья — вот их бы получить.

— У нас в бригаде таких точно нет, — сказал Юра, и с апломбом добавил: — Это я тебе как начальник отдела боевой подготовки бригады говорю.

«Взлёт» прошлогоднего выпускника лейтенанта Свиридова на должность командира роты слегка уязвил Трофимова, который, чтобы занять такую же должность, отходил взводником несколько лет. И сейчас он, удовлетворяя самолюбие, не преминул заметить и свой

«карьерный рост». С другой стороны, Юра понимал, что взлёт этот был вызван не только боевым опытом, который уже успел получить здесь, на СВО, молодой лейтенант, но и отсутствием в батальоне других офицеров.

Оказавшись в доме, Юра показал своим снайперам карточку огня, потом довёл свои соображения.

— Пока мы бегали от миномёта, я присмотрел дом, вот здесь... — он указал на схеме. — Дальность будет около тысячи двухсот метров, но зато мы не палим местных наблюдателей.

— Тысяча двести — это нормально, — согласился старшина Романов. — Работаем?

— Вы это сейчас собираетесь делать? — уточнил Свиридов, ставя ударение на слове «сейчас».

— А зачем тянуть? — ответил Юра. — Мы художники не местные, попишем и уедем...

— Вот-вот, а нам потом с этим жить, — сказал Григорий. — Вы там одного завалите, а они нам потом минами полроты вынесут.

— Товарищ лейтенант, вы предлагаете вообще с ними не воевать? — Юра изменился в лице.

Свиридов замолчал. Спорить с майором, тем более «старым», он не мог.

Романов вместе со своим вторым номером рядовым Лариным затащили тяжёлую винтовку на чердак ранее запримеченного дома, подручными средствами сделали пролом в крыше, оборудовали огневую позицию. Установили трубу, за которую сел Трофимов.

Осмотрев вражеские позиции, Юра был крайне удивлён той беспечностью, которая царила в стане врага: два человека на окраине лесополосы копали окоп, ещё двое, было видно сквозь ветки деревьев, сидели на снаряжных ящиках, и похоже, обедали.

— Слушай, Максим, — обратился он к Романову, — они слишком расслабленно себя здесь чувствуют. Потревожим их размеренную жизнь?

— Потревожим...

Трофимов уступил место у трубы второму номеру. Романов лёг за винтовку, поворочался в поисках наиболее удобного положения, заглянул в прицел.

— С кого начнём?

Ларин несколько секунд смотрел в трубу, установленную на треноге.

— Какой тебе сподручнее?

— Правый землекоп.

— Пять сек... — Антон перевёл зрение на дальномер, измерил дистанцию. — Тысяча двести девяносто. Ветер считаем как ноль.

— Принял.

Старшина замер. Трофимов, Ларин и Ганжа поспешно натянули на уши активные наушники.

— Огонь по готовности, — сказал Антон.

Юра в свой шестикратный бинокль стал рассматривать вражескую позицию, но видеть он мог лишь едва различимые силуэты.

Воздух сотрясло от выстрела. Бинокль в руках дрогнул, и Юра не успел уловить момент прилёта пули.

— Так, — Антон на секунду замер, уточняя результаты. — Право одна, целься ниже на размер головы.

— Отреагировали? — спросил Трофимов.

— Остановились, замерли, — сообщил Ларин, глядя в трубу. — Услышали пролетающую пулю, но, наверное, ещё не поняли, что это было.

Романов выстрелил второй раз. Турбулентный мираж пересёк фигуру человека, которая тут же исчезла.

— Цель, — буднично сказал Антон. — Давай второго, пока он замер в восторге.

Максим перезарядился и прицелился во второго, но тот присел возле первого, наполовину скрывшись за бруствером.

— Попробуй под самый срез... — порекомендовал Антон.

Третья пуля взбила землю, но и человек тоже исчез.

— Похоже, что «цель», — сказал Ларин. — Поразили через бруствер.

— Полтора землекопа, — вырвалось у Трофимова.

Находящиеся в полусотне метрах сослуживцы убитых встали в полный рост, и некоторое время смотрели в сторону погибших, потом не спеша двинулись к месту расправы.

— Они идиоты, что ли? — спросил Ларин. — Макс, тысяча триста десять, снос тот же.

— Да они поверить не могут, что по ним стреляют.

— Упреждение две, — сказал Антон, прикинув скорость фронтального перемещения целей.

Романов сложил снос с упреждением и выстрелил. Удача сопутствовала и на этот раз.

— Цель, — сказал Ларин. — Ему там голову, похоже, оторвало. Прямо облако кровавое брызнуло...

Ситуация вызвала взрыв хохота.

— Командир, — Тимур тронул Трофимова за плечо. — Может, валим уже?

— Нет, — отказал Юра и обосновал своё решение: — С такой организацией службы там у них нет наблюдателей, способных нас обнаружить. Они привыкли бдить за передним краем — триста-четыре метра перед собой. Гасим дальше — всех, кого увидим.

Сказав это, Юра засомневался в справедливости своего обоснования, однако, снайпера, вероятно, более

опытные в этом деле, неожиданно с ним согласились и продолжили свою работу.

Четвёртый боец ВСУ, по всей видимости, всё же осознал, что по ним стреляют, и спрыгнул в окоп. Минут десять никто не высывался и опасение быть расшифрованными, пересилило азарт охоты.

— Ладно, сматываем удочки, — сказал Юра. — Отлично поработали!

Это был первый боевой результат работы мобильного отряда.

Вернувшись к Свиридову, Трофимов вкратце обрисовал цели и задачи снайперской работы и попросил вести наблюдение на дальность до двух километров, если, конечно, получится. Григорий, восторженный уничтожением коптера, пообещал заняться организацией наблюдения, и пока роте не накидали мин за действия снайперов, Юра попросил дать ему транспорт, чтобы битый час не идти через открытое поле.

Вскоре БМП привезла группу в Кирпичик, где в ангаре их ждала «капсула» со спящим водителем внутри.

Надо было обустраивать быт, так как выезд предполагал пребывание в Трудовом в течение двух-трёх дней. В принципе, переночевать можно было и в «капсуле», но имея задел на будущее, Юра полагал, что подобные поездки на левый фланг обороны бригады, могут быть не только в привычной машине, но и на любой другой. А раз так, то нужно было как-то решать вопрос с проживанием на перспективу.

«Шелест» махнул рукой:

— Выбирай любой дом, они почти все тут брошены.

Осмотрев на восточной окраине посёлка несколько домов, остановились на первом же, в котором был подвал. Дом был брошен. Полчаса ушло на вскрытие дверей

дома и подвала. Хотя внешне дом выглядел достаточно современным, но внутреннее убранство поразило Трофимова своей убогостью. Нет, в комнатах было чисто и опрятно, но обстановка напомнила ему детство, когда он вместе с родителями приезжал в деревню к бабушке — здесь было ровно так, словно он переместился на машине времени на четверть века назад.

Оставшиеся целыми окна залепили полосами скотча, чтобы при близком взрыве сдержать часть осколков, выбитые же, с одной стороны дома, занавесили одеялом. Из подвала, освобождая его под укрытие, вынесли полусгнившие полки, попутно найдя там несколько трёхлитровых банок солений — явно позапрошлогодних. К вечеру собрались за столом, выставив на него сухпайки.

Поев, Юра со старшиной направились к ангару, где оставили свой бронированный КамАЗ и водителя. Возле ангара стояло несколько вооруженных человек, по всей видимости, из роты «Шелеста». Чтобы не вызывать больших подозрений, ещё издали Юра спросил:

— «Шелест» здесь?

— Не, — ответили ему. — Дома гасится.

— Ангар ночью охраняете? — спросил Трофимов, подходя вплотную.

— От кого? — спросили в ответ.

— Ну, мало ли, — усмехнулся Юра. — Укроп приползёт...

— Да они по ночам не ползают, — ответили ему.

— Да как знать, — усомнился Юра, и более ни слова не говоря, прошёл в ангар.

Никто не препятствовал.

— Жорж! — Трофимов постучал кулаком по двери кабины «капсулы».

Появилось заспанное лицо водителя.

— Ужинал?

— Так точно, товарищ майор, — водитель открыл дверь и спрыгнул на землю.

— Смотри, завтра нужно будет найти в деревне место, поближе к нашему дому... — Юра увидел удивление в глазах подчинённого, и понял, что тот, просидев весь день в машине, ничего не знает, что происходило с остальной группой, и конечно, не знает о «вселении в дом». — Мы тут дом облюбовали. Нужно будет поближе к нему найти место, где можно было бы ставить КамАЗ. Ночуешь здесь, завтра с утра кто-нибудь за тобой придёт и проведёт — покажет куда ехать. Яволь?

— Так точно, товарищ майор! — кивнул Жорж.

— Спишь здесь, но чутко. При обстреле сиди в машине. Если прилетит в ангар, выезжаешь за ворота фермы, там налево и ещё раз налево, потом метров четыреста прямо, паркуйся к обочине, выключаешь все огни и стой. Мы увидим — подойдём. Там не далеко, — проинструктировал майор.

— Понял, — кивнул водитель.

— Ну, тогда спокойной ночи, — пожелал Трофимов.

Забрав спальники на себя и оставшихся в доме, Трофимов и Романов вернулись на «базу». Ларина и Ганжу Юра назначил на охрану и оборону — кто-то должен был бодрствовать в течение всей ночи. Быстро прикинули варианты обороны дома и прорыва в случае окружения. Вскоре Трофимов завернулся в спальный мешок и закрыл глаза. Фактически это была его первая ночь на войне. Линия фронта находилась в каких-то пяти километрах к северу — всего лишь час ходьбы. Или десять минут езды на БМП.

Пока что война не вызывала у него запредельных переживаний — миномётный обстрел он перенёс, на удив-

ление, очень спокойно, и даже весело, вспомнив, как с лейтенантом перепрыгивал через небольшой забор. Стрельба по людям, копошащимся где-то вдаль, тоже не вызвала никаких потрясений, при том, что по сути это было ужасное действие, в котором одни люди безнаказанно убили других людей. Усталость быстро подавила все размышления на этот счёт, и он неожиданно быстро уснул.

На следующий день на прежней позиции в Трудовом организовали пост наблюдения, решив в течение дня и следующей ночи вести только наблюдение, накапливая понимание того, что происходит на переднем крае со стороны противника. Оставив на посту Ларина и Ганжу, Трофимов с Романовым, прихватив с собой Свиридова, направились в окопы передового дозора.

Чтобы дойти туда, некоторое время пришлось идти по кустарнику, который хорошо скрывал идущих от наземных наблюдателей, но не гарантировал укрытия от воздушного наблюдения. Пересекая открытые места, Юра невольно думал о том, что будь на той стороне хороший снайпер, их бы уже давно всех здесь убили.

— Обычно они стреляют из АГС со второй лесополки, — пояснил Григорий. — От наших передовых окопов до неё около километра. Там у них основная оборона выстроена, похоже. А где миномёты находятся, я вообще не понимаю. «Птичек» своих у меня нет, бригадная разведка все «Элероны» уже потеряла, летать не на чем.

— А твои миномётчики как работают? — спросил Юра, вспомнив, что в одном из дворов видел миномётный расчёт.

— В белый свет,— пояснил лейтенант.— Мы противника не видим, так как он нас видит. Как-то вечером мы засекли вспышку выстрела укропского миномёта, посчитали секунды, пока звук до нас дошёл — получили расстояние. Направление нам известно. По карте посмотрели — получается, где-то за селом Золотой Сад, пять километров отсюда. Вот миномётчики и стреляют туда. Мы верим, что позиция врага — там.

— Я удивлён и раздосадован,— сказал Трофимов.

— Товарищ майор,— Свиридов посмотрел на собеседника.— Вы удивлены, а мы с этим пытаемся жить...

— Потери большие? — спросил Трофимов.

— За последнюю неделю три двухсотых, шесть трёхсотых и пять пятисотых. Все погибшие и половина раненых — это результат прилёта мины в дом, где люди отдыхали. Ну, а так, обычно, люди получают ранения от огня АГС и миномётов. Бывает, гибнут. Но это в основном от того, что не налажена эвакуация. Не довозят их до врачебной помощи. Нормальной медицины ни у кого нет. Жгуты все рвутся, так как старые. перевязочные пакеты восьмидесятих годов. Хорошо, хоть промедол есть — умирать не больно.

За разговорами они прошли по линии окопов, которая местами переходила в жалкое подобие траншеи, и приходилось идти сильно пригнувшись.

— Могли бы маску здесь из веток и маскировочной сетки поставить,— заметил Юра.— Если копать лень.

— Сетки нет, а копать некому,— парировал Григорий.— Да и здесь у меня, считай, передовой дозор. Основная линия обороны, всё же, по северной окраине села проходит, опираясь на огневые точки в подвалах домов.

Остановившись в одном месте, Трофимов несколько минут в бинокль рассматривал вражеские позиции, потом передал прибор Романову:

— Макс, смотри, пулемётное гнездо, похоже.
— Где? — Свиридов тоже проявил интерес.
— Просвет в деревьях, право два пальца, — указал Трофимов.

— Да, там пулемёт, — подтвердил лейтенант.
— Почему не уничтожаете?
— Он нам не мешает, — Свиридов махнул рукой.
— Вы тут скоро брататься с хохлами начнёте, — усмехнулся Юра.

— Мы тут живём с ними по принципу «не буди лиха», — ответил Григорий.

— Ну, они же вас бьют, — сказал Трофимов.

— Да, это так, — отмахнулся лейтенант. — Если их разозлить, они могут такой обстрел устроить — мама не горюй!

— Вы как-то неправильно воюете, — сказал Юра и повернулся к Романову: — Старшина, дай СВД.

Юра установил винтовку на сошки, принял для стрельбы устойчивое положение и посмотрел в прицел. Хорошо видимая огневая точка была пустой. В секторе обстрела, вырытом в бруствере, торчал ствол пулемёта ПК, но признаков присутствия человека видно не было.

— Метров пятьсот, — сказал Романов, рассматривая позицию в бинокль.

— Ага, — ответил Юра. — Примерно...

Выставив маховик прицела на пять, Трофимов продолжил вести наблюдение. Минут через пять старшина обнаружил движение на правом фланге вражеских позиций, ближе к дамбе водохранилища. Здесь лесополоса уступом проходила метров на сто ближе.

— Товарищ майор, смотрите...

Трофимов сместился влево, чтобы повернуть ствол вправо и увидел человека, машущего лопатой.

— Край непуганых идиотов, — выразил он своё мнение.
— Командир, там ещё двое есть, они в кустах сидят, — подсказал Романов.

— Наблюдатели?

— Нет, похоже, такие же землекопы.

— Мы вчера примерно в этом же месте, плюс-минус сто метров, убили трёх человек, — сказал Трофимов. — А эти копают, как ни в чём не бывало. Или я — дурак, или лыжи по асфальту не едут.

— Мы их не трогали, — признался Григорий. — Они не привыкли к такому. Наверное, посчитали вчерашний расстрел за случайность.

Банка, установленная на стволе винтовки, гарантировала невозможность обнаружения огневой позиции по звуку выстрела, а увидеть его не могли, так как Трофимов расположился перед жиденькими кустами.

— Наблюдай, — предложил Юра.

В голове вспыхнул азарт охотника — давно уже неведомое им лично чувство. Когда вчера старшина управлялся с украинскими солдатами, Трофимов, конечно, чувствовал приступ адреналина в ожидании результатов стрельбы, но сейчас это чувство было кратно сильнее — ведь эту работу теперь делал он сам.

Ладони вспотели, и сердце молотило в груди с огромной скоростью. Нужно было расслабиться и немного успокоиться, но в любую секунду ситуация могла измениться, враг мог пропасть с поля зрения, и поэтому не следовало более медлить. Юра подвёл галку прицела в центр груди вражеского бойца и, затаив выдох, мягко потянул спуск.

Винтовка толкнула в плечо, ударив в глаз пороховыми газами, которые при стрельбе с тактическим глушителем летят кратно сильнее. Человек с лопатой согнулся пополам и упал.

— Как тихо, — удивился Свиридов.

— Цель, — сказал старшина. — Зацепил правую сторону груди, или в плечо.

Юра сместил винтовку в сторону и поймал в прицел одного из двоих курильщиков. Его он взял на галку с выносом в левую часть груди. Выстрел — и на земле оказался ещё один боец ВСУ.

— Цель, — Романов подтвердил попадание. — Третий уходит, командир.

Оставшийся вражеский боец припустил по позиции, пригнувшись и пропав с поля зрения.

— К пулемёту бежит, — предположил Григорий.

Юра переместился на своей позиции, и взял проём в бруствере, откуда торчал ствол пулемёта, на галку прицела. Затаил дыхание.

В этот момент ствол пулемёта дрогнул, и начал принимать горизонтальное положение, в просвет бруствера показалась голова пулемётчика. Более не раздумывая, Юра утопил спуск, и винтовка мягко отозвалась в плечо.

— Ушла вправо на две головы, — сообщил Романов. — В бруствер. Ветра вроде нет...

В этот момент пулемётчик открыл огонь. Он стрелял в сторону южной оконечности дамбы.

Юра вынес прицел на две головы влево и выстрелил. Пулемётная очередь оборвалась, и ствол снова поднялся в небо. Голова исчезла.

— Товарищ майор, я такую стрельбу впервые вижу, — Свиридов выглядел радостным. — А теперь давайте валить отсюда. Они сейчас сюда начнут из миномёта крыть.

— Бежим, — согласился Трофимов. — Скажу честно, я тоже впервые вижу такую стрельбу. Первый раз в жизни сам стрелял по людям...

Втроём они, что было сил, бросились бежать, однако, в броне делать это было не очень удобно, и буквально метров через двести уже остановились, чтобы отдышаться. Более молодой лейтенант проявлял лучший уровень физической натренированности.

— Надо быстрее, — Свиридов стал поторапливать остановившихся товарищей. — Сейчас крыть будут...

Однако, бежать сил уже не оставалось, и Трофимов, согнувшись, и уперев руками в колени, пытался надышаться, чтобы наполнить организм кислородом и снова обрести способность передвигаться. Он вдруг подумал, что никакой артиллерийский огонь сейчас не смог бы заставить его бежать — когда силы тебя оставили, они оставили тебя полностью.

Через несколько минут все трое наконец-то добрались до края села и завалились в окоп, в котором сидел дежурный пулемётчик. Боец вначале опешил, но увидев знакомое лицо лейтенанта, успокоился.

Со стороны врага раздался звук миномётного выстрела.

— Смотри, как работают, — сказал Юра. — Всего десять минут — и открытие огня. А мы так можем?

— Могли бы, — кивнул Григорий. — Если бы коптеры были.

Со временем взрывы стали смещаться к краю села, было очевидно, что работает не один миномёт, а несколько. Послышалось жужжание коптера — он пролетел где-то правее.

— Уходим в подвал, — предложил Свиридов, — не будем давать им шанс нас обнаружить.

В подвале находилось несколько человек. Здесь было темно и сыро. Люди негромко переговаривались, и Юра понял, что большая часть из десятка находящихся здесь — это местные жители — старики и старухи.

Когда обстрел закончился, Юра со старшиной забрались на крышу дома, где сидели Ларин и Ганжа.

— Товарищ майор, — Ларин пожал Трофимову руку: — Мы с удовольствием наблюдали за вашей работой. Особенно впечатлил выстрел по пулемётчику. Вы его словно ждали...

— Лейтенант подсказал, — улыбнулся Юра. — А дальше было делом техники. С первого раза не попал, но пулемётчик, стреляя очередями, этого понять не смог. И поплатился. Кстати, винтовка вправо кладёт, Макс — разберись. Ну, давайте, рассказывайте, что видели.

После обсуждения результатов наблюдения, Трофимов принял решение продолжить наблюдение ночью — с помощью имеющегося в группе тепловизионного прицела к АСВКМ, который позволял видеть метров на семьсот. Дальность, конечно, не позволяла стрелять с этой позиции по позициям врага, но хотя бы какую-то картинку происходящего получить было можно.

Юра был буквально окрылён тем результатом, который удалось достичь. В голову лезли оптимистические мысли о будущем мобильного отряда, и он утвердился во мнении, что курс выбран верный, и на будущее нужно развивать данное направление боевой работы, что бы в дальнейшем можно было наработанный опыт внедрить в других подразделениях. Трофимов ощущал даже чувство лёгкой эйфории, слагаемое из ощущения проявленной во время стрельбы боевой эффективности и познанного чувства безнаказанности — при отсутствии со стороны противника должного огневого воздействия.

Жорж перегнал КамАЗ ближе к дому, где его поставили рядом с большим сараем, закрыв маскировочной сеткой. Так как обязанности водителя у него закончились, то тут же возникли обязанности повара. В машине имелся казан и газовая плитка, совместное использование которых порождало разнообразные блюда, из числа которых плов был самым желанными всеми участниками мобильного отряда.

Так же в машине был создан небольшой запас продуктов, купленных в магазинах: крупы, картошка, рыбные и мясные консервы, овощи. Имелся запас воды — две пластиковые ёмкости по 50 литров каждая. Вода оказалась как нельзя кстати. Местные бойцы выяснили, что вода из колодцев посёлка нарушала работу кишечника, что наталкивало на мысль об их отравлении.

В общем, ужин он приготовил на славу, но к вечеру из Трудового так никто и не вернулся. Георгий, конечно, слышал вдали разрывы и предполагал, что там идёт или обстрел или бой, и вот эта неизвестность расстраивала больше всего. С темнотой пришёл холод, и водителю пришлось закутаться в одеяло — в таком виде он развалился в кресле, ожидая возвращения своих сослуживцев. Автомат стоял рядом, «капсула» — в полусотне метрах, через пару участков.

В темноте невольно прислушиваешься к каждому звуку. С улицы время от времени доносился шум машин, и даже случались сполохи света фар — по местным понятиям здесь был уже глубокий тыл, и как следствие — водители не утруждали себя ездой без фар. Иногда раздавались голоса, но где-то далеко — буквально на грани слуха. Со стороны Трудового бухнуло несколько взрывов.

Что с группой? Живы ли? Всё ли у них в норме, или требуется помощь? Может быть, следует уже нестись к ним на «капсуле», или они сами двигаются к дому? Ответов на эти вопросы у Жоржа не было.

На войне такое бывает — когда не только отдельный боец, но и большое подразделение, могут остаться без связи с командованием, без управления. Такая ситуация требует понимания, нужна ли здесь какая-то разумная инициатива, влекущая какие-либо активные действия, или нужно сохранять бездействие, что как раз может быть «планом действий» со стороны старшего командования. Это часто может случаться с батальонами и целыми полками, и ежедневно — с тысячами отдельных людей, находящимися на фронте.

Одно дело, если это происходит где-то в тыловых районах, и совсем другое — если на переднем крае. В тылу человек, или подразделение, попавшие в ситуацию отсутствия связи и управления, практически не рискуют жизнью и боеспособностью. А на «передке» всё выглядит совсем иначе: здесь каждый боец, будучи предоставленным самому себе, вправе думать, что командиры его «забыли», а сами отошли, и он вот-вот один на один встретится с врагом. Да что боец, в такую ситуацию могут попадать и целые коллективы, где случаются брожения мыслей по этому поводу, жаркие обсуждения создавшегося положения, критика в адрес командования и его «неправильных решений», случаются фантазии и домысливания различных слухов типа «нас бросили и предали», отчего образуется надуманный страх, способный порой превратиться в панику. Подчеркну — на совершенно пустом месте.

Отсутствие связи может быть по самым банальным причинам, и поэтому опытные воины и командиры чётко знают, что им нужно делать в непонятной ситуации, что

позволяет сохранять управляемость подразделения и не подводить своей самостоятельностью вышестоящее командование: в неясной и неочевидной обстановке нужно всего лишь выполнять последнюю полученную команду.

Если же имеются объективные причины для принятия самостоятельного решения, например, когда ситуация совершенно очевидно изменилась и тенденции к её ухудшению налицо — такое решение нужно принимать, взваливая на себя определённый груз ответственности. Но в любом случае это будет оправданно, ибо для врага деятельное подразделение всегда будет «крепким орешком», чем, если вы будете сидеть, сложа руки, упрощая врагу задачу по вашему разгрому.

В случае с водителем мобильного отряда, всё было проще некуда: Жорж должен был находиться в доме, готовить ужин и сохранять готовность к немедленному выезду. Чем он и занимался. Что, конечно, не снимало у него обязанностей переживать за судьбу боевых товарищей.

ГЛАВА 4

За час до рассвета люди оживились: обычно в это время на фронте происходит самое интересное. Практически все, подрагивая от холода, успели немного поспать, но дальше уже было не до сна. Штатный тепловизионный прицел на АСВКМ позволял вести наблюдение на несколько сотен метров с возможностью стрельбы, и немного дальше — уже без таковой возможности. Но, по крайней мере, можно было хотя бы что-то рассмотреть.

Примерно за полчаса до рассвета на вражеской стороне началось движение — вдоль лесополосы пошла цепочка людей — шесть человек. Они дошли до дамбы и повернули в сторону Золотого Сада, после чего постепенно растворились в утренних сумерках. Кроме них за всё время наблюдения никакого другого движения выявить не удалось.

— Возможно, ротация передового дозора, — предположил Трофимов.

— А где смена? — парировал Романов.

— В этом и вопрос, — сказал Юра. — Неужели они оставили позиции не прикрытыми?

— А чем они рискуют, командир? — усмехнулся старшина. — С нашей стороны наступление здесь точно не ожидается.

— В любом случае — оставлять окопы — это не есть хорошо. А вдруг мы туда зайдём и всё там заминировем? — задался вопросом Трофимов.

— А было бы неплохо так сделать, — подхватил идею старшина. — Средствами дистанционного минирования. Накрыть им там поле, «лепестками», например, они возвращаются и начинают подрываться...

— Фантазёр, — усмехнулся Юра. — Где мы возьмём «средства дистанционного минирования»?

Не придя ни к какому объяснению увиденному, решили наблюдение днём не вести, тем более, что, скорее всего, окопы действительно сейчас оставались пустыми. Пока окончательно не рассвело, выбрались из дома, и убедившись, что снаружи не раздаётся визг моторов коптеров, двинулись на выход из села.

Слева занимался рассвет, было холодно.

— Был бы хороший «тепляр», мы бы их всех сейчас сложили, — мечтательно сказал Романов. — Говорят, есть такие тепловизоры, где матрица во время включения охлаждается, и это повышает чувствительность прибора в несколько раз.

— Было бы здорово, — кивнул Юра. — Это есть, но «где-то». И поэтому, всё это — только слова, которыми делу не поможешь. И тем более, знаешь, сколько он стоит?

— Думаю, что сотни тысяч, — предположил Максим.

— Несколько миллионов, — сказал Юра. — С нашими зарплатами мы их никогда не увидим.

Снайпера повздыхали и замолчали. Когда вошли в дом, Жорж подскочил с кресла:

— У вас всё нормально? — заспанным голосом спросил он.

— Отлично, — кивнул Трофимов. — Завтрак готов?

— Давно, — улыбнулся Георгий. — Ещё с прошлого ужина.

— Подавай на стол! — распорядился Трофимов.

Сняв с себя броню и снаряжение, снайпера сели за стол, куда Жорж водрузил казан с пловом. После завтрака Трофимов предложил днём отоспаться, а ночью, разделившись на группы, продолжить наблюдение и од-

новременно с этим попробовать пострелять с позиции передового дозора из СВД с ночным прицелом и тактическим глушителем. Предложение было одобрено абсолютным большинством голосов подчинённых, узревших в этом не только интересную боевую работу, но и совершенно осязаемый дневной отдых, «внезапно» свалившийся на «хрупкие плечи» снайперов.

Юра сходил к «капсуле» и оценил маскировку, оставшись довольным работой водителя, который для закрытия машины от лишних глаз, использовал не только штатные маскировочные сети, но и подручные материалы.

В принципе, пострелять можно было сегодня днём из «Манлихера», имеющего дальность действительного огня сильно больше километра, но совершенно очевидным было и то, что днём, после таких потерь, противник затаится, и более не будет вести себя так беспечно. А ночного прицела на австрийскую винтовку в распоряжении группы снайперов не было. Стрелять же ночью из АСВКМ Трофимов опасался, так как вспышка выстрела была почти как орудийная — едва ли меньше, чем вспышка выстрела 30-мм автоматической пушки. А вот СВД с банкой тактического глушителя позволяла скрыть пламя почти полностью, за исключением буквально нескольких искр, обнаружить которые было сложно, а если при этом попросить пехоту в стороне пострелять из автомата, то и вовсе невозможно.

В общем, решение созрело, и его нужно было только реализовать.

День прошёл во сне и беззаботности. Трофимов пару часов занимался теорией снайперской работы с Романовым, внимательно выслушивая опытного снайпера, закончившего школу снайперов в Подмоскovie. Повышая свои знания, Юра вступал с Максимом в концептуальные споры и обсуждения, наслаждаясь даже самим фактом

имеющихся у подчинённого специальных знаний в области внешней и внутренней баллистики, метеорологии, оптике, тактике боевого применения снайперов, чего Трофимов не мог предположить увидеть в армии ещё какие-то десять лет назад.

Казан с пловом был постепенно съеден временами просыпающимися бренными телами, и водителя в итоге склонили к приготовлению ещё одного плова, хотя тот настаивал на макаронах с тушёной. Когда второй казан с пловом был готов, пришло время ужина, а там уже нужно было собираться в путь.

Шли практически налегке, так как тяжелое вооружение с собой не брали. По опыту прошедших дней, даже не стали брать рюкзаки со всякими нужными вещами, ограничившись лишь одним, который нёс самый здоровый — Максим Романов.

Пока двигались по тёмной дороге, рассуждали о возможности наступления ВСУ на этом участке, и после долгих споров пришли к выводу, что большое наступление здесь невозможно — так как заболоченное русло реки не позволило бы пройти технике, а дорога, идущая по дамбе, были пристреляна несколькими БМП и БТР, замаскированными в постройках, да расчётом ПТУР, который приступил бы к пускам ракет, едва ли бы вражеская техника отошла от Золотого Сада.

За разговорами пришли в Трудовое. Старшина и Антон Ларин ушли на наблюдательный пост, где на треногу установили тепловизионный прицел от АСВКМ, а Трофимов, прихватив сержанта из роты Свиридова, вместе с Ганжой направился к передовому дозору.

По кустам шли молча, и лишь метров за сто перед окопами, сержант негромко позвал дозорных. Ему не ответили.

— Всегда так? — спросил Трофимов, подозревая, что ответ будет отрицательный, так как если бы этот вопрос сержанту задал сержант, то надеяться на правду было можно, но если вопрос был задан со стороны старшего офицера, ответ всегда должен был соответствовать установленному порядку, даже если бы порядок был совершенно развален.

— Первый раз, — ожидаемо ответил сержант. — Как нарочно.

Когда они подошли к нескольким одиночным окопам передового дозора (копать соединяющую траншею здесь никто не собирался), Трофимов услышал слева звуки идущих через кусты людей и попросил сержанта опознать их, на что тот беззаботно махнул рукой.

Успокоившись, Юра подумал, что, наверное, слишком перестраховывается в своих мыслях об украинских диверсантах, которые могли бы зайти на позиции передового дозора, и так дерзко двигаться навстречу. Однако, на всякий случай он снял с плеча винтовку, и тихо отвлёл затворную раму, загоняя патрон в ствол. Сержант и Ганжа в это время отстали чуть сзади, метрах в двадцати, задержавшись возле одного из окопов. Когда до шороха в кустах оставалось совсем немного, Юра поднял ВСС, направляя её на звук.

— Кто здесь? — спросил Трофимов.

— Да мы это, Сань, — из темноты вышел человек.

— А где старший? — спросил Юра.

— Там, на левом... — ответил боец. — Там возня какая-то была, он ушёл посмотреть. А вы что?

— Да вот, — Юра чуть обернулся назад. — Пришли поработать.

— А, ясно. Пойду, старшего найду, — боец развернулся, и двинулся в обратную сторону.

Спустя несколько секунд уже ничего не напоминало о его присутствии. Трофимов оставался стоять, пока в него не уткнулся Тимур.

— Командир, ты чего? — Ганжа посмотрел на вскинутую бесшумную винтовку. — Кого стрелять собрался?

— Где сержант? — Юра обернулся.

— Я здесь, — в темноте обозначился командир мотострелкового отделения. — Где эти лентяи...

— Что-то мне здесь не нравится, — сказал Трофимов.

— Где он? — спросил сержант и, повысив голос, позвал в темноту: — Ларец, ты где?

Вдруг Юра ухватил обоих за рукава и потянул вниз, прошипев:

— Ложись...

Легли.

— Не нравится мне это, — повторил Юра. — Лежите!

— Да здесь я, — донеслось из темноты — буквально совсем рядом.

Трофимов включил прицел — он будет прогреваться несколько секунд.

— Иди сюда, — потребовал сержант.

В темноте слышались удаляющиеся шаги.

— Походу дозор ваш уже всё, — наконец-то Юра смог сформулировать страшную мысль.

Он почувствовал, как мгновенно вспотели ладони. Нужно было что-то делать, что-то предпринимать, но пока было не ясно вообще ничего.

Юра посмотрел в прицел. Метрах в ста впереди он увидел четыре пригнувшиеся фигуры, уходящие вдоль лесополосы.

— Уходят, — сообщил он остальным.

— Кто? — сержант пока не понимал, что происходит.

— Четыре человека.

— Товарищ майор, — пехотинец не хотел верить в догадки Трофимова. — Да это наши ходят, — привстав, он повысил голос: — Ларец, сюда иди!

Юра разглядел, что идущие ускорили шаг. Он задавал себе вопрос — начинать ли бой? В принципе, в этих условиях он мог положить всех четверых за несколько секунд, но что-то продолжало останавливать его от стрельбы, и спустя мгновение он понял — его догадка не находила сейчас никаких объективных подтверждений, кроме уверенности, основанной на мнимых эмоциях. Однако тревожила его и обратная сторона медали — поиск подтверждений мог привести к тому, что принимать решение будет уже поздно — он сам может быть убит, растратив драгоценное время на выискивание доказательств, вместо подготовки к бою.

Типичная боевая неочевидность разрывала сознание — что-то говорило ему за то, что совсем рядом был противник, который каким-то образом перебил дозор, но при этом, могло так случиться, что всё могло быть лишь плодом воображения, а уходящие вдоль лесополосы люди — это и есть свой дозор.

Опасаясь за то, что у противника сейчас мог быть перевес в «весе залпа», Юра решил немного отпустить ситуацию, дать ей время на развитие, так как, в случае, если это действовали вражеские разведчики, их численность могла быть больше, чем те четверо, которых Трофимов наблюдал в прицел. Может быть, в этот момент, кто-то другой смотрел на него через ночной или тепловизионный прицел, и уже выбирал холостой ход спускового крючка. Оставалось только вжиматься в землю.

— Лежите, не двигайтесь, — сказал Юра. — Мы, похоже, у них в прицеле. Как только встанем — нас завалят.

— Откуда они здесь? — спросил сержант.

— С той стороны пришли, — предположил Юра. — Мстить за убитых.

Сочинив эту версию, он тут же в неё поверил. Вернее, захотел поверить.

— У вас дозор ночью ходит вдоль лесополки толпой по четыре человека? — спросил Юра.

— Зачем им так ходить? — спросил сержант. — Товарищ майор... неужели?

— А я о чём тебе уже пять минут говорю, — Юра оторвался от прицела — группа людей совсем слилась с деревьями лесопосадки, и была уже не видна.

— Что будем делать? — спросил Тимур.

— Связь со Свиридовым есть? — спросил Юра.

— У меня — нет, — сказал сержант и пояснил: — У нас в роте три рации осталось. Одна здесь где-то, у дозора, другая на КП роты, третья у ротного радиста, который с командиром всегда ходит.

— Понял... — Юра достал свой «баофенг», включил его, и дождавшись китайского «доклада» о готовности радиостанции, вышел на Романова: — «Шеф», «Востоку»!

— На связи, — тут же ответил Максим.

— Ты меня видишь? Мы метров пятьдесят влево от правого фланга передового дозора, — сказал Юра, рискуя оповестить и врага о своём местонахождении. — Лежим.

— Вижу, ага, — ответил Романов. — Два или три пятна на земле. Пусть кто-нибудь встанет.

— Не можем, — ответил Юра.

— Тогда отползи один, — не задавая дополнительных вопросов, попросил Максим.

Юра отполз на несколько метров.

— Да, вижу, — сообщил Романов.

— Вокруг нас есть кто-нибудь?

— Пять сек, — попросил Максим, и через несколько секунд доложил: — К левому флангу уходит группа шесть-семь человек, от вас метров пятьсот.

— Больше нет тепловых отметок?

— Больше нет, — ответил Максим. — Что там у вас происходит?

— Пока не понимаю, — сказал Юра. — Будь на связи, следи за мной, и если кого увидишь рядом — сразу на связь. Как понял?

— Понял, работаем!

Юра откинулся на спину. Нужно было собрать всю свою волю в кулак, чтобы встать и пойти дальше.

— Сержант, — позвал Трофимов. — Надо пройти по окопам дозора. Посмотреть... ты здесь уже всё знаешь... мои наблюдатели сообщили, что вне окопов никого не наблюдают. Сходи, посмотри.

— Есть... — сержант поднялся и, пройдя несколько десятков метров, позвал: — Товарищ майор...

Юра приподнялся и, пригнувшись, подошёл к сержанту, слыша, как за спиной его догнал Ганжа.

— Семёнов, — сказал сержант. — Не дышит...

В окопе, в положении сидя, находился боец из передового дозора. Его голова уткнулась в грудь.

— А вот и Ларец, — сказал сержант, перейдя в соседний окоп. — Тоже двести.

Трофимов взял в руки рацию.

— «Шеф», «Востоку»!

— На связи.

— Что там, на левом фланге?

— Далековато, но так, в общем, пятен не вижу. Вас вижу.

Со стороны Золотого Сада раздалось два миномётных хлопка.

— Выход, — вскрикнул сержант.

Все трое спрыгнули в окоп с убитым, пытаясь уместиться в нём, укрыться от летящих мин. Первые две мины упали ближе к правому флангу. Несколько следующих легли вдоль лесопосадки, демонстрируя хорошую натренированность миномётных расчётов. Разрывы приближались к укрывшимся.

— Валим, — предложил сержант.

Выпрыгнув из окопа, все побежали из лесополосы в поле, полагая, что обстрелу будет подвергнута именно лесопосадка, откуда только что ушла диверсионная группа. Спустя несколько минут они завалились в окоп дежурной огневой точки, до которой сержант успел предварительно докричаться, ещё на бегу.

— Связь с ротным, — попросил Трофимов дежурного пулемётчика. — Живее!

Тот по полевому телефону ТА-57 вызвал дежурного на командном пункте роты и попросил командира роты. Вскоре в окоп спрыгнул Свиридов.

— Что случилось?

— Гриша, — Юра махнул рукой в сторону противника. — У тебя дозор вырезали. Начисто. Я только что нос к носу столкнулся с хохлами, и я тебе признаюсь — принял их за своих. Даже разговаривал с одним. Я не знаю, почему они меня не хлопнули.

— Весь дозор? — уточнил Свиридов.

— Мы видели двоих.

— Ты слышал чего-нибудь? — лейтенант повернулся к дежурному пулемётчику.

— Выстрелов не было слышно, — ответил тот. — Хотя хлопки были, я подумал, что топором по дереву бьют.

— Походу работали оружием с ПБС, — сказал Юра. — У тебя дозор там всегда спит?

— Товарищ майор... — лейтенант состроил обиженное лицо. — Не наговаривайте.

— Я тебе конкретный вопрос задаю...

В темноте ночи Трофимов увидел, как испуган лейтенант. Очевидно, однообразие боевой жизни роты, хоть и приносящее порой потери от обстрелов, настолько ослабило личный состав, что даже командир сейчас не мог до конца поверить в произошедшее.

Миномётный обстрел закончился. Вражеские миномётчики не стали переносить огонь на передовые окопы окраины Трудового.

— Это их месть, — сказал Свиридов. — За убитых вами солдат...

— При нормальной организации службы, — Юра придал своему голосу жёсткости, — ничего подобного произойти бы не могло. Дозор должен был их обнаружить и уничтожить.

— Это всё слова, — отмахнулся лейтенант. — Вы правы, конечно. Но в реальных условиях у меня не хватает людей на выставление всех постов, на смену дежурных подразделений, я полусотней людей решаю задачи батальона. Если бы я мог, я бы давно уже разорвался, чтобы быть и тут, и там, и вон там. Но я один. И людей у меня не много. А люди и отдыхать должны, и есть, и, простите, надобности свои естественные оправлять, и в бане мыться должны. Я вполне допускаю мысль, что там, в дозоре, они делили время, и спали по очереди.

— Или все сразу, — предположил Трофимов. — Иначе бы их вот так легко не перебили. Никто из них не успел выстрелить в ответ! Никто!

Утром в Трудовое прибыл майор Каренин из военной контрразведки. По своей службе он обеспечивал мотострелковую бригаду, и Юра был с ним давно знаком — пользуясь этим обстоятельством, Каренин попросил Трофимова прикрыть его работу на переднем крае.

Ночным наблюдением было установлено, что противник покинул позиции своего передового дозора, что исключало стрелковое противодействие, но не исключало воздействия вражеской артиллерии. Выполняя просьбу контрразведчика, Юра прошёл вместе с ним к позициям дозора, и пока тот осматривал тела погибших, изготовился для стрельбы. Десяток человек, выделенные Свиридовым, постепенно накопились в средней части позиции и ждали команды на начало работ по выносу убитых. Бойцы рассказывали анекдоты и ржали на всю округу.

— Ну-ка, заткнулись там! — крикнул Юра после слишком уж громкого взрыва смеха.

Если бы противник, как обычно, занимал соседнюю лесополосу, он совершенно точно услышал бы этот хохот.

После окрика смех стих, а Юра про себя подивился человеческой натуре: вот она, смерть рядом, погибли их боевые товарищи, в любой момент может погибнуть любой из них, но перегруженная страданиями человеческая психика отказывается скорбеть и печалиться, находя для своего равновесия самые незначительные причины для смеха. Например, полагая смерть уснувших товарищей достаточно остроумной шуткой, способной рассмешить оставшихся в живых.

Однако, наступившая после окрика тишина всё больше походила на засаду, и в какой-то момент Юра поделился своими опасения с Карениным.

— Валентин, не нравится мне всё это...

— Мне тоже, — согласился контрразведчик.

Но у них были разные причины для беспокойства.

— Я нашёл всего два тела, — сообщил Каренин. — Один убит выстрелом в голову, другому перерезали горло. Убитый в голову заминирован. Второй, возможно, тоже. А вот где остальные четверо?

— В плен увели, — предположил Юра. — Мои наблюдатели видели уходящую группу в шесть-семь человек. Но я здесь другого опасюсь. Они сейчас могут наблюдать за нами с коптера, и как только мы потащим тела назад — ударят миномётами.

— Что предлагаешь делать?

— А у нас есть варианты? Тела будем вытаскивать, только предупредим пацанов, что если начнётся обстрел, пусть бросают убитых и бегут врассыпную к укрытиям.

Осмотрев тело погибшего, Юра тоже предположил, что под ним заложены гранаты — в одном месте торчал запал УЗРГМ, но не было понятно, лежит ли это граната в кармане разгрузки и вставлена ли в неё чека, или же это подложенная диверсантами граната без чеки. Достав из своего подсумка эвакуационный фал, Юра карабином зацепил его за элементы снаряжения убитого и предложил отойти.

Каренин спрятался в соседнем окопе, Трофимов сдёрнул тело. Как и ожидалось, хлопнул запал гранаты, и пока горел замедлитель, Юра успел отскочить. Взрывом гранаты убитому оторвало ногу и посекло тело осколками.

— Забирайте, — крикнул Каренин.

Пехотинцы переложили тело на плащ-палатку и потащили в сторону Трудового. Со стороны противника раздалась миномётные выстрелы.

— Прыгайте в окопы! — крикнул Трофимов.

Бросив тело убитого, бойцы вернулись в окопы. Мины начали падать в районе центра позиции.

— Кто увидит в небе коптер, сразу мне говорите! — крикнул Юра.

— Вижу, товарищ майор! — отозвался один из бойцов. — Над дамбой висит!

Трофимов осмотрел небо — упавшее зрение было уже не то, что раньше, но коптер увидеть он смог — тот неподвижно висел на высоте около ста метров с удалением метров сто пятьдесят. Пятым выстрелом из СВД он заставил коптер упасть на землю.

— Так, бойцы, сейчас огонь затихнет, хватаете тело и бегом в деревню! — крикнул Юра и повернулся к контрразведчику: — А мы пока второго сдёрнем.

Второе тело тоже оказалось с гранатой, и взрыв тоже изувечил останки погибшего бойца. Миномётный огонь действительно прекратился и люди, подхватив своих убитых товарищей, ускоренным шагом двинулись в сторону села. Юра и Валентин шли в замыкании.

— У нас была информация, что хохлы стали дерзко действовать на линии соприкосновения, — сказал Каренин. — В соседней бригаде они так же ночью зашли на пост наблюдения, одного убили, двоих забрали с собой. Действовали очень профессионально.

— Или дозор спал, — вставил Юра. — Как здесь.

— Одно другому не мешает, — парировал Валентин. — Это ещё уметь надо — незаметно подойти. И они же, диверсанты, при этом не знают, спят наши бойцы, или бдят.

— Слушай, а по пленным какая-то работа ведётся? — спросил Трофимов. — Меняют пленных? Их же, наверное, уже много с обеих сторон накопилось?

— Ведётся, — уклончиво ответил сотрудник военной контрразведки. — Там сложно всё, связи строятся на доверии... которого нет. Но, я думаю, наладим и этот процесс.

— Я слышал, что с пленными та сторона творила всякие мерзости...

— Не без этого, — ответил Каренин. — Факты имеются, но давай я не буду ничего рассказывать, чтобы ты потом не сказал кому-нибудь, что тебе это чекисты наговорили...

— Как скажешь, — кивнул Юра. — Парней жалко. Я так понимаю, что никто изначально ничего подобного не ждал.

— Есть такое мнение, — кивнул Валентин. — И сейчас стратегическую ошибку мы хотим исправить решением тактических вопросов. Но и их мы не можем решить... пока. Вон, например, лейтенант Свиридов. Я понимаю, что в гибели дозора виноват он. Но как его в этом обвинить, если объективно и реально у него нет никакой возможности организовать службу так, чтобы бойцы не спали на постах. И если бы это было только у него... представь, что происходит на уровне полков, бригад, дивизий...

За разговорами они вышли к позициям на окраине села, где их встретил Свиридов и огорошил новостью:

— Нашёлся один боец из дозора. Интересные вещи рассказывает...

Каренин чуть не встал в охотничью стойку:

— Где он?

— На кэпэ у меня сидит.

— Идём!

— Разрешите поприсутствовать? — спросил Трофимов. — Интересно очень.

— Да, конечно, — кивнул Каренин. — Будете даже кстати.

Боец сидел на стуле, когда в помещение вошли офицеры. Контрактник встал.

— Майор контрразведки Угрюмов, — представился Каренин. — Мне необходимо вас допросить.

— Рядовой Щербаков, — представился пехотинец. — Стрелок-санитар третьего отделения.

Трофимов вспомнил этого бойца — он находился в составе дозора, когда снайпера днём устроили противнику показательную порку.

— Рассказывайте, как обстояло дело, — предложил Валентин.

Он сел за стол, определив место допрашиваемого перед собой — причем, стоя. Боец встал, руки по швам.

— Днём мы не видели у хохла никакого движения, — сказал солдат.

— То есть, не обнаружили активности противника на линии боевого соприкосновения, — уточнил Каренин.

Щербаков кивнул.

— Потом Ларец сказал, чтобы я и Кипеш спали до вечера, а ночью бы не спали, а дежурили.

— Старший дозора распределил среди личного состава время отдыха и бодрствования, — сказал Валентин. — Понятно. Что было потом?

— Потом я проснулся от громкого хлопка. Нет, не выстрела, а такого хлопка, как в ладоши если хлопнуть. Был вскрик, потом была какая-то возня, потом Ларец громко попросил его не убивать и всё затихло.

— Вы слышали применение бесшумного оружия и последующую рукопашную борьбу сержанта Ларцова с украинскими диверсантами, в результате чего старший наряда погиб. Что было дальше?

— Я стал смотреть, но было темно, и я ничего толком не видел. Слышал голоса, они переговаривались. Потом слышал,

как кто-то громко сказал «вылазь, кацап», потом Никитос тоже просил его не убивать, а они ему сказали идти с ними.

— Вы стали свидетелем того, как в плен к врагу сдался рядовой Никитенко. Вы как-то препятствовали действиям противника?

— Да, — боец обернулся на Трофимова, словно боялся, что тот начнёт его бить. — Я выбрался со своей лёжки, и пополз в сторону деревни. Я слышал, что Никитос им сказал, что я нахожусь в лёжке, и они вроде бы подходили туда, но я уже уполз. Что было дальше, я не знаю.

— Где ваше оружие?

— Я его... потерял.

— Что произошло с остальными?

— Я не знаю, — в глазах солдата, совсем молодого мальчишки, перешедшего на контракт сразу после срочной службы буквально накануне начала войны, появились слёзы. — Товарищ майор, а что с ними стало?

— С остальными? — Каренин осуждающе посмотрел на солдата. — Сержант Ларцов и рядовой Смирнов погибли, Никитенко, Сагидуллин и Некишин, предположительно, в плену. В том числе благодаря тому, что вы свой автомат... потеряли.

— Почему ты не стрелял, солдат? — спросил Трофимов. — Ты же понимал, что это — враг.

Щербаков обернулся и всхлипнул:

— Я не смог. Мне было страшно.

— Я его заберу в комендатуру, — Каренин глянул на Свиридова. — Таков порядок.

Командир роты кивнул. Когда они остались в помещении втроём, Валентин, горько признал очевидное:

— Мальчишка совсем... а с той стороны пришли матёрые боевики, — он посмотрел на Трофимова. — Юра, опиши человека, с которым ты там встретился.

— Высокий, примерно моего возраста, снаряга очень крутая. Я думаю, что он в меня не стрелял потому что, я держал его на мушке. У него, я сейчас вспомнил, на ноге и на руке были светлые повязки, или скотч.

— Ну, — Каренин усмехнулся. — А ты сам почему не стрелял?

— Я? — Юра даже растерялся от такого вопроса. — Я реально вначале подумал, что это свой.

— В том и беда, — кивнул Валентин. — Мы, считай, воюем с самим собой. На той стороне такие же Паши, Жени и Вали, которые от нас ничем не отличаются...

— Да уж, — согласился Трофимов. — «Наглосаксам» удалось намертво сравить два славянских народа. Сидят сейчас в Лондоне и Вашингтоне, и потирают руки.

— Они к этому долго шли, — вставил Каренин. — Тридцать лет хохлам мозги промывали. Бандеру реанимировали, Шухевича, ОУН, с их ложным представлением «самостийности», и в итоге целое поколение националистов вырастили, которое ненавидит Россию, видит в нашей стране источники всех своих бед.

— А сами живут, словно в прошлом веке, — Юра обвёл рукой по комнате. — У меня у бабушки примерно такой же интерьер в доме был. Нам пеняют, что мы, якобы, плохо живём «на России», а сами на заработки в Москву ездили. Не мы у них в Киеве таксистами и проститутками работали, а они у нас. Но среди хохлов вспоминать об этом не принято, они же теперь «эуропэйска держава».

— Именно так, — кивнул контрразведчик.

На следующий день на выезде из Трудового на mine подорвался «Тигр». На машине оторвало переднее левое

колесо, шесть человек получили ранения различной тяжести, из чего был сделан вывод о присутствии здесь вражеской диверсионной группы. Комбат вместе с контрразведкой спланировал мероприятия по очистке района, и вскоре несколько взводов на БМП стали прочёсывать ближайшие лесополосы.

Трофимов перетащил в Кирпичик всю свою группу, и уже отсюда мог распоряжаться личным составом. Придавая мотострелковому батальону свою снайперскую пару, он подъехал посмотреть, как идёт подготовка к выходу на задачу.

— Мы с ними воевать не поедем, — заявил Тимур. — Это опаснее, чем на передке.

— Что случилось?

Ганжа просто указал рукой в сторону, и Трофимов увидел зелёные тубусы ПЗРК «Игла» и ПТРК «Фагот», вдавленные в землю гусеницами БМП. Ракеты были брошены, и в каком они находились состоянии после повреждения, известно было одному Богу.

— Я вас услышал... — усмехнулся Юра и отменил «выделение».

За двое суток поисковых действий была обнаружена днёвка диверсионной группы, но сами диверсанты как в воду канули. Было очевидно, что они вернулись на свою сторону. Решением штаба бригады левофланговое направление было усилено — сюда перевели роту из Николаевки, посчитав, что так будет лучше. Компенсируя некоторое оголение фронта, Павлов приказным порядком предложил Трофимову мобильный отряд разместить в Николаевке. Командир бригады, присутствовавший при этом разговоре, никак не отреагировал на то, что подчинённого ему офицера без его мнения переводят на другое направление.

Новый большой переезд, поиск подходящего дома и его обустройство заняли двое суток. Всё это время комбат, как мог, поторапливал Трофимова, что бы тот приступил к работе, тем самым освободив часть личного состава оставшейся здесь роты.

В центре села была школа, где на крыше был оборудован наблюдательный пост, а на этажах и в подвале размещался личный состав. Осмотрев отсюда окрестности, Трофимов со своими сержантами наметил несколько позиций.

Учитывая опыт Трудового, действовать решили путём создания секретов, которые выносились в «серую» зону и должны были обеспечить скрытное наблюдение за противником с целью своевременного предупреждения выдвижения вражеских сил к селу. Сержант Слава Воробьёв подыскивал прекрасную во всех отношениях позицию, с которой можно было контролировать всё пространство между Николаевкой и Петровкой. На позицию заходили ночью сразу три пары снайперов — одна пара должна была остаться здесь, остальные несли еду, воду и боеприпасы, а также изучали подходы для последующей ротации. К утру оставшаяся пара успела тщательно замаскироваться, благо растительность вылезла уже достаточно хорошо.

Помимо боезапаса, воды и еды, сюда занесли запасные аккумуляторы к радиостанциям, тепловизору и прибору ночного видения. Замысел предполагал непрерывное нахождение снайперов в секрете в течение трёх суток, чтобы исключить их обнаружение в процессе ротации. Это было крайне актуально, так как противник с помощью коптеров мог контролировать буквально каждый шаг. Наиболее опасные подходы в течение первой половины ночи Воробьёв закрыл тремя осколочно-

направленными минами МОН-50.

Так надолго, на трое суток, снайпера заходили из-за того, что подразделения, находящиеся в Николаевке и Петровке, постоянно терпели на себе работу вражеских миномётов, корректируемых с помощью вездесущих дронов. Едва ли не ежедневно появлялись раненые и убитые, и практически во всех случаях эти потери были обусловлены бесконтрольным хождением личного состава по селу, при том, что и ротные, и комбат постоянно требовали от подчинённых соблюдения хотя бы самых простых правил маскировки.

Но, как говорится, приказ — это одно, а жизнь — это другое. У людей постоянно возникала необходимость куда-то ходить — то за водой, то за едой, то за сигаретами, то просто посмотреть, где и что плохо лежит — и всё это было под наблюдением врага, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Накладываем сюда постоянную усталость, недосып и апатию — и получаем на выходе безразличное отношение к происходящему. В случае со снайперами требовалось сохранить максимальную скрытность, и как выход — создать им условия для длительного пребывания в замаскированном секрете.

— Доброго ранку, товарищ майор, — Шаманов улыбался, радуясь встрече. — Будем работать вместе с вами.

— Рад тебя бачить, — ответил Трофимов. — Павлов предупредил, что вы подъедете.

Командир группы специального назначения Сергей Шаманов уже считался опытным офицером. С одним пистолетом и двумя гранатами он лично ходил на агентурные встречи в районы, контролируемые противником, где

встречался с нужными людьми, принимал информацию, передавал им указания и средства для разведывательной работы. Офицер также занимался наведением артиллерии на выявленные цели и нанёс врагу серьёзный урон. Доверие к нему со стороны командования армии было такое, что на него вывели целый канал закрытой связи, по которому он мог в любое время запросить артиллерийскую поддержку и выдали прекрасный прибор наблюдения ТПН-1ТОД, который позволял разведчику видеть то, что от других глаз было скрыто по естественным причинам.

Юра развернул бумажную карту, выданную ему начальником штаба бригады, достал карандаш и стал водить им по лесам и оврагам.

— Секрет у меня находится здесь, дозоры из бригады вот здесь, здесь и здесь. Имейте в виду, когда будете наводить арту.

— Своих не стреляем, — усмехнулся Сергей. — Значит, всё, что севернее секрета и дозоров — можно бить?

— Нужно, — уточнил Трофимов.

После теоретического ознакомления с обстановкой, Трофимов повёл спецназовца на крышу школы, откуда показал ему местность «в натуре».

— А почему церковь не используете как наблюдательный пункт? — спросил Шаманов. — Она же выше?

— Слишком очевидная позиция, — ответил Юра. — Хохлы по ней из автоматических пушек стреляют. Подгонят БМП к той лесополке, и бьют, думая, что у нас там наблюдатель сидит.

— Я понял, — кивнул Сергей. — Разумное решение.

По просьбе Трофимова, разведчик нанёс на карту разбивку по целям для артиллерии, с указанием наименований и нумерации, принятой в штабе группировки.

С этого момента Юра, случись такая потребность, мог чётко обозначить вышестоящим командирам цели, которые он хотел бы поразить.

Только ночью Трофимов дошёл до занимаемого группой дома, где его сытно накормил повар-водитель Жорж.

— И за что тебя к нам? — Слава Воробьёв говорил тихо, даже при том, что вокруг минимум на полкилометра никого не было — сказывалась привычка.

Уже много лет на окружных стрелковых соревнованиях он был судьёй, так как в деле стрелкового спорта, что снайперского, что «тактического», ему практически не было равных, и его участие в таких соревнованиях делало бессмысленным борьбу за «золото» среди остальных участников. В роте снайперов он был заместителем командира взвода. Выслуга лет уже позволяла ему уйти на пенсию, так как карьерный рост для сержанта уже достиг своего предела. Он был единственным в общевойсковой армии, кто официально носил высшую степень снайперской квалификации, в этой связи за ним и числился один из двух «Манлихеров» калибра 338, которыми располагала стрелковая рота снайперов. «Маня» аккуратно стояла рядом на сошке, под которую заботливо был подложен специальный коврик.

Позиция секрета была скрыта от наблюдения плотной маскировочной сеткой, которая дополнительно была закрыта свежими ветками. Напротив Воробьёва сидел Вова Ладин — лишь недавно прибывший в снайперскую роту из армейской ракетной бригады.

— Да ты понимаешь, — Ладин словно стеснялся рассказывать, хотя на самом деле просто растягивал процесс удовольствия и гордости за свой поступок. — Там же посёлок небольшой, скрыться негде. А тут у товарища днюха была, мы, конечно, жранули. По дороге домой я встречаю этих двух представителей ВэПэ. Они словно ждали меня. И такие, мол, покажите ваши документы. Я их послал, типа отстаньте от меня, я вообще гражданский, и с правилами поведения военнослужащего в общественных местах не осведомлён, и в приказе за доведение не расписывался...

— Так и сказал? — Слава улыбался, представляя, как бы такое услышать от гражданского человека.

— Ну да. Так и сказал. А они мне, мол, вы слишком похожи на военного. У вас и причёска, и выправка, и слова специальные знаете, но самое главное — что пахнет, говорит, от вас, не только алкоголем, но и туалетной водой из военного несессера.

— То есть, ты вообще без палева двигался? — тихо хохотал Воробьёв.

— Ну да, — Вова почесал лысину. — Они стали за меня цепляться, и я вначале отмахивался и выворачивался, но тут вижу — один из них достал наручники... этого я уже вынести не смог и всё вначале одному, затем другому. Они оба упали и лежат. А я стою, смотрю на них. Как они шевелиться начали, убедился, что не убил, и пошёл домой. А утром нашу ракетную бригаду построили, смотрю — эти красавчики, с фишками под глазами, пришли, стало быть, на опознание. Ну, и меня тут же... командир уговорил ехать сюда добровольцем. Так я и попал в мотострелковую бригаду.

— Весело, — констатировал Слава. — Так красиво в бригаду ещё никто не заходил...

Учитывая вероятную возможность как дальнего, так и ближнего боя, секрет был вооружён основательно: у каждого из снайперов были пистолеты, у Славы был АКМ с банкой и тепловизионным прицелом, а также «главный калибр» — австрийская винтовка «Манлихер». У Вовы была СВД с банкой и ночным прицелом, а также бесшумный «Вал». Кроме того, они принесли с собой две реактивные гранаты РШГ и с десяток ручных гранат.

Первая ночь прошла без эксцессов, днём снайпера по очереди отдыхали, к наступлению второй ночи были бодры и готовы к работе.

Ладин, назначенный в группу снайпером, только-только начал познавать секреты стрелкового ремесла, и Слава буквально на пальцах рассказывал ему основы внешней и внутренней баллистики, таблицы стрельбы и тактику применения снайперских пар. Вова с интересом внимал словам специалиста и открывал для себя неведомый ранее пласт знаний.

До наступления темноты он тренировал холостой спуск, добиваясь мягких движений указательного пальца, выполняя рекомендации Воробьёва. Ночью пришёл и холод, который обострял работу тепловизионных прицелов. Однако, и против них всё уже было подготовлено: с основных угрожаемых направлений позиция секрета, под маскировочной сеткой, была прикрыта полиуретановыми карематами. Такая «маска» не позволяла противнику, ведущему наблюдение в тепловизор, обнаружить присутствие здесь людей.

В четыре часа утра, Слава в тепловизор обнаружил движение — противник шёл по лесополосе в километре от секрета, прямо на позиции боевого дозора второго батальона, до которого ему оставалось пройти метров четырёста. Воробьёв по связи вышел на Трофимова:

— «Восток», я «Лесник».

— На связи, — бодро ответил Юра, словно и не спал вовсе.

— На «Утке-десять» наблюдаю движение в сторону «угла-пять», как минимум десять рыл. Идут хорошо, через пять малых будут на «кукушке-два».

— Принял, — ответил Трофимов, и схватив другую станцию, вышел на оперативного дежурного на полевом пункте управления: — Я «Восток», обнаружил выдвигание...

Юра уже развернул карту, и включив фонарь, смотрел ориентиры. Он быстро довёл полученную информацию.

— «Восток», я «Лесник», — Воробьёв снова вышел на связь.

— Ответил.

— Наблюдаю на «кривом-три» движение на «черепаху-шесть», не менее десяти...

— Принял, — отозвался Юра и немедленно передал всё оперативному дежурному.

В штабе мотострелковой бригады стал раскручиваться механизм реагирования на возникшие угрозы — до командира третьей роты второго батальона, командира разведгруппы и командиров артиллерийских и миномётных батарей довели сигнал тревоги.

Слава убедился, что противник двигался точно на дозоры пехоты, очевидно, ранее обнаруженные с помощью дронов. Дозоры менялись раз в сутки без изменения позиции, и естественно, сохранить их в тайне от врага, при таком раскладе, не представлялось возможным. А дозоры, тем временем, или спали, или не раскрывали себя, ожидая приближения врага, чтобы встретить его кинжальным огнём с малой дистанции. В первое Слава верил больше, чем во второе.

— Что делать будем? — нервно спросил Вова — врага он видел впервые.

— Воевать, — Слава зарядил автомат, поставил предохранитель в режим одиночного огня. — Бери «Вал», винтовкой мы спалим себя раньше времени...

Ладин включил ночной прицел на бесшумном автомате, и пока он прогревался, достал из рюкзака четыре двадцатизарядных магазина — вложил их в карманы разгрузки, выложив оттуда магазины к СВД.

Чтобы сблизиться с дозором, который находился к северу от снайперского секрета, противнику нужно было пройти по касательной метрах в двухстах от позиции снайперов. Те же, кто шёл со стороны дачного посёлка, ближе пятисот метров оказаться от снайперов не могли. Проходя вперёд, они практически отсекали Воробьёва и Ладина от Николаевки.

— Задача, — голос сержанта был абсолютно спокоен. — Вначале огнём из бесшумного оружия уничтожаем тех, кто идёт по «утке», — Слава указал рукой на север. — Затем забираем свои винтовки, гранаты и выдвигаемся к дачам, и если успеем, выбиваем тех, кто идёт по «кривому».

Услышав уверенный голос, Вова начал успокаиваться, поверив в благополучный исход предстоящего боя. Дрожь в руках унялась, и он понял, что первоначальный страх, который пытался овладеть его сознанием, куда-то улетучился.

— Принял, — сказал он.

Слава привстал, так как из положения лёжа ему мешали бы стрелять трава и кусты. Вова последовал его примеру.

— Ещё минута, — сказал сержант. — И начинаем.

— Да, — кивнул Ладин. — Я готов.

Он смотрел в ночной прицел, но пока ещё не видел никакой цели — растительность местами застилала обзор, тогда как Слава в тепловизор видел тёплые силуэты людей весьма чётко. Руки были в тактических перчатках, и поэтому появившийся пот не мешал удерживать оружие.

«Лишь бы сразу в ответ не навалили», — мелькнуло в голове.

— Начали, — сказал Воробьёв и потянул спуск.

Стреляя как в тире, он быстро расправился с четырьмя или пятью бойцами ВСУ, не ожидавшими такого подвоха. Остальные, спасаясь от верной гибели, поспешили припасть к земле, и их теперь не было видно.

Воробьёв заполнил свой «сбросник» ручными гранатами, подхватил «Манлихер», закинул его за спину, туда же закинул одну реактивную гранату. Вова последовал его примеру.

— Остальное всё оставляем здесь, — быстро сказал Слава. — Если живы будем, потом заберём...

Он откинул маскировочную сетку и выскочил наружу. Ладин выскочил следом. Они побежали к окраинам дач по просёлку, идущему вдоль жиденькой лесопосадки. Время от времени Слава останавливался, вставал на колено и смотрел вперёд в тепловизионный прицел, потом поднимался и они бежали дальше. Позади слышался нарастающий стрелковый бой, впереди тоже стали раздаваться выстрелы. Противник расстреливал дозоры, проспавшие «фишку».

— Не успели, — наконец-то констатировал Воробьёв и остановился. — Ладно, хотя бы так. Главное, что успели предупредить своих.

Надрывно дыша, Вова сказал:

— Слав, я «Вал» потерял... пока бежали, не заметил, как он с плеча слетел...

— Да чёрт с ним, — отмахнулся Воробьёв. — Главное, что мы всю их внезапность сорвали. Представь, что было бы, если бы хохлы по тихой в деревню зашли...

Слава тоже надрывно дышал. Когда-то, несколько лет назад, тренируя молодых снайперов, он бегал с ними во всём необходимом снаряжении, заставляя молодёжь понять простую истину, что главная в жизни борьба — это борьба с самим собой — со своими слабостями и страхами. Когда ты бежишь, загруженный оружием, бронёй и снаряжением, надрываешься из последних сил, то непременно возникает желание остановить это мучение, прервать тяжелейший бег — и именно в эти минуты куётся характер воина — когда ты заставляешь себя отказаться от остановки и продолжаешь бежать.

То же самое происходит и в ситуации риска для жизни, например, в бою — ты сто раз пожелаешь избежать или убежать от того величайшего напряжения и риска для жизни, какого требует бой, но только победив это естественное желание, эту свою сиюминутную слабость, свой страх, ты сможешь победить и врага.

Выходит так, что победить врага можно только победив себя.

— Вижу их, — сказал Слава, в очередной раз посмотрев в прицел. — Работаем!

Он скинул с плеча реактивную гранату и выстрелил куда-то в ночь, в одному ему видимый ориентир. Граната на миг осветила обоих, и тут же над головами запели пули. Вдали полыхнул огнём и разлетающимися искрами разрыв гранаты.

— В темпе! — крикнул Слава, метнувшись в сторону Николаевки.

Пробежав метров двести, он стал забираться вправо, к дачам. Вспомнив про связь, Слава решил выйти на

Трофимова, но не нашёл рацию — она, похоже, выпала из подсумка. Это усложняло ситуацию. У окончности дач снайпера вышли на трёх перепуганных молодых бойцов, которые, очевидно, только что сбежали с позиции дозора.

— Живы? Раненые есть? — спросил Слава, удивляясь тому, что солдаты не обстреляли приближающихся.

— Так точно, — ответил один из них. — Живы. А вы откуда?

— От верблюда, — ответил Воробьёв. — Связь есть?

— Рация есть, но на ней села батарея, — ответил рядовой.

— А что, запасной нет?

— У нас — нет.

— Поступаете в моё подчинение, — определил сержант. — Бегом за мной марш!

Солдаты, услышав твёрдый голос, ощутив присутствие волевого командира, были готовы бежать за ним хоть на край света.

— Они вашу позицию давно спалили, — сказал Слава на бегу. — Перебили бы вас как...

— Котят? — подсказал старший из солдат.

— Как щенков, — подыскал Слава определение. — А мы ударим по ним с другого места.

Добежав до коровника, Воробьёв быстро расставил бойцов и каждому определил сектора обстрела.

— Ждём, — громко сказал он. — Сейчас придут!

Ни у кого из солдат на оружии не было ночных прицелов, но это нисколько не смущало сержанта: Слава понимал, что самая большая польза от них будет состоять лишь в том, чтобы вспышками своих выстрелов дезориентировать противника, тогда как он сам сможет вести точный огонь в относительно спокойных условиях.

Так и получилось: когда группа украинских военных оказалась на открытом участке между дачами и строениями коровника, по команде «огонь» пехотинцы начали молотить в белый свет, как в копеечку. Слава, находившийся на левом фланге, спокойно из своего автомата с тактическим глушителем застрелил несколько человек, сорвав их попытку рывком сблизиться с засадой.

— Уходим! — крикнул он бойцам.

Парни вскочили и побежали к окраине села. Вдали последовательно хлопнули три взрыва — в ночи Слава увидел короткие вспышки.

— Наши мины на секрете сняли, — сказал он. — Минус ещё с десяток. Хорошо играем, счёт пока в нашу пользу...

Со всей очевидностью Воробьёв представлял масштаб ночного боя — на Николаевку враг шёл с нескольких направлений.

Несмотря на то, что часть передовых групп была перебита, враг задействовал свои штурмовые отряды, которые уже шли не таясь. По Николаевке начали крыть миномёты, вдали слышались звуки движения тяжёлой техники.

Шаманов с двумя разведчиками поставил на крыше свой прибор наблюдения и лазерный дальномер, установил связь с приданной артиллерией. Трофимов на время поднялся на крышу, осмотрелся:

— Мои покинули позицию, — сообщил он разведчику. — Остальные дозоры, по докладу Воробьёва, перебиты. — «Лесник» перестал выходить на связь...

— Понял, — кивнул спецназовец. — Учтём в работе.

— Чую, сегодня будет не лёгкий день, — сказал Юра.

— Справимся, — Сергей улыбнулся. — В первый раз что ли?

Третья мотострелковая рота занимала оборону: на огневые позиции стали выносить коллективное оружие — автоматические гранатомёты «Пламя», противотанковые ракетные комплексы «Фагот» и «Конкурс», станковый противотанковый гранатомёт «Копьё». Взревели двигатели нескольких БМП и БТР.

В первом взводе вражеская мина попала в окоп с автоматическим гранатомётом, сразу убив одного и ранив троих — в дело включился фельдшер с двумя стрелками-санитарами.

В штабе бригады, за несколько десятков километров от Николаевки, не дожидаясь подробного доклада с места боя, уже запускали в дело варианты усиления, поднимали дальнобойную артиллерию и батарею реактивных систем залпового огня «Град». Штаб группировки оценивал возможность выделения резервов на случай, если оборона Николаевки посыпется и враг начнёт распространение на соседние территории. Командующий группировкой генерал-лейтенант Миронов поставил вопрос подъёма в воздух последнего БпЛА «Орлан-10», который к этому времени не только сохранился, но и был способен летать — на случай, если доклады из Николаевки прекратятся, что потребовало бы действий по сохранению ситуационной осведомлённости.

Добежав до другого конца коровника, Слава положил бойцов, приказав быть готовым открыть огонь по его команде, а сам, отдав «Манлихер» Вове, полез вверх по остоу конструкции фермы. Поднявшись метров на пять, он посмотрел в тепловизионный прицел автомата в сторону противника и выругался.

— Что там? — спросил Ладин.

- Да их тут...
- Далеко?
- Метров двести.

Слава изловчившись, перехватил автомат удобнее и произвёл несколько выстрелов.

- Минус три...

Он быстро слез на землю. В его голове зрел план, как попытаться дойти в село, так и нанести противнику наибольшее поражение.

— Бери гранаты, — Слава повернулся боком, чтобы Вова смог увидеть сбросник, полный оборонительных гранат РГО. — Остаёшься с одним бойцом здесь, и по моей команде перекидываешь гранаты через стену. Потом сразу бежишь со всех ног в мою сторону.

- А если они с другой стороны пойдут?

- Я им не позволю! — Слава шевельнул автоматом.

Забрав двух солдат и свою винтовку, Воробьёв отошёл ещё метров на пятьдесят, и буквально сразу ему пришлось стрелять практически впритирку с Ладиным, чтобы завалить человека, вышедшего из-за угла длинного сарая. Враг, встретив сопротивление с одной стороны, ожидаемо двинулся вдоль другой стороны строения и спустя пару минут Слава крикнул:

- Вова, давай!

Ладин и молодой пехотинец стали перекидывать гранаты через стену, где они разрывались сполохами огня и резкими хлопками, которые затем превращались в нечеловеческие вопли.

Спустя минуту «гранатомётчики» добежали до Воробьёва, и теперь им предстояло самое сложное — в наступающем рассвете, когда уже можно было угадывать человеческие силуэты, нужно было преодолеть около трёхсот метров открытого пространства.

— Если кто-то будет ранен, никто не останавливается, — предупредил Слава. — Иначе, перебьют всех. Это понятно?

По глазам молодёжи Слава понял, что их страх требовал именно этого — живым останется только тот, кому повезёт.

— Всё, — Воробьёв сделал несколько глубоких вдохов. — Направление — на крайний дом. Бегом — марш!

Бойцы ринулись к спасительным домам. Слава посмотрел на коровник — в прицел было видно с десятков человек, идущих широким фронтом. Если сейчас начать их бить, то можно окончательно потерять время и тогда уже точно остаться с противником на совершенно не выгодной для себя позиции. Пока совсем не рассвело, следовало попытаться счастья и использовать последний шанс — что бы там, на окраине Николаевки, спастись от вражеского огня.

Повернувшись, Слава увидел на земле брошенный РШГ — Вова освободил себя от лишнего груза. «Да и черт с ним», — мелькнуло в голове. Молодёжь бежала впереди, но вскоре они выдохлись и заметно сбавили скорость. Над головами всё чаще стал раздаваться противный звон пуль.

— Ускорить движение! — крикнул Слава. — Половина пути осталась!

Ладин мелькал далеко впереди, но когда его обстреляли свои же, он упал и стал громко кричать, обозначая себя как «своего». Сзади затарахтел пулемёт, и это уже было невыносимо.

— На землю! — крикнул Слава, и упав, откатился в сторону.

Попадали и солдаты.

— Все целы? — спросил Слава.

— Да, — ответил один.

— Рассчитайсь! — крикнул Воробьёв.

— Первый... второй... третий... — ответили бойцы.

— Вот теперь вижу, что все... лежим пока, не отсвеживаем.

Над ними звенели пули. В какой-то момент пулемёт замолчал.

— Приготовились! — сказал Слава. — Вставать по команде!

Он ждал — буквально ещё одной, короткой очереди. И она прозвучала.

— Вот теперь он пустой, — сказал Воробьёв. — Бегом — марш!

Мальчишки подскочили и побежали. Незапланированная остановка позволила слегка отдышаться, и пока вражеский пулемётчик вставлял новую ленту, они успели добежать до околицы и завалиться за постройками первого дома. Здесь уже на четвереньках стоял Вова, и часто сплёвывая, пытался отдышаться.

— Чуть свои не убили, — сказал он.

«Свои» стояли рядом, и на чём свет материли прибежавших:

— Нам сказали, что дозоры все перебиты, — после очереди матерных выражений, командир отделения пытался оправдаться. — Мы подумали, что это хохлы бегут.

— Не ссыте, хохлы сейчас будут тоже, — сказал Воробьёв, отплёвываясь и стараясь надышаться. — Их там до-хре-на! АГС есть? Бейте между коровниками, они там.

Командир отделения убежал, и буквально через минуту за соседним домом застучал автоматический гранатомёт.

— Что нам делать? — спросил один из бойцов.

— А где ваш командир? Вот к нему и идите... — Воробьёв пожал плечами, мол, наши общие приключения закончились, ищите новые с другим командиром.

ГЛАВА 5

В «снайперском» доме оставался только водитель, который в броне и шлеме с автоматом в руках «охранял и оборонял» имущество группы.

— Командир сказал, что все дозоры перебиты, — сказал он вместо приветствия, когда Воробьёв и Ладин ввалились в дом.

— То есть, наши вещи ты уже загнал втридорога? — спросил Слава.

— Товарищ сержант, как можно... — Жорж слегка отстранился от Воробьёва на случай рукопашной реакции.

— Наши где? — спросил Слава.

— Так все по своим постам разбежались, как стрельба началась.

— А командир где?

— Товарищ сержант, майор Трофимов мне не докладывает, куда он ходит.

Попив воды, Слава среди вещей разыскал свой тактический рюкзачок и быстро стал его наполнять: бутылка минералки, две банки тушёнки, три батончика «Сникерс», четыре пачки патронов к «Манлихеру» — всё, что он нашёл — остальное, видимо, забрал Трофимов. Вова, вместо винтовки взял автомат, выложив из разгрузки бесполезные магазины к бесшумному «Валу», оставленному где-то в поле между Петровкой и Николаевкой.

— Я без связи, — предупредил Воробьёв водителя. — Мы идём в школу.

— Передам командиру, — кивнул Жорж. — Если появится.

— «Восток», доложите оценочную численность атакующего противника! — потребовал в эфире знакомый голос.

Юра слегка оторопел — это был генерал-лейтенант Миронов — командующий группировкой.

— Товарищ «Орион», лично с КНП наблюдаю до двух рот пехоты, по докладам дозорных противник скапливается в районе коровника на западе от села и в районе кладбища на севере, выдвижение идёт по семи лесополосам, обозначенным на картах как... — он стал перечислять легендированные названия линейных ориентиров. — Передовые подразделения слышат работу танковых двигателей. По селу наносится миномётный и артиллерийский удар.

— Какие вы предпринимаете меры?

— Товарищ «Орион», личный состав выдвинут на позиции, готовы принять бой. «Борзый» занимается наведением артиллерии по местам скопления сил противника.

— Я вас понял. Докладывайте об обстановке каждые полчаса, и немедленно в случае её резкого изменения. Конец связи!

— Конец связи, — машинально ответил Юра и посмотрел на Сергея, который рассматривал местность в ТОД, помечая на карте местонахождение врага: — Это мне что, не воевать теперь? Сказочником у командующего работать?

На окраинах передовые подразделения вступили в бой — шла сильная перестрелка.

Не в силах сидеть на командном пункте, подхватив «Манлихер», Юра пошёл к западной окраине, где на чердаке одного из домов находился Романов со своим

вторым номером. Ганжа двигался следом. Бой шёл в полутора километрах от здания школы, которое в центре села соседствовало с церквушкой и сельским клубом. На полпути навстречу попались два перепуганных бойца, и Трофимов остановил их:

- Куда?
- Там всех убили, — сказал один.
- Хохлы в село вошли, — сказал второй.
- Кто командир? — Юра повысил голос.
- Лейтенант Хасанов.
- Где он?
- Мы не знаем, — ответил первый за двоих.
- Где ваша позиция?
- Там хохлы... — парень был перепуган. — Их много...
- За мной. Оба.

Бойцы были вынуждены подчиниться, и повернули обратно — откуда пришли. С приближением к месту боя они всё больше замедляли шаг, и Трофимову пришлось в матерной форме напомнить им о солдатских обязанностях во время боя. Бойцы бодрее от этого не стали, но хотя бы слегка ускорили шаг.

Вскоре попались ещё двое, а потом и сам лейтенант Хасанов.

- Стой, — Юра перегородил ему путь. — Куда?

Офицер был растерян.

- Они всюду...

- Вернитесь на свои позиции, товарищ лейтенант! —

Трофимов постарался сказать это максимально жестко.

В этот момент рядом разорвалась мина и все присели. Один из бойцов вскрикнул, и лейтенант метнулся к нему — оказывать помощь.

— Лейтенант! На свою позицию — бегом марш! — Трофимов не стал дальше церемониться, и ухватив офи-

цера за ворот бронежилета, поднял его на ноги. — Надо держать оборону! Руководить боем, а не помощь оказывать! Помощь любой солдат окажет, а вы должны командовать! Вы — командир!

Лейтенант делал вид, что не понимает, что ему говорят.

— Ты, — Юра указал рукой на одного из солдат. — Оказать помощь раненому, эвакуировать его на пункт сбора! А вы все, — он окинул взглядом присутствующих, — за мной!

Не оборачиваясь, он двинулся к окраине села, твёрдо зная, что отступников, если потребуется, подгонит Тимур. По пути прихватив ещё двух солдат и прапорщика, Трофимов дошёл до линии окопов, в которых оставалось человек пять.

— Лейтенант, командуите! — Юра загнал взводного в окоп.

Уже окончательно рассвело, и поле между селом и коровником было видно как на ладони. Со стороны коровника раздавались частные выстрелы, слышался шум моторов. Убедившись, что лейтенант начал раскрывать в себе командира, Юра пошёл обратно — пока он восстанавливал дисциплину, пришлось пройти мимо «снайперского» чердака.

— Как обстановка? — спросил он, поднявшись по лестнице на чердак.

— Минус шесть, — сообщил Максим.

Трофимов и Ганжа разместились рядом.

— Дальность до коровника? — спросил Юра.

— Тысяча сто шестьдесят, — ответил Ларин, сидящий на стульчике перед треногой с дальномером.

— Что там, — спросил Романов. — Удержим село? Народ, вижу, бежит с позиций, хотя причин для этого пока нет...

— А вон и причина, — в свой раритетный бинокль Юра разглядел выползающий из-за фермы танк. — Ага, вон и второй...

Вскоре были видны уже три танка, которые стали расстреливать линию крайних домов, где занимал оборону взвод лейтенанта Хасанова. Оттуда снова побежали люди. Те, кто остался, продолжали отстреливаться.

Понимая, что двум снайперским парам нечего делать на одном чердаке, Юра решил занять позицию в другом месте. Перемещаясь от дома к дому, он услышал выстрел противотанкового комплекса, шум пролетающей над головой ракеты и увидел падающие чуть не на голову провода. Со стороны танков раздался взрыв. Насколько был пуск ракеты успешным, видно не было.

Присмотрев дом, с приставленной к чердаку лестницей, Трофимов быстро забрался туда и убедился, что вид открывается вполне перспективный. Выбив ногой доску торцевой стенки, поставил «Манлихер» на сошку и, бросив коврик, лёг.

Тимур выбил ещё пару досок, чтобы можно было, как наблюдать, так и оказывать огневую поддержку из СВД — когда враг окажется в зоне досягаемости этой винтовки.

— Левый угол левого коровника, — попросил Юра, как только увидел, что Тимур готов к работе.

— Тысяча двести восемьдесят.

— Крайняя хата?

— Шестьсот шестьдесят.

— Как только они дойдут до окраины, начинаешь работать из СВД, — определил Трофимов.

В поле, опережая танки, шла вражеская пехота. Визуально их было очень много — более полусотни. Было понятно, что передовая позиция не удержит эту массу.

Юра стал выбирать удобные цели и стрелять. До середины поля было около восьмисот метров, что исключало промахи при стрельбе из винтовки калибра 338. Помня о том, что стрелять ему приходится гражданскими патронами, Юра целился в нижнюю часть корпуса, не прикрытую бронёй. Попадания в живот, таз или бёдра гарантировали выключение человека из боя и отвлечение на его эвакуацию или даже просто оказание первой помощи, сразу нескольких человек.

За десять минут Трофимов расстрелял пачку патронов, открыл ещё одну. В этот момент крыша дрогнула и брызнула осколками шифера — прицельно или для профилактики, враг обстрелял дом из танковой пушки.

Первым желанием было бросить здесь всё и прыгнуть на землю, спасаясь от очередного прилёта. Однако, в прицеле продолжали мельтешить вражеские пехотинцы, которые, несмотря на внезапно возросшие от снайперского огня потери, продолжали быстро сближаться с окраиной села. Танки, обогнав свою пехоту, уже орудовали на передовых позициях. Неподальёку громко ухала АСВКМ, разрывающая людей на части — Романову не приходилось учитывать наличие у солдат противника средств индивидуальной бронезащиты — крупнокалиберная винтовка обладала запредельной для человека мощностью.

Следующий пуск ракеты оказался более успешным — ярким пламенем полыхнул один танк, и спустя несколько мгновений взрывом боезапаса ему сорвало башню. Остальные прикрылись «Тучей».

— «Восток», ответь «Борзому», — прозвучало из радиации.

— На связи «Восток», — Юра оторвался от наблюдения за полем боя.

— Товарищ майор, тут ваш кореш вас спрашивал, — сказал Шаманов. — Я ему обстановку обрисовал. Вы сами что наблюдаете?

— Серый... — Юра стал подыскивать слова. — Всё печально. Танки уже топчут окраину. Уничтожен только один. Где твоя арта? Почему не стреляете?

— Вы будете смеяться, но ваш дружбан пока не дал артиллерии «добро». Все цели я уже передал по три раза.

— «Борзый», — Юра выглянул в пролом. — Они уже заходят в село. Я иду к тебе...

Дальнейшего смысла нахождения на чердаке Юра уже не находил, так как основная часть пехоты противника уже преодолела открытое пространство, и стала распространяться по селу, скрываясь за постройками. Снайпера утратили своё преимущество в дальнем бою.

— «Шеф», уходите к школе, — по рации приказал Трофимов.

— Принял, — ответил Романов.

Спрыгнув с чердака, Юра и Тимур направились к школе, и пересекая одну из сельских улиц, попали под обстрел из танка. Чудом избежав гибели, через вход в спортивный зал они вбежали в помещение школы.

Первым, кого Трофимов увидел в школе, был командир третьей роты, сидевший на стуле посреди спортзала.

— Ну, что там? — спросил он.

Трофимов, только что глянувший в лицо смерти, едва сдержал себя, чтобы не накинуться на капитана.

— А ты бы вышел, и сам посмотрел... — в этот момент он ясно осознал причину утраты управляемости подразделениями — офицер, спасая свою жизнь, самоустранился от участия в бою.

— Капитан, приди в себя! — порекомендовал Трофимов. — Иди, займись своими людьми!

Офицер отстранённо смотрел на него — только вчера прибывший из ППД бригады и тут же попавший в тяжелейший бой.

По широкой лестнице майор поднялся на второй этаж, где находились разведчики Шаманова. Командир группы специального назначения диктовал по рации координаты. Увидев майора, он на мгновение отвлёкся от радиостанции и сообщил:

— Укроп со всех сторон вломил наши позиции. Думаю, жить нам осталось час-полтора...

— Моё решение такое: остаёмся здесь, в здании школы, обороняемся, сколько можем. Я уже попросил «Ориона» оказать нам помощь, на что он ответил «держаться», — Шаманов не выглядел подавленным, он горел желанием боя, наверное, в том числе и потому, что мысленно уже похоронил себя в развалинах школы, отчего бояться было уже нечего.

— Там у ротного проблемы, — сказал Юра. — Не может включиться в работу...

— Включится, — ответил Сергей. — У каждого бывают минуты слабости. Он парень нормальный, преодолет себя.

Появился Воробьёв с Ладиным. Не успел Слава доложить о прибытии, как Юра обнял его:

— Живой...

— Станцию потерял, когда по полю бегали, — Слава начал оправдываться.

— Да хоть сами живыми вышли, — ответил Трофимов. — Уже хорошо. А станцию новую получишь.

Слава коротко доложил о развитии ситуации, рассказав, где и сколько ему удалось поразить целей. Шама-

нов, сидевший неподалёку, услышав доклад, присвистнул от удивления:

— Товарищ майор, сказочник-то не вы, а ваши сержанты... — Сергей улыбнулся.

— Серый, всё нормально, — сказал Юра. — Наш «Лесник» — чемпион округа по тактической стрельбе.

— Трёхкратный, — добавил Слава.

— Да? Ну, тогда, приношу свои извинения за подозрения... — Шаманов подмигнул Воробьёву. — А кто-то говорил, что тактическая стрельба — это всего лишь спорт...

— Врут, — Слава улыбнулся. — Нагло врут. Если бы не спортивные навыки, лежал бы я сейчас там, на секрете. С пробитой головой.

Отправив снайперскую пару Воробьёва на первый этаж, откуда можно было простреливать улицу, Юра поднялся на третий. Сюда же подошла пара с АСВКМ. Романова он поставил работать с лесополосой, расположенной в километре к востоку от школы, а сам сел за стол контролировать северное направление, где край лесополосы находился всего в четырёхстах метрах. Там же было и кладбище, где уже было заметно перемещение людей. Чуть дальше, прикрываясь лесополосой, приближалась вражеская техника — судя по звуку, танки и БМП.

Сидя за ученическим столом, Трофимов возвышался над оконным срезом всего на размер головы, будучи защищённым от вражеского обстрела толстой каменной стеной. Ганжа сидел возле соседнего окна точно в таком же положении. По внутренней стене кабинета уже били пули — пока ещё шальные — и скоро можно было ожидать прилёта снарядов из автоматических пушек БМП и ещё более страшных танковых пушек.

Громкие шлепки пуль и отлетающая штукатурка действовали на нервы, требуя пригнуться, укрыться от огня, спастись от верной гибели.

Неизбежность предстоящей смерти была вполне очевидной, и Юра уже не первый раз за сегодняшний день попрощался с жизнью. Несмотря на провальное для врага, с точки зрения внезапности, начало наступления, сейчас оно развивалось вполне динамично — уничтожив дозоры и ломая рубежи обороны, противник уверенно двигался по селу. Трофимову была неизвестна причина, по которой старшие начальники не отдавали команду на открытие огня артиллерии, и это тяжёлым бременем ложилось на сознание, заставляя невольно думать о предательстве — ведь как много ходило в войсках слухов о переходе на сторону врага некоторых генералов, имеющих украинские корни.

Безотносительно того, будет артиллерийская поддержка, или не будет, врага нужно было уничтожать всеми имеющимися средствами — Юра это понимал нутром, всем опытом своей военной службы.

Глядя сейчас в оптический прицел своей винтовки, он почувствовал, как его сознание завлакивается боевым азартом. Смерть, она вот, рядом, летала над головой и была в противоположную стену, но она уже была безразлична Трофимову. Сейчас главным чувством было желание уничтожить врага — безраздельно господствуя над жизнями десятков людей, волею судьбы ставших его противниками.

Четыреста метров для «Манлихера», как, впрочем, и для СВД, не предвещали врагу ничего хорошего. Ганжа открыл огонь в высоком темпе — полуавтоматическая винтовка позволяла делать несколько десятков выстрелов в минуту без снижения качества прицеливания.

Юра прицелился: украинский солдат практически весь скрывался за могильной плитой, высунув только голову. Ошибка многих людей состоит в том, что если они чего-то не видят, то могут полагать, что и сами они не видны для другой стороны. Подобная ошибка усугубляется наличием у другой стороны мощных приборов наблюдения и оптических прицелов высокой кратности. Прицельную точку своего «Люпольда» Трофимов остановил на переносице противника и плавно потянул спуск. На такой дальности пуля прилетит с небольшим вероятным рассеиванием в несколько сантиметров, гарантируя попадание в габарит высунувшейся головы.

Винтовка ударила в плечо, человек за могильной плитой мгновенно исчез. Юра быстрым движением руки открыл затвор, гильза прыгнула на пол.

«Холодный», — подумал Юра не про убитого, а про первый выстрел с «холодного» ствола. После нескольких выстрелов ствол будет уже настолько горячим, что неминуемо изменится средняя точка попаданий, что нужно будет учитывать при последующей стрельбе — он это уже знал, едва ли не как профессиональный снайпер.

Закрыв затвор, Трофимов высмотрел следующего — пригнувшись, он крался между могильных плит. Спустя несколько секунд человека не стало, а его тело свалилось там, где и положено быть мёртвым — сельское кладбище стало быстро пополняться новыми обитателями.

Со стороны Петровки стали раздаваться взрывы — то ли своя артиллерия стала накидывать по врагу, то ли лажала вражеская — ясности не было никакой.

В район школы стягивались бойцы со всех направлений — откуда только можно было ещё безопасно отойти. Командир третьей роты постепенно втянулся в работу и стал организовывать оборону квартала, под непрерыв-

ным миномётным и артиллерийским обстрелом расставляя людей по домам, назначая им сектора обстрела.

Воробьёв не давал живой силе противника продвигаться вдоль улицы, а по дворам непрерывно били АГСы, затрудняя движение противника под защитой построек.

Подвал школы был уже наполнен ранеными, значительной части которых требовалась срочная эвакуация в специализированные медицинские учреждения. Фельдшер батальона требовал от командования организовать вывоз людей в МОСН, но ему неуклонно предлагали «действовать наличными средствами», обосновывая тем, что вывезти раненых невозможно, так как украинские войска перерезали все выходы из села.

Когда со стороны кладбища показался танк, с крыши школы по нему немедленно пустили ракету, но она прошла мимо. Определив место пуска, танкисты открыли огонь по зданию школы, и первый прилёт пришёлся в класс, соседний от того, где находилась снайперская пара Трофимова.

В голове словно выключили звук — стало тихо-тихо. Слева от себя Юра увидел падающую кирпичную стенку — школьные шкафы, кирпичи, штукатурка, облако пыли. Обломки стены и мебели навалились на него, хороня под собой. Чувствуя, как его придавило к полу, Юра крикнул... но голоса своего не услышал.

В облаке пыли появилось лицо Тимура, он что-то говорил, но тишина в ушах не позволяла слышать. Напарник ухватил Трофимова за снаряжение и стал вытаскивать из груды «строительного мусора».

Юра поднялся, посмотрел на место, где только что стояла прочная стена — в клубах дыма и пыли открывался вид на соседний класс. Он подхватил винтовку, рассыпанные на полу патроны, сколько успел подобрать, сложил

в сбросник и побежал за Ганжой. Они спустились на второй этаж, где оборону держали разведчики.

Появился звук — Юра стал слышать.

— Чем это вас там? — спросил Шаманов. — Вся школа подпрыгнула!

— Танк, — ответил Трофимов, с удовлетворением слыша самого себя. — Убейте его скорее, иначе он нам всю школу по кирпичикам разберёт.

С крыши полетела вторая ракета. В этот же момент на третьем этаже раздался ещё один взрыв — прилетел очередной танковый снаряд. Здание тряхнуло.

— У меня координаты запросили, — сообщил Сергей. — Сейчас, наверное, ударят. Не прошло и трёх часов...

— Куда нацелил?

— «Градами» попросил коровник отработать, там резервы противника находятся. «Геноцидами» — район кладбища и севернее, по всей лесополосе.

— Тимур, работаем...

Трофимов, шатаясь от головной боли, внезапно возникшей слабости и дрожи во всем теле, направился обратно к лестничному маршу. Вернувшись в «свой» кабинет, он быстро оборудовал новую позицию — так же поставив стол в центре класса, и сев на стул с торца стола. Тимур занял свою прежнюю позицию и тут же открыл огонь.

Юра смотрел в прицел и не мог сфокусироваться. Вначале он даже пытался подогнать оптику под глаз, отстраивал параллакс, менял кратность, но всё тщетно — прицел не давал требуемую картинку. Внешний осмотр самого прицела ничего не дал — повреждений он не имел.

— Я всё, — сказал Трофимов, наконец-то догадавшийся о причинах. — Не могу стрелять...

— Патроны кончились? — спросил Тимур.

— Нет, — ответил Юра. — Похоже, глаза страхнуло немного...

Со стороны коровника стали раздаваться частые взрывы — туда прилетел пакет «Града». Прямого урона наступающим подразделениям удар не нанёс, так как враг в основном уже действовал на территории села, но резервы потрепал, наверное, изрядно.

Практически сразу взрывы появились и в районе кладбища — здесь удары пришлись по атакующим группам, которые не могли продвинуться за пределы погоста из-за снайперского и пулемётного огня, который на открытом месте наносил большой урон живой силе.

Оставив Тимура воевать в одиночестве, Трофимов спустился на первый этаж, где нашёл Воробьёва, стреляющего с точно такой же позы — сидящего на стуле за школьной партой.

— Слава, возьми патроны, — Юра передал ему несколько оставшихся пачек. — Меня контузило, ни черта не вижу...

Он чувствовал, насколько сильно упала резкость «изображения».

— Осторожнее здесь, — предупредил Воробьёв. — Залетает...

— Ты давай, не экономь теперь. Похоже, это наш последний бой...

Трофимов вернулся на второй этаж — командир разведывательной группы передавал по радиации новые координаты. Не найдя себе применения, он спустился в подвал, где встретил фельдшера.

— Что у вас, товарищ майор? — спросил медик.

— Контузило, зрение упало... дайте мне таблетку от головной боли!

— Ага,— медик ладонями сжал виски, а большими и указательными пальцами раскрыл Трофимову глаза.— Внешних повреждений вроде нет. От контузии да, бывает такое...

Он передал Трофимову пару таблеток, предупредил, чтобы тот их не глотал, а держал под языком, и отошёл к раненым.

В одном из помещений подвала несколько бойцов были поставлены на раскупорку цинков с патронами и гранатами, они же набивали пулемётные ленты. Юра даже подумал присоединиться к ним — хоть какая-то польза была бы от почти слепого, но потом вдруг вспомнил, как сам наехал на командира роты, самоустранившегося от боя, и вернулся на второй этаж — просто чтобы избежать в отношении себя подобных обвинений.

Тем временем бой продолжался. Противник со стороны коровника смог продвинуться в направлении школы на полкилометра, где временно был остановлен остатками роты, не отошедшими к школе. С другой стороны Николаевки ситуация была схожей — опрокинув передовые позиции, избегая движения по улицам, противник смог продвинуться по дворам и выйти на восточные окраины села, взяв под огневой контроль дорогу на Татьяновку. Когда добровольцы шахтёрского батальона донбасского ополчения, содействовавшего бригаде на данном направлении, двинулись на помощь окружённым товарищам, грузовик ГАЗ-53 и автобус ПАЗ были расстреляны на окраине села.

Причём, по грузовику и автобусу, полным бойцов, спешащих на выручку своим соратникам, огонь открыли как с украинской, так и с российской стороны. Если первые увидели в этой небольшой колонне приближение подкрепления, то вторые, из-за отсутствия согласован-

ности в действиях, предположили, что наблюдают ещё один прорыв со стороны врага — и естественно, решили пресечь эту попытку. В итоге получилось так, что подкрепление, которое могло в значительной степени усилить оборону Николаевки, было практически полностью уничтожено. Но пехотинцы этого, конечно, на тот момент не знали, а скорее радовались «успешному отражению атаки».

Спустя ещё пару часов, артиллерия группировки, бьющая по выявленным резервам противника на окраинах села, стала приносить ощутимый результат. Накопление у врага раненых, которых они не могли из-за артогня вывести к местам оказания специализированной помощи, стало отрицательно сказываться на их действиях, и после неудачной попытки лобового штурма школы, враг в значительной степени снизил свою активность, начав закрепляться на достигнутых рубежах.

Осознав наступление переломного момента, командование группировки направило в село мотострелковый батальон, поддержанный танковой ротой, которым была поставлена задача зачистить Николаевку от противника.

Пехота зашла так, как того требует Боевой Устав — всё расстреливая на своём пути. Шаманов сорвал голос, крича в рацию, чтобы пехота не стреляла по своим. Его просьбы и требования согласовать действия и обозначить сигналы взаимного опознавания остались без ответа. Огонь по школе прекратился только тогда, когда у кого-то из солдат нашёлся Российский флаг, который удалось, рискуя быть убитым своими же, вывесить в окно школы.

— А нам сказали, что здесь уже все погибли, — заявил командир батальона, когда офицеры встретились во дворе школы.

Трофимов и разведчики, которые держали связь с командованием группировки, были «слегка» удивлены этим заявлением.

— А какой умник вам задачу ставил? — поинтересовался Юра.

— «Орион», — пожал плечами комбат. — Кто-же ещё?

Трофимов посмотрел на командира разведчиков, словно ища поддержку своим словам.

— Генерал до последнего момента был с нами на связи. Он точно знал, что мы живы.

— Да, — подтвердил Шаманов.

— Мужики, — комбат развёл руками. — Давайте будем радоваться, что мы не перебили друг друга. А что там, в верхних слоях атмосферы генеральского разума происходит порой — не наше дело.

Свежий батальон быстро опрокинул сопротивление врага, и противник начал отход. Попытки цепляться за крайние дома были жестко подавлены огнём танковых пушек, стреляющих осколочно-фугасными снарядами. Артиллерия плотно прошлась по прилегающим к селу лесопосадкам. К вечеру стало окончательно ясно, что врага в Николаевке нет.

Раненых смогли эвакуировать в МОСН, собрали убитых — и своих, и чужих. Пехотный комбат оказался толковым командиром, и смог быстро организовать оборону села.

Вернувшись «домой», в своём рюкзаке Юра нашёл глазные капли, выпил ещё несколько обезболивающих таблеток, и, прихватив коробку сухого пайка, вернулся в школу. К этому времени уже стемнело. В одном из учебных кабинетов на третьем этаже разведчики установили свой тепловизионный прибор наблюдения, и Шаманов находился там же, время от времени подменяя своего наблюдателя.

Обстановка не способствовала расслаблению. Даже пережив такой тяжелый бой, который унёс жизни десятков, а может и сотен людей с обеих сторон, каждый из офицеров понимал, что угроза возобновления вражеских атак отнюдь не миновала. Враг вполне мог, подтянув свежие силы, попытаться вновь ударить по Николаевке, тем более, что множество оборонительных позиций уже было разрушено, требовали восстановления, и устойчивость обороны, безусловно, была подорвана.

В общем, все ждали новый бой. Мощный тепловизор, находящийся в распоряжении армейских разведчиков, в значительной степени определял возможности по раннему предупреждению появления противника, если бы он снова задумал осуществить атаку на село.

Юра и Сергей сидели на досках, прислонившись спинами к стене. Командиру разведгруппы подчинённые принесли флягу, в которой, удивительное дело, оказался коньяк, и теперь офицеры сидели и молча по очереди делали из этой фляжки глотки, закусывая принесённым Трофимовым сухпайком.

Говорить ни о чём не хотелось. Сегодня весь день смерть смотрела им в глаза, и много раз пыталась забрать к себе — но лишь какие-то случайные обстоятельства препятствовали этому, сохранив им жизнь. У снайперов трое были эвакуированы с ранениями, полученными уже в ходе битвы со своими, когда мотострелки обстреляли школу — Слава, Антон и Тимур, хорошо, что никто не погиб. У Шаманова погибло двое разведчиков, ещё двое были ранены. Сам он получил пару осколочных ранений, которые не посчитал основанием для поездки в МОСН.

Не было сил ни горевать по погибшим, ни радоваться собственному спасению.

— Сегодня смерть приходила за нами, — сказал разведчик.

— Но это был не её день... — подытожил Юра.

Утром, так и не дождавшись нового боя, Трофимов с Ладиным вернулись в дом, оставив Романова в школе. Жорж уже суетился за приготовлением завтрака: в большой кастрюле он варил на газовой плитке какое-то месиво. Вова сразу завалился на кровать и мгновенно уснул. Юра снял ботинки и сел в кресло, вытянув ноги. Голова продолжала гудеть, всё тело ныло, руки мелко дрожали.

— Сделай мне кофе, пожалуйста, — попросил он, не в силах стоять на ногах. — Турка в моём большом рюкзаке, в кармане справа...

Водитель поспешил выполнить просьбу и вскоре Юра мелкими глотками начал пить кофе. Как не пытался он унять дрожь в руках, это не получалось. Чуть не с болью подумал, что, скорее всего, руки дрожали от множественных контузий, которые он пережил за прошедшие сутки. Глядя на это, Жорж сказал:

— Товарищ майор, давайте я вас в МОСН отвезу. Вы сильно контужены, раз так руки трясутся...

Юра понимал, что предложение водителя было более чем правильным.

— Добро, — кивнул он после недолгих раздумий. — Что там у тебя на завтрак?

— Макароны с тушёной. Уже готово. Подавать?

— Давай. Попробуем твою отраву...

Однако, еда не лезла в глотку и это окончательно убедило Трофимова в необходимости поездки в медицин-

ский отряд специального назначения, который находился километрах в десяти от линии фронта.

Забрав из школы засыпающего на ходу Романова, вся оставшаяся снайперская группа выехала в медицинский отряд. Дорога шла по полям, вдоль лесополос, клонило в сон, но Юра так и не смог уснуть — не давала сильная головная боль. На въезде в село стоял блок-пост, на котором объяснили, как проехать в МОСН.

Первого, кого он здесь встретил, был командир медицинского взвода бригадной медроты лейтенант Артур Зайцев, прошлогодний выпускник медицинского ВУЗа, с которым Юра успел познакомиться в бригаде перед самой отправкой — он выдавал на группу всё необходимое медицинское имущество и проводил с бойцами занятия по тактической медицине.

— Здорово, Артур, — Юра обнял лейтенанта. — Как мои орлы, не знаешь?

— Всех в госпиталь уже увезли, — ответил он. — С ними всё нормально. У Ларина большой осколок из спины вытащили, жить будет. У остальных ранения проще. А у вас что?

— Похоже, контузило сильно, голова болит так, что уснуть не могу... и у остальных нечто похожее, но спать могут.

— Это да, контузия, — согласился врач. — Пойдёмте, проведу к нужному врачу...

МОСН был развёрнут в больших сообщающихся между собой палатках, тарахтели генераторы, сновали люди, в одном месте Юра увидел более десятка выставленных в ряд медицинских носилок, в которых лежали черные целлофановые пакеты с совершенно очевидным содержимым. Словно перехватив мысли, Зайцев пояснил:

— Это те, кого последними уже с Николаевки привезли. Первую партию погибших отправили в Ростов ещё утром. Представляю, какая там у вас заруба была...

Трофимов подумал, что ничто другое в своей сути не является столь тяжелым и глубоким олицетворением войны, как военный госпиталь, через который проходит вся боль военных событий, отражённая в страданиях раненых людей и холодном безмолвии тел погибших.

— Много? — спросил он, хотя ответ ему был известен.

— Я столько в жизни никогда не видел, — ответил врач. — Мы пришли...

Он указал на вход в палатку.

Профильный врач только взглянул на Трофимова, как сразу всё понял.

— Сколько было близких взрывов в ходе боя?

— Около шести, может больше, — ответил Юра. — Это только те, от которых я падал.

— У вас, молодой человек, как минимум контузия средней тяжести, если не хуже.

— Ещё зрение у меня упало, — пожаловался Юра.

— Через две-три недели должно восстановиться, — сказал врач. — Если всё это время в покое проведёте. На чём я настаиваю...

— А спать когда я смогу?

— С этим, — он высыпал на стол несколько упаковок таблеток, — уже можете сегодня. Здесь обезболивающее и успокоительное.

Уступив место Романову, Юра прошёл в соседний палаточный «кабинет», где за столом сидела девушка — лейтенант медицинской службы. Ей было, наверное, двадцать с небольшим, и Юра уже хотел было начать диалог с лёгкой шутки, но глянув ей в глаза, сразу передумал.

Вспомнил детство, когда к отцу приходили боевые соратники, а один из них под гитару пел «афганскую» песню Виктора Верстакова, в которой звучали такие слова:

... она любви давно не хочет
ей в душу глянула война...

Он тогда не понимал значения этих слов, но сейчас осознал всю их пронизательную глубину. Девушка мельком глянула на Трофимова и попросила документы.

— Смотрите, — она перед собой положила лист формы для заполнения. — Факт ранения или контузии фиксируется в МОСН, куда поступают все раненые. Здесь выписывается справка по «форме 100». Далее вы поступаете на стационарное или амбулаторное лечение в госпиталь, или под присмотр ваших врачей в ОМЕДБ, а после излечения проходите ВВК и получаете справку о ранении. Эти два документа теперь являются основанием для страховых выплат. В вашем случае это три миллиона рублей.

— О, как... — Юра вспомнил, как буквально полгода назад искал деньги на сложную и дорогую операцию маме, и как от него отвернулись все те люди, которые могли бы с лёгкостью помочь — и у них бы не убыло — но не помогли.

— Да, — кивнула лейтенант. — Сейчас так.

— А раньше было иначе? — осведомился Трофимов.

— Раньше справку для получения страховки выписывал начмед части. Знали бы вы, сколько всяких ушных штабистов и тыловиков оформили себе по две-три лёгкие контузии, диагностирование которых — дело очень зыбкое и неконкретное. И деньги получили...

— Да, я что-то такое слышал, — кивнул Юра.

— Теперь же действует приказ, который поставил на этом безобразии точку. Все страховые выплаты отныне идут только через военно-врачебную комиссию.

— А лёгкую контузию комиссия может и не выявить? — предположил Юра.

— На ВВК обязательно будут делать томографию головного мозга, и это исследование на сто процентов покажет, была контузия на самом деле, или она была симулирована.

Трофимов почувствовал, что девушка-лейтенант, таким образом, даёт ему последний шанс одуматься, на случай, если он сейчас пытается симулировать свою контузию. Чтобы потом не отвечать перед законом за мошенничество. Стало понятно, почему врач на приёме так быстро согласился с озвученной Трофимовым версией — военный медик повидал много разных контуженных и «контуженных», и в итоге пошёл по наиболее верному пути, взваливая всю ответственность за принятое решение на плечи ВВК.

— Оформляем? — спросила она.

— Да, — кивнул Юра.

— Хорошо, — она раскрыла удостоверение личности и стала вписывать в форму необходимые данные.

Всю процедуру оформления Юра сидел молча — строгий голос и эмоционально выгоревший взгляд девушки не предполагал никакого, даже самого лёгкого балагурства.

Возвращение в Николаевку было омрачено потерей правого заднего колеса, в которое попал осколок от взрыва мины, прогремевший метрах в ста от машины. Оставшиеся несколько километров проехали на пяти колёсах, не пожелав заниматься заменой его на запаску под обстрелом врага. Колесо поменяли уже в селе, заехав

в один из коровников, приспособленный под «скрытную» стоянку боевой и специальной техники. В качестве новой «запаски» использовали колесо с разбитого взрывом КамАЗа роты материально-технического обеспечения, который был брошен на окраине Николаевки. Кроме колеса поживиться больше было нечем, так как машину уже основательно помародёрили все те, кто обратил на неё внимание раньше.

Но потеря колеса оказалась только прелюдией к ещё большим потерям. Когда вчетвером они подошли к месту своего «временного базирования», то вместо дома их ждали догорающие руины, в которых канули в Лету огромное количество бытовых вещей, доселе скрашивающих их военно-полевую жизнь.

Глядя на «остатки былой роскоши», Юра чувствовал, как подкатывает приступ отчаянного бессилия. Он уже не мог злиться, просто после такой череды переживаний, апатия овладела его сознанием.

Некоторое время они растаскивали в стороны груды обломков, пытаясь хоть что-то найти в этих развалинах, но вскоре стало понятно, что почти наверняка ничего спасти не удастся — часть разрушенного дома выгорела, именно та часть, где и находились в основном вещи, снаряжение и различные запасы.

— Жорж, — Юра строго посмотрел на своего водителя. — Это ты печку не выключил?

— Так точно, товарищ майор! И мину ещё сверху скинул, — серьёзно ответил Георгий, тонко почувствовав настрой командира, от безысходности решившего пошутить. — Чтобы наверняка.

Все вымученно улыбнулись.

— Ну что, будем побираться сегодня, — сказал Ладин. — Не впервой.

— Что у нас с солярой? — уже серьёзно спросил Трофимов.

— Четверть бака, — ответил водитель.

— До Антоновки хватит доехать?

— До Антоновки — хватит, — уверенно сказал Жорж.

— Что, командир, сваливаем отсюда? — спросил Романов.

— Не вижу смысла здесь находиться, — сказал Трофимов. — Хохлы навряд ли снова попрут, да и формально мы все ранены и контужены, пока выполнять боевые задачи не можем. И вообще, мне надо на амбулаторное лечение в медроту, как доктор прописал.

Юра ощутил облегчение, найдя объяснение возвращению в Антоновку, которое не затрагивало его тонкие материи под названием «воинский долг», призывающие остаться и дальше оборонять село.

— Я только «за», — сообщил Максим. — Тем более, что мне тоже прописали покой и уют.

— И мне... прописали, — вставил Вова.

— А я... а мне... — водитель сделал круглые глаза. — А без меня вы всё равно никуда не уедете!

— Уедем, — Юра сделал строгое лицо. — А тебя оставим здесь — откапывать манатки.

— Вы не знаете, где в КамАЗе секретная кнопка, — Жорж напускал значимости. — Без неё машина не заводится!

— Тогда толкать будешь, — сказал Трофимов. — В качестве наказания.

— Чтобы научился печку выключать, — дополнил Максим.

Все четверо нервно расхохотались.

После боя в Николаевке мотострелковая бригада ещё несколько недель занимала оборону здесь, но затем было принято решение перенацелить соединение на другое направление. За час позиции были переданы сменщикам, и спустя пару суток бригада была уже в Шахтинске.

Все эти две недели Трофимов исправно появлялся в медпункте бригады, где пил кофе с лейтенантом Зайцевым и весело подтрунивал над его внешним видом «ботаника», случайно оказавшегося среди пехотных головорезов.

Из снайперской роты с места постоянной дислокации в мобильный отряд прибыло пополнение — командир взвода лейтенант Стас Крылов, фельдшер Дима Мосин, снайперы Вася и Ринат.

Ринат по прозвищу «Тунгус», после двух дней гастрономических мучений, решительно сменил Жоржа на должности нештатного повара, и личный состав мобильного отряда сразу почувствовал разницу, сойдя с опостылевших макарон на блюда, достойные самых изысканных ресторанов.

Дима Мосин пришёл в армию добровольцем с гражданской, где работал фельдшером на станции Скорой Помощи. Ему предлагали должности в медицинской роте, но он настоял на том, чтобы стать снайпером, так как считал, что только в боевом подразделении сможет раскрыть свой потенциал. Разумеется, Трофимов увидел в нём не только снайпера, квалификация которого пока оставалась не слишком высокой, но в первую очередь, конечно, фельдшера, который своими профессиональными знаниями и навыками мог дать мобильному отряду серьёзное подспорье в медицинском обеспечении. Которое, скажем так, несколько хромало — что стало очевидным во время боя в Николаевке.

Юра попросил Мосина провести несколько занятий по медицинской подготовке с личным составом группы, в ходе которых и сам многое узнал из того, чего во время его прошлой службы ещё просто не существовало. Дима рассказал последовательность манипуляций при получении обширных ранений с повреждением магистральных кровеносных сосудов.

— Главная причина смерти на поле боя — потеря крови. Кровь — это жизнь. И жизнь нужно сохранить в теле всеми доступными способами. При повреждении магистрального кровеносного сосуда кровь будет фонтанировать как вода из хорошо открытого водопроводного крана. Несколько секунд — и человек теряет жизненно необходимый объём крови, затем наступает слабость, апатия, безразличие к собственной жизни, незаметная потеря сознания и смерть. Поверьте, я этого много наблюдал в своей практике, и поэтому утверждаю — нельзя поддаваться апатии и безразличию, нужно бороться! Я видел людей, которые выжили в условиях, в которых они должны были умереть. И выжили они только потому, что не опустили руки.

Дима достал из рюкзака жгут и турникет.

— Первое, что вы делаете после ранения, это быстро осматриваете себя или раненого: голова, шея, пах, конечности, потом всё остальное. Если есть признаки массивного кровотечения — все усилия направляем туда. Если есть возможность наложить жгут — накладываем. Жгут или турникет, не важно. Важно, чтобы у вас их было столько, сколько есть конечностей. Будет у вас восемь рук — надо будет иметь восемь турникетов — ясно? Потому что можно попасть под шрапнель, МОН или «кассету» и быть раненым сразу во все руки и ноги. Все должны помнить, что жгут накладывается выше раны в сторону

сердца. Значение имеет первый тур, то есть, оборот жгута. Именно он перекроет поток крови. Да, будет очень больно, но за этой болью находится ваша жизнь. В этой ситуации ни себя, ни товарища жалеть не надо. После быстрого наложения жгута, осматриваем рану.

Фельдшер выложил на стол несколько упаковок, о которых большинство присутствующих не имело никакого представления.

— Кровоостанавливающие порошки отныне можете забыть, — заявил Дима. — Их использование, как показывает практика, может привести к получению дополнительных термических повреждений. Вместо него сейчас хорошо работают каолиновые и цеолитовые тампонады, выполненные в виде Z-бинта, которые хорошо останавливают кровотечение даже из больших ран. Да, штука дорогая, но она того стоит. Мне местные коллеги говорили, что их использование кратно повышает шансы раненого не только на выживание, но и на успешное последующее лечение, и во всех случаях позволяют человеку избежать большой кровопотери, повышая вероятность выживания на поле боя.

Дима взял одну упаковку, но вскрывать не стал — слишком она была дорогая и дефицитная.

— Здесь находится бинт, пропитанный кровоостанавливающим составом и уложенным Z-образно. Этим бинтом мы тампонируем рану, то есть, забиваем его в раневую полость, затем на пару минут сильно прижимаем ладонью. Имеет значение сила нажатия. Затем прихватываем это всё перевязочным пакетом или бандажом. После этого пробуем ослабить турникет, и смотрим, продолжается ли кровопотеря. Если потока крови нет, жгут или турникет можно убрать, чтобы не травмировать конечность ишемией. Если жгут оставляем, то пишем время

его наложения. Через час его необходимо будет ослабить на некоторое время и потом снова наложить. Однако, переусердствовать со жгутом тоже не стоит — можно надёжно перекрыть кровопотерю и в итоге лишиться руки или ноги, омертвевших без крови. Таких раненых уже очень много — из-за неумелого использования жгутов люди массово теряют конечности.

После короткой, но ёмкой лекции, Дима, невзирая на звания и должности, заставил всех участников потренироваться в наложении жгутов. Попытки делать это стоя или сидя были немедленно пресечены.

— Товарищи, внимание! — Дима повысил голос. — Все тренировки проводим в положении лёжа — как это будет в бою. Вначале накладываем жгут двумя руками, затем делаем это одной рукой — вначале ведущей, затем слабой. Добиваемся, чтобы слабой рукой жгут накладывался за несколько секунд! В противном случае эти тренировки не будут иметь никакого результата.

Бойцы мобильного отряда с энтузиазмом приступили к занятиям.

Пауза между боями продлилась недолго. Как и ожидалось, бригада была направлена в район Соколовска, где наметился некоторый успех, и было принято решение о наращивании наступательных усилий.

К этому времени Николая Михайлова уже официально утвердили в должности командира бригады, тут же присвоив ему звание полковника. Комбатом мотострелкового батальона назначили Женю Гусева, забрав его с должности командира разведывательной роты. Заместителем ему дали офицера-психолога из штаба ар-

мии — майора Сашу Сенотрусова, которому только на днях безапелляционно предложили принять должность в мотострелковом батальоне.

На постановке задач в штабе армии командир мотострелковой дивизии полковник Фильченок, докладывая обстановку на направление Лесное — Осиновка, пальцем водил по девственно чистой карте, вызывая сильное моральное отторжение у целого ряда офицеров, воспитанных в духе высокой штабной культуры, которая требовала наличия у докладчика указки или хотя бы соломинки — но уж точно никак не пальцем тыкать в карту.

— В этой и этой лесополках моей разведкой присутствие противника не обнаружено, это могут подтвердить разведчики воздушно-десантной дивизии, — полковник кивнул в сторону командира десантников. — Они тоже туда ходили и ничего не нашли.

— Каковы ваши предложения? — спросил генерал Лазаренко.

— Зайти по этим двум лесополосам, — Фильченок двумя ладонями провёл по карте. — А здесь, вдоль железной дороги, пойдут батальоны мотострелковой бригады...

— Тогда у вас выходит пересечение действий, товарищ полковник. Вы не боитесь потерять людей от «дружественного огня»? — спросил заместитель командарма полковник Павлов.

— Нет, — чистые и ясные глаза полководца посмотрели на Павлова, затем на сидящего сбоку командующего группировкой генерала Миронова, не проявлявшего пока никакого интереса к докладчику. — Чего бы они там друг друга перестреляли? Никого мы не потеряем!

— Вы сами создаёте предпосылки для «дружественного огня», — заметил Павлов.

— Подразделения договорятся между собой, — ответил командир дивизии.

— Об этом должны позаботиться вы сами, — настоял заместитель командующего армией.

— Позаботимся, — отмахнулся Фильченко.

— Кто противостоит нашим действиям? — спросил Лазаренко.

— Нам противостоит... — полковник поднял глаза к потолку. — Не менее двух батальонов противника. И артиллерия. Но я вас заверяю — это будет сродни лёгкой прогулке.

— Нумерация вражеских частей вам известна? — не унимался Павлов.

— Да кто их там разберёт...

Юра сидел в последних рядах и откровенно недоумевал от увиденного, как и большинство офицеров, которым в самое ближайшее время предстояло идти в бой. И некоторым — под командованием докладчика.

То, какой бардак творился в войсках, Трофимов видел ежедневно. Но он понимал, что идеального порядка не будет никогда, и всегда будет «оставаться место подвигу», считая за подвиг действия, направленные на исправление чьих-то ошибок в планировании и подготовке боевых действий. Но сейчас он сидел и смотрел, как эти ошибки зарождались на стадии планирования предстоящей операции и из старших командиров их никто не спешил пресекать или исправлять. Юра просто не верил своим глазам и ушам. Впрочем, и планирования как такового не было — слова недавно назначенного командира дивизии не раскрывали в нём необходимых командиру знаний. Это было настолько очевидно, что многие присутствующие откровенно зубоскалили.

— Это родственник заместителя начальника «гэша», — сообщил рядом сидящий подполковник ВДВ. — Неприкасаемая фигура. Очень ценный кадр.

— Для врага? — уточнил Юра.

— Ну, не для нас же, — краем рта улыбнулся десантник.

После совещания в армии Михайлов собрал офицеров на пункте управления бригады.

— Мужики, вы все уже поняли, что завтра будет нелёгкий день.

— Почему Павлов так себя вёл, когда выступал этот недоумок? — новый командир первого батальона задал самый интересующий всех вопрос. — Он как будто заодно с ним. Мы же завтра все ляжем с таким планированием!

— Наверное, у него есть на то основания, — Николай, как старший офицер и командир соединения встал на защиту своего коллеги, которого офицеры сейчас, как и командира дивизии, откровенно считали не соответствующим занимаемой должности. — И давайте впредь не будем обсуждать решения старших. Мы всё-таки в армии, а не на базаре. Договорились?

Офицеры, поворчав, замолчали.

— Командиры рот, доложите о готовности!

После заслушивания командиров подразделений, Михайлов посмотрел на Трофимова.

— Товарищ майор, я попрошу вас завтра находиться в составе первого мотострелкового батальона в качестве офицерского усиления — на случай выбытия командиров рот и батальонов.

— Есть, — Юра встал и попросил: — Разрешите взять с собой снайперскую пару.

— Добро, — согласился комбриг.

С самого утра, быстро перекусив, Юра со своими снайперами, направился к месту формирования штурмовых колонн, откуда и должно было начаться движение на штурм вражеских позиций. Сводный отряд из двух батальонов возглавил замполит бригады подполковник Демидов, который разместился на одной из новеньких БМП-3, недавно полученных бригадой прямо с производства.

Управление первого батальона разместилось на двух БМП-3 и с началом выдвижения выставился в точке, откуда открывался вид на местность, назначенной к овладению. Когда роты двух батальонов стали втягиваться в указанные им лесополосы, противник открыл сильный артиллерийский огонь. Пункт наблюдения находился в четырёх километрах от места боя, но даже отсюда был понятен весь ужас, который происходил в лесопосадках. Эфир тут же наполнился болью и нецензурной лексикой не только в адрес вражеских артиллеристов, но и в адрес авторов этой «лёгкой прогулки».

Наблюдая в бинокль, как в воздух летели вырванные взрывами деревья, Юра слышал знакомое шуршание приближающегося снаряда.

— Прилёт, — крикнул он, пытаясь определить, с какой стороны БМП ему нужно спрыгнуть на землю.

Взрыв прогремел метрах в двадцати в стороне, оглушив ударом тугой волны. Трофимов вновь ощутил жуткую головную боль, только недавно ушедшую под влиянием обезболивающих средств.

— А, чёрт, — крикнул Женя, добавив: — побыл, блин, комбатом...

Он сидел над люком левого стрелка, ближе всех к месту взрыва.

- Что? — Юра подскочил к нему. — Ранен?
- Кажется да.
- Куда?
- Нога и кажется, в бок...

Романов вырвал из подсумка комбата жгут Эсмарха и взмахом руки распустил его на всю длину. Другой рукой он приподнял раненому ногу, и, не обращая внимания на его вопли, быстро наложил тугой тур. Юра ножницами разрезал штанину, наложил перевязочный пакет, стал приматывать его.

- Бок... — напомнил комбат.
- «Шеф», броня... — Трофимов подсказал Романову дальнейшие действия.

Максим отыскал и выдернул контровочный тросик системы быстрого сброса, что позволило мгновенно избавить Гусева от бронежилета и найти второе ранение. Так как у комбата при себе был только один перевязочный пакет, Трофимову пришлось вытаскивать ИПП из своих запасов.

— Как себя чувствуете, товарищ майор? — спросил Романов, когда все неотложные действия были закончены.

- Норм, — кивнул Женя. — Продержусь.
- В боку не понять, насколько тяжело, — сказал Юра. — Может, в медпункт?
- Нет, — комбат помотал головой.

Они сменили место, потом ещё раз. Взрывы некоторое время преследовали их, но потом прекратились — видимо, бездушный разведчик, который корректировал огонь, улетел восвояси. Несколько часов подразделения бригады пытались двигаться вперед, потом маневрировать по фронту. В эфире крики сменялись чёткими и спокойными фразами, потом опять лились боль и страдания.

Несколько раз появлялся знакомый голос генерала Миронова, который в бешенстве от остановки продвижения орал в открытый эфир, «лично инструктируя» Демидова и командиров рот о порядке действий в бою:

— Услышал, что летит — присел! Разрыв — встал! Рывок вперёд! Чего вы там сидите? Подняли свои жопы и вперёд!

— А ты иди сюда и личным примером нам это покажи, — нашёлся кто-то из офицеров.

— Это кто сказал? — заорал Миронов. — Кто там такой смелый?

— Я смелый, а ты — трус! — донеслось в эфире с поля боя — уже другим голосом.

Перебранка в эфире не была чем-то неожиданным. Люди, находящиеся под огнём врага, и считающие последние минуты своей жизни, презрев субординацию, высказывали сейчас всё, что они думали о том, кто загнал их в эти условия — при том, что при постановке задач вероятность обстрела, как и вообще, сопротивление, были прямо отвергнуты планировщиками наступления.

Когда со всей очевидностью стала ясна невозможность дальнейшего продвижения, Михайлов, находящийся на пункте управления бригады, дал команду на отход.

— «Скиф» командует «откат», — доложил комбату связист.

По докладам командиров рот вернувшихся из боя, раненых было тридцать человек, убитого привезли одного, ещё восемь погибших бойцов остались на поле боя. Вернее, никто не мог точно сказать, где осталось восемь человек, а убитыми их посчитали, ибо так было удобнее думать, чтобы избавить себя от мысли, что брошенными оказались не убитые, а раненые бойцы.

Гусев доложил комбригу обстановку, хотя, скорее всего, Михайлов знал её глубже — на него работал «Элерон», и он мог видеть разворот событий «сверху». Тут же на пункте управления появился командир группы спецназа Сергей Шаманов, который загрустил, предположив предстоящую задачу.

— И что ты предлагаешь делать? — командир бригады выговорился по оставленным бойцам, и сейчас уже начал успокаиваться.

— Надо идти... — растерянно ответил Женя Гусев, как бы не имея в виду себя в качестве исполнителя.

— И кто пойдёт? — Михайлов давил своим положением, заставляя подчинённых искать ответы, которые его должны были удовлетворить.

Он обвёл взглядом присутствующих и остановился на разведчике. Группа находилась в оперативном подчинении командира бригады, и поэтому Шаманову отвернуться не удалось. Михайлов быстро поставил задачу, практически не глядя офицеру в глаза.

— На двух БМП выдвигаетесь к роще «Ива-2», затем спешиваетесь и проходите по лесополке... — Николай карандашом стал водить по карте, хотя все присутствующие прекрасно понимали, что эти указания даются им впустую — те, кто пойдут искать убитых и раненых, всё равно действовать будут по собственному усмотрению, сообразуясь с обстановкой. — Затем переходите сюда...

— Есть, так точно, — отвечал Сергей, делал вид, что запоминает порядок действий.

— Ты, — комбриг посмотрел на Трофимова. — Работашь в прикрытии. Хоть какой-то толк от тебя будет.

В словах командира соединения продолжала сквозить злость за невозможность использовать «целого майора» в качестве командира в боевых батальонах.

— Есть, — ответил Трофимов.

Озадаченные офицеры вышли из помещения. Возле выделенных для поездки боевых машин пехоты развернули карту, чтобы прикинуть реальный план действий. Ротные, участвовавшие в попытке штурма, рассказали, откуда по ним пускали противотанковые ракеты, и этому направлению было решено уделить особое внимание.

— Я там утром видел небольшой пригорок, — сказал Юра. — Лягу там с АСВКМ, буду прикрывать. На пределе дальности, тысяча триста, мы достанем ракетчиков.

— На каждую машину посажу по три человека, — сказал разведчик. — Больше брать не буду — незачем подвергать людей лишнему риску.

— Тогда и я возьму с собой только одного, — решил Трофимов.

Пообедав здесь же принесёнными кем-то сухими пайками, снайпера и разведчики заняли места на двух БМП-3. Оказалось, что в одной машине куда-то пропал наводчик-оператор, явно спрятавшийся, чтобы снова не идти в бой. Сергей занял его место.

Перед пересечением железнодорожной насыпи, Юра и Максим Романов сошли в лесопосадку. БМП, ревя моторами, ушли дальше. Снайпера двинулись вдоль лесополосы, которая шла в подъём — пока не достигли верхней точки холма. Здесь, к своему удивлению, они встретили разведчиков из мотострелковой и воздушно-десантных дивизий, которые находились на этом месте с самого утра, отказавшись идти по назначенным им маршрутам. Согласно «плану», они должны были находиться километрах в четырёх впереди — гораздо дальше от того места, где под раздачу попали батальоны мотострелковой бригады. Как минимум, это спасло их от бессмысленной гибели. Командира десантной разведгруппы Юра видел

на постановке задач, и поэтому тот быстро нашёл своим действиям оправдание.

— Вы же всё сами видели... — старший лейтенант посмотрел на Трофимова. — Как тот полковник пальцем по пустой карте водил. Имел бы я в виду таких палкаводцев... ни боевого распоряжения, ни утверждённого решения. Мы на войне, или где? Я из-за таких гениев не хочу свою жизнь почём зря отдавать. Я воевать учился, а не умирать.

Выбирая себе место, Юра натолкнулся на двух снайперов-десантников. Они были с винтовками СВД, лишёнными даже самых минимальных наворотов типа сошек и тактических глушителей. Трофимов и Романов легли рядом с ними.

— Куда стреляем, пацаны? — спросил майор.

— Туда, — ответил один из десантников, махнув рукой в сторону Осиновки, до которой было несколько километров.

Убедившись, что он видит рубеж предполагаемого размещения противотанковых средств противника, Юра по рации сообщил Шаманову о своей готовности. БМП, остановившиеся в лесопосадке, взревели моторами и двинулись к месту прошедшего боя. В течение следующих двух минут по ним было выпущено четыре ракеты, но все прошли мимо. Как Трофимов не пытался разглядеть операторов с пусковыми станками, сделать это не удалось. Шаманов, встретив такую плотность огня, развернулся обратно.

Забрав с собой разведчиков, эвакуационная группа вернулась на исходную. После доклада, на котором Шаманов чуть не подрался с комбригом, высказывая тому своё видение ситуации, захотелось чем-то хорошим восстановить потрепанные нервы. Юра забрал Шаманова

в свою «капсулу» и уже через час в Шахтинске они ели шашлык, запивая горячее мясо холодной водкой.

— Я одного не могу понять, — Сергей пьяно тыкал вилкой в тарелку с кусками баранины. — Выход одной разведгруппы в четыре-пять человек я планирую и обеспечиваю все-сто-рон-не! Отрабатываю порядок действий, таблицу взаимодействия, сигналы управления и связи, запасной план действий, резервный план действий. А здесь... фактически фронтовая операция. Задействованы две дивизии и мотострелковая бригада. Командующий группировки как воды в рот набрал. Какой-то полковник, как говорят, родственник самого верхнего руководства, пальцем водит по карте, на которую не нанесена обстановка... никакой предварительной отработки задачи! Как это понимать?

Трофимов горько усмехнулся: все офицеры, присутствовавшие на постановке задач, отметили этот момент — вождение по карте пальцем — что выдавало в полковнике человека, бесконечно далёкого от профессионального военного образования. А ведь его не остановил ни командующий группировкой, ни командующий армией, ни его заместитель, которые едва ли не зевали, слушая докладчика. Будто речь шла не о войсковой операции, неминуемо чреватой человеческими жертвами, а о чём-то совершенно тривиальном, совершенно не касающимся кровавой войны.

У офицеров не было ответов на поднимаемые ими вопросы, хотя оба в глубине души понимали, что столь черствое отношение командования к решению боевых задач, как и к человеческим жизням, основывалось на их махровой некомпетенции, в мирное время раскрыть которую было проблематично, но война сделала это мгновенно. Когда-то купленные должности раньше позволяли их

носителям хорошо «зарабатывать», но начавшаяся война потребовала других навыков и полностью раскрыла ничемную сущность таких командиров, у которых не могло быть иного поведения, кроме как отправлять людей в бой в надежде, что они там, в бою, сами что-нибудь сделают — «сообразуясь с обстановкой». В случае успеха можно будет приписать это себе, а если случится разгром, то в отсутствии боевых распоряжений всегда можно заявить, что неудача стала следствием «преступной и халатной» самостоятельности командиров среднего звена, уклонившихся от устно поставленной «правильной» задачи.

— Я не узнаю Павлова, — признался Юра. — При мне это был честный и грамотный офицер, стоявший на ступень выше: когда я был взводным, он был ротным, когда я был ротным, он был командиром батальона...

— На должности, которую он сейчас занимает, он должен соответствовать... — глубокомысленно сказал молодой офицер.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Юра. — Его подняли туда, где он должен быть в первую очередь лоялен вышестоящему командованию, а уже потом — профессионален. Он сейчас стоит выше тех, кто разрабатывает операцию, и в текущем бардаке он не лезет со своими советами, чтобы часом не стать ответственным за разработку плана боевых действий... а если что-то случится, то виновными будут те, кто командует на уровне дивизии и бригады.

— При том, что у комдива или комбрига виновными будут комбаты и командиры рот... — добавил Шаманов.

ГЛАВА 6

К ночи КамАЗ вернулся на место размещения подразделений бригады. Юра вытащил из «капсулы» чей-то каремат, спальный мешок и разместился прямо на земле рядом со своими бойцами. С утра он организовал обслуживание оружия, которое шло до обеда. Ринат приготовил прекрасный обед, на который пришёл командир танковой роты Миша Хвостов.

— Мы завтра тоже в деле, — сообщил он, работая ложкой. — «Скиф» планирует задействовать в атаке две танковые роты.

— Добром это всё не закончится, — ответил Юра. — Мы вчера, когда за убитыми поехали, встретили разведчиков обеих дивизий — в четырёх километрах не доходя до назначенного им рубежа. То есть, разведка полосы наступления не проведена. Чем сейчас наш штаб руководствуется, мне не понятно.

— А мне уже сказали — готовиться к разведке боем. Так что, будет весело.

К вечеру комбриг собрал офицеров, которым на завтра предстояло снова брать Осиновку. В отсутствие командования группировки и соседних дивизий, Михайлов проявлял больше самостоятельности, однако, все задачи ставил только устно. Когда был доведён порядок работы с бригадной и приданной артиллерией, командиры подразделений, после вчерашнего грандиозного разгрома, немного воспряли духом — в их души закралась осторожная мысль о возможности боевого успеха.

По плану штаба бригады в полночь в пешем порядке в лес зашли две роты пехоты, которые к утру должны были достигнуть рубежей, назначенных для атаки. В три

часа ночи на БМП-3 на участок, расположенный севернее вчерашнего боя, выдвинулась группа снайперов, с которой были пулемётный и противотанковый расчёты из первого батальона.

Высадившись в назначенном месте, пехотинцы быстро оборудовали себе позиции, замаскировали БМП-3. По спутниковому навигатору Юра определил точку стояния, нанёс её на карту. Оставалось ждать.

Чтобы не тратить время зря, Трофимов распределил время отдыха, таким образом, чтобы половина людей половину ночи могла поспать, когда вторая половина будет бдительно всматриваться в темноту, и наоборот.

— Не спится, — к Трофимову, лежащему под деревом, подошёл майор Сенотрусов, недавно назначенный замполитом батальона.

— Бывает, — ответил Юра, чувствуя, как возбуждается мозг и проходит сон. — А ты не думай про завтра.

— Так не получается.

— Страшно?

— Страшно, — признался Александр. — Всю жизнь смотрел фильмы о войне, и никогда не думал, что может быть так страшно.

— Это всегда так, — пояснил Трофимов. — Когда ждёшь боя. А как заруба начнётся, вот увидишь, страшно уже не будет. Нужно будет что-то делать, действовать. О страхе просто не будет времени думать.

— А что мне делать, Юра? — спросил бывший армейский психолог. — Какова должна быть моя роль в бою?

— Попробуй воздействовать на врага психологически, — пошутил Трофимов. — Как ты умеешь...

— Как это? — Сенотрусов не распознал шутку.

— Ну, не знаю. Заставь их заполнить какую-нибудь анкету...

— А, шутишь, — усмехнулся Александр. — А мне вот совсем не смешно.

— На войне без шутки нельзя.

— Ты опытный, ты находишь в себе силы для юмора.

— Ну, я же не всегда такой был, — уже серьёзно сказал Юра. — Когда-то и я, помню, ждал боя, и мне было совсем не до шуток. А потом ничего, привык. И ты привыкнешь.

— Если выживу.

— Выживешь, — заверил Юра. — Я знаю.

— Хорошо, если так, — согласился Сенотрусов. — Однако, тяжело мне всё это принять. И я вообще не понимаю, в чём я здесь могу пригодиться.

— Саш, ты же мог не идти с нами. Твоя должность — штабная. Зачем ты пошёл?

— Да ты понимаешь, я вышел проводить колонну, а тут какой-то сержант контрактник мне говорит, мол, а вот вы, товарищ майор, нас в бой идти призываете, а сами-то в бою ни разу и не были...

— И ты повёлся на его глумление и решил доказать, что ты «боевой офицер»? — спросил Юра.

— Ну, он же в какой-то степени прав, — сказал Александр, словно ища себя оправдание.

— Да послал бы его подальше, — сказал Трофимов. — Будет ещё сержант майору указывать, что ему делать. Тем более — замполиту. Каждый должен свою работу делать, только тогда у нас будет порядок и боевая результативность. И тебе не пришлось бы искать себе место в бою. Твоя работа — человеческие души, а не штурм вражеского опорника.

— Ну как я не пойду? — спросил майор. — Замполит должен быть там, где людям тяжело. Самим фактом своего присутствия, может быть, я кому-то облегчу боевую

работу. Своим примером, так сказать. Я же как комиссар в Красной Армии — должен личным примером вести людей.

— Хорошо, — подытожил Юра. — Будем считать, что ты нашёл себе применение, хоть, на мой взгляд, и не правильное. А теперь давай спать. Завтра будет тяжёлый день.

В шесть утра, когда уже рассвело, вместе с лейтенантом Крыловым Трофимов решил по-быстрому досмотреть находящуюся неподалёку лесопосадку, обозначенную на карте как «худая-3». Она находилась в четырёхстах метрах, просматривалась в бинокль, но что-то в ней было не так — требовалось дойти и глянуть своими глазами.

— Её должны были досмотреть разведчики из десантной дивизии, — сказал Сенотрусов. — Миронов позавчера на совещании говорил, что отправит их туда. Хотя почему они, в полосе наступления нашей бригады — я не знаю. Они — наши соседи слева. А мы сейчас — правый фланг группировки, правее нас никого нет.

— «Правее нас никого нет», — подхватил Юра, улыбувшись. — Это точно. Потому что мы всегда правы...

Взяв только бесшумный ВСС и пару гранат, Юра со Стасом потопали по краю леса к примыкающей лесополосе. Балагурия по пути, они быстро сблизилась с лесопосадкой. Сделав по ней первые шаги, Юра понял, почему «худая» показалась ему подозрительной: в нескольких местах из веток были сооружены своеобразные изгороди, на которых была развешана маскировочная сетка, невидимая в бинокль, но создающая иллюзию плотного кустарника — которого на соседних участках леса вовсе не было.

В висках застучала кровь, а по спине потекла струйка пота — мгновенно стало понятно, что если бы десантники зачистили эту лесополку, то они бы здесь сейчас

и сидели, и уже бы встретили своих соседей из пехоты. А вот тишина, при наличии маскировочной сетки, становилась уже не просто подозрительной, а смертельно подозрительной.

— Походу, мы попали, — тихо сказал Юра, снимая «Винторез» с предохранителя. — Хохлы здесь...

Очевидность того, что сейчас они находятся в прицелах засады, сидящей в лесопосадке, была несомненной. Трофимов даже почувствовал, как от нервного напряжения снова невыносимо заболела контуженная голова. Сейчас хотелось только одного — скорейшей развязки, в ходе которой можно будет попытаться прорваться к своим, полагаясь на помощь соратников, если, конечно, те смогут сориентироваться и понять, что происходит.

Однако, шли секунды, а стрельба не начиналась. Присевшие снайперы напряженно вслушивались в шум леса, в котором не было никаких признаков присутствия противника.

Трофимов обернулся на Стаса, и увидев, что тот держит в руках пистолет, сделал вопросительный жест, мол, где автомат?

— Не стал брать, — сказал Крылов. — Близко же...

— Досмотрим, — предложил Юра. — Вроде тихо.

Они стали пробираться вперёд, и вскоре обнаружили брошенный спальный мешок. Следом увидели штык-нож, воткнутый в дерево. Ещё дальше стояла газовая плита, разбросанные упаковки от сухпайков НАТО, а в самом конце стометровой линии окопов Трофимов увидел лежащий на бруствере карабин AR-15.

— Вот те раз...

Проверив, не лежит ли он на мине-сюрпризе, Юра сдёрнул автоматическую винтовку в сторону, а затем, убедившись в отсутствии других смертельных ловушек,

взял оружие в руки.

— Они свалили отсюда, когда услышали ночью нашу «бэху», — предположил Стас, и тут же, увидев карабин, взмолился: — Ух ты! Американка! Дай мне!

Юра передал карабин лейтенанту, но, сколько не смотрел по округе, патронов и запасных магазинов к AR-15 найти не смог.

Всё, что можно было забрать с этой позиции, они забрали и перенесли к себе. Разглядывая карабин, замполит потрясённо произнёс:

— Выходит, мы всё это время были рядом с украинцами?

— Выходит, что да, — кивнул Юра.

Ближе к назначенному времени атаки, Трофимов со своими снайперами решил подняться на небольшой холм, надеясь получить с него обзор в сторону противника, откуда можно было бы вести огонь. Замполит напросился идти вместе с группой. К моменту, когда по предполагаемым опорникам противника ударила артиллерия, предваряющая атаку танков и пехоты, Юра уже обнаружил на холме несколько окопов, так же как и в лесопосадке, только недавно брошенных украинскими солдатами.

В один из окопов сложили свои рюкзаки и боезапас — ящик автоматных патронов, ящик винтовочных патронов, в котором лежали пачки к СВД, АСВКМ и «Манлихеру», а также ящик ручных гранат РГД-5 и полдюжины реактивных штурмовых гранат. Разбрелись по окопам, выискивая удобные позиции, но в пределах досягаемости имеющегося оружия, противника видно не было.

Саша Сенотрусов некоторое время лез к Трофимову с вопросами, мол, где противник и не пора ли уже начинать его убивать, но потом устроился в одном окопе с Романовым и успокоился.

Слева двигались танки и БМП, несколько первых машин открыли огонь, хотя противника видно не было — стреляли для остротки и собственного успокоения. Через несколько минут враг начал стрелять в ответ. В небе появились разведывательные квадрокоптеры. Один из них пролетел совсем рядом с позицией снайперов.

В течение двух часов впереди шёл бой: танки пытались прорваться к следующей лесопосадке, откуда в них летели противотанковые ракеты и реактивные гранаты. БМП своими 100-мм и 30-мм пушками лупили во всё, что напоминало операторов ПТРК. Всё поле боя покрылось разрывами артиллерийских снарядов и миномётных мин, которые летели с обеих сторон. Зрелище было завораживающее, и одновременно с этим леденящее кровь — каждый наблюдающий это понимал, что там, среди этих разрывов, среди огня и дыма, среди рёва танковых турбин и лязга гусениц, ежеминутно погибали люди — те, с которыми ты общался ещё вчера, здоровался, разговаривал... а сейчас их бездыханные тела, разорванные, окровавленные, лежали в земле, в лесопосадках или горели в подбитых танках и БМП.

В какой-то момент времени Сенотрусов поднял голову, услышав нарастающий свист, и тут же рывком подскочил к Максиму, обнимая его.

— Мина!

Она влетела в соседний окоп, где лежали рюкзаки и боеприпасы. Полыхнул разрыв, во все стороны разбрасывая имущество и боезапас. Между окопами был неглубокий и прямой ход сообщения, вдоль которого и пролетел осколок, попавший Саше в бок, не прикрытый броней. Замполит медленно сел на землю.

— Я триста, — сообщил он Максиму.

— Вы там целы? — громко спросил Юра.

— Замполит триста, — крикнул в ответ Романов.

Трофимов подскочил к Сенотрусову.

— Куда?

— Не знаю, — испуганно ответил он. — Был удар, и боль по всему телу прошла.

Юра быстро осмотрел раненного офицера, но руки-ноги у него были целы, голова тоже.

— Это контузия, — сказал Трофимов, и, оставив замполита на дне окопа, пошёл оценивать урон, нанесённый имуществу и боеприпасам.

В окопе ничего не было — взрывом всё выбросило. Рюкзаки были порваны в клочья, трубы РШГ были искорёжены — поднимать их было просто опасно, ящики с патронами и гранатами тоже разорвало.

— Нам здесь делать больше нечего, — Юра подвёл очевидный итог и крикнул: — Уходим!

Обернувшись, он увидел, как замполит силится подняться, но у него ничего не выходило. Трофимов вернулся, окрикнув Романова, который уже успел отбежать метров на тридцать. Вдвоём они помогли Сенотрусову выбраться из окопа, но когда Юра посмотрел на него вблизи, то стало совсем не по себе — у Александра были синие губы и совершенно бледное лицо.

— Идти можешь? — спросил Юра.

Тот кивнул.

— «Шеф», помоги, — попросил Трофимов Романова.

Вдвоём они взяли Сенотрусова под руки и побежали вниз, туда, где стояла их БМП. Однако, боевая машина, следуя приказу комбата, уже ушла, оставив на месте только Диму Мосина и Рината.

— Посмотри, — предложил Юра фельдшеру.

Сенотрусова положили на землю, сняли бронежилет и тут же в боку увидели обширное кровотечение, которое

распознать ранее было невозможно — кровь оставалась под одеждой и под бронежилетом, не вытекая наружу. В аптечке «первого эшелона», висевшей на бронежилете замполита, оказались только жгут Эсмарха и советский ИПП. Пока Дима ножницами вспарывал одежду вокруг ранения, Юра достал упаковку порошкового целокса и по указанию медика стал сыпать его в рану. Кровь продолжала обильно пульсировать.

— Дима, сделай же что-нибудь! — в отчаянии крикнул Юра.

Мосин вскрыл перевязочный пакет и стал им тампонировать раневую полость, с силой прижимая образуемую тампонаду.

— Сейчас сделаем... — сказал он.

Трофимов по радиации доложил «Скифу» о ранении Сенотрусова, добавив слово «тяжёлый», наивно полагая, что это сможет ускорить эвакуацию замполита на фоне той массы раненых, которая сейчас ждала вывоза непосредственно с поля боя.

— Промедол! — твёрдым голосом потребовал фельдшер.

Трофимов достал свой шприц-тюбик с наркотическим обезболивающим. Дима быстро вколол его в ногу раненого, затем стал бить замполита по щекам, распознавая признаки утраты сознания.

— Не уходи! — приказным тоном потребовал Мосин, потом повернулся к Трофимову: — Возьмите его за руку, товарищ майор! Сохраняйте с ним словесный контакт!

Юра поспешил выполнить указание медика, с ужасом почувствовав, насколько холодна была ладонь Александра.

— Саша, держись! Сейчас будет эвакуация!

Глаза раненого стали закатываться. Он то сжимал, то отпускал руку.

— Соня... Соня... — глаза его широко раскрылись, он посмотрел на Трофимова: — Юра, не бросай меня...

— На дорогу! — вдруг Трофимов понял, что нужно делать.

Именно по дороге будут возвращаться машины, выехавшие на эвакуацию раненых, и только там можно быстрее всего добиться доставки Сенотрусова на этапы квалифицированной медицинской помощи.

Раненого переложили на плащ-палатку, подхватили, понесли.

Пройдя метров двести, внезапно наткнулись на свою БМП-3, на которой ночью приехали сюда воевать. Машина горела, извергая из себя клубы чёрного дыма, через открытые кормовые и верхние башенные люки вырывалось пламя. Доносился запах горящей соляры, масла, пороха и жжёного мяса. Потрясённые гибелью экипажа, бойцы молча продолжили свой путь — в подкатывающей апатии и безразличия от череды смертельных событий.

Впереди послышался шум мотора и вскоре появился БТР-82, на котором сидел командир гранатомётного взвода. Юра вспомнил его позывной — «Пламя». Махнул рукой. Бронетранспортёр остановился — на крыше машины лежало несколько человек — раненые и погибшие.

«Пламя» с брони протянул руку, хватая Сашу Сенотрусова за одежду — совместными усилиями его закинули на крышу бронетранспортёра.

— Как там? — спросил Юра, кивнув в сторону боя.

— Жопа, — «Пламя» дал короткую, но всеобъемлющую оценку тактической обстановки.

Вместе с раненым Трофимов отправил фельдшера и Рината, мог бы и кого-то ещё посадить, но свободных мест больше не было. Как только БТР удалился, начался

артиллерийский обстрел, и всем пришлось бежать в ближайшую лесопосадку, где были окопы.

Через час Юра увидел едущий в сторону боя БТР-82 и вышел, обозначая себя отчаянным маханием рук. На броне сидел взводник из шестой роты с позывным «Фасоль».

— Товарищ майор, что у вас? — спросил он, узнав Трофимова.

- Ты куда? За ранеными?
- Да, комбриг послал забрать десять человек.
- На обратной дороге нас подхватишь?
- Не вопрос.

Однако, забрать раненых на поле боя ему не удалось. Лейтенант ошибся дорогами и совершенно неожиданно как для себя, так и для удивлённых военнослужащих ВСУ, выскочил прямо на украинский опорник. Дав по противнику длинную очередь из пушки, экипажу БТР удалось в суматохе развернуться и скрыться прежде, чем по ним пустили реактивную гранату, которая прошла впритирку над башней, не поразив бронетранспортёр. Удача не покинула его и второй раз, когда на обратном пути БТР был обстрелян своими же — соратниками из мотострелковой дивизии, которые приняли его за машину ВСУ, но как не старались, не попали.

После этих приключений «Фасоль» решил более не испытывать судьбу и поспешил за снайперами. Однако, забрав пассажиров, машина смогла проехать только до железнодорожного переезда, где водитель нечаянно заглошил двигатель.

— Аккумуляторы дохлые, — «обрадовал» взводник. — Сам не заводится. Будем ждать попутку.

— Может, толкнём? — предложил Трофимов.

Идея была хорошей, но силы были не равны, и сдвинуть с места, а тем более разогнать, многотонную боевую

машину не удалось. Бросать БТР не хотелось, хотя всё шло к этому.

Вскоре с места побоища потянулись остатки подразделений, и первой же подъехавшей БМП, бронетранспортёр завели «с толкача». Прибыв на передовой пункт управления бригады, Трофимов с удивлением встретил здесь командующего армией, сидящего за столом с картой и монитором, куда выводилась картинка, передаваемая разведывательным БПЛА. Перед генералом стояла бутылка минеральной воды, из которой он часто делал большие глотки, вид у него был подавленный.

В углу кто-то чётко поставленным голосом, разделяя слова на слоги, видимо, по радио, перечислял должности, звания и фамилии. Юра невольно вслушался, а когда понял, о чём идёт речь, почувствовал, как поплыло сознание.

— Командир танкового батальона майор Дужников... командир второй танковой роты капитан Третьяков... командир первой мотострелковой роты старший лейтенант Свиридов... заместитель командира мотострелкового батальона майор Сенотрусов...

Юра выбежал из помещения и едва не сбил с ног командира бригады. Николай смотрел на Трофимова большими глазами:

— Ты? Мне доложили, что ты триста, что ты тяжёлый...

— Тяжёлым был Сашка Сенотрусов, — Юра вспомнил, как сам докладывал «Скифу» о ранении замполита. — Это я докладывал...

— А... может я сам ошибся, — сказал Михайлов. — Услышал в эфире «Восток», подумал, что это кто-то про тебя говорит...

— Ну, вот так... — Юра пожал плечами. — Бывает. А он... погиб. Погиб из-за какого-то контрактника, задевшего его самолюбие...

Трофимов нашёл свою «капсулу», и вскоре уже вылезал из машины возле медицинского отряда специального назначения. Первым, кого он здесь встретил, был лейтенант Артур Зайцев.

— Товарищ майор, вы живы...

Лейтенант обнял Трофимова и вдруг Юра понял, что медик плачет.

— Ты чего?

— Нам сообщили, что вы — двухсотый... — всхлипнул Артур. — В течение дня столько смертей... это невыносимо... ну как так? Товарищ майор, как так?

— Это война, Артур. — Юра аккуратно отстранил лейтенанта от себя. — Где Сенотрусов?

— Там... — Зайцев показал в сторону большой палатки, возле которой стояло много людей. — Большая кровопотеря, осколок в печень, без вариантов...

— Это я виноват... не сразу увидел у него ранение, — признался Трофимов.

— Я же говорю, товарищ майор, с таким ранением — без вариантов. Как жалко...

— Ты знаком с его семьёй?

— Да, — кивнул Артур.

— Кто такая Соня? Он называл это имя, когда уже был при смерти...

— Это его дочь.

Трофимов почувствовал, как у него самого наворачиваются слёзы. Война была беспощадна ко всем её участникам, и свою беспощадность проявляла, невзирая на должности, звания, образование, наличие семьи и возраст.

— Мне Романов докладывал, — тихо сказал Юра. — Что в момент прилёта Саша услышал мину, и закрыл старшину своим телом. А до этого он мне говорил, что не знает, как действовать в бою, спрашивал совета как себя вести. А сам, когда пришёл момент, отработал мгновенно. Он совершил самый чтимый военный подвиг — закрыл от смерти своего боевого товарища. Саша Сенотрусов — настоящий герой.

В ходе тяжёлых и изнурительных боёв наступающие подразделения всё же смогли закрепиться на назначенных рубежах, откуда появилась возможность устраивать противнику снайперский террор, о котором и говорил Павлов Трофимову, когда предлагал создать мобильный отряд. Для начала потребовалось съездить на место смертельного ранения Саши Сенотрусова — туда, где миномётная мина разбросала по округе «склад боеприпасов».

По-прежнему здесь валялись помятые тубусы реактивных гранат, подходить к которым не особо хотелось. Осматривая местность вокруг окопа, где произошёл разрыв мины, Юра с тремя снайперами смог собрать шестнадцать патронов для «Манлихера», двадцать четыре снайперских патрона для АСКВМ и тридцать с лишним патронов к СВД, недостатка которых, в отличие от первых двух, они не испытывали. Вернувшись на «базу», коей им стал отжатый у противника небольшой блиндаж, куда все не помещались, Трофимов «откатал» найденные патроны и четыре из них забраковал — на них была нарушена целостность посадки пуль в горлышко гильзы. Всего у него в наличии оставалось чуть больше двух пачек ино-

странных снайперских патронов, что, в принципе, было достаточно на несколько боевых выходов. Что будет потом, когда патроны закончатся, он старался не думать. Ни в какой перспективе он не видел возможностей для пополнения боезапаса патронов калибра 308 и 338. Впрочем, о будущем он старался не думать — смерть ходила по пятам, и принять её можно было в любой момент. Это понимание не располагало к долгосрочному планированию наперёд каких-то своих действий.

Выход на позиции пехоты решили провести с утра, когда солнце будет слепить противнику глаза. Юра в паре с Максимом Романовым, и Стас Крылов в паре с Васей Федосовым. Командир батальона дал проводника, который ранним утром вывел снайперов на передовой опорник. Командир взвода, узнав, что в его владениях будут действовать снайпера, расстроился.

— Вы их там раздраконите, а они меня потом будут минами прессовать, — высказал он распространённое среди пехоты мнение.

— Ты что, противника решил пожалеть? — Трофимов быстро перевёл разговор в нужное русло. — Или сам не бьёшь, и другим не даёшь?

В наступившей паузе Романов почувствовал, что лейтенант колеблется, не зная, как себя вести дальше: одно дело, если перед ним сейчас стояли контрактники, что было вполне вероятно — и их можно было подавить субординацией, и совсем другое, если старший группы был офицером, а судя по возрасту — старшим офицером, что было совсем маловероятно, так как лейтенант за время пребывания на войне, старших офицеров на линии соприкосновения видел чуть больше, чем нисколько. Но если вдруг... то выходило не очень приятно.

— Товарищ майор, — Максим обратился к Трофимову, разряжая ситуацию. — Начнём?

Увидев в глазах лейтенанта удивление и наступившую покорность, Юра развернулся и двинулся вдоль опорника. Сделав пару шагов, он бросил назад:

— Лейтенант, за мной!

Выйдя к линии одиночных окопов, обращённых на сторону врага, Трофимов посмотрел на командира взвода:

— Где вы визуально наблюдаете противника?

— Здесь, там, вон там и ещё вон там, — офицер стал показывать рукой вдаль.

— Товарищ лейтенант, вы по ориентирам работать умеете? У вас вообще, ориентиры какие-то в полосе обороны вашего взвода обозначены?

— Так точно, — кивнул офицер.

— Потрудитесь доложить, как положено, без вот этих «вон там» и «ещё вон там».

— Есть...

Командир взвода в течение нескольких минут указывал ориентиры, и от них Юра отыскивал места, где визуально обнаруживался противник. Вскоре ситуация стала полностью ясна, и он приступил к отработке мест, откуда можно было бы вести скрытный огонь.

Пока решили действовать совместно, так как вторая пара ещё не имела боевого опыта, и могла допустить какие-то опасные ошибки. Расположившись на опушке, в глубине лесополосы, стали наблюдать за двумя указанными местами, и буквально спустя несколько минут обнаружили движение.

Украинские солдаты спокойно расхаживали по позиции, наивно считая такие действия безопасными, так от них до российских позиций было около 800 метров,

а на такой дальности редкий человек сможет без бинокля увидеть силуэт другого человека. Абсолютное большинство людей полагает, что если они сами не видят угрозу, то и угроза не видит их. И глубоко ошибаются.

Отчасти такое положение дел было вполне объяснимым: для снайперской винтовки СВД такая дальность фактически является предельной, и по сути, на подобной дистанции, при стрельбе в «грудной габарит», можно надеяться лишь на случайное попадание. Причём, снайпер должен иметь квалификацию выше средней, а факторов, способных отклонить полёт пули от точки прицеливания будет предостаточно. Осложняет процесс прицеливания слабая кратность прицела ПСО-1, которого в реальности хватает метров до шестисот, не более. Именно поэтому пехотные снайперы, находящиеся в боевых порядках своих подразделений, обычно не заморачиваются стрельбой на подобные дистанции как с той, так и с другой стороны, ограничивая свою работу дальностью, которая гарантирует поражение цели с одного или двух выстрелов — около 400–500 метров, не далее.

А вот оружие калибра 338 или 12,7-мм уже вполне позволяло реализовать успешный выстрел на такой дистанции.

— Дальность восемьсот пять, — доложил Максим, считывая показания лазерного дальномера. — Командир, ветер около нуля. Огонь по готовности...

— Добро...

Трофимов приложился к своему «Манлихеру», представленному на сошке под ветвистым кустом. Поправил положение тела. Затаил дыхание.

Беспечность вражеских солдат удивляла пока только снайперов, с той стороны всё было прекрасно. Подобное поведение присутствовало и в стане своей пехоты,

но Трофимов не стал им пока ничего говорить — предстоящий расстрел врага и должен был стать для своих бойцов наглядным уроком.

— Постарайтесь первым бить того, чьё поведение после попаданий или пролёта пули при промахе не привлечёт внимания остальных, — сказал Юра. — Так можно избежать ситуации, когда после первого выстрела все остальные попрячутся по норам.

— Командир, новые люди прибыли... — сказал Максим, глядя в трубу наблюдения.

Юра прервал прицеливание, так как на вражеских позициях появилось несколько новых участников — вдруг среди них окажутся более важные цели, чем простой солдат.

— Эй, там! На встречу с Бандерой в очередь встаём, — усмехнулся Романов, разглядывая новые цели. — Командир, там какой-то начальник, похоже. Второй справа.

Трофимов сместился чуть в сторону, чтобы положение тела при прицеливании оставалось непринуждённым, без дополнительных мышечных усилий.

— Вижу, — сказал Юра, и продолжая «обучение», сказал. — При появлении командиров, их уничтожаем в первую очередь. Можно не беспокоиться, привлечёт это внимание остальных, или нет.

Трофимов вывел точку прицеливания в грудь стоящего человека и плавно потянул спуск. Винтовка привычно толкнула в плечо.

— Цель, — сообщил Максим.

— Это вам за Саню Сенотрусова, — сказал Трофимов, перезаряжая «Манлихер».

В течение следующих пары минут он поразил ещё двоих, один из которых попытался оказать помощь подстреленному, а второй спрятался за маскировочной сет-

кой, почему-то посчитав достаточным такой способ укрытия от работающего снайпера.

Сменив позицию, стали вести наблюдение, и вскоре увидели, как едва ли не строем вдоль лесополосы к вражеским позициям подошли двенадцать человек. Минут через пять они снова вышли на дорогу, по четверо вынося плащ-палатки с подстреленными.

Крылов уже собирался стрелять из крупнокалиберной винтовки АСВКМ через ветки деревьев, как Юра остановил его.

- Обожди, Стас. Дай им выйти на открытое место.
- Далеко будет, — Крылов выразил свои опасения.
- Для тебя? — усмехнулся Трофимов.

Кривизна рельефа вскоре вывела группу эвакуации на такое место, которое просматривалось поверх лесополосы, в которой находился опорник.

— Тысяча сто двадцать, — сказал Максим, измерив дальность.

— Тысяча сто двадцать пять, — возразил Федосов, так же измеривший дистанцию стрельбы.

— Они в движении, — командир пресёк разногласия. — Работаем. Целиться в жэ-жэ...

- Куда? — не понял Крылов.
- Живот-жопа, — пояснил Романов.
- Принял, — расхохотался Стас. — Работаем...
- Огонь по готовности, — сказал старшина.

Группа эвакуации представляла собой большую групповую цель, промахнуться по которой было невозможно. Хлопнул «Манлихер», и почти сразу за ним оглушительно ударила АСВКМ. Расправа заняла не более десяти минут. Юра израсходовал восемь патронов, Стас выстрелил десять. До ближайшей лесопосадки, укрываясь от огня снайперов, смогли добежать только четве-

ро — остальные остались лежать. Кто-то из них ещё шевелился, но обстоятельства складывались не в пользу этих несчастных людей — оказать им помощь было некому, а локализация полученных ранений не предполагала сохранение жизни в отсутствии квалифицированной медицинской помощи.

— Это вам за Гришку Свиридова, — сказал Стас в наступившей после завершения стрельбы звенящей тишине.

Если быть точным, убитые украинские солдаты не имели никакого отношения к смерти молодого командира роты, а принимали сейчас месть за всех своих соратников, противостоящих в вооружённой борьбе российским войскам. Месть, в отсутствии четко выраженных идеологических смыслов, давно уже стала главным мотивирующим фактором войны, бытующим на уровне непосредственных исполнителей.

Снявшись с места, снайперская группа отошла в другую лесопосадку. Здесь было решено перед возвращением на «базу» немного отдохнуть. Максим достал портативную газовую плитку и котелок, чтобы вскипятить воды и заварить чай. Стас достал шоколадку, которую разломил на четыре части.

— Так подумать, — сказал Крылов. — Мы сейчас убили кучу таких же мужиков, как и мы сами. Таких же русских. С русскими именами и фамилиями.

— Сопли подбери, лейтенант, — Юра повысил голос, пресекая философствования, вредные на войне. — Если бы ты оказался в их прицеле, они сделали бы с тобой то же самое, что сделал с ними ты. Так что, здесь дело не в национальности.

— Я только о том, что...

— Что?

— Как так вышло, что мы, фактически братские народы, теперь убиваем друг друга? У половины населения России есть родственники на Украине, и наоборот...

— Это не помешало им сделать нациста Бандеру своим богом, — усмехнулся Романов, заваривая чай. — И устроить на Донбассе войну.

— Там не все такие, — возразил Стас. — Есть же и те, кому это не надо, которые хотели бы жить с Россией в мире...

— Может и есть, но я очень хочу в Кривой Рог, — сказал Юра.

— А что там? — спросил Максим.

— Там у меня тётя живёт. Махровая бандеровка. Хочу в глаза ей посмотреть.

— Через прицел, командир? — хохотнул Романов.

— Она даже этого не достойна, чтобы на неё через прицел смотреть... просто дом ей сожгу, и всё. Сколько она моим престарелым родителям крови испила за последние годы...

Как и ожидалось, противник обстрелял из миномётов позиции пехотного взвода, ранив одного из солдат. Помощь в его эвакуации оказали снайпера, которые дотащили раненого мальчишку до опушки, откуда его уже смог забрать автотранспорт.

Тащили раненого точно так же, как час назад своих раненых тащили украинский бойцы. На точно такой же плащ-палатке. С одним отличием: с той стороны не работали снайпера.

Ежедневно снайпера мобильного отряда выходили на позиции, каждый раз отрабатывая от одной до пяти

целей. К работе снайперских пар добавили работу противотанковым ракетным комплексом, выбивая на предельных дальностях машины противника, занимающиеся подвозом к переднему краю боеприпасов, имущества и личного состава. В удачный день удавалось уничтожить даже две машины, а однажды смогли спалить вражеский танк, неосмотрительно выехавший на «свободную охоту», но по воле судьбы ставший жертвой, а не хищником.

Несколько недель характер действий противника в полосе бригады практически не менялся, и работа группы имела безнаказанный характер. Количество уничтожаемой пехоты и техники противника наконец-то привлекло внимание командования, которое вплоть до этого времени считало действия Трофимова скорее «спортом», и его попыткой за ширмой личной боевой результативности уклониться от выполнения командирских обязанностей. В бригаде, как и во всей армии, после огромных потерь первого периода «специальной операции», остро не хватало офицеров младшего и среднего звена, которые могли бы возглавить роты и батальоны. Если на низшем уровне всё было решено относительно просто, поставив на должности командиров взводов сержантов и прапорщиков, то на ступень выше ситуация казалась неразрешимой. А тут «целый майор», по мнению Михайлова, занимался решением задач «простого сержанта». По-своему комбриг был бесконечно прав.

С другой стороны, созданный Трофимовым мобильный отряд давал результат, соразмерный по значимости с действиями целых рот, или даже батальонов. Для Трофимова это всегда являлось хорошим аргументом при попытках командования изменить достигнутое положение вещей. Однако, рецидивы всё же случались, и едва ли не каждую неделю Юра сбегал на передний край, когда на-

зревала очередная попытка назначить его на «вышестоящую должность». На линии боевого соприкосновения никто из старших командиров достать его не мог.

Однако, в какой-то момент на командном пункте группировки Трофимова поставили по стойке смирно, отловив при попытке «пробить» в службе РАВ для своей группы ещё одну винтовку АСВКМ, пусковую установку ПТРК «Корнет» и боеприпасы к «Манлихеру».

Полковник Павлов и полковник Михайлов атаковали его со всех сторон.

— Товарищ майор, — с одной стороны говорил командир бригады, — давайте признаемся, что вы занимаетесь ерундой! Место старшего офицера — управлять подразделением, а не быть «директором винтовки»! Вы что, не настрелялись ещё? Не наигрались в пострелушки?

Николай старался выглядеть суровым, и это у него получалось. Трофимов вопросительно посмотрел на Павлова, мол, как же так, товарищ полковник, вы же сами распорядились создать и возглавить мобильную группу?

— Товарищ майор, — Павлову не требовалось придавать своему лицу суровый вид — он таким был всегда, — доложите, сколько солдат противника уничтожил ваш отряд с момента его создания?

Юра торжествующе посмотрел на Николая, мол, вот, посмотрите, товарищ полковник, какие надо вопросы задавать.

— На Николаевском направлении нами уничтожено около пятидесяти, на Осиновском примерно столько же, плюс десять единиц автомобильной техники и один танк.

— То есть, всего порядка ста человек?

— Так точно, товарищ полковник, около ста человек личного состава противника, — бодро подтвердил Трофимов.

— Вот видите, товарищ полковник, — Павлов посмотрел на Михайлова. — У нас в бригаде ещё есть такое небольшое подразделение, которое смогло дать подобный результат?

— Я продолжаю считать, что майор Трофимов гордится за личной результативностью, тогда как мог бы командовать батальоном, — ответил комбриг.

— За личной результативностью? — усмехнулся Павлов. — Хорошее обвинение. А я продолжаю считать, что Трофимов делает большое и важное дело, и наш с вами долг — максимально обеспечить его группу подготовленными кадрами, оружием и боеприпасами.

— И приборами, — вставил Трофимов.

— Какими приборами? — поинтересовался Павлов.

— Товарищ полковник, у разведчиков есть такой большой тепловизор, которым они человека могут видеть за несколько километров, он же дальномер, и он же координаты может выдавать, если, например, я буду корректировать огонь артиллерии. Ну, там, где своим оружием достать врага не смогу. Называется ТПН-1ТОД. В простонародье — просто ТОД. Мне бы такой прибор, ещё пару труб для наблюдения с кратностью не менее пятидесяти, на триподах, ещё одну винтовку «Манлихер» калибра 338, две винтовки АСВКМ и боеприпасы к ним. Шесть-восемь радиостанций «Баофенг» вместо штатных станций. Тепловизионный прицел на «Манлихер». Десять спальных мешков. Десять плащ-палаток. Два армейских термоса на 12 литров и перископ разведчика.

— Дайте, бабушка, попить, а то так проголодался, что переночевать негде, — ответил Павлов. — Насколько это позволит повысить результативность?

— Минимум вдвое, товарищ полковник. А если учитывать, что я смогу арту наводить, то сильно больше, чем вдвое. Может, вчетверо.

— Майор, а как вы ведёте подсчёт результата? — спросил Михайлов.

— Наблюдением, — ответил Юра. — Наводчик же видит результат выстрела. При попадании он говорит «цель», при промахе указывает, какую нужно сделать поправку для того, чтобы второй выстрел был более точным.

— Нет, я говорю про документирование результатов, — сказал комбриг. — Вы нам тут называете какие-то фантастические цифры — пятьдесят, сто — а кто их сможет подтвердить?

Вопрос он задал весьма своевременный и неоднозначный. Юра много раз уже думал над этим. Он понимал, что рано или поздно с него потребуют документально подтверждённые цифры поражённых целей — как результат боевой эффективности. И нужно будет как-то отрегулировать этот вопрос.

— Во время войны, товарищ полковник, результативность снайперов подтверждали свидетели выстрела, — ответил Юра. — Но есть нюанс. Советские снайперы били фашистов на дистанции 200–300 метров. На этой дистанции поражение цели можно увидеть невооружённым глазом. А мы стреляем за километр и дальше. Без специальной оптики здесь не обойтись. Вот, к примеру, ТОД позволяет делать видеозапись, что и признаётся подтверждением результата. По крайней мере, так работают снайперы «студенческого отряда». Будет ТОД у нас — будет и документированное подтверждение.

— Я вас услышал, товарищ майор, — сказал Павлов. — Думаю, что работа мобильного отряда должна быть продолжена и расширена — например, за счёт применения противотанковых ракетных комплексов. Добавим вам в отряд подготовленных ракетчиков. А может, и мино-

мёт дадим — будете ещё и миномётом врага кошмарить. Я приложу все усилия для того, чтобы вы получили требуемое имущество. А для этого прошу вас подать рапорт с перечнем того, что вам надо.

— Есть, — Трофимов не ожидал такого поворота событий, но быстро сориентировавшись, спросил: — Товарищ полковник, а разрешите подать ещё один рапорт?

— Какой?

— На награждение моих бойцов! Они смело и решительно действовали в Николаевке. Многие, особенно те, кто был там ранен, достойны награды. Также я высоко оцениваю работу моих бойцов в Осиновке...

— Пишите, — кивнул Павлов.

— А вы же тоже были ранены в Николаевке? — спросил Михайлов.

— Контужен, — ответил Юра. — Уже почти не беспокоит, зрение стало восстанавливаться.

Обсудив некоторые хозяйственно-бытовые вопросы, Павлов дал понять, что разговор закончен. Он встал со стула и подошёл к Трофимову, протянув руку для рукопожатия:

— А это тебе, чтобы лучше работалось, — Павлов передал Трофимову ключи от машины: — Зелёный «Прадо» стоит в комендатуре. Найдёшь коменданта, скажешь, что я приказал забрать машину.

— Спасибо, товарищ полковник!

— Действуй, майор. Бей немцев. И чтобы было как у Симонова: «сколько раз увидишь его, столько раз его и убей».

— Немцев? — удивился Юра.

— Немцев, — подтвердил Павлов, улыбнувшись. — Ну, а кто они, раз мы, русские, с ними воюем?

— Понял, товарищ полковник! — рассмеялся Трофимов.

Надо ли говорить, что радости не было предела.

На «капсуле» Жорж довёз Трофимова до военной комендатуры, где после короткого разговора с помощником военного коменданта, майор сел за руль японского джипа, на котором висели чёрные регистрационные номера республиканской Народной Милиции.

На базе бойцы немедленно обступили машину, осматривая её и подмечая какие-то недочёты.

— Дарёному коню в зубы не смотрят! — Юра окрикнул любителей докапываться до мелочей.

Сообщение о поддержке со стороны бывшего комбрига, а ныне заместителя командующего общевойсковой армии, в состав которой входила их мотострелковая бригада, было встречено с энтузиазмом. По этому поводу Ринат накрыл замечательный стол, на котором оказалась и пара бутылок водки, чем решили отметить столь щедрый подарок командования, ибо такой машины крайне не хватало. На КамАЗе много не наездишь, а на джипе можно было даже группы на задачу вывозить, или по мелким поручениям гонять. В общем, приобретение было весьма необходимым.

Спустя пару дней, в течение которых лил дождь и на передний край никто не выходил, Трофимова вызвали в Шахтинск, на командный пункт армии. Здесь он получил комплекс «Корнет» и шесть ракет к нему, винтовку АСВКМ, специальные снайперские патроны к ней, тепловизионный прицел, нашлемный прибор ночного видения, различную «бытовуху» и, самое главное, служба РАВ армии выдала ему ТПН-1ТОД.

Понимая, насколько сложный и дорогой прибор переходит в его заведование, Юра попытался добиться хотя бы какого-то, пусть самого общего и короткого, обучения, но ему указали на инструкцию, прилагаемую к прибору,

мол, разбирайтесь сами. Инструкции, как выяснилось позже, в контейнере не оказалось. Пришлось искать интернет, чтобы там найти требуемую информацию. Так как в республике местные органы безопасности, борясь с вражеской агентурой, отключили мобильный интернет, пришлось посетить кафе, где был Wi-fi, и можно было скачать требуемую информацию.

К вечеру прибор включили, выставив его между блиндажами, в которых временно проживал личный состав мобильного отряда. Над прибором натянули плащ-палатку, чтобы защитить его от дождя. Наиболее толковые (самоустранились только водитель и повар), руководствуясь скаченной в Интернете инструкцией, стали пробовать нажимать кнопки, включать различные режимы, производить действия, которые будут необходимы в боевой работе.

На следующий день выбрали площадку, где можно было пристрелять новую крупнокалиберную винтовку. Так как винтовку закрепили за Васей Федосовым, то ему и предоставили «право первой ночи», отдав красавицу в руки достойного кавалера. Приведение винтовки к точному бою проводили с новым прибором, попутно оценивая его возможности.

В обед Трофимов был вызван на командно-наблюдательный пункт первого батальона, где он встретился с командиром бригады. Поздоровавшись, Михайлов кивком головы указал ему на лейтенанта, сидящего в углу помещения.

— Поговори с офицером, мне кажется, у него есть много интересного для тебя...

Лейтенант, увидев внимание к собственной персоне, встал.

— Товарищ майор, такое дело...

— Говорите.

— За последние двое суток позиции моего опорника, похоже, несколько раз были обстреляны снайперами противника. Три человека были ранены, сегодня утром двое были убиты.

— На основании чего вы сделали вывод, что это работа снайперов? Вы слышали одиночные выстрелы?

— Нет, — сказал лейтенант. — Все случаи произошли во время стрельбы вражеских пулемётов. Однако, я уверен, что пулемётным огнём они прикрывали работу снайперов, так как по местам, где происходили ранения и убийства, очереди не прилетали. Прилетала только одна пуля.

— Вы точно в этом уверены?

— Точнее некуда, товарищ майор! И ещё один признак...

— Какой?

— На той стороне полностью прекратилось видимое перемещение личного состава противника.

— Спасибо, лейтенант! — поблагодарил Трофимов. — На местности покажете, как всё было?

— Там открытые места, — предостерег командир взвода.

— Издали хотя бы, с безопасных мест.

— Покажу.

— Тела убитых уже эвакуированы с позиции взвода?

— Так точно, они сейчас находятся в МОСН.

— Раненые?

— Там же.

Трофимов подошёл к командиру бригады:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться?

— Ну, ты уже понял, да? — Михайлов обернулся в пол-оборота. — Давай, действуй. Чтобы в течение суток ты их убил! Согласуй с начартом свою работу.

— Есть.

Юра забрал лейтенанта и на «Прадо» поехал в медицинский отряд. Там он накоротке переговорил с врачами, которые оперировали раненых, но поток был такой, что хирурги, еле стоявшие на ногах от страшного недосыпа, не смогли вспомнить особых подробностей операций, разве что только то, что пуля была только в одном случае. В двух других случаях это были сквозные ранения. Осмотреть пулю, естественно, не представлялось возможным.

К счастью (хотя, конечно, о каком счастье мы говорим...), одна пуля нашлась в теле погибшего солдата, когда Юра настоял осмотреть тела. Один из хирургов простым разрезом достал её, немного деформированную, из позвоночника погибшего, и передал Трофимову.

Осмотрев её, Юра пришёл к выводу, что это была пуля от охотничьего «гражданского» патрона калибра 308. Невольно отметил про себя, что у «той стороны» возникали абсолютно такие же проблемы — вражеские снайперы, владея оружием НАТОвского калибра, вынуждены были закупать «гражданские» патроны, предназначенные для охоты на среднего и крупного зверя — кем, собственно, с биологической точки зрения, и являлся человек разумный. Весь разум которого, к сожалению, тратился только на убийство себе подобных.

— Боевая задача, — Юра собрал своих снайперов, вернувшись на базу. — Снайпер, или снайперская группа противника, активно действует в полосе первого батальона. Есть погибшие и раненые. Огонь ведётся из оружия калибра 308, а это значит, что предельная дальность стрельбы не может превышать тысячу сто метров. Из тела убитого извлечена охотничья пуля с мягким носиком, а это значит, что стреляли с ещё меньшего расстояния. Наши действия: выезжаем на опорник, осматриваем места, где были убиты

или ранены наши боевые товарищи, устанавливаем возможные места расположения огневых позиций вражеских снайперов, работаем на их уничтожение. Действовать будем «Манлихером» и двумя АСВКМ. ТОД ставим на максимально возможном удалении. Ради такого случая «Скиф» разрешил использовать артиллерию...

Подготовка к выходу заняла полчаса, и вскоре группа снайперов на джипе выдвинулась в сторону опорного пункта. Поставив машину под кусты и во избежание «случайного присвоения» машины ушлыми соратниками, оставив в ней Жоржа, пешком двинулись на опорник. Крылов с АСВКМ лёг на левом фланге, Федосов в сопровождении местного сержанта убыл на правый фланг, Романова с прибором оставили в блиндаже командира взвода, а сам Трофимов со взводником, обошёл точки, где были убиты или ранены военнослужащие этого взвода.

Наблюдатель доложил, что в течение последних двух часов никакого движения на той стороне он не увидел. Поразмыслив над нарисованной схемой и возможными углами прилёта пуль, Юра определил вероятные места расположения снайперов противника и, вернувшись к блиндажу командира взвода, довёл их до Романова. Поставить прибор оказалось негде — на большом удалении не было такого места, откуда было бы можно осматривать линию фронта, а ставить близко — это означало подвергать его возможному обстрелу. Решили обойтись биноклем и трубой наблюдения.

Ожидать от противника огневой активности было бессмысленно, так как во взводе, после понесённых потерь, бойцы ходили теперь скрытно, а вот выявить передвижение самих вражеских снайперов было возможно — если, конечно, они ещё оставались на своих позициях и готовились их покинуть.

Когда солнце перешло на сторону врага, вести наблюдение стало сложно — но именно этого, скорее всего, враг и ждал, чтобы скрытно выбраться с замаскированной позиции и уйти. Юра всё время держал в голове то обстоятельство, что солдаты были убиты утром, то есть, вражеский снайпер вёл огонь против солнца, когда светило только-только взошло над горизонтом.

Мысль о косом по отношению к солнцу направлении стрельбы отвергалась дальностью — от позиций взвода до любого места, где можно было бы скрытно разместить снайперскую огневую позицию, расстояние превышало километр двести метров, конечно, если только эта позиция не была выбрана посреди открытого поля.

Пока Юра наблюдал за передним краем, его слух только дважды уловил звук летящего коптера, но оба раза бездушные летательные аппараты проходили где-то вдали. Лейтенант пояснил, что во время, когда работали снайпера противника, дроны висели над позициями взвода практически бесшумно.

— Похоже, что они ушли, — сказал Юра. — Отработали и ушли.

— Ну да, — согласился Романов. — Чего теперь здесь ловить, если все по норам сидят. Я бы пошёл другой опорник шатать.

— Я об этом и думаю.

Проинструктировав наблюдателей и самого лейтенанта, Трофимов забрал своих снайперов и вернулся на базу. Спустя полчаса он приехал на командный пункт батальона. Выздоровевший Гусев со своим замом писали какие-то бумаги.

— Женя, — Трофимов обратил на себя внимание, посчитав, что комбат принял его за кого-то из штабных,

и поэтому не поднял головы и не поздоровался. — Добрый вечер!

— Да уж, добрый... — ответил Гусев, но увидев, с кем он говорит, встал и пожал руку. — Привет, Юра. Убил снайперов?

— А их там уже нет, — ответил Трофимов. — Я пришёл проситься на другой опорник. Левее или правее. Предполагаю, что они пойдут по соседям шkodить. Дай провожатого.

Получив в качестве сопровождения целого командира роты, на новый выход Юра взял с собой только Крылова с крупнокалиберной винтовкой и Романова с ТОДом. По проводной связи командир взвода был предупреждён о визите гостей. Пару раз заблудившись, и вероятно, даже проехавшись по территории, занятой противником, группа всё же добралась до тылового района взводного опорного пункта, где пришлось оставить машину в полной темноте. Благо, недавно полученный прибор ночного видения, который использовал водитель, позволял ездить, не включая фар.

Взводный доложил, что потерь у него не было, характер действий противника за последнее время не изменился. Дождь прошёл, но почва была переувлажнена, и грязь доходила до края ботинок. Ноги у всех тут же промокли, а ночи в середине июня были ещё свежими.

Определив, откуда видимость на противника могла быть наилучшей, установили ТОД, укрыв его навесом из плащ-палатки и маскировочной сетки. Удобство наблюдения обеспечивал туристический стульчик, на котором стали сидеть посменно, изучая передний край противника. В три часа ночи на позициях противника обнаружили движение трёх человек.

— Остановились, командир, — сообщил Максим. — Один рукой машет. Двое стоят. Очень похоже, что указывает направление.

— А ну, дай гляну...

Юра поменялся с Максимом местами. Минуту рассматривал гостей.

— Как вариант, что это смена ночного дозора, — предположил Трофимов.

— Возражаю, — сказал старшина. — Если бы это был дозор, то условный разводящий не стал бы им что-то показывать рукой. Они здесь и так всё знают. Просто бы пришли, поменяли других людей, ушли. А эти стоят, смотрят в ночь. Других там нет.

— Логично, — согласился майор. — Как будто место выбирают... наш клиент?

— Дальность? — спросил Крылов.

— Тысяча сто, — сообщил Трофимов. — Предельно рабочая для 308.

— Опорник перед нами ещё на сто метров, выходит в них тысяча на прицеле будет, — сказал Стас. — Самое то.

— Это они, командир, — заверил старшина. — Стопудово они.

В этот момент Юра увидел движение одного теплового пятна в форме человека, которое он распознал как разворачивание каремата путём его встряхивания.

— Коврик стелят, — сказал Трофимов.

— Командир, давай их из АСКВМ вломим, — предложил Максим. — Тепловизионный прицел на винтовке есть...

— Шеф, прицел метров на семьсот работает, не дотянемся, а себя спалим. Давайте дождёмся утра, и когда их визуально будет видно, тогда и сложим всех.

— Тогда надо ТОД убирать, — сказал Крылов. — Если у них есть тепловизоры, а они у них наверняка есть, то они наш прибор быстро увидят.

— Не увидят, — усмехнулся Трофимов. — Мы уже знаем, что нужно делать...

В течение нескольких минут вместе со старшиной они натянули перед прибором два каремата, закрепив стропы на соседних деревьях, а выступающую часть прибора просунули в специальный вырез. Спереди позиция оказалась прикрыта экраном, который не позволял тепловизионными средствами наблюдения обнаружить тепловой след наблюдателя. Чтобы экран был не виден визуально, его прикрыли маскировочной сеткой, оставив только небольшой проём для наблюдения.

Вскоре три тёплых человеческих пятна разделились — один ушёл, два других остались. Они легли на землю и не шевелились.

— Спят походу, — предположил лейтенант.

— Вот теперь точно — наш клиент, — сказал Юра. — Отоспятся, а с утра начнут работать.

В предрассветных сумерках Стас отметил движение на вражеской позиции, но вскоре стало понятно, что это начинали из своих нор вылезать пехотинцы — кто потянуться, кто «до ветру», кто чайник поставить на газовую плитку. Их можно было перебить на раз-два, но сейчас эти люди не интересовали снайперов мобильного отряда. Всё внимание было обращено на двоих, пришедших ночью. А вот они как раз и не шевелились.

С наступлением светлого времени стало возможно использовать 50-кратную трубу наблюдения, которую также как и ТОД установили за маской, вырезав отверстие для объектива. Вот в неё и удалось разглядеть два колышка, на которых висела маскировочная сетка. Если бы не знали, куда смотреть, увидеть сетку было бы практически невозможно.

— Отлично видно, — сказал Юра. — Ну что, господа, гасим врага?

Романов спустился в окоп, и подхватив тяжёлую АСВКМ, отошёл метров на двадцать вправо, выискивая ещё ночью подмеченную позицию, спустя минуту он уже голосом доложил о своей готовности.

— Цель наблюдаю.

Юра с «Манлихером» двинулся чуть влево, где за деревом он уже подготовил «лёжку», но в этот момент раздался звук приближающегося дрона. Позиция наблюдателя была прикрыта только спереди-сверху, сверху-сзади Стас был открыт. Впрочем, и снайпера с винтовками прикрывались от противника только в передней проекции, но никак не с тыла. В то же время дрон сделал манёвр, облетая взводный опорный пункт, осматривая всё, что на нём находилось, и, очевидно, вскрывая всю обстановку.

Трофимов вжался в стенку окопа, но почти сразу увидел высоко в небе парящий квадрокоптер. Аппарат летел быстро, и мысль сбить его огнём из снайперской винтовки, растаяла сама собой. От очевидного бессилия оставалось только надеяться на чудо.

— Это их птичка, — крикнул Юра. — «Шеф», стреляй по их позиции!

— Есть, — отозвался старшина, и почти сразу оглушительно выстрелила его винтовка.

Юра, уже не прячась от воздушной разведки, выскочил из окопа, и сделав несколько быстрых шагов, свалился на каремат. Поставить винтовку на сошку было делом нескольких секунд. Справа раздался ещё один выстрел.

Вдруг Трофимов совершенно ясно услышал звон пролетевшей над головой пули, а спустя мгновение — услышал дальний выстрел.

— Они по нам стреляют, — крикнул он Стасу и Максиму, остерегая их. — Макс, гаси их, гаси!

— Командир, — крикнул старшина. — Я их не вижу, бью по месту, где они были ночью.

— Стас, ты их видишь? — крикнул Юра, чувствуя, как кровь стынет в жилах — не каждый день приходится чувствовать себя в чужом прицеле, но при этом не видеть противника.

— Один на месте, где и был, — доложил Крылов. — В меня тоже стреляли, сейчас пулю слышал!

Издали раздавались частые выстрелы.

Пересиливая желание вжаться в землю, Юра упёр приклад в плечо, посмотрел в прицел. Ему понадобилось несколько секунд на то, чтобы среди кустов найти натянутую маскировочную сетку. Не видя противника, он стал стрелять по ней, быстро перезаряжая винтовку — сейчас только плотность огня могла решить дело. В рядом стоящее дерево хлётко шлёпнула пуля, отбив кору и щепки. Всего в каком-то полуметре от головы Трофимова.

Юра не выдержал этого и укрылся от снайперского огня в окопе. Сделав глубокий вдох и выдох, он побежал по ходу сообщения к Стасу. Тот, как ни в чём не бывало, продолжал сидеть на стульчике и смотреть в трубу наблюдения. После очередного выстрела со стороны старшины, он невозмутимо отметил попадание:

— «Шеф», одно деление влево...

Но Романов к этому времени тоже уже спустился в окоп и двинулся навстречу Трофимову.

— Там явно полуавтомат, — сказал он, не выдавая никакого страха. — Две секунды — пуля, две секунды — пуля. Что будем делать, командир?

— Да ну их, — Юра вытащил из подсумка рацию. — Я в такую снайперскую дуэль играть не хочу. Поиграем в другую игру...

Он взял рацию, настроенную на волну артиллеристов, и вызвал начальника артиллерии бригады, держать связь с которым ему разрешил командир бригады.

— «Скала», я «Восток», роща «Левая-три». Дай пристрелочный.

— «Восток», я «Скала». Принял, работаем!

По опыту зная, что раньше чем через пятнадцать минут всё равно ничего никуда не прилетит, Юра спокойно порекомендовал Стасу спуститься в окоп, и как только он это сделал, каремат оказался простреленным в двух местах.

— Спасибо, товарищ майор, — сказал Крылов. — Буду должен.

— Сочтёмся, — усмехнулся Трофимов.

Однако, ждать долго не пришлось. Уже через пару минут в воздухе прошелестел снаряд, а с тыла послышался артиллерийский выстрел. Трофимов приподнялся, наблюдая за местом падения снаряда. В его руке уже был секундомер, который он взял с собой именно для этого случая.

Как только на стороне врага мелькнула вспышка и в воздух полетели земля, ветки и дым, Юра тут же запустил секундомер, а услышав звук разрыва, остановил его. Получив удаление, он посмотрел в бинокль, чтобы определить снос, и по системе «сторон света», дал корректуру по рации:

— «Скала», север двести, запад сто.

— Принял, — ответил начальник артиллерии бригады подполковник Андрей Савельев.

Трофимов посмотрел на Романова:

— Макс, им там сейчас не до нас будет, давай, двигай на позицию. Второй снаряд поближе упадёт, наблюдай за противником. Если встанут — гаси немедленно.

— Есть, — старшина ушёл к своей винтовке.

Юра вернулся на позицию, но пока оставался в окопе, не высывался. Спустя пару минут над головами прошелестел второй снаряд, и Юра тут же выдал новую корректуру:

— «Скала», север сто, восток сто.

— Принял...

Ещё через минуту третий снаряд упал совсем близко от цели.

— «Скала», север пятьдесят, запад пятьдесят...

— «Восток», считай, что пристрелка закончена, я сейчас батареей даю восемь снарядов, наблюдай, — сказал Савельев.

Спустя пять минут над головой раздался множественный шелест летящих снарядов, и через несколько мгновений позиция противника покрылась разрывами. Через минуту взрывы повторились.

— «Скала»! Отлично, — Трофимов поблагодарил артиллеристов.

— Обращайтесь, — ответил артиллерист.

Длительное наблюдение за позицией противника не выявило никакого движения. К обеду, когда солнце начало переходить на сторону врага, Трофимов приказал собираться. Когда машина появилась возле командного пункта батальона, майора там уже ждал Гусев.

— «Скиф» интересовался, убил ты укропских снайперов, или нет, — сказал Женя.

— Черт их знает, — честно сказал Юра. — Похоже, их накрыло. Они после арты больше не стреляли. И не шевелились.

— Он приказал, как ты появишься, послать тебя к нему на КП армии в Шахтинск.

— Это ехать далеко, — запричитал Юра. — Шестьдесят километров. А я не спал сегодня...

— Давай, вали, — замахал руками комбат. — Я тебе приказ довёл. По дороге выписься.

— Добро...

Трофимов вышел из помещения. Жорж не удивился предложению и обнадёжил гастрономической перспективой:

— Зато пожрём нормально. Я в Буянках кафешку одну присмотрел, «Апельсин» называется. Сборную солянку прекрасно готовят. И компот.

— Ну, если «и компот», то поехали, — кивнул Юра.

В Шахтинске, возле командного пункта группировки, Юра увидел кортеж из нескольких джипов, и перед входом в ангар, где должен был находиться комбриг, повесил на грудь бесшумную ВСС, а на плечо — камуфлированный «Манлихер». Вид у него был ужасный — небритый и нестиранный, в пропылённом плитнике и безухом шлеме в «мультикамовской» раскраске, с которой высшее руководство вооружённых сил вело неусыпную и ожесточённую борьбу. В букете запахов, благоухающих от майора, давно не видевшего баню, не хватало только перегара.

В окружении личной охраны посреди ангара стоял заместитель министра обороны генерал Егоров, прибывший инспектировать боевую деятельность войск. Рядом с ним «условно-непринуждённо» стояли Миронов, Лазаренко, Павлов и Михайлов, ведя какую-то важную беседу.

Никем не остановленный, Трофимов подошёл к командирам и громко обратился к Егорову:

— Товарищ генерал-полковник! Майор Трофимов! Разрешите обратиться к полковнику Михайлову!

Тот со смешанными чувствами смерил офицера с головы до ног и кивнул:

— Обращайтесь, майор.

Юра повернулся к командиру бригады, который на всякий случай побелел как лист бумаги «Снегурочка»:

— Товарищ полковник, я их всех убил. Разрешите идти?

— Идите, — едва выдавил из себя комбриг, боясь в этот момент посмотреть на заместителя министра.

Трофимов чётко развернулся и чуть ли не строевым шагом, в полной тишине, лишь слыша эхо своих шагов, вышел из ангара. Сложив оружие на заднем сиденье, весело посмотрел на Жоржа:

— Ну что, теперь в «Апельсин»?

В придорожном кафе их ждал действительно вкусный обед.

ГЛАВА 7

Прибытие в группировку заместителя министра обороны генерала Егорова ознаменовалось активизацией наступательных действий. Спустя двое суток после «снайперской дуэли», которую с помощью артиллерии всухую выиграли подчинённые Трофимова, мотострелковый батальон совершил рывок вдоль нескольких лесополос и овладел рубежом, откуда велась снайперская стрельба. Крылов и Романов следовали в боевых порядках батальона и первыми достигли снайперской позиции.

Там они обнаружили два тела, имеющих признаки «воздействия артиллерии» и пресекли попытку справедливого мародёрства со стороны штурмовиков, которые были поражены обилием дорогой техники — тепловизионного прибора наблюдения, лазерного дальномера, бинокля с функцией видеозаписи. Но, что самое интересное — снайпера обнаружили две самозарядные снайперские винтовки UAR-10, которые были немедленно доставлены в расположение отряда. Вместе с оружием, достоянием снайперов стали более двухсот патронов калибра 308, что позволяло задействовать в работе лежащие без дела «Манлихеры-308», боеприпасы к которым закончились уже давно.

Однако, радоваться оказалось рано — про «крутые» винтовки откуда-то узнал командующий группировкой генерал Миронов, который потребовал немедленно передать оружие ему лично. Об этом Трофимову на командном пункте сообщил командир бригады, посоветовав не противиться решению генерала.

— Они ему зачем? — спросил Юра. — На стену повесить? На охоту ходить? Проверяющему подарить?

— Трофимов, ты меня услышал! — комбриг повысил голос.

В этот момент Юра вспомнил, как во время напряжённого момента боя офицеры в эфире откровенно материли Миронова, который, взяв на себя управление бригадой, не считаясь со сложившейся обстановкой, гнал батальоны на бессмысленный убой.

— Обойдётся ваш генерал, — дерзко ответил командир мобильного отряда. — Эти винтовки мне нужнее.

— Ты не оборзел, майор? — спросил Михайлов. — Сдать винтовки немедленно!

В этот момент Трофимов почувствовал прилив неудержимого гнева, такого сильного, что потемнело в глазах — сказывался огромный недосып, усталость и длительные головные боли, омрачённые осознанием чудовищной несправедливости, выраженной в безнаказанности решений командования, повлекших бессмысленную гибель большого числа личного состава.

— Пошёл он к чёрту, этот генерал, — Юра тоже повысил голос. — Пусть для начала солдат своих беречь научится — чтобы потом бойцы ему в благодарность за это подарки подносили.

— Ты переходишь границы дозволенного, Трофимов!

— А что ты мне сделаешь? — Юра посмотрел комбригу в глаза: — На передовую отправишь? Так я уже давно на передовой!

Трофимов в порыве эмоций развернулся, и ушёл с глаз долой. В течение нескольких минут он эмоционально остыл, и даже хотел было вернуться и извиниться за такой срыв, но передумал, решив, что его отказ от высказанной позиции станет для комбрига поводом для более жесткого ответа.

Свидетелем разговора стал Крылов, прибывший на командный пункт вместе с Трофимовым. Когда офицеры вернулись в расположение отряда, Стас вернулся к обсуждению происшествия.

— Товарищ майор, вы только скажите... — Крылов посмотрел на остальных: — Если надо будет, мы этого генерала...

— Стас, — Юра смекнул, к чему клонит молодой офицер. — Валить своих командиров, даже таких мудаков, как Миронов, это преступление, это прямое предательство Родины... и даже думать об этой никогда не смей. Не можешь понять — просто прими это как данность.

— Но... из-за его дурных решений столько людей лежит сейчас там, в полях и лесополках... их даже никто не собирает...

— Поставь себя на его место, — предложил Юра. — Как бы ты принимал решения с оглядкой на то, что тебя, генерала, будет хотеть убить каждый твой офицер, каждый солдат, посланный тобой в бой? А в бой посылать надо, без этого победу не достичь.

Стас помолчал и пожал плечами:

— Я не знаю... мне далеко до него. Но не по-человечески это — посылать людей на заведомый убой. Надо же как-то грамотно всё это организовать! Хотя бы в рамках Боевого Устава дать людям шанс на выживание!

— Может быть, «заведомый убой» — это только наше восприятие. Тех, кому в бой идти... — предположил Юра. — А на том уровне всё иначе. Как оно, это «грамотно», нам снизу не ведомо.

— На том уровне мы не люди, — сказал Стас. — Мы только расходный материал.

— Ты как будто Америку сейчас открыл, — усмехнулся Трофимов. — Так было, есть и будет всегда.

К вечеру отряд посетил Каренин.

— Юра, что у тебя с комбригом произошло? — спросил контрразведчик. — Ты чего ему там такого наговорил, что он собрался тебя арестовать и расстрелять?

— Если честно, то сорвался немного, — ответил Трофимов. — Все эти дни в таком напряжении, вечно голова от контузий болит, из-за этого спать не могу — давно бы уже с ума сошёл, а тут он мне предлагает отдать Миронову трофейные винтовки, которые мы забрали на позиции врага после дуэли...

— Они тебе так нужны, что ли?

— Да, — Юра кивнул. — Это классное оружие, как раз то, что мне надо для решения многих задач. Родина не может меня снабдить подобными стволами, но мне удалось добыть их в бою. А тут какой-то... — Трофимов попытался подыскать нейтральное определение генералу, но не смог и продолжил, — просто решил, что ему, в штабе, эти винтовки будут нужнее. Я с такой позицией не согласен. Они нужнее мне, чем ему. Пусть каждый делает своё дело — я снайпер, и буду стрелять, а он генерал, и его удел — войска водить.

— Да это-то понятно, — кивнул Валентин. — Сам что думаешь по этому поводу?

— Мне безразлично. Будь, что будет. Захотят наказать — найдут, как это сделать. Я от своих слов не намерен отказываться.

— Хорошо. Если ты не намерен отдавать винтовки генералу, тогда их заберу у тебя я, — сказал контрразведчик.

Несколько мгновений он наблюдал, как меняется выражение лица Трофимова — от безразличного до гнев-

ного.

— Я не отдам, — твёрдо сказал Юра.

— Отдашь, — уверенно ответил Валентин и пояснил: — Я их у тебя изымаю, потом докладываю командующему, что винтовки представляют для моей службы оперативный интерес. Даю ему понять, что в «подарок» ему этих винтовок не будет. Через пару дней, когда страсти улягутся, возвращаю их тебе, а ты их документально закрепляешь за конкретными бойцами, чтобы винтовки официально числились у тебя в отряде. Чтобы были они у тебя легальными! Ты меня услышал?

Несколько секунд выражение лица Трофимова проделывало обратный путь — от гневного к безразличному, а потом стало приобретать внешние признаки удовлетворения.

— Услышал... — лицо Трофимова расплылось в улыбке.

— И ещё, — Каренин тоже улыбнулся. — Если каждого командующего убивать за столь «безобидные» просьбы, то у нас некому будет войну выигрывать.

— А что, есть и другие желающие? — спросил Юра, осознав, что контрразведчик осведомлён о содержании разговора с Крыловым.

— Ты не представляешь, сколько, — признался собеседник. — Такие большие и бессмысленные, прямо скажу, потери, которые мы понесли у Осиновки, не формируют среди офицерского корпуса уважения к тем своим начальникам, которые проявляют преступную бездарность в управлении войсками. Моя задача, в том числе, состоит в пресечении устремлений к физическому воздействию в отношении старших командиров со стороны подчинённых. Но, конечно... ещё пару таких Осиновок, и я тоже буду бессилён сдерживать справедливый порыв командиров.

Надеюсь, что история всех рассудит, а судьба пошлёт нам достойных руководителей.

— А почему ваша служба не интересуется исходом этих сражений? — спросил Юра. — Впрочем, ты можешь не отвечать. Очевидно, что «нет на то указаний».

— Ошибаешься, — Валентин покачал головой. — Люди работают, и мы своим «творческим коллективом» очень надеемся на положительный исход нашей работы... но будет ли на то политическая воля...

Более ничего не говоря, Каренин забрал винтовки, а спустя несколько часов Юра оказался на командном пункте бригады. Михайлов был категорически резок:

— Ты извиниться не хочешь?

— Нет, — Юра развёл руками. — Мне не за что. Я как нормальный командир отстаивал, и буду отстаивать интересы своего подразделения, а кроме того, я не намерен терпеть плевки в мою сторону.

— Скажи спасибо, что твоими винтовками заинтересовались чекисты. Миронову это довели, он недоволен, конечно, но от меня отстал, — примирительно сказал Николай.

— А вы — от меня? — съязвил Юра.

Командир бригады подарил майору тяжёлый взгляд.

— Будешь артачиться, отберу джип. Он мне больше нужен, чем тебе. Завтра в восемь утра быть здесь на совещании. Вы свободны, товарищ майор.

Вернувшись на «Прадику» к месту базирования, Юра отметил, что работы по «выемке грунта» для строительства полноценного блиндажа продвинулись не особо. В своё оправдание Стас начал рассказывать о необходимости немедленного убийства с данного места, так как оно находилось в пределах досягаемости украинской артиллерии, и падающие по окрестностям снаряды в любой

момент времени могли прилететь и по отряду. За примерами не надо было далеко ходить.

— Критикуешь — предлагай, — сказал Юра, в целом соглашаясь с существом поставленного вопроса.

— В Соколовске есть куча пустых зданий. Парочку я присмотрел...

— Войска там стоят?

— Конечно, у нашей арты там тыловой район. Да много кто там ещё есть.

— Добро, поехали, посмотрим...

Выбор «места жительства» занял пару часов. После осмотра нескольких строений, выбрали здание бывшей автомастерской, где можно было и машины укрыть, и людей расположить в трёх кабинетах второго этажа. К вечеру переезд завершили и стали обживать новую базу.

На следующий день Трофимова вызвал командир бригады, и когда Юра приехал на тыловую базу бригады в Шахтинск, ему «отдали» четверых бойцов, прибывших из пункта постоянной дислокации. Трое были добровольцами, недавно подписавшими контракт, лишь четвёртый боец с позывным «Утро», являлся «кадровым» военнотружущим снайперской роты и имел достаточно глубокие навыки в своей специальности. Все приехали с винтовками СВД шестидесятых годов выпуска, недавно взятыми со склада. Но самое интересное было то, что Лёня «Утро» привез с собой квадрокоптер. Это был новомодный «Мавик-3».

— Так он же бешенных денег стоит, — сказал Юра первое, что пришло ему на ум, когда он увидел аппарат.

— Так точно, товарищ майор, — кивнул Лёня. — Полмиллиона. Родственники скинулись и купили мне эту «игрушку».

— Ты не представляешь, как вовремя... — улыбнулся Юра. — А родственникам своим передай нашу огромную благодарность.

— Передам, товарищ майор, — бодро отозвался боец.

Обилие вещей вновь прибывших поставило бы в тупик с вопросом доставки людей на базу имеющимися силами, но багажник, установленный на крыше джипа, решил все проблемы. А вчетвером втиснуться на заднем сиденье, было лишь вопросом нежелания идти пешком.

Пока ехали, Юра по очереди переговорил с добровольцами. Они представлялись и коротко рассказывали о себе.

— Андрей Шитников, до войны работал в авторемонте, крутил гайки на хозяина, когда зарабатывал, когда нет — всякое было. Семья, двое детей. Мальчик и девочка. Сын в детском саде, а дочь уже в третьем классе. Как война началась, пошёл в военкомат, говорю, хочу добровольцем на СВО. А мне говорят, мол, не надо, войска и без вас справятся. Однако, через месяц перезвонили и предложили зайти. Так и оказался в бригаде. В роту снайперов попал, потому что сказал, что стрелять умею... в общем, пролез, как шило.

— И что, умеешь стрелять? — спросил Юра.

— Научусь, — ответил Андрей. — Наверное.

— Было бы желание, — усмехнулся Трофимов.

— Чикунов Александр, — сказал второй. — Женат, тоже двое детей — девочки в школе учатся. Работал там, где платили: в летний сезон на Камчатку летал, на рыбу, в зимнее время уголь кидал в сельской котельной. Ну, а где у нас ещё работать?

— А в роту как попал?

— Попросился. С детства хотел снайпером стать.

— Ну, раз хотел, то станешь, — подбодрил Юра.

— А меня Русланом зовут, — сказал третий. — Потопов моя фамилия. Мне сорок лет, семьи нет, детей нет, до войны работал охранником в детском саду. Можете меня, конечно, обвинять в том, что я — несостоявшаяся личность, но уж такой получился и другого не будет.

— Запоминайте свои позывные, — Юра повернулся, и последовательно переводя взгляд с одного на другого, проговорил: — «Шило». «Рыбак». «Детка».

Новички невольно рассмеялись — позывные пришлись им по вкусу.

В расположении вновь прибывшим выделили места, где можно было бросить карематы и спальные мешки. Старые снайперы затискали Лёню в объятиях, а когда узнали про «Мавик», затискали снова. Кроме коптера Лёня привез с собой электронный планшет.

— Вот смотрите, товарищ майор, — он стал разворачивать чудную машину. — Заряда одного аккумулятора хватает примерно на 27–30 минут полёта. За это время коптер может отлететь на дальность до трёх-четырёх километров, висеть на этом удалении около 10–15 минут, вести наблюдение, вернуться обратно с резервом по заряду около 2–3 минут. Летать дальше можно, но лучше этого не делать, так как с ростом удаления снижается качество связи, и можно потерять управление — а враг может управление подхватить и угнать машину. Он настроен так, что в случае полной потери связи, включается режим возврата домой, и коптер сам возвращается на точку взлёта. Но есть нюанс...

— Какой?

— Специальными приборами противник может определить эту точку взлёта. И по этой точке он будет бить артиллерией. Поэтому для использования коптера, запускать его нужно подальше от себя. По крайней

мере, об этом говорят мои знания, которые я бы назвал не слишком большими.

— Каковы его возможности? — спросил Трофимов. — На какой дальности сможет увидеть человека?

— А вот давайте я вам сейчас всё покажу, — предложил Роса.

Он прикрепил к коптеру аккумулятор, и выйдя из здания, поставил аппарат на ровный участок, затем к пульту подсоединил смартфон, включил всю систему.

— Сейчас он определяет своё местоположение по спутниковой навигации, включаются компас и другие средства, необходимые для полёта. Вот, смотрите, пульт связан с телефоном, сюда он выдаёт всю полётную информацию. А картинка на экране — это то, что мы видим с бортовой камеры, которая расположена в передней части корпуса на специальном подвесе.

Аппарат взвизгнул, раскрутив винты.

— Вот я включил «арм», и машина готова к полёту. Поднимаем его в воздух...

Лёня нажал кнопку взлёта и коптер, громко жужжа, поднялся на полтора метра, где завис в воздухе.

— Сейчас я буду набирать высоту, и мы сможем осмотреться.

С этими словами он тронул стики, приводя аппарат в движение. «Мавик» взмыл в воздух.

— Тридцать, пятьдесят, семьдесят... — глядя на экран телефона, Лёня вслух отмечал набранную высоту. — Сейчас зависну на триста, и посмотрим, что мы имеем вокруг...

Коптер был уже едва виден, звук еле улавливался.

— Вот, смотрите, товарищ майор... — он передал пульт управления Трофимову, предупредив: — Чтобы повернуть аппарат влево или вправо, плавно двигайте ле-

вый стик в нужную сторону — коптер будет поворачиваться. Попробуйте...

Юра с замиранием сердца взял пульт. Камера, установленная на «Мавике», смотрела строго вниз, и вся группа, наблюдающая за полётом, была прекрасно различима возле мастерской. Трофимов сдвинул стик, коптер стал поворачиваться.

— Под правым пальцем есть колёсико, — сказал Лёня. — Если его крутить, то можно изменять угол наклона камеры...

Юра нащупал управление камерой и вскоре уже смог увидеть горизонт. Где-то вдали поднимались дымы — кто-то кому-то накидывал крупным калибром. Когда Лёня показал, как меняется кратность, восторгу не было предела.

— Ну, теперь мы им покажем... — радовался Романов.

Не откладывая дело в долгий ящик, Юра немедленно спланировал выезд на передовые позиции, где можно было испробовать новое средство ведения войны. По согласованию с Гусевым выбрали один из опорников, куда проще всего было добраться незамеченным. Выехали вчетвером, не считая водителя — и уже через три часа, бросив джип с Жоржем, шагали по лесополосе к позициям взвода.

С собой тащили АСВКМ, ТОД и «Мавик», решив испробовать в работе сочетание всех имеющихся «игрушек». Командиром взвода на опорнике оказался сержант Бураков, который перед войной активно склонял бойцов бригады отказываться от дальнейшей службы и расторгать контракты. После проведённой командиром бригады беседы, сержант изменил своё отношение к ситуации, а когда погиб его командир взвода, уверенно принял на себя командование. Однако, попытку мятежа ему не за-

были, и командир бригады лично дал ему позывной «Махно», от которого, впрочем, Борис был только рад.

«Махно» встретил группу за километр от передовых позиций.

— Здравия желаю, товарищ майор, — он протянул руку.

— И тебе не хворать, — Юра пожал крепкую длань. — Показывай!

— Значит, смотрите... — Борис очертил рукой направление. — Дальше идём по низине, там мокро, но лучше так, чем иначе. Немец на мачте ЛЭП поставил камеру, и всё вокруг видит. Мы просили комбата снять её ПТУРом, но... не мне его судить.

— Далеко от вас до мачты?

— Километра полтора.

— Попробуем винтовкой отработать, — сказал Юра.

Они двинулись дальше. Бураков детально рассказал обо всём, что он наблюдал за последние несколько дней, радуя мелкими деталями, которые позволяли глубже вникнуть в обстановку, и когда группа дошла до тыловой позиции опорного пункта, Юра в целом уже хорошо представлял, что их ждёт.

Пока Федосов разворачивал ТОД, Максим переводил АСВКМ из походного положения в боевое, Лёня поднял «Мавик» и полетел к противнику, оценить обстановку. На этот раз, вместо телефона, к пульту был подсоединён планшет, на котором картинка была более детальной.

До передовых позиций врага было около 800 метров, и там даже были видны одиночные передвижения, но пока главный интерес представляла камера, установленная на мачте ЛЭП. Лёня подлетел к ней и завис неподдалёку, сохраняя безопасное расстояние, чтобы случайно не влететь в провода.

— Товарищ майор, смотрите... — оператор дрона увеличил изображение. — Камера купольного типа, большая. Похоже, с очень хорошим разрешением и кратностью. Около полуметра в диаметре. Как они её сюда затащили?

Вася измерил дальность и громко доложил:

— Тысяча четыреста шестьдесят два!

— Слышал? — Юра повернулся к Романову, который уже лёг на каремат.

— Так точно.

— Огонь по готовности!

Все надели наушники. Некоторое время Максим считал поправки, потом занимался прицелом, и только минут через пять изготовился к стрельбе.

Первый выстрел прозвучал неожиданно. Поражения не случилось. Федосов не смог сказать, куда ушла пуля. Максим сделал второй выстрел. Опять безрезультатно. Затем третий, четвёртый, пятый и только на шестом выстреле отклонившаяся в сторону пуля чиркнула металлическую конструкцию опоры, что позволило понять, куда её снесло. После внесения поправки, следующим выстрелом камеру удалось разбить — её осколки разлетелись в стороны, и на мачте осталась висеть только основа с куполом.

Старшина записал в блокнот установки для стрельбы, на случай, если противник на этом месте поставит новую камеру.

— Отлично, — произнёс Юра. — Ну, а теперь можно и по немцам пострелять...

Федосов быстро нашёл наблюдателя, торчащего из окопа, и первым же выстрелом Романов попал несчастному в голову. Каска долго кувыркалась в воздухе, став гарантированным подтверждением удачного попадания.

— Стоп, снято! — театрально сказал Федосов. — Пацаны, походу у нас есть первое документированное подтверждение...

— Ага, — улыбнулся Юра. — Теперь можно наградные оформлять — никто не сможет сказать, что мы всё выдумали.

— Наверное, вам лучше валить отсюда, — сказал Бураков. — Сейчас они начнут сюда минами кидаться, а у вас техника такая дорогая...

Трофимов оценил намёк на шутку и приказал сворачиваться. Как только группа покинула опорный пункт, по нему стали прилетать мины — немцы мстили за свои потери.

В штабе батальона Юра показал Жене Гусеву видео с попаданием в камеру и затем в наблюдателя. Повышая авторитет снайперов, Трофимов не стал демонстрировать «пристрелочные» выстрелы, представив дело таким образом, словно выстрелов было всего два — по одному в каждую цель. Если уничтожение купольной камеры не вызвало особых эмоций у комбата и его штабистов, то уничтожение наблюдателя повлекло настоящую бурю восторга. Видео было просмотрено раз двадцать, каждый раз вызывая всплеск эмоциональных обсуждений увиденного.

Вдруг Юра понял — лишённые в последнее время какого-то боевого успеха, люди жаждали хотя бы небольшой, но очевидной победы. И этот выстрел дал им как раз то, чего им не хватало — веры в свои силы, веры в своё оружие, веры в мастерство своих боевых соратников.

— Давайте представим старшину Романова к государственной награде, — предложил Трофимов, пребывая на волне успеха.

— Пиши представление, — не поворачиваясь, сказал комбат. — На медаль «За отвагу». Я подмахну.

— Есть! — ответил майор.

Возвращение на базу было омрачено неприятным происшествием. Ринат, которого отправили в магазин за колбасой и яйцами, втайне от соратников купил водки и, вернувшись, выпил литр, после чего впал в бессознательное состояние. Вновь прибывшие добровольцы, обнаружив у повара ещё две бутылки, не поленились её втихаря оприходовать, отмечая своё прибытие на войну.

Трофимов был в ярости. Виновных (из числа тех, кто мог стоять на ногах) он построил во дворе и закатил длинный спич, повествующий о вреде безудержного употребления алкогольных напитков.

— Если вы реально считаете, что алкоголь станет вам каким-то помощником на войне — вы глубоко ошибаетесь, — на повышенных тонах сказал Трофимов. — Я не спорю, мы иногда позволяли себе выпить, но только для того, чтобы снять стресс после тяжёлого боя, и то — в строго дозированных объёмах. У вас что, был тяжёлый бой? Нет, не было! В нашем подразделении отныне будет действовать сухой закон! Если вы не хотите следовать этому простому правилу, тогда я вас не держу — идите, и продолжайте служить в каком-нибудь другом подразделении. В первом батальоне, например. Я прямо сейчас это могу устроить — комбат будет только рад. А мне такие невыдержанные и недисциплинированные бойцы не нужны.

— Товарищ майор... — подал голос «Рыбак». — Мы совершили глупость. Не надо нас в батальон. Дайте нам шанс. Мы исправимся.

— Исправимся, — подтвердил «Детка».

— Исправимся, — кивнул «Шило», когда Трофимов перевёл на него свой взгляд.

— Вы сейчас на ногах еле стоите, — сказал Юра. — А если поступит срочная задача? Как вы будете её выполнять? Вы об этом подумали? Нет?

Остальные бойцы отряда стояли полукругом, наблюдая за происходящим, и как бы намекая провинившимся, что любая попытка спорить сейчас с командиром, может обернуться более тяжёлыми последствиями.

Пьяницы стояли молча, опутив головы. На вопрос командира у них не было ответов.

— Я даю вам кредит доверия, — наконец-то сказал Юра. — Но любой следующий допущенный вами косяк, самый незначительный, и вы все, втроём, строем уходите в первый батальон. А там вы будете драться со своими сослуживцами за спальные мешки, будете спать в мокром окопе, будете ежедневно ходить в атаки по лесополосам, забудете, как принимать пищу за столом, забудете, как мыться водой под душем. Вы меня, надеюсь, услышали?

— Так точно, — ответили провинившиеся.

— Тогда я вас временно оставляю в отряде. Задача на сегодня — капитальная уборка помещения. Вынести мусор, подмести полы, закрыть окна подручными материалами. На всё даю вам два часа. Приступайте.

«Преступники» ушли в здание, где в одном из углов, за кучей мусора, спал Ринат. Желание настучать ему ногами по рёбрам компенсировалось пониманием бесполезности этой затеи, так как никакого воспитательного воздействия битьё в отсутствии сознания успехом бы не завершилось. Трофимов решил перенести эту процедуру на утро, когда повар начнёт возвращаться в адекватное состояние.

После проведения уборки, когда солнце уже клонилось к закату, Юра вывел отрезвевших воинов в поле,

чтобы оценить их уровень снайперского мастерства. Добровольцы сделали по десять выстрелов на дистанции сто метров по листам бумаги формата А4. Проверяя результаты стрельбы, Юра не ожидал увидеть хороший итог, но реальность оказалась ещё хуже — в трёх листах было всего шесть пулевых пробоин.

— Это не алкоголь, — пресекая возможные протесты, сказал Юра. — Это простое отсутствие даже минимальной квалификации. Вот скажите, вы, когда в снайперскую роту просились, понимали, что вам предстоит делать? Или захотели прикоснуться к святому, не имея на то никаких оснований?

— Я думал, что тут научат... — сказал «Шило».

— У меня вообще прицел не работает — ничего в него не видно, — пожаловался «Детка».

— И мне сказали, что раз я хочу, то получится, — сказал «Рыбак». — Вы же, товарищ майор, сами точно так же сказали, когда мы в машине ехали.

— Нет, ну, я, конечно, предполагал, что вас придётся долго тренировать, но здесь я вообще не вижу никаких перспектив, — прямо сказал Трофимов.

— Вы нас в батальон отдадите? — осторожно спросил Детка.

— Обождём пока с батальоном, — обнадёжил Юра. — Ну-ка, положение для стрельбы лёжа — принять! Попробуем ещё раз, но уже вдумчиво!

Парни легли на карематы, с которых только что поднялись.

— Занимайте такое положение, какое вам удобно для производства выстрела, — предложил Трофимов.

Когда шевеления закончились, Юра по очереди подошёл к каждому, и указал на явные ошибки. Затем поднял обучаемых, и сам лёг на каремат, взяв СВД.

— Показываю и рассказываю один раз, — заявил он. — Усвоите — быть вам снайперами. Нет — пойдёте в батальон. Андестенд?

— Чего, товарищ майор? — переспросил «Шило».

— Это значит «поняли?», — пояснил «Рыбак».

— Молодец, — похвалил Трофимов. — А теперь запоминайте. Успех снайперского выстрела целиком и полностью зависит от того, насколько устойчивое положение займёт снайпер. Практически во всех случаях мы стреляем с упора — лёжа, или сидя, иногда стоя, но никогда без упора. Если стреляем в положении лёжа, скелет создаёт нужную опору — примерно, как у артиллерийского орудия. Видели, как на пушках разводят опорные лапы? Вот примерно так же должен лежать снайпер — с опорой на свой скелет. Причём, он должен занять такое положение, которое исключало бы наведение оружия мышечным усилием — винтовка должна свободно и естественно лежать на линии прицеливания. Да, это сложно. Но этого нужно добиваться. И только в самом крайнем случае допускается минимальное усилие, но это будет сильно снижать точность выстрела. Вот, смотрите...

Цевьём винтовка лежала на рюкзаке, и чтобы её слегка сместить в сторону, Трофимову пришлось затратить определённое усилие.

— Видите, я с винтовкой лежу так, что она смотрит в цель. Если мне надо перенести огонь по другой цели, я смещаюсь весь... — Юра немного переместился в сторону. — После чего оружие снова смотрит в цель. Если же я доверну винтовку только мышечным усилием, то мне во время прицеливания придётся совмещать два дела — и прицеливаться, и поддерживать усилие на доворот оружия. Позже сами поймёте, как сильно это влияет на точность. Понятно?

— Так точно, — хором ответили обучаемые.

— Пробуйте, — Юра встал.

Парни заняли свои карематы, стали водить винтовками по сторонам, перемещаться, снова прицеливаться.

— Чувствуете разницу?

— Так точно, — отозвались «Шило» и «Рыбак».

— А у меня прицел не работает, — опять признался «Детка».

— Всё у тебя работает, — Юра встал над добровольцем. — Если ты разместишь свой глаз в семи сантиметрах от окуляра, да ещё и на его оптической оси, тогда ты всё сможешь увидеть.

— О, точно, — «Детка» последовал рекомендации и увидел «свет в конце туннеля».

— Добивайся такого положения головы, чтобы исключить лунообразных затенений. Чтобы поле прицела было видно всё.

— Есть, — сообщил «Детка». — Вижу.

— Хорошему выстрелу препятствует несколько факторов, над которыми нужно постоянно работать, — продолжил Юра. — Первое, и самое распространённое — это ожидание отдачи. В момент выстрела винтовка толкает в плечо, и многие ждут этот толчок, потому что он им неприятен. Не надо его ждать. Каждый раз заставляйте себя думать о том, что после выстрела не будет никакого толчка. Это нормальная реакция организма — стремиться избежать толчка отдачи, но эту реакцию нужно в себе подавлять. Выстрел должен произойти при максимальном расслаблении всех мышц.

Юра по очереди поправил каждому положение для стрельбы.

— Следующий фактор — это дёргание спуска. Нужно добиваться очень мягкого движения пальца, причём

такого, чтобы прилагаемые усилия не передавались на кисть, удерживающую шейку ложе или рукоятку оружия. В идеале мы стреляем вообще, большим пальцем руки не обнимая рукоятку винтовки. Но вам это пока рано осваивать, так как точность и дальность стрельбы ваших винтовок недостаточна, чтобы отзываться на положение большого пальца. Кто из вас дорастёт до калибра 338, тот и будет осваивать этот способ. А сейчас просто научитесь не дёргать спусковой крючок.

Подопечные сделали несколько холостых спусков.

— В момент производства выстрела снайпер задерживает дыхание, — сказал Юра. — Задержку дыхания мы производим не на вдохе, а в момент естественной дыхательной паузы, то есть, на выдохе. Сам дыхательный цикл длится 4–5 секунд, пауза между выдохом и вдохом — 2–3 секунды, сам вдох-выдох — тоже 2–3 секунды. Пауза может быть увеличена до 12–15 секунд, но мы рекомендуем задерживать дыхание не более чем на 8 секунд, чтобы пауза не стала ощущаться неестественной. Не успели за это время обработать спуск — вдыхайте, выдыхайте и повторите всё сначала.

Парни по мере сил пытались освоить сказанное Трофимовым. Спустя полчаса Юра предложил с новыми навыками произвести по пять выстрелов в свои мишени.

— Маховичок дальности ставим на цифру три, что соответствует трёмстам метрам. Центральной галочкой прицеливаемся в середину нижнего среза листа бумаги. Пули должны будут попасть чуть ниже центра листа. Кто знает, почему они прилетят выше точки прицеливания?

Ответом ему было молчание. Юра тяжело вздохнул и нелитературными словами мысленно помянул тех людей, которые занимались подбором добровольческих кадров в снайперскую роту.

Стрельба показала, что из пятнадцати выпущенных пуль на бумаге отметились двенадцать. Это был заметный прогресс, достигнутый даже не тренировками, а всего лишь объяснением теоретических основ правильного выстрела.

— Винтовки старые, с хранения, — попытался оправдаться «Детка».

— Не пристрелянные, — добавил «Шило».

— Что вы знаете о пристрелке оружия? — спросил Трофимов. — Вернее, о приведении оружия к точному бою? Как это выполняется?

Оказалось, что никто не знает.

— Раз не знаете — тогда не говорите, — предостерёг Трофимов на будущее.

Осмотрев мишени, Юра выбрал самую чистую, после чего сделал по ней пять выстрелов. Пули кучно легли чуть левее центра листа, имея разброс около четырёх сантиметров.

— Вы должны стрелять вот так, — сказал майор. — Не научитесь к понедельнику — выгоню в батальон. А теперь занятия завершить, в расположение шагом марш. Идём осваивать чистку оружия, его смазку, а также любовь и ласку...

Вернувшись на базу, Юра организовал стол, на котором «молодые» снайпера под присмотром своих более старших (по опыту, но не по возрасту) товарищей, разобрали свои винтовки и приступили к изучению работы механизмов, а также порядка чистки оружия. Опытные парни достали свои оружейные принадлежности, поочерёдно рассказывая для чего нужны те, или иные предметы и жидкости. С наступлением сумерек чистка оружия была закончена, а спустя ещё некоторое время по связи Юре довели приказ на боевую работу. Выступить предстояло рано утром.

Бои за Соколовский нефтеперерабатывающий завод прошли совсем недавно, и сейчас территория предприятия находилась под полным контролем российских войск. Большое количество высоких сооружений позволило различным разведывательным подразделениям установить на них технические средства наблюдения. С этого момента жизнь врага усложнилась, так как стали видны все его перемещения.

Загнав джип под крышу какого-то большого строения, вместе с комбатом первого батальона Юра поднялся на самый верх одного из сооружений завода. На верхней площадке уже находились двое разведчиков, которые в ЛПР разглядывали позиции противника. Здесь же находилась пусковая установка для противотанковых ракет.

— Товарищ майор, — обратился один из разведчиков, протягивая офицеру карту с нанесённой обстановкой. — Наблюдением установлено перемещение противника здесь, здесь и здесь. Вот здесь у них позиция двух миномётов, здесь стоит танк, здесь ещё один танк. По второму танку мы корректировали «геноциды», два прилёта было прямо рядом, не могу пока сказать, повредили мы его или нет. Танк пока молчит.

— Доложите начертание переднего края, — попросил комбат.

Разведчики толково рассказали, где они вскрыли вражеские дозоры, находящиеся максимально близко к переднему краю наших войск. Всю информацию Трофимов отразил на своей карте, и офицеры спустились вниз.

— В общем, определяйся, — сказал Гусев. — Замысел у меня такой: так как ротация на передке у немцев проходит только ночью, было бы неплохо, если твои снайперы в течение дня почистят их передовые позиции, а вечером, пока укроп не усилил свои поредевшие ряды, мы броском

попытаемся отбить эти лесополосы. «Скиф» возлагает на тебя большие надежды и сулит награды в случае успеха.

— Неужели? — усмехнулся Трофимов, вспомнив тяжелейший бой в Николаевке, не нашедший никакого отражения в виде боевых наград.

— Он мне так и сказал, — улыбнулся комбат.

После недолгих размышлений, Трофимов выбрал два места, которые могли бы стать позициями для дальнейшей работы. Командиры взводов, державшие эти участки, не высказывали радости от такого внимания снайперов, прямо заявив, что последствия упадут на их голову, тогда как снайпера спокойно до этого успеют уехать. Комбат сделал вид, что пропустил сказанное мимо ушей и потребовал обеспечить снайперам нормальную работу на вверенных участках обороны. Добиваясь более глубокого понимания поставленной задачи, Стас дерзко уточнил у взводника, как он понял требование комбата, но тот ответил не менее дерзко, и между офицерами возникло некое взаимоуважение.

— Я уже думал над этим, — сказал командир взвода по пути на передний край. — Периодически наблюдаю открытое хождение врага по позициям, но у меня нет подготовленных стрелков, чтобы достать их точным выстрелом, а тратить гранаты к АГС, после нескольких неудачных попыток, я уже перестал.

Прибыв на место, Юра отправился изучать правый фланг, отослав Стаса и Лёню на левый. Дойдя до края позиции, он быстро оценил ситуацию: до противника было не более тысячи метров, что позволяло уверенно работать имеющимся оружием. В то же время немцы практически в открытую ходили по своей лесопосадке, обильно побитой артиллерией. Печальный опыт соседнего украинского подразделения, подрезанного снайперами Трофи-

мова, видимо, не передался по горизонтальным связям и уроком не послужил. В общем, обстановка складывалась весьма благоприятная, сулящая дать хороший результат. Наметив места для огневых позиций, Юра с Васей Федосовым двинулись обратно.

Лёгкость предстоящей задачи подняла настроение, и Юра на ходу даже тихонько напевал слова украинской песни «Жареные тигры», неожиданно вошедшей в топ среди личного состава Российской Армии, что коренным образом не отвечало целям её создания, согласно которым данное произведение должно было навевать на российских солдат грусть и печаль. Работа украинских ЦИПСО, вложивших в создание этой песни значительные средства, пошла на пользу не той стороне, как предполагалось изначально. Потому что в беспросветных коридорах души среднестатистического рядового Российской Армии хорошо ориентироваться может только среднестатистический сержант Российской Армии, а не какие-то уточнённые специалисты из украинского ЦИПСО.

Пока Стас выбирал себе позицию, Лёня успел слетать в гости к врагу, сняв там видео и сделав несколько кадров для последующего изучения. Смотреть на позиции врага с большого планшета было приятнее, чем с простого смартфона, тем более, что это даже позволило вскрыть позицию пулемётчика, которую при обычном наблюдении с земли увидеть было просто невозможно.

Пока Юра ходил на рекогносцировку, Жорж привёз Ладина и Мосина, а также тяжёлые винтовки и приборы наблюдения. Ещё через пару часов всё имущество уже было на позициях. Снайпера приступили к подготовке.

— Ветер сорок пять градусов справа, четыре метра в секунду... — Федосов вслух проговаривал расчёт стрельбы, поработав с ветромером. — Деривация...

Трофимов вложил приклад АСВКМ в плечо, открыл затвор, подал патрон в ствол. Такие движения он выполнял уже много раз, и они были доведены до автоматизма настолько, что, наверное, он даже не задумывался о том, как это делать. Раз, и патрон уже в стволе. Два, и стреляная гильза вылетела из патронника. При стрельбе по человеку на километровой дальности АСВКМ обладает, можно так сказать, избыточной мощностью. На этой дистанции крупнокалиберная пуля имеет энергию, вдвое большую энергии пули винтовки СВД, измеренной на срезе ствола при выстреле, и способна не только поразить человека, а буквально разорвать его в клочья при хорошем попадании. Но главное, это то, что АСВКМ может выводить из строя и технику. Среди снайперов этот калибр так и называется — антиматериальный. То есть, уничтожающий материальное имущество.

Трофимов прицелом нашёл человека, лопатой копающего окоп. Рядом с ним, в менее удобной для поражения конфигурации, стоял ещё один — он активно жестикулировал, очевидно, что-то эмоционально рассказывая. Юра про себя усмехнулся, представив, сколько эмоций у этого человека будет буквально через несколько секунд.

Он уже давно не чувствовал никакого отвращения к сущности своей работы — убивать людей, таких же, как он сам. Достижение целей войны требует уничтожения основы сопротивления — живой силы противника, и в этой парадигме нет никакого места философским размышлениям хотя бы по той простой причине, что пространными философскими размышлениями невозможно сломать сопротивление врага. Можно сколь угодно долго говорить о том, что враг является таким же представителем одного славянского народа, но это не отменяет того факта, что он остаётся военно-политическим противником. Времен-

ное антироссийское помешательство жителей Украины, инспирированное англосаксами, вечным противником России (и континентальной Европы в целом), можно вылечить только кровью. Это как матросу парусного флота, замешкавшемуся на палубе, боцман давал зуботычину, от чего матрос быстрее включался в требуемую работу. Или как замешкавшемуся парашютисту хорошего пинка даёт инструктор-выпускающий, и потом этот парашютист будет благодарить инструктора за придание ему решимости для совершения прыжка. Можно привести много примеров, когда подзатыльник в критической ситуации решал всё гораздо быстрее и надёжнее, чем уговоры и обещания каких-то преференций. Практикующие специалисты точно знают, что для скорейшего достижения результата кнут всегда будет слаще пряника.

В сущности, сейчас одно государство ставило на место другое, а зуботычины получали конкретные люди, совокупность и общность которых, собственно, и образовывали государство, без всякой возможности для этих конкретных людей изменить траекторию государственной политики. Им оставалось только плыть по течению уготованной судьбы, и только в рамках доставшегося им водоворота пытаться как-то выжить — без всякой возможности выхода на мелькающий сбоку берег, с его красивыми пляжами, крепкими причалами с дорожками к яхтам, сытными тавернами и стройными красотками — которых в реальности для Украины не существовало по той простой причине, что всё это было для западных господ, но не для западных хлопцев, поверивших в красивые посулы англосаксов, и в стремлении за иллюзорным счастьем, предавших братский народ.

На войне человек стремительно приходит к пониманию того, что убийство врага — это не такое уж и пло-

хое занятие, которое быстро лишается негативных эмоций, оставляя удовлетворение от проделанной работы, приближающей общую победу над врагом. А вот смерть соратников значительно дольше сохраняет негативный эмоциональный окрас. К этому человек привыкает гораздо дольше. Последней стадией деформации становится отношение к собственной жизни. Длительное стрессовое расстройство психики, основанное на ежеминутном ожидании собственной смерти, приводит к такому эмоциональному выгоранию, когда даже собственная судьба, собственная жизнь, для человека становится безразличной, и он опускает руки, принимая для себя перспективу неминуемой гибели. К сожалению, это не делает человека бесстрашным. Это делает его уязвимым. В таком состоянии он будет стоять над окопом, в целом догадываясь, что в любой момент может стать целью для снайпера, который лишит его жизни, но ничего не делать для того, чтобы этого не произошло.

Трофимов плавно потянул спуск. Крупнокалиберная винтовка сильно толкнула в плечо, подняв перед собой пыль, опавшие листья и мелкие ветки.

— Цель, — отозвался Федосов. — Давайте второго, товарищ командир!

Перезаряжая винтовку, Юра сместил прицел чуть левее. Только что выпущенная пуля в клочья разорвала человека, который мгновенно исчез в окопе, но второй оставался стоять, не предпринимая никаких попыток укрыться. Трофимову показалось, что его жертва даже повернулась к нему лицом.

Юра не стал искать объяснений столь неадекватному поведению вражеского солдата, и спустя пару секунд пятидесятиграммовая пуля вырвала из несчастного душу.

— Цель, — подтвердил Василий.

Трофимов перезарядил оружие и стал через прицел искать новую жертву, помогая в этом своему корректировщику. В этот момент с левого фланга раздался выстрел, затем хлопок, похожий на разрыв гранаты автоматического гранатомёта, ещё один хлопок, после чего Лёня по рации доложил:

- «Восток», у нас триста, снимаемся...
- Помощь нужна? — спросил Юра.
- Справимся, — ответил Лёня.

В центре позиции взвода располагалась пара Мосина и Ладына, которые тоже открыли огонь. Было слышно, как Вова сделал три выстрела.

— Вижу цель, — сказал Федосов. — Командир, левее пятьдесят, голова над бруствером.

Юра сместился, чтобы увидеть голову, но как он не смотрел, ничего разглядеть не мог.

- Не вижу.
- Покрышку видите в поле перед лесополкой?
- Вижу, — ответил Трофимов.
- Правее десять, товарищ командир, он прямо над бруствером торчит, мне его хорошо видно!

Трофимов, следуя указанию, обнаружил автомобильную покрышку, далее перевёл взгляд на десять тысячных правее, и, поднимая его до ясно видимого бруствера вражеского окопа, всё равно не смог разглядеть цель.

- Не вижу...
 - Товарищ командир, ну что же вы... — Федосов чертыхнулся. — Пропал немец. Можно было на раз-два его забаранить...
 - Ну, не увидел, — ответил майор.
 - Вон он снова появился, — спустя минуту радостно сказал Вася. — Сейчас видите?
- Юра потянул спуск.

— Вижу, — сказал он после выстрела.

Пуля попала в бруствер чуть ниже среза. Голова исчезла.

— Попал? — спросил Юра. — Точкуем как подтверждённого?

— Не уверен, — засомневался Федосов. — Пуля могла не пробить бруствер...

— СВД бы не пробила, — возразил Трофимов. — А эта пробьёт.

— Хорошо, — кивнул Василий. — Если сейчас он нигде не появится, будем считать его «плюс один».

— «Восток», — снова заговорила рация. — Нужна помощь.

Перед началом работы было обговорено, что при появлении в группе раненых или убитых, их будут сносить к блиндажу командира взвода, где живым будет оказываться помощь. Так как Лёня не стал ничего пояснять по связи, Юра сполз в окоп и сам направился к блиндажу взводника, оставив Федосова наблюдать за обстановкой.

Там он встретил сидящего на снаряжном ящике Стаса, у которого были разрезаны левый рукав и левая штанина. Дима Мосин закончил перевязку.

— Что произошло? — спросил Юра. — Я слышал хлопок, как от ВОГа.

— ВОГ и взорвался, — ответил Крылов. — Только прилетел он с коптера, который завис над нами...

— Командир, — Лёня смотрел на Трофимова горящими глазами: — Прикиньте, они с коптера сбросили две гранаты. Одну я отбил локтем, она отлетела в окоп и там взорвалась, никого не задев. А вторая упала рядом с товарищем лейтенантом и взорвалась. Вон он, весь в дырках. Я такое даже представить себе не мог, это же ужас. Если сейчас они на коптерах начнут к нам гранаты возить, нам же нечем их отбивать... и прятаться от них не получится никак...

— Я слышал о такой возможности, — сказал Трофимов. — Но вижу впервые...

— И вот ещё, — Лёня протянул Трофимову ладонь, в которой лежал пластиковый хвостовик. — Вот это отлетело от гранаты, которую я локтем отбил. Это хвост или стабилизатор, который её ориентирует в полёте, чтобы она взрывателем строго вниз летела. А я гранату, получается, сбоку ударил, взрыватель не сработал, граната улетела в окоп, и там уже взорвалась.

— Ясно, — кивнул Юра и обратился к Стасу. — Ты как?

— Да норм вроде, — ответил Крылов. — Промедол вкололи. Раны Дима закрыл. Идти сам могу. В отпуск не хочу. Кормят хорошо. Слава ВДВ.

Пехотинцы невольно рассмеялись старой шутке.

— Тогда давайте, — Трофимов отыскал глазами своего нештатного медика. — Топайте на завод, там медпункт развернут. Если по пути что-то не получится, выходите на связь со мной или с Жоржем. Решим.

Выводы по произошедшему были сделаны немедленно — оставшиеся две группы снайперов быстро переоборудовали свои позиции, укрыв их маскировочными сетками и обеспечив быстрый отход в перекрытые щели в случае появления звука летящего коптера.

В свою очередь, Лёня, летая над противником, обнаружил вражеского оператора, который безнаказанно управлял дроном, но достать его было невозможно — он находился за пределом дальности стрельбы располагаемым оружием, а артиллерию в этот выход Трофимову не согласовали, так как предполагалось её применение только по плановым целям перед атакой.

Вскоре Мосин доложил, что благополучно довёл подопечного до медпункта.

К вечеру Юра подсчитал результаты работы — вышло, что в течение нескольких часов снайпера смогли уничтожить от шести до девяти солдат противника (по трём были сомнения в их ликвидации), что составляло в лучшем случае четверть от предполагаемой численности врага на опорнике. С наступлением темноты в расположение взвода прибыли несколько десятков человек, которыми руководил сержант Борис Бураков — им предстояло овладеть вражеской лесопосадкой, которую в течение дня чистили снайпера Трофимов.

— Здравия желаю, товарищ майор, — поздоровался Бураков. — Вы немцев хорошо почистили?

— Здорово, сержант, — Юра пожал его крепкую руку. — От шести до девяти человек убрали. Остальные по норам сидят. Сейчас арта ещё добавит, и идите, берите их тёпленькими.

— Это мы можем, — улыбнулся Бураков. — Вы же нам сейчас поможете гасить огневые точки, если появятся?

— Не переживай, загасим всех, — в ответ Юра тоже улыбнулся.

Через час после наступления темноты Трофимов, работая с тепловизором, подстрелил ещё одного, вероятно, наблюдателя. Затем по вражескому опорнику прилетело с десятка гаубичных снарядов, и штурмовики двинулись в ночь.

Наблюдая за ними в тепловизионный прицел крупнокалиберной винтовки, Юра невольно похвалил сержанта за организацию этого ночного броска: подразделение шло цепочкой, а достигнув опорного пункта, бойцы стали расходиться в стороны, тем самым исключая пересечение своих же боевых порядков и «дружественный огонь». Минут через тридцать с опорником было покончено. Пехотинцы закрепились на достигнутом рубеже, стали при-

водить в порядок полевые укрепления. Ближе к утру Бураков с двумя бойцами привели троих пленных, которых передали Трофимову с просьбой отконвоировать их на завод, где комбат уже решит, что с ними делать.

— Видали, товарищ майор, как мы их? — радовался сержант.

— Грамотно, — Трофимов решил, что скупой похвалы будет для сержанта достаточно. — Теперь главное — удержать этот рубеж. А потом двинуться дальше.

— А это уже ерунда, — сержант подмигнул майору: — Справимся!

Пленные были связаны по рукам скотчем, были испуганы и тряслись.

— Вот этот сопротивлялся, — Бураков указал на украинского сержанта. — Пожалел я его, ногой автомат отбил в сторону и под себя подмял, а мог и убить. Слышишь, укроп, живи теперь...

— Я что, должен тебе за это спасибо сказать? — со злостью спросил украинец. — Мог убить — убил бы. Да ты и сейчас можешь это сделать...

Бураков улыбнулся:

— Товарищ майор, видите, какой борзый? Уважаю таких! Не то, что вот эти двое, в штаны наделавшие.

— Смелый, да, — согласился Юра и стал нагонять на пленного жути: — Потому что я с ним ещё не беседовал... — он подмигнул пленному, — что, сержант, расскажешь мне самую страшную военную тайну?

Украинский сержант опустил глаза.

В одном из помещений нефтеперерабатывающего завода Трофимова встретил командир первого батальона, который решил лично допросить пленных. Двое солдат особого интереса не представляли, а вот сержант действительно оказался любопытным собеседником.

Вначале он мужественно запирался и отказывался говорить, но после того, как подбором комбинаций Лёня смог разблокировать его телефон, где были все личные контакты, стал значительно более сговорчив.

— Только супруге не звоните, — попросил он.

— Назовите себя, — предложил Гусев.

— Сергеев Олег Сергеевич, — сказал пленный. — Уроженец города Запорожье.

— Должность и звание? — спросил Юра.

— Заместитель командира первого взвода второй роты второго механизированного батальона девяносто второй механизированной бригады, сержант. В ВСУ прохожу службу с 2018 года.

— А эти двое — кто? — спросил комбат.

— Это мобилизованные. Толку от них, как от солдат, никакого.

— Картографическим кретинизмом не страдаешь? — спросил Трофимов.

— Будете спрашивать о расположении наших войск?

— Будем спрашивать, — кивнул комбат и добавил: — А ты будешь старательно рассказывать всё, что знаешь.

Перед сержантом расстелили карту.

— Меня интересуют позиции вашей роты, КНП батальона, штаб бригады, пункты боепитания, ГСМ, склады боезапаса, — комбат вручил сержанту синий карандаш. — Карандашом умеешь пользоваться?

— Умею, — кивнул пленный.

Он достаточно грамотно очертил линию обороны своего взвода и всей роты, отметил место расположения командно-наблюдательного пункта и отложил карандаш в сторону.

— Это всё? — спросил Юра.

— Всё, что мне известно, — кивнул сержант.

— Как-то не густо, — сказал комбат. — Тем более, что нам это тоже всё известно. Ты давай, рисуй, что у вас в тылу делается.

— Не имею про тыл никакой информации.

В этот момент в помещение вошёл запыхавшийся контрразведчик. Его оповестили о появлении в батальоне пленных и Каренин, бросив все свои дела, срочно приехал на Соколовский нефтеперерабатывающий завод.

— Здорово, мужики, — поздоровался Валентин. — Говорит?

— Не совсем, — ответил Гусев. — Ограничивается только передним краем, что мы и без него знаем.

— Душили, током пытали, иголки под ногти загоняли? — спросил Каренин.

— Да уже подумываем об этом, — сказал Юра.

— Так что же ты, — контрразведчик обратился к пленному, — усугубляешь своё положение? Хочешь на собственной шкуре познать все мифы про СМЕРШ?

— Я вам сказал всё, что знаю, — ровным голосом ответил пленный.

— Уверен, что не всё, — ответил чекист. — Ты сейчас не в том положении, чтобы заператься. Мне ничего не стоит просто закрыть глаза и сделать вид, что я не видел, как ты выпал из третьего этажа. А они, — Валентин кивнул в сторону Гусева и Трофимова, — только этого и ждут.

Глаза пленного наконец-то забежали, но в этот момент Каренин увидел телефон.

— Его?

— Так точно, — кивнул Лёня. — Был запаролен, но я подобрал конфигурацию ключа, буквой Z. Весьма патриотично...

— Так может он наш тайный агент, — усмехнулся Валентин. — Давай телефон.

Трофимов и Гусев нависли над пленным, демонстрируя готовность начать различные издевательства, необходимые для слома у подопечного психологического барьера, препятствующего результативному сотрудничеству.

— Впрочем, постойте, — сказал Каренин, просматривая содержимое телефона. — За сержанта всё расскажет его телефон. Смотрите...

Чекист положил смартфон на стол, чтобы все видели открытую карту, на которой была разноцветными точками и различными знаками нанесена тактическая обстановка.

— Это программа «Альпен-Квест», — пояснил Валентин. — Активно используется в ВСУ в качестве картографического приложения, на котором удобно не только отмечать какие-то объекты, но и получать о них всю необходимую информацию — координаты в градусах, координаты в СК-42, высоту над уровнем моря, углы в градусах, углы в тысячных, дальность от одной точки до другой, в общем, не программа, а сказка. По бумажным картам ВСУ практически уже не работают. Стандарты НАТО, так сказать. Но есть нюанс, — Каренин улыбнулся, — если телефон попадает в руки противника, то в руки противника попадает и вся информация, находящаяся в нём. Соответственно, пленный, как таковой, нам уже не нужен.

— Я готов говорить, — вдруг сказал сержант. — Ваша взяла.

Вероятно, что слова Каренина «уже не нужен» он трактовал как-то по-своему.

— Уже не надо, — Каренин внимательно посмотрел на украинского сержанта. — Ты, как человек, можешь ошибаться, а телефон, как машина, ошибиться не может. Так что доверять я буду телефону, а не тебе.

— Я могу внести уточнения, которых нет в телефоне, — предложил пленный.

— И что ты хочешь получить взамен? — контрразведчик тонко чувствовал, что матёрый сержант уже пытается выцыганить себе какие-то гарантии, максимально возможные в данной ситуации.

— Я же сейчас попаду в лагерь для военнопленных?

— Допустим, — предположил чекист.

— А можно сделать так, чтобы до конца войны я не попадал в списки на обмен?

— Думаешь отсидеться в тылу, пока твои соратники будут защищать «щeneвмерлую»? — усмехнулся Каренин.

— Насколько я понимаю, это единственный способ дожить до конца войны, — ответил пленный.

— Я могу тебе гарантировать, что в такие списки ты не попадёшь, — сказал Каренин.

— Спасибо, — поспешил сержант отблагодарить своего спасителя.

— Обожди, — сказал Валентин. — Я не договорил.

— Что?

— В списки на обмен ты не попадёшь, пока будешь нам полезен.

— Как я могу быть полезен, находясь в плену?

— Ну, у тебя же есть родственники, которые, помогая тебе сохранить жизнь, будут помогать нам приблизить победу над бандеровским нацизмом.

— Я бесконечно далёк и от Бандеры, и от нацизма, — сказал сержант. — Я обычный защитник своей страны.

— Ты мне это можешь не рассказывать, — сказал контрразведчик. — Оставим в стороне твои оправдания. Говори — ты готов вовлечь своих родственников или друзей в работу?

— Что им надо будет делать?

— Докладывать обо всём, что касается перемещения войск, мест сосредоточения частей ВСУ и иностранных наёмников, давать координаты этих объектов.

- Они не будут этого делать.
- Ты ещё не пробовал, чтобы так утверждать, — усмехнулся Валентин. — Или ты веришь в победу Украины?
- Нам помогает весь Запад, и мы обязательно победим.
- Это ненадолго. Скоро у США кончатся деньги и про вас так же быстро забудут, как про Афганистан или Вьетнам. Видел, как они оттуда драпали? Будет то же самое. При том, что нам помогает весь Восток, и весь Юг.
- Я попробую, — кивнул сержант после некоторого раздумья. — Но гарантировать не могу.
- У нас будет зеркальный ответ, — Валентин пожал плечами и кивнул на стол, где лежал телефон с открытой программой «Альпен-Квест», — взял карты в руки — играй!

Информация о сбросе гранаты с коптера была доведена до всех подразделений бригады, чтобы хоть как-то предупредить военнослужащих о возможных атаках противника. В свою очередь противник стал наращивать подобные удары, и ежедневно от «подарков с неба» бригада стала терять ранеными и убитыми по несколько человек.

Однажды сброс пришёлся рядом с «Прадиком», отчего машина лишилась двух колёс и стекла на задней правой дверце, благо, что никого не задело. Этот случай был компенсирован настоящим чудом — в автомастерской, где базировалась снайперская группа, Жорж нашёл две целые камеры по размерам соответствующие пробитым колёсам, что позволило восстановить способность автомобиля к передвижению.

На следующий день случайный снаряд, прилетевший на окраину Соколовска, повредил колесо на КамАЗе, и ко-

нечно, уже традиционно — заднее правое. «Новобранцы» активно вникали в снайперское ремесло, и вскоре их, в качестве «пехотных снайперов», попарно стали придавать первому батальону. В один прекрасный день Трофимова и Романова вызвали в штаб группировки. Там их встретил заместитель командующего армией полковник Павлов, который некоторое время интересовался потребностями подразделения, а затем обрадовал предстоящим мероприятием.

В одном из пустых ангаров Трофимов увидел группу журналистов с видеокамерами и фотоаппаратами, окружившими генерала Миронова. Тут же было два десятка военных от рядовых до полковников, которых быстро построили и зачитали приказы о награждении. Трофимову и Романову вручили медали «За отвагу».

— Носи, майор, — сказал Миронов, пожимая Юре руку. — Заслужил.

В его словах Юра не встретил и намёка на обиду за украинские снайперские винтовки, которые ему достались после снайперской дуэли, разрешившейся с помощью артиллерии. Сейчас эти винтовки уже в полный рост работали в снайперской группе, будучи официально оформленными на стрелковую роту мотострелковой бригады.

Надев балаклаву, Трофимов, по настоянию Павлова, дал интервью одному из федеральных каналов, журналистов которого интересовало количество лично им уничтоженных врагов и дальнейшая готовность снайпера «убивать украинских нацистов». Юра предложил представителям СМИ, упакованным в бронежилеты и шлемы, проехать с ним на передовую, от чего они благоразумно отказались, заявив, что «кадры с передовой» они легко снимут за ангаром.

— Во вторник смотрите в вечернем выпуске, — сказал один из журналистов. — Всё, конечно, не покажем, но минуты две будет точно.

— Спасибо, — кивнул Юра и улыбнулся: — А предложение моё остаётся в силе. Приезжайте — покажу полигон, где я готовлю своих снайперов, может быть, свожу на задачу, где вы сможете вживую снять нашу боевую работу...

— Мы вас услышали, — обтекаемо ответил собеседник и отвернулся, делая вид большой занятости.

Полковник Павлов отвёл Трофимова в сторонку.

— Юрий, я наблюдаю за работой твоих снайперов и нахожу её вполне удовлетворительной. Однако, мне кажется, что пришло время усилить отряд, увеличив численность, а также придать ему дополнительный функционал — наладить боевую работу с дронами. Чубатые могут себе это позволить, а мы чем хуже?

— Товарищ полковник, — Юра улыбнулся. — Я вам именно это и хотел предложить. Формы и методы войны меняются очень быстро, а мы всё по-старому воюем — нужно соответствовать вызовам времени! Нам нужны операторы боевых дронов, нам нужны сами дроны, да нам много чего нужно! Я вот увидел у пленного программу на телефоне «Альпен-Квест», поставил себе и вдруг понял, сколько она решает вопросов! Нужно этому бойцов обучать, рассказывать им, показывать, требовать! А не прибивать смартфоны гвоздями к стене, радуясь, какие мы молодцы — бойца наказали за телефон! Или вот ещё я видел специальную артиллерийскую программу, называется «Артгруппа», в которой можно за минуту выполнить расчёт стрельбы из любого орудия — сравните это с расчётами, которые ведут наши артиллеристы на калькуляторах и таблицах, затрачивая на это десять-пятнадцать минут в лучшем случае. Прибавляем сюда

корректировщика, наблюдающего за целью с дрона, и мы получаем невиданную ранее точность стрельбы — на вынос опорника хватит и двухсот снарядов, если мы будем бить в нём конкретные цели, тогда как при существующем порядке требуется потратить на взводный опорный пункт две тысячи двести снарядов — без корректировки огня. Вот к чему идти надо, товарищ полковник. Внедрять это в войсках, и чем быстрее, тем лучше!

— Дельные вещи излагаешь, — кивнул Павлов. — Я тебе не зря доверил мобильный отряд — вот и развивай его! ПТУРЫ у тебя есть, если хочешь, давай организуем «кочующие миномёты». Да что там «хочешь», обязательно организуем! Давай-ка, поезжай в ППД бригады, осмотришь там, что тебе ещё надо для работы. Разрабатывай штатку, я её утвержу, поставлю Михайлова перед фактом, не отвертится. Укомплектовывайся и возвращайся. Будем бить врага по-новому!

— Когда вы хотите меня отправить домой?

— Немедленно. Кого ты можешь оставить за себя?

— В группе у меня нет офицеров. Крылов ранен и сейчас находится в госпитале.

— Ставь сержанта, и пиши ходатайство о назначении его на должность командира взвода, например, в снайперской роте, с присвоением первичного офицерского звания.

— Как? — удивился Юра. — Так разве можно?

— А чему ты удивлён? Ты разве не видишь, что происходит? Офицеров выбивает ежедневно, а замены никакой нет. Вот надо сейчас растить собственные кадры. Минобороны разрешило назначать на офицерские должности наиболее подготовленных военнослужащих с их последующей аттестацией и присвоением офицерского звания. Есть кандидатуры?

— Есть, — кивнул Трофимов. — «Шеф», «Лесник», «Утро»...

— Отлично, — улыбнулся полковник. — Оформляй их как положено, и других присмотри.

— Понял, — Юра улыбнулся. — Пацаны просто не поверят в это.

— Лишь бы работали, — заключил Павлов. — Готовься к выезду, но долго на базе не засиживайся.

— Я быстро, — сказал Юра. — Всё сделаю и сразу вернусь. Я же не могу своих пацанов оставить.

— Я рад, что у тебя сформирован правильный подход к своему личному составу. Всё, действуй!

Павлов пожал Юре руку и ушёл по своим делам.

После показательной порки вновь прибывших добровольцев за факт злоупотребления алкоголя и громких заявлений Трофимова о введении «сухого закона», традиционная «простава» за полученные награды естественным образом зависла, и не могла быть организована в традиционном виде. Своим волевым командирским решением Трофимов организовал только чаепитие, что было воспринято личным составом с пониманием и одобрением, ибо только на днях в бригаде произошло сразу несколько несчастных случаев со смертельным исходом, связанных с употреблением алкоголя, которые были доведены всему личному составу в назидание и в качестве мер профилактики.

Что характерно, в подразделениях «оркестра», действующих по соседству, пьянство напрочь отсутствовало как явление, ибо жёсткие традиции «музыкантов» не допускали употребления алкоголя от слова «совсем». На их фоне многие военные коллективы выглядели бледновато, но, по крайней мере, в своем отряде Трофимов смог искоренить «зелёного змия». Это решение было более чем

правильным, так как уже было отмечено несколько случаев смертельных отравлений алкоголем, приобретёнными военнослужащими у местного населения. Бережёного, как говорится, и Бог бережёт.

Временно впавший в немилость Ринат, добиваясь возвращения себе доброго имени, старался на славу, и к вечеру был готов «праздничный ужин», за которым Юра и Максим живо рассказывали своим сослуживцам о прошедшем награждении, о разговоре с журналистами и о том, что Миронов вообще никак не напомнил Трофимову о винтовках, ставших причиной недавнего конфликта с комбригом.

— Да он, командир, наверняка даже не помнит об этих винтовках, — сказал Романов. — Что они для него? Ну, максимум, незначительный сувенир. Это для нас они — всё, и поэтому мы так за них уцепились. А для него — было и прошло. Как там у классика? Заключённый думает о ключах от камеры больше, чем тюремный надзиратель?

— Пожалуй, ты прав, — согласился Юра. — У него другие заботы. Наверное, «Скиф» ещё волны нагнал, стремясь выслужиться перед командующим. А на самом деле, может, и не было таких глубоких страстей.

На душе у Трофимова полегчало, так как одной проблемой стало меньше. Он подумал, что пришёл момент сообщить своим подчинённым о решении Павлова.

— У меня для вас есть небольшое сообщение, — Трофимов провёл взглядом всех присутствующих. — Меня ненадолго отправляют в пэпэдэ, думаю, на пару недель, не больше. Мне поставлена задача для нашей группы получить дополнительное вооружение и оборудование, набрать людей и развернуть учебный пункт по подготовке снайперов и операторов ПТРК, а в перспективе — операторов дронов. Пока я буду в отъезде, исполняющим

обязанности командира мобильного отряда я назначаю старшину Романова.

— Есть, командир! — Максим приподнялся и снова сел на своё место.

— Слушаться его как меня, — предупредил Трофимов, посмотрев на добровольцев. — Но это ещё не всё. Мне рекомендовано в отношении старшины Романова подать рапорт о назначении его на должность командира взвода в стрелковую роту снайперов.

— Ого, — не удержался Максим. — Круто.

— И ходатайствовать перед командованием округа о присвоении ему звания младший лейтенант.

Трофимов смотрел сейчас на Максима Романова, своего надёжного старшину, и получал удовольствие от осознания того хорошего потрясения, которое сейчас переживал «Шеф».

— Ничего себе, — наконец-то вырвалось у Максима. — Неожиданно...

— Ну, а ты что, всю жизнь хотел в сержантах проходить? — усмехнулся Трофимов. — Пора уже офицерские должности занимать...

— Ну, если бы не война, я бы на пенсию старшиной и ушёл, — выдохнул Романов.

— Ну, теперь до майора легко дослужишься, — ободрил Юра. — Война, похоже, ещё надолго...

— Вот уж воистину — пути господни неисповедимы, — заключил будущий офицер.

ГЛАВА 8

Аэропорт родного города встретил противной моросью. Такси довезло до дома. Некоторое время Юра переминался с ноги на ногу, боясь войти в подъезд. Он не стал сообщать о своём приезде семье и представлял, как сейчас войдёт в квартиру, где находились родные ему люди.

— Привет, — мимо, как ни в чём не бывало, прошёл сосед со своей микроскопической собачкой, требующей утреннего выгула.

Пёс традиционно потявкал и побежал заниматься своими надобностями. То, что сосед просто прошёл мимо, не поинтересовавшись причиной длительного отсутствия Трофимова, Юру слегка зацепило, но потом он понял, что слишком требователен к людям — да и вообще, часто ли мы замечаем отсутствие того, или иного соседа из своего двора? Думаем ли мы, по какой причине он отсутствовал, и что с ним могло произойти за это время?

— Привет, — поспешно вослед отозвался Юра и вошёл в подъезд.

На часах было шесть утра, у Тани вот-вот должен был зазвонить будильник, и Юра поспешил войти в квартиру. Стараясь ворочать замком как можно тише, он открыл дверь и вошёл в прихожую. Вдохнул запах родного жилища и расслабленно подумал — «вот я и дома».

Стараясь не шуметь, он разулся, и шагнул в детскую комнату — дети спали сладким сном, и он усмехнулся, представив, что будет через минуту. Затем он прошёл в спальню, где в этот момент заиграл на телефоне будильник. Таня привычно накрыла телефон ладонью и повернулась в постели — повернулась лицом ко входу в комнату.

Юра сел перед ней на пол и положил свою ладонь ей на плечо:

— Таня, только не кричи — дети спят!

Супруга подскочила, спросонья не понимая, что происходит, но Юра заключил её в объятия и стал целовать.

— Юрка... — вырвалось у неё. — Юрка мой... — Таня зарыдала, громко всхлипывая. — Ты вернулся... живой...

— Ну, а какой же я ещё должен быть? — спросил Юра, чувствуя, как к горлу подкатывает ком, и что сдержать слёзы он сейчас уже не сможет.

Ещё спустя минуту на нём уже висели радостно визжащие дети.

Конечно, Таня не пошла на работу, а вызвалась поработать у мужа водителем — возить его по тем местам, где он должен был в течение дня появиться. Двигаясь по улицам и глядя в беззаботные лица людей, Трофимов невольно осознал, насколько счастливы все эти люди. Они могли спокойно ходить по улицам города, не озираясь в поисках летящего дрона, не смотря себе под ноги, опасаясь противопехотных мин, и не вслушиваясь в различные звуки, стараясь загодя распознать свист падающей мины — всё это здесь, в мирном городе, находящемся за тысячи километров от войны, было не нужно. Люди жили, радовались, любили, мечтали, строили планы на своё счастливое будущее, не зная, как от взрыва рвётся металл брони, как под термобаром плавится земля, как в глаза тебе смотрит истекающий кровью товарищ, жить которому осталось несколько минут. Всё это было для мирного города настоящей чужеродностью, отвергаемой не только сутью мирного существования, но и страхом принятия самой возможности таких событий.

Отстроенный и ухоженный город резко контрастировал с совсем ещё недавно наблюдаемыми картинками тотального разрушения. Возникло острое ощущение того, что война может вломиться в любой мирный уголок, разорвать его в клочья, разрушить до основания, сделать его мёртвым и безмолвным.

И вдруг в душу ворвалось ранее не изведенное чувство значимости своей работы. Конечно, он и раньше понимал значение словосочетания «защитник Родины», гордился своим воинским трудом, но сейчас оно осмыслилось как-то иначе. Именно он, майор Трофимов, стоял между войной и мирной жизнью, своим собственным здоровьем, а может и самим существованием, обеспечивая беззаботную радость бытия всем этим людям, которые проходили мимо. Наверняка никто из них даже отдалённо не представлял себе мировой масштаб событий, происходящих на Украине, в большинстве своём ограничиваясь скучными и малопонятными объяснениями властей или обличительными лозунгами вскормленной врагами государства либеральной оппозиции. Одни не договаривали, другие подменяли понятия, в результате чего среднестатистический человек предпочитал «уйти в свой домик», отказываясь искать истинный смысл специальной военной операции, от исхода которой зависело будущее каждого жителя огромной страны. Пребывая в счастливом неведении, эти люди просто жили, ментально дистанцировавшись от кровавой бойни, не примеряя на свои плечи тот тяжелейший труд, который выполняли защитники Родины.

Воодушевлённый озарением, Юра взглянул на окружающий мир иначе — взглядом человека, который ДОЛЖЕН его сохранить.

«Теперь ты понял, для чего живёшь, Трофимов?» — мелькнуло в голове.

В размышлениях о влиянии на сознание пережитой контузии и всей совокупности страхов, Трофимов вошёл в штаб армии. Здесь его уже ждали, и он погрузился в организационную работу, ради которой и приехал с войны. Нужно было оформить большое количество заявок, подготовить несколько рапортов и предложений. Таню пришлось отправить домой, чтобы не ждала в машине, потому что растянуться всё это могло очень на долго.

К вечеру Таня забрала мужа из штаба и отвезла в армейский госпиталь, где по просьбе Романова он разыскал сержанта Горячева.

— Сделали уже несколько операций, — рассказал Петр. — Заживление не шло, как положено, и поэтому каждый раз отсекали понемногу. От руки осталось совсем чуть-чуть...

Он распахнул госпитальный халат и показал культю.

— Хоть что-то говорят? — спросил Юра. — Когда протезировать будут?

— Товарищ майор, знаете, — голос сержанта задрожал. — Кормят «завтраками». Мне ещё в «Бурденко» хирург говорил, что бионический протез нужно ставить как можно быстрее, пока в нервах руки не угасли импульсы. Прошло уже четыре месяца, а меня даже в очередь ещё не поставили...

Идя по территории госпиталя, он ужаснулся тому, как много было здесь раненых, прибывших с западных госпиталей на долечивание. Трофимов понимал, что с таким массированным наплывом пациентов, ортопеды ещё долго не смогут справляться в установленные сроки. Наверное, в будущем, промышленность наладит производство протезов, в том числе высокотехнологичных, но сей-

час... что нужно было сказать в ответ человеку, который честно и мужественно исполнил свой воинский долг, но сейчас пребывал в бесконечном ожидании невесты чего?

— Я завтра буду у зама командующего на утверждении документов, — Юра попытался отыскать хоть какой-то способ повлиять на ускорение процесса протезирования. — Напомню про тебя, попрошу помощи. Я даже пока не знаю, что тебе ещё предложить...

— Зато честно, — кивнул Петр после некоторой паузы. — Спасибо, товарищ майор.

Некоторое время Юра рассказывал о прошедших боях, вспомнил какие-то смешные случаи, пару раз даже развеселив сержанта рассказами о его сослуживцах, после чего пришло время расставаться.

— Я вот думаю, — сказал Петр. — Могу ли я вернуться назад, на войну?

— Зачем?

— Ну как зачем, товарищ майор? Мои боевые товарищи все воюют, а я здесь... прохлаждаюсь. Если вы думаете, что я совсем инвалид, вы ошибаетесь. Я каждый день подтягиваюсь на одной руке, стараюсь держать себя в хорошей физической форме. Я могу работать коррективщиком. Могу молодых снайперов учить. Заберите меня, пожалуйста!

У Трофимова перехватило в горле. На фронте, вернее в тыловых районах фронта, он постоянно видел целые толпы «пятисотых», которые всеми силами уклонялись от участия в боевых действиях, а здесь раненый, лишившийся ведущей руки человек, просился обратно на войну.

— Мне здесь нечего делать, — посетовал Петр. — Ну, куда меня возьмут после ВВК? Уволят, назначат крохотную пенсию по инвалидности, и всё, что ли? Жизнь прошла? Нет, я хочу приносить пользу. За Рустама Галеева

отомстить! Да и за руку мою потерянную я тоже хочу расплатиться!

— Я завтра доложу в штабе о твоей просьбе, — сказал Юра, чувствуя, как срывается голос.

— Не забудьте, пожалуйста, — единственной рукой Петр протёр глаза.

— Не забуду, — майор Трофимов обнял сержанта — может быть ещё и затем, чтобы скрыть от него свои глаза, которые внезапно тоже стали мокрыми.

Таня, ставшая свидетелем разговора, была потрясена желанием сержанта вернуться на войну и всю дорогу до дома она молчала. Лишь когда сели за поздний ужин, она позволила себе заметить:

— Я действительно не понимаю вас, мужчины. Откуда в вас столько желания рвать врага, рисковать своими жизнями, своим здоровьем? Я честно — не понимаю.

— Да всё просто, Таня, — усмехнулся Трофимов. — «Есть такая профессия — Родину защищать».

В последующие дни Юра купил в милитари-магазинах комплект полевой формы в расцветке «мультикам», различные под сумки, которые вдруг стали стоить в десять раз дороже, пару бандажей, каолиновую тампонаду, жгуты, турникеты. Взял хороший рюкзак, куда можно было бы укладывать ТОД и трубу наблюдения. Продавец в магазине косился на него с уважением, но в разговор так и не вступил. Лишь в конце он предложил скидку со своей карты — вышло тысячи на полторы, но всё же было приятно, что человек со стороны оказал хотя бы какую-то посильную помощь — на фоне всего того безразличия, которое, по мнению Трофимова, царило в обществе.

На докладе заместителю командующего армией о работе мобильного отряда, Трофимов, как и обещал Горячеву, коснулся вопроса поддержки раненых бойцов.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться с просьбой относительно наших раненых?

— Говори, — кивнул заместитель командующего.

— В марте в Шумном был тяжело ранен сержант Горячев из снайперской роты нашей бригады. Он лишился руки. До настоящего времени нет никакого понимания, относительно протезирования. А там такая ситуация... в общем, со временем пропадают в нервах импульсы, отчего затем невозможно будет использовать бионический протез. Это такой протез, который может выполнять несложные манипуляции...

— О таких протезах знаю, — кивнул полковник.

Он попросил адъютанта соединить с начальником госпиталя, и уже через минуту разговаривал с главным врачом. Юра сидел на стуле и делал вид, что не прислушивается к разговору, рассматривая сувениры, стоящие за стеклом в большом шкафу.

— ... снова привезли? Сразу тридцать человек? Такое нынче время... слушай, а вот снайпер там у тебя лежит, руку ему в марте в бою оторвало... — полковник прикрыл трубку рукой и, посмотрев на Трофимова, тихо спросил: — Фамилия?

— Горячев, — с готовностью подсказал Юра.

— ... да, сержант Горячев, из мотострелковой... сложный случай? — некоторое время полковник слушал разъяснения начальника госпиталя, потом попросил: — Вы держите его вопрос на контроле, пожалуйста. Как только будет возможность... ну что мы, парня без руки хотим оставить, что ли? Вот и я говорю, что нет... Хорошо, я понял. Буду признателен.

Заместитель командующего положил трубку стационарного телефона и подмигнул Трофимову:

— Никто никого там не забыл. Что ему положено, твой сержант получит в полном объёме. Терпение и выдержка. И всё будет хорошо.

— Я понял, товарищ полковник! — Юра встал. — Спасибо вам большое!

— Да не за что, майор. Сам понимаешь, как сейчас... война.

— Мы их обязательно задушим, товарищ заместитель командующего, — пообещал Юра.

К осени, когда в результате «естественной убыли» и отсутствия пополнения, подразделения, действующие на СВО, сократились до неприличных размеров, по фронту прокатилась череда новых громких «перегруппировок». Всё это стало следствием ошибок первого этапа специальной операции, которые, как многим казалось, «верхнее» руководство не спешило исправлять. Врагу были оставлены пригороды Харькова, города Изюм, Красный Лиман, Купянск и ряд других территорий, обильно политых кровью российских солдат. В войсках царило непонимание, крепла уверенность в предстоящем полном выводе войск из Украины. Когда одни старшие командиры пытались собрать в кулак разрозненные части и выправить создавшееся положение, другие, с трясущимися руками и нервными криками «танки, прорвались украинские танки», бросая свои штабы и личный состав, спешно уезжали за «ленточку».

Сильно поредевшую мотострелковую бригаду перебросили на южное направление с задачей вернуть под

свой контроль село Николаевку. Этот населённый пункт, после вывода из него бригады, был передан сильно потрепанной бригаде соседней армии. Военные этой бригады откровенно расслабились, считая обороняемый участок «лёгким», и в один «прекрасный» момент украинцы реализовали дерзкий рейд на пикапах, который завершился пленением всей роты, находящейся в селе и полным захватом контроля над Николаевкой.

Генерал Миронов предложил полковнику Михайлову вернуть населённый пункт «во что бы то ни стало». Всем, кто присутствовал на этом знаковом совещании, было ясно, что поставленная боевая задача не соответствует боевым возможностям сильно поредевшей бригады. Однако, Миронов даже слушать не стал комбрига, обматерив его в присутствии других офицеров.

В штабе бригады Юра принял участие в разработке плана предстоящей операции, предложив свои мобильные «услуги» — снайперские и противотанковые. Отдать должное, «Скиф» внимательно выслушал его и согласился по всем пунктам предложенных Трофимовым мер.

— Заблаговременно размещаю четыре снайперские тройки на позициях, близких к Николаевке, которые начинают работать по выбиванию наблюдателей и уничтожению расчётов дежурных огневых средств. С началом атаки ведут огневую поддержку, по мере прохождения штурмовыми группами назначенных рубежей, следуют за войсками, занимают новые позиции... — Юра карандашом очертил возможные места расположения огневых позиций. — Кроме того, предлагаю в этот же исходный район заблаговременно выдвинуть расчёты «Сапогов» и «Фаготов»...

— За ночь там можно накопить значительный боезапас для этих огневых средств, — подхватил начальник

штаба Сергей Серов. — А что, идея нормальная... — он посмотрел на офицеров, собравшихся вокруг стола с картой, ища поддержки.

— Идея здравая, — кивнул комбриг. — С этим предложением я полностью согласен. Включаем предложение Трофимова в план огневого поражения противника!

Высказались танкисты, артиллеристы и разведчики. У каждого было какое-то предложение, основанное на личном опыте, способное серьёзно помочь в решении предстоящей задачи. Миша Хвостов, который после трагических событий в Осиновке, пребывал уже в должности заместителя командира танкового батальона, предложил провести отвлекающую атаку, для чего согласился выделить целый взвод. Решающим фактором должна была стать скорость, с которой танки и БМП смогут преодолеть большой открытый участок.

Разведчики заявили, что двух недавно полученных БПЛА «Орлан» может не хватить на всю операцию — враг хорошо наловчился их сбивать.

Начмед бригады, с абсолютно медицинским позывным «Доктор», доложил своё видение схемы эвакуации раненых с поля боя, разбив процесс на этапы от переднего края и до оказания специализированной помощи в МОСНе. Из доклада Данилы, Юра узнал, что вся техника бригадной медроты была представлена всего двумя машинами — «Урал-АС» и «Линза», что никак не соответствовало возможной «санитарной» нагрузке в предстоящем наступлении. Доктор попросил командира бригады выделить ему ещё пару машин, на что Михайлов с готовностью согласился.

Село было разбито по полосам наступления рот и командирские подразделения начали отрабатывать замысел операции.

На утверждение плана боя и взаимодействия со средствами старшего командира Михайлов поехал в штаб группировки, где развернул перед Мироновым подготовленную карту.

— Товарищ генерал, прошу утвердить представленный план! — после доклада сказал Михайлов.

Миронов вдруг раскраснелся и заорал:

— Какое «утвердить», полковник? Ты что, не самостоятелен в своих решениях? Иди, и возьми мне Николаевку к завтрашнему вечеру! Всё, ты свободен, покинь помещение!

Михайлов выскочил, как ошпаренный и едва не сбил в коридоре Павлова.

— Товарищ полковник, это... — Николая трясло от нахлынувшей злости, от того, что он понял, что это всё значило.

Павлов молча отвёл его в отдельное помещение и предложил показать план операции. Михайлов развернул его на ящике от снарядов. Бывший комбриг некоторое время рассматривал нанесённую обстановку, затем кивнул:

— Нормальный план, чего ты так разнервничался?

— Если что-то пойдёт не так... — Николай чувствовал, как задыхается от эмоций. — Если что-то пойдёт не так...

— Коля, — примирительно сказал Павлов. — Мы воюем уже полгода. Ты хоть раз видел, чтобы кто-то из больших командиров подписывал какие-то боевые документы?

— Ну, так же нельзя!

— Я тоже думал, что нельзя, — бывший комбриг посмотрел в глаза нынешнему: — Но здесь как положено не делается ничего. Ты разве не заметил, что здесь никто и ни за что не отвечает? Лиман сдали — виновных

нет. Купянск сдали — опять нет виновных. Это же очень удобно кому-то.

— И все мы знаем — кому, — дерзко выговорил комбриг.

— Вот как-то живи теперь с этим, Коля. Но, воюй по совести.

— А как же согласование с огневыми средствами старшего начальника?

— Это просто: зайти к начарту армии, и всё с ним согласуй сам. Других вариантов у тебя, как ты понимаешь, нет. И, наверное, не будет.

— А будет ли он потом работать по согласованному плану?

— Будет, — кивнул Павлов, завершая разговор. — Он тоже не дурак, и всё понимает. Только много у него не проси, сейчас у нас со снарядами ситуация совсем плохая...

Вместе с Трофимовым из пункта постоянной дислокации бригады в состав группы прибыло полтора десятка бойцов — снайперов, операторов ПТРК и даже наводчик СПГ-9. Половина прибывших была представлена старыми контрактниками снайперской роты и противотанкового взвода первого батальона до сего дня не принимавших участие в боевых действиях, а половина была новыми людьми — либо перешедшими в мотострелковую бригаду из других частей округа, либо добровольцами, прибывшими с «гражданки». После излечения в госпитале, в отряд вернулись Антон Ларин и Тимур Ганжа. Узнав о предстоящей задаче, они начали в шутку задевать товарищей.

— Ничего вам нельзя доверить: ни украсть, ни покараулить, — хохотал Тимур, намекая на то, что ранен он был здесь, отбивая украинские атаки, но потом, уже после его убийства в госпиталь, это село удержать не удалось.

— Так-то не нагоняй, — парировал Романов, козырнув неоспоримым фактом: — Это не мы село прощёлкали, мы в это время были в отъезде — немцев в Осиновке морщили! У меня доказательство есть — «отважная» медаль!

Новые снайперы показали достаточно высокий уровень подготовки — на полигоне их тренировками занимался Слава Воробьёв, вернувшийся в строй после ранения, но оставленный в ППД бригады в качестве инструктора по боевой подготовке.

С помощью коптера удалось предварительно осмотреть предполагаемые места огневых позиций в прилегающих к селу лесополосах, и к вечеру мобильный отряд уже был готов к началу работы. Вместе с группами снайперов выдвигались противотанкисты, которые несли ракеты и пусковые установки ПТРК.

Получив пополнение, Трофимов начал экспериментировать с численностью своих снайперских групп, осознав очевидную необходимость ухода от привычной пары. Случай с ранением Крылова убедительно доказал: в группе должно быть не два человека, а как минимум три, так как при ранении одного, вдвоём нести раненого было бы куда как легче, чем в одиночку.

Именно такими новыми группами Трофимов обложил Николаевку за несколько часов до начала штурмовых действий.

Группа Федосова расположилась в лесопосадке в пятистах метрах от края села, спокойно переждала ночь и с наступлением проблесков рассвета, наблюдатель обнаружил шесть украинских военнослужащих, беззаботно идущих по дороге прямо на позицию снайперов.

Вася немедленно доложил дежурному по связи о ситуации, а тот поднял Трофимова. Уточнив обстановку, майор посоветовал Федосову расправиться с ротацией с помощью винтовок СВД, оснащённых банками для снижения звука выстрела. В течение десяти минут стрельба завершилась, не вызвав никакой ответной реакции со стороны позиций врага, что означало сохранение в тайне присутствие снайперов в лесопосадках.

Когда же рассвело, и для замаскировавшихся групп стало возможным видеть позиции противника, началась боевая работа: на дистанциях 500–1000 метров, действуя винтовками СВД и «Манлихер», в течение часа четырём группам удалось «снять» пять наблюдателей. Противник, понимая, что по нему работают снайперы, с помощью коптеров стал осматривать лесопосадки, но тщетно — желающие выжить группы так хорошо замаскировались от наблюдения с воздуха, что остались для врага невидимыми до самого начала штурма.

В шесть-двадцать, как и было условлено, артиллерия произвела огневой налёт — подавив несколько выявленных огневых точек и выставив дымовую завесу. В шесть-тридцать начали действовать танкисты Миши Хвостова, которые вышли в танковую атаку. С «Элерона» было замечено стягивание сил противника к юго-восточной оконечности села — на направление атаки.

Когда вокруг всё загрохотало, снайперские группы перешли на «главный калибр» — винтовки АСВКМ, с помощью которых начали выбивать важные цели, как на переднем крае, так и в глубине обороны противника.

В ходе боя Тимуре удалось расстрелять пикап с установленной на раме пусковой установкой противотанковых ракет, убив вначале оператора, стоящего в полный рост в кузове автомобиля, а затем и водителя. Антон Ла-

рин обнаружил миномётный расчёт и тремя выстрелами уничтожил половину миномётчиков, обратив остальных в бегство. Молодой снайпер Давид с началом атаки штурмовых групп первого батальона, короткими перебежками прошёл вдоль лесополосы ближе к противнику, где залёг, и открыв огонь, смог подавить вражеский пулемёт, затруднивший движение правофлангового штурмового взвода.

Своевременное уничтожение пулемётного расчёта позволило взводу совершить решительный рывок и ворваться на позиции противника. Расходясь в стороны от места прорыва, пехотинцы смогли очистить от врага достаточно широкий участок обороны, что позволило командиру бригады принять решение о вводе в бой второго батальона, который должен был приступить к работе уже в самом селе.

К девяти часам утра в Николаевке уже действовали штурмовые группы от двух батальонов бригады, продвигаясь от дома к дому и выдавливая врага в сторону Петровки и кладбища на северной окраине.

К этому времени Трофимов снял свои группы из лесополос и направил в боевые порядки штурмовых отрядов с задачей закрепиться на окраине села, выбрав чердаки, откуда можно было вести огонь.

Для группы Трофимова день прошёл результативно — по докладам снайперов было поражено более двадцати целей, но самое главное, не было погибших, лишь трое получили лёгкие осколочные ранения, отказавшись выходить из боя.

В какой-то момент Юра встретил начмеда, который организовал пункт сбора раненых, где он сам и его подчинённые оказывали первую помощь, стабилизируя состояние поступающих бойцов, готовя их к эвакуации в МОСН.

— Ещё живой? — Данил хлопнул Юру по плечу.

— Сплюнь, — отмахнулся Трофимов, зная глубину врачебного черного юмора. — Ещё поживу!

Со старшиной и двумя своими бойцами, Юра прошёлся по домам, ранее используемым снайперами в качестве огневых точек, и установил, что часть из них не утратила актуальности. По селу противник вёл беспокоящий миномётный огонь, но Трофимов уже не придавал этому особого значения, организовав размещение своих групп на наиболее перспективных позициях.

К вечеру Юра заглянул в дом, где «заселились» две снайперские группы. Бойцы уже организовали быт и готовили еду из сухих пайков.

Юра нашёл глазами молодого снайпера Давида.

— «Ара», вот скажи мне, ты зачем покинул замаскированную позицию и побежал по лесополке?

Парень замялся.

— Товарищ майор, там огневая точка появилась, а с моей позиции их было не достать, вот я и решил немного переместиться, — сказал он.

— Их дроны висели над вами, тебя не убили только потому, что началась атака, и им стало не до тебя, — осуждающе сказал Трофимов.

— На то и расчёт был, — улыбнулся Давид. — Товарищ майор, хотите чаю?

Он протянул Трофимову кружку. Юра с благодарностью взял угощение и подсел на край разорванного дивана.

— Согласен, — кивнул майор. — Расчёт был верный. Ты сегодня спас много жизней в первом батальоне. Достойн награды — я напишу представление. С какой дистанции ты стрелял по пулемёту?

— Триста пятьдесят, может триста восемьдесят метров, — ответил «Ара».

— А мог бы с семисот их унять, — Юра отхлебнул из кружки горячего крепкого напитка. — Оружие позволяло.

— Мне бы дальномер, — попросил Давид. — Лазерный. Вместо медали.

— Дальномер? — Юра встал.

Давид смутился, но оказалось, что напрасно. Трофимов скинул с плеч двадцатилитровый тактический рюкзак, и, пошарив в нём, вытащил свой лазерный дальномер.

— Держи, боец, заслужил. Это «Лейка». Работает до полутора километров. Тебе с СВД вполне хватит.

Давид с благодарностью принял подарок, осмотрел его со всех сторон. Попробовал измерить дальность в проём окна.

— Супер... — вырвалось у него. — Спасибо вам, товарищ майор!

Уходя, Юра пожелал ему не совершать с прибором такого деяния, которое в переводе с военного языка на литературный, звучало бы как «не потеряй». Однако, в отличие от литературного языка, фраза, сказанная Трофимовым, несла гораздо более глубокие смыслы, заранее уличающие в возможной безответственности и халатности лицо, которому в заведование было вверено дорогое военно-техническое имущество.

Всю ночь со стороны противника слышалось движение техники, а его артиллерия и миномёты вели беспокойный огонь. Михайлов усилил достигнутые рубежи, введя в Николаевку танковую роту и миномётную бата-

рею. Спать ночью почти не пришлось — осознание предстоящей контратаки не позволяло сомкнуть глаз. К утру Юра чувствовал жуткую усталость и разбитость.

Максим приготовил в турке кофе, угостил Трофимова. Кофе было, как нельзя, кстати, и хорошо взбодрило майора.

Перебежками Трофимов добрался до дома, где засела группа Антона Ларина. В доме оказался вместительный подвал, способный послужить укрытием, если сильно припечёт. Одна пара находилась на крыше — Вова и Андрей вели наблюдение за противником, остальные развалились на диване и двух креслах в большой комнате и пили чай, разогретый на портативной газовой плитке. Трофимову уступили кресло, поднесли кружку горячего чая.

— Товарищ майор, — Лёня посмотрел Юре в глаза. — Что-то у меня какие-то предчувствия нехорошие... день сегодня будет очень тяжёлым.

— Не каркай, — у Трофимова и самого на душе творилась невообразимая пляска — смесь усталости, страхов и каких-то видений — чего нельзя было раскрывать перед своими подчинёнными. — А у меня капли для глаз куда-то пропали. Наверное, выпали из кармана, когда днём по чердакам лазил. Надо бы капнуть, а нечем...

Вдруг мелькнула мысль, что может быть, уже и не надо будет капать никуда и... никогда.

— Как же всё это зыбко, — словно куда-то в сторону сказал Лёня.

— Что именно? — спросил Юра, потягивая чай.

— Жизнь, — пояснил Лёня. — Вот живём мы, особенно когда в мирное время, и практически не задумываемся о том, как легко можно потерять свою жизнь. А здесь, когда ты можешь лишиться её каждую минуту,

ты словно чувствуешь жизнь иначе. Её реально чувствуешь — словно руками держишь, как птицу бьющуюся, чтобы она не улетела от тебя. Знаете, товарищ майор, я на прошлое 9 мая, на параде, видел, как дети голубей отпускали под бой метронома, и птицы взлетали вереницей, а я подумал, что вот так человеческие души отлетают в мир иной.

— Я тоже видел, — кивнул Юра. — Точно так же подумал тогда — очень волнительное было зрелище.

— Но жизнь — не голубь, в клетку не запрёшь. И никогда не будешь знать, когда твоя птица из твоих рук вырвется. Через десять лет, или через год, или вообще — через пять минут, — сказал Лёня.

— Держать крепче, — сказал Юра. — Пока есть силы в руках — держать эту птицу.

— Так-то да, — кивнул Лёня. — Но будет ли сила в руках в нужный момент...

Антон сидел в кресле напротив, вытянув ноги.

— Товарищ майор, а вот скажите, — включился он в разговор. — Зачем вы вернулись в армию? Я знаю, у вас была очень хорошая и денежная работа... и вы же могли не ехать сюда?

— Мог, — кивнул Трофимов. — Ты сейчас от меня какие-то пафосные слова хочешь услышать?

— Нет, наверное, — ответил Ларин. — Просто как много людей, которые ищут любую возможность откосить от войны, а вы этого делать не стали, хотя имели все возможности.

— У меня нет ответа на этот вопрос, — улыбнулся Юра. — Это за пределом человеческой риторики. Да и фамилия не позволяет поступать иначе, когда Родина в беде.

— Тогда понятно, — Антон тоже улыбнулся. — Против этого не попрёшь.

— Да, против этого не попрёшь, — согласился Юра. — Потому что нет никакой возможности уйти от своей судьбы. И мы никогда не знаем, что она нам готовит, какие даст испытания. В Вечность мы все уйдём, это неизбежно, но вот как уйдём — это уже наш личный выбор. Можно ноги своему палачу целовать и умолять о пощаде, а можно как Магомед Нурбагандов, помните? «Работайте, братья!». Исход одинаковый — смерть, а какой разный может быть смысл. Сколько вон пятисотых было в бригаде, с началом войны, да? Где они, и где вы? Вы — здесь. Не смотря ни на что. Вы здесь, и вы работаете и за себя, и за «того парня», который уклонился от выполнения своих обязанностей военной службы...

— Да уж, — кивнул Антон. — Война быстро всё расставила по местам. Быстро показала, кто в реальности чего стоит. Интересно, как мы с ними после войны жить будем? Как будем ходить по одним улицам? Как будем забирать своих детей из одного детского сада? У них ничего не щёлкнет в голове?

— Не щёлкнет, — ответил Трофимов. — Их отличие от тебя в том, что они живут для себя. А ты — для себя и для всего общества, но в первую очередь, выходит, что для общества, для Родины, то бишь. Это совершенно разные смыслы, осознать которые дано далеко не каждому. Тот, кто себя любит, кто страдает нарциссизмом, тот никогда не ляжет грудью на амбразуру — такой исход не для него. Запад специально нам насаждает либерализм — это, если коротко, как раз и есть то себялюбие, которое ставит личные интересы выше интересов общества. Чтобы мы, большой русский народ, были разобщены, чтобы нас не сплавивала общая идея, чтобы мы не знали, что такое ответственность одного за всех и всех за одного, чтобы мы не знали, что такое самопожертвование ради общего дела.

— Товарищ майор, но и разбрасываться жизнью тоже не стоит, как это любят делать наши большие командиры, — возразил Лёня. — Эдак нас до победы не хватит.

— Правильно, не стоит, — согласился Юра. — Поэтому, никакой бравады и пренебрежительного отношения к собственной жизни я от вас не жду. Везде должен быть разумный компромисс, и если так случится, что вы окажетесь под угрозой бессмысленной гибели, я, как командир, обязательно позабочусь о том, чтобы обезопасить вас, вывести из-под удара... Вы Родине пользы больше принесёте живые, чем не живые.

— Товарищ майор, — улыбнулся Лёня. — Я теперь всегда буду пользоваться вашим обещанием, и напоминать при случае...

— Добро, — улыбнулся Юра в ответ. — Если не будешь злоупотреблять оказанным доверием.

— Идёт, — согласился Лёня.

— Если что, — вмешался Антон. — Я тоже в теме.

— А про тебя — подумаю, — рассмеялся Трофимов.

Понаблюдав, как Лёня запускает на разведку «Мавик», Юра вернулся в «свой» дом, где выслушал короткий доклад старшины, оповестившего его о замеченных в поле передвижениях за пределами дальности снайперского огня. Практически сразу ожила рация.

— «Восток» — «Утру»!

Юра прижал кнопку передачи:

— «Утро», «Восток» на связи.

— Вижу движение. Со стороны Петровки три группы пехоты по десять человек.

— Сейчас вернусь к вам, — сказал Трофимов.

— Началось? — спросил Максим.

— Да, — кивнул Юра. — Почався в колхозе ранок.

С чердака, где сидела группа Ларина, были хорошо видны перемещения противника возле коровника, расположенного между Николаевкой и Петровкой. С той стороны уже раздавались выстрелы стрелкового оружия и разрывы гранат.

Антон лежал на полу в готовности открыть огонь из АСВКМ. Андрей Шитников сидел за трубой наблюдения, выискивая достойные цели. Лёня находился тут же, в углу, в планшет рассматривая обстановку со своего «Мавика», который висел где-то над врагом.

— Левый угол правого коровника, — громко сказал он. — Сейчас выйдет несколько человек, принимайте!

Ларин немного сместился, чтобы поймать в прицел указанное место — и буквально сразу увидел двух вражеских солдат.

— Работаем, — сказал Антон и потянул спуск.

Юра не успел закрыть уши и оглушительный выстрел на некоторое время лишил его слуха, больно отозвавшись в вечно контуженой голове.

— Если будет тяжело, оттягивайтесь к школе, — крикнул Трофимов. — Как мы действовали в прошлый раз!

— Я понял, — так же громко отозвался Ларин.

Юра спрыгнул с крыши и побежал обратно в дом, где остался Романов. Тот, вместе с Мосиным и Потаповым уже перебрались на чердак и высматривали возможные цели.

— Командир, плохо дело, — Максим махнул рукой в сторону Петровки: — Танки. Я насчитал шесть штук. Сейчас они нам почешут спинки.

Вражеский артиллерийский обстрел заметно усилился и один снаряд разорвался совсем рядом с домом, сбив с крыши несколько листов шифера. С правой стороны группа оказалась оголена. Близкий разрыв заставил

Юру схватиться за голову — невыносимая боль на миг буквально парализовала его.

Танки встали в «карусель» и, появляясь из-за естественных и искусственных укрытий, принялись «выносить» очаги обороны на окраине села. Огонь вёлся осколочно-фугасными снарядами и дома стали разлетаться, будто были сделаны не из кирпича и камня, а из картона и фанеры.

Романов сделал пару выстрелов, но попаданий не добился. Пехота противника, дожидаясь результатов танкового обстрела, сидела в укрытиях и не показывалась. Трофимов некоторое время также рассматривал коровник в прицел «Манлихера», но увидеть кого-то ему так и не удалось.

От попадания танкового снаряда разлетелся соседний дом, и на чердак посыпались камни и доски, травмируя находящихся здесь снайперов. «Детка» получил камнем по открытой части шеи так, что удар сбил его с ног и остальные не на шутку встревожились, предположив гибель своего товарища. Дима быстро привёл упавшего бойца в чувство, и тот сел, прислонившись к укосине.

Трофимов поймал в прицел танк противника, выискивая оптические приборы. В какой-то момент ему даже показалось, что ствол танковой пушки смотрит прямо в него, и тут же мелькнула шальная мысль — попасть в дуло, вызвав взрыв снаряда.

Затаив дыхание, он замер и потянул спуск. Винтовка выстрелила, но с танком решительно ничего не случилось. В свою очередь выстрелил танк, и Юра отчётливо услышал шуршание пролетающего мимо снаряда. Когда дым после выстрела рассеялся, и танк снова стал виден, Трофимов произвёл два выстрела по оптическим приборам. Однако, характер действий танка не изменился, а его

пушка снова угрожающе застыла в направлении наблюдающего за ней снайпера.

— Все вниз! — крикнул Юра, и, подхватив винтовку, поспешил к приставной лестнице.

«Детка», «Шеф» и «Мося», не утруждая себя спуском по лестнице, просто спрыгнули с чердака на землю. Буквально в это же мгновение чердак разнесло взрывом снаряда.

Лёжа на земле, Юра увидел, как высоко в воздух подлетели элементы конструкции крыши, как долго кувалась какая-то доска. Активные наушники позволили избежать повреждений слуха, а противоосколочные очки защитили глаза от мелких щепок и осколков шифера. Голова просто разрывалась от боли.

Ещё не все доски и куски шифера упали на землю, как Максим по приставной лестнице ринулся наверх. Ещё через несколько секунд он сбросил вниз трубу наблюдения с триподом и свою винтовку.

— Не свезло... — констатировал он, показав Юре погнутый ствол.

— Бросай винтовку здесь, — приказал Трофимов. — Уходим к школе.

Мосин подхватил трубу наблюдения, присоединённую к треноге, решив разобраться с её работоспособностью в более благоприятных условиях. Вчетвером они стали пробираться дворами в сторону школы, слыша, как со стороны дома, на котором сидела группа Ларина, идёт интенсивная стрельба.

— «Утро» — «Востоку», — Юра стал по рации вызывать своего «беспилотчика».

— «Восток», я «Утро». На связи!

— Доложите обстановку!

— Наблюдаем выдвижение «маленьких», закопали уже штук шесть, «большие» не дают нам нормально работать.

- Принял, «Утро». Как будет жарко, уходите!
- Понял, «Восток».
- Конец связи!

Лёня отключился. Юра посмотрел на крышу дома, с которого сейчас работали Ларин и Вова Ладин — до него было метров двести. Пехота уже местами стала отходить от окраины села в сторону центра, оголяя для противника направление атаки. Если снайперы чуть замешкаются, они вполне могут оказаться окружёнными со всех сторон. Трофимов подавил в себе мысль о том, что нужно было уже сейчас выводить их, рассудив, что там находятся опытные бойцы, которые смогут самостоятельно оценить обстановку.

В этот момент перед Трофимовым прогремел взрыв миномётной мины, и он почувствовал сильнейший толчок в живот, от которого его опрокинуло на спину. Мгновенно подскочивший к нему Романов ухватил за эвакуационную лямку на бронежилете и быстро поднял Трофимова на ноги.

- Командир, не падай...

Первые несколько секунд Юра не мог понять, что произошло — вот он только что бежал, и понимал, что делает, потом раз, и «... я отходил спокойно, не прятался, не вор, колёсами печально в небо смотрит Круизёр...» — понимание окружающей действительности куда-то испарилось. Машинально он решил поправить висевшую на шее винтовку, но она оказалась разбитой — шейка ложе «Манлихера» была переломана, приняв в себя крупный осколок.

Бросать винтовку Трофимов не стал, и в таком переломанном надвое виде донёс её до школы, где в обороне уже сидело несколько десятков человек, включая разведчиков.

— Что, опять старуху-смерть встречать будем? — улыбнувшись, спросил Шаманов.

— Похоже на то, — ответил Юра и неожиданно спросил: — Коньяк есть?

— Нету, — помотал головой разведчик.

— Тогда дай автомат!

— Два, — дополнил Романов. — Два автомата!

— Есть только пулемёт, но его заклинило, — ответил Сергей.

— Сойдёт, товарищ старший лейтенант, — кивнул Максим. — Давайте!

Пока старшина приводил в чувство пулемёт, Юра связался с Лёней и тот передал просьбу Ларина усилить их двумя снайперами из состава группы Тимура Ганжи, который перекрывал северное направление, где противник, находясь за кладбищем, пока не отважился атаковать. По мнению опытного Ларина, два стрелка с СВД в настоящий момент могли принести больше пользы, отражая атаку противника со стороны Петровки. Юра счёл предложение актуальным и отдал команду, по которой к Ларину побежали Федосов и Чикун. Наблюдая за ними в бинокль, Юра с замиранием сердца смотрел, как они преодолевали открытое пространство. Парням повезло, и вскоре они уже были в большом каменном доме, с крыши которого Ларин и Ладин разили вражескую пехоту, начавшую продвижение по улицам села.

Оценивая ситуацию, Юра даже подумал вернуться обратно, чтобы занять равноценную позицию, откуда можно было бы перекрыть левый фланг «снайперского» дома. Однако, тут же вспомнил, что кроме СВД у Мосина и собственного ВСС у них больше не осталось снайперского оружия.

Юра стоял на лестничном марше, из угла оконного проёма наблюдая за разворотом событий, когда в паре метров от него во внешнюю часть стены ударил танковый снаряд. Ощущение было такое, как будто его взяли и мгновенно переместили на несколько метров в сторону. Сознание он не терял, но отчётливо показалось, что все чувства в этот момент как будто выключились.

Спустя несколько мгновений всё вернулось обратно, и в ногах появилась нарастающая боль.

«Только бы ничего не оторвало», — мелькнула мысль — он вспомнил участь сержанта Горячева.

Ноги были на месте, но под разорванными штанинами текла кровь.

— «Шеф», — крикнул Юра. — Я триста!

Романов не ответил.

Юра выдернул из подсумка турникет, распустил его, обернул свободный конец выше колена, продел в петлю, закрепил, стал крутить вороток. Когда боль от давления турникета превысила боль от ранения, Трофимов зафиксировал вороток и достал из другого подсумка жгут.

В этот момент подбежал Романов.

— Командир, давай я...

Он быстро наложил жгут на другую ногу, затем достал из аптечки Трофимова перевязочные пакеты и, распоров штанины, начал перевязывать раны.

В этот момент рядом появился «Доктор»:

— Кто орал «я триста»? — спросил он, словно это было не так очевидно при сравнении целого старшины и окровавленного майора.

— Догадайся, — отыграл Юра в ответ. — Что там, сильно меня порвало?

— Да не, не сильно — «ляма» на три, — «диагностировал» Данил. — И то, если всё правильно оформить. Но

кости, может быть и целы, хоть это и не главное. Попробуй встать!

Юра поднялся — ноги, пусть и раненые, держали. В стене зияла дыра диаметром в полметра. Мысли текли как-то медленно, и в этом медленном потоке подумалось использовать пролом в стене в качестве бойницы. Также медленно Юра снова вспомнил, что его винтовка была разбита пополам осколком от мины.

— Три «ляма» — это хорошо, — констатировал он. — Куплю конфет и обожрюсь, всем на зависть...

— Так-то да, — усмехнулся «Доктор». — Но давайте, коллега, согласимся, что это немного не тот заработок, о котором можно мечтать!

В кошмаре происходящих событий медик был неотразим в своём блистательном юморе.

Откуда-то со стороны позвали на помощь, и Данил, как появился, так же стремительно исчез. За окном разгорался тяжёлый бой. Противотанковый расчёт первого батальона, работая с крыши школы, наконец-то смог поджечь вначале один, а затем второй танк, но украинский дрон с гранатами удачно выполнил сброс и расчёт ракетчиков погиб.

Пока Женя Гусев восстанавливал боеспособность противотанкового взвода, одному вражескому Т-64 удалось прорваться на окраину села, где он оказался на прямой видимости дома, в котором сидела группа Ларина.

Наводимые аэроразведкой, вражеские танкисты, пренебрегая другими целями, стали методично расстреливать «снайперский» дом. Не в силах помочь своим подчинённым, укоряя себя за принятое решение оставить их там, а потом ещё и за усиление другими бойцами, Юра в каком-то оцепенении наблюдал, как танк «разбирает» дом «по кирпичикам».

— Убейте же его, кто-нибудь! — крикнул он в порыве отчаяния.

Выстрелив по дому шесть раз, танк вышел из боя и на большой скорости уехал через поле за коровник и далее скрылся среди строений Петровки.

Сколько Юра не вызывал Лёню, рация в ответ молчала. Ладин и Федосов, у которых были «баофенги», на связь тоже не выходили.

— Надо идти, Макс, — Трофимов посмотрел на своего старшину взглядом, полным безысходности. — Надо идти... спасти пацанов...

Вокруг грохотал бой, но Юру зациклило на мысли о необходимости немедленного оказания помощи раненым, находящимся в доме. Туда ещё нужно было постараться дойти — чтобы не получить осколок от прилетающих мин и снарядов.

Дима Мосин ходил с рюкзаком, в котором находилась «групповая аптечка», с количеством препаратов, достаточным для оказания помощи пяти-шести тяжело раненым — если бы Данил знал о содержании этого рюкзака, он бы сейчас уже забрал его, так как поток раненых нарастал, а возможности эвакуировать их в тыл не было никакой. Фельдшер к этому времени уже морально отринул все чувства и страхи, и был готов идти в преисподнюю. «Детка» куда-то пропал и на оклики не отзывался. Романов помог Юре встать, так как тот настаивал на необходимости личного участия.

Однако, в этот момент по селу прилетел пакет «Града», и всё желание куда-то выходить из-за крепких стен школы мгновенно улетучилось.

Трофимов выбрал себе угол в одном из кабинетов школы и, подстелив каремат, сел, привалившись спиной к стене. Жутко болела голова, ныли раненые ноги. Юра

сидел, смотрел в противоположную стену и в порыве отчаяния искал себе оправдание — вот этому проявленному малодушию, мысленно оправдываясь перед снайперской группой, возможно, ожидающей помощи.

Мосин и Романов устроились тут же, и, не имея дальнобойного оружия, с помощью которого можно было бы влиять на обстановку, ограничились только наблюдением за происходящим.

Когда через пару часов артиллерия, приданная бригаде, наконец-то заставила артиллерию противника замолчать и прогнала вражеские танки, бой стал затухать и вскоре совсем прекратился. Украинские подразделения откатились на исходные позиции и больше никаких атак не предпринимали, продолжая лишь вести несистемный беспокоящий артиллерийский огонь.

Из тылового района приехало несколько «Уралов» и «КамАЗов» с подкреплением и боеприпасами. После выгрузки привезённого, в эти машины стали грузить раненых и погибших. В это же время Данил с группой стрелков-санитаров на «Линзе» добрался до дома, где держали оборону снайпера.

Через некоторое время Трофимов тоже доковылял к дому. Страшные предчувствия не обманули майора. На первом этаже стрелками-санитарами был найден Вася Федосов, сидевший в углу, за диваном, и безучастно смотрящий на вошедших. У него были зажгутрованы и перебинтованы нога и рука. Его вынесли на улицу и посадили в бронированную медицинскую машину.

Трофимов, кривясь от боли, попытался заговорить с ним, но бледный и обессиленный Вася только качал головой и несвязно мычал.

Антон Ларин ещё подавал признаки жизни — у него была оторвана правая рука и левая нога. Находясь по-

сле взрыва в сознании, он как-то смог оставшейся рукой наложить себе турникеты на оторванные конечности и вколоть промедол — шприц-тюбик валялся рядом — но колоссальная потеря крови отняла право на жизнь.

Всех остальных нашли в подвале.

— Не ходи туда, — порекомендовал «Доктор». — Сейчас мы раскопаем всех, вынесем...

Трофимов безучастно смотрел, как стрелки-санитары в чёрных мешках выносили из подвала останки его бойцов. Юра смотрел на это, словно всё происходило не с ним, а в каком-то трагическом кино. В осознании происходящего появился тормозящий ступор, не дающий волю чувствам и эмоциям.

Четыре пластиковых мешка выложили в ряд возле машины. Оценив состояние Ларина, Данил сделал страшный вывод, что уже ничто в текущих условиях обстановки не позволит Антону избежать черного мешка, и спустя несколько минут, как он и предположил, в ряд лёг и пятый мешок.

Юра открыл по очереди каждый чёрный пакет, вглядываясь в лица, или в то, что осталось. Только утром он разговаривал с ними о смыслах жизни и смерти, и вот, спустя несколько часов, все они уже приняли неизбежное. Приняли геройски. Не праздная труса перед врагом.

— Ты как? — участливо спросил «Доктор».

— Никак, — ответил Юра с большой задержкой, когда Данил уже от него отвернулся.

В глазах стало темнеть, и Трофимов опустился на землю. Однако, это был ещё не конец.

Когда Жорж погнал на помощь к месту гибели снайперской группы, в «капсулу» попала противотанковая ракета. Водитель, находившийся в бронированной кабине, выжил, но машина сгорела. А вместе с ней сгорело

практически всё ценное имущество мобильного отряда. В довершение всего, контуженый водитель сообщил Трофимову, что джипа тоже больше нет — во время обстрела Ждановки, когда украинская артиллерия была по местам сосредоточения резервов, рядом с ним разорвалась мина, осколком был пробит бензобак, в результате чего «Прадик» сгорел.

У Юры было ощущение, что в один миг он лишился всего на свете, и судьба даровала ему жизнь лишь для более глубокого осознания произошедшего. От нахлынувшего отчаяния впору было опускать руки.

Уже в госпитале, в Антоновке, после обработки ран, Артур Зайцев пытался заговорить с майором, но Трофимов ушёл в себя, не желая никакого общения. Лейтенант дал ему таблеток, способных немного облегчить психический шок, отчего Юра даже смог заснуть на выделенной ему раскладушке.

Спал он недолго и проснулся посреди ночи. Сознание заволочло нахлынувшими воспоминаниями. По одному и все вместе ему виделись погибшие парни. Кого-то он знал уже несколько месяцев, кого-то всего несколько недель, но они все для него оставались подчинёнными, за жизни которых он, как командир, нёс персональную и моральную ответственность.

Юра в своих мыслях возвращался к моменту, когда он мог отдать приказ об оставлении снайперской группой этого дома — чего он не сделал, и что привело в итоге к гибели пяти человек. Остро ощущая свою вину, Трофимов представлял, как он лично поедет с телами погибших воинов на их родину, как будет их близким рассказывать об-

стоятельства гибели героев. И как будет утаивать в этом свою непосредственную роль. Юра вспомнил маму Антона Ларина, приехавшую в часть, когда Трофимов ненадолго приезжал в бригаду с войны — она тогда привезла целый мешок вещей, которые попросил забрать Антон. Эта красивая женщина рассказывала Юре о том, как сын рос без отца, и как она верила в воспитательную роль армии, способной сделать «из мальчика мужчину». Безусловно, армия сделала из Антона мужчину, но и убила его. Юра хорошо помнил эти выразительные глаза его мамы, и представил, что будет с ними, когда она узнает о смерти своего сына...

Друзья — не разлей вода — Вова и Лёня, которые когда-то вместе остались на контракт после срочной службы. На войне они в полной мере смогли проявить себя в качестве воинов — надёжных защитников своей страны. Они были друзьями, но были они совершенно разными. Если Вова вырос в неблагополучной семье, и в армии искал разлуки с родителями-алкоголиками и прошлым образом жизни, то Лёня рос в семье вполне благополучной и обеспеченной, которая, как оказалось, могла себе позволить купить сыну очень дорогостоящий коптер ещё тогда, когда никто не верил в нарастающее боевое значение этих, казалось бы, игрушек. Парни крепко дружили, вместе постигали азы военной службы, вместе бегали к девчонкам в самоволки, и погибли вместе, буквально в обнимку.

Трофимов вспомнил, как Саша Чикунов рассказывал про двух своих дочерей, учащихся в школе, как он всю жизнь работал — там, где платили. Вспомнил, что жил он в небольшом селе в центре глухой уссурийской тайги. В жизни его окружала вечная нужда и безнадёга, и контракт на СВО он рассматривал, как возможность «немно-

го подзаработать». Теперь в его селе поставят герою памятник, а дочери больше никогда не увидят своего папу.

У Андрея Шитникова тоже остались дети — мальчонка в детском саду и дочь в третьем классе. Юра понял, что совсем не знал этого человека — за суетой организационных вопросов, за вихрем происходящих событий, он не нашёл времени хотя бы раз поговорить по душам со своими подчинёнными, вновь прибывшими в подразделение.

Бессильная злоба затмила сознание — Юра злился на самого себя, не допуская виновности со стороны обстоятельств. Давило ещё и то, что группа, после уничтожения «капсулы», снова лишилась практически всего своего имущества — банально у них теперь не было спальников, приборов, снаряжения, газовой плитки, подменной одежды, кофейной турки и домашних тапочек.

Когда чувства достигли предела, он включил телефон и набрал своего шефа — Игоря Морозова, директора строительной компании, откуда Юра увольнялся, чтобы вернуться на военную службу.

— Игорь, привет, — нейтральным тоном сказал Юра. — Это Трофимов, мой местный номер...

Директор был не в восторге от решения Трофимова уйти на СВО, оголая важнейший участок работы всего строительного холдинга, но в глубоком прошлом Игорь тоже, как и Юра, десяток лет отдал службе в армии, а значит, по-своему он всё же мог его понять.

— Ну, привет, Юра, — сухо ответил директор. — То-то я смотрю — номер с хохляцким префиксом.

Трофимов вдруг понял, что не знает, с чего начать разговор — все мирные «гражданские» проблемы, казалось, ничего не стоили в сравнении с тем, что случилось с ним за последнее время, но и для людей, живу-

щих мирной жизнью, проблемы военных, несущих на себе бремя войны, были бесконечно далеки. Да и было ему совершенно не понятно, как Игорь воспринимает специальную военную операцию — относится к ней, и ко всему, что с ней связано отрицательно, или всё же в душе своей поддерживает действия правительства и военных...

— Как стройка? — спросил Юра первое, что пришло на ум.

— Ты давай, не крути хвостом, — предложил Игорь. — Рассказывай! Только давай уже начистоту, я человек взрослый, всё пойму. Что случилось?

— Ну, если начистоту... Мне вчера посекло осколками ноги, но раны вроде не глубокие, кость не задета, нервы и сосуды тоже, так что заживёт. Ходить буду.

— Вот те раз! — сказал Игорь. — Впрочем, ожидаемое событие...

— Осколком от близкого разрыва перебило пополам мой «Манлихер».

— Ну, на фоне ранения ног это не опасно для здоровья.

— А ещё мина разнесла наш джип, который мне подарил замкомандующего армией, специально для моего мобильного отряда.

— Ну, беда в одиночестве никогда не приходит...

— Не приходит: ПТУР влетел в КаМАЗ-«капсулу» и сгорело всё имущество. У меня теперь нет даже запасных трусов.

Собеседник слушал молча и Юра вдруг, не сдержавшись, всхлипнул, не в силах остановить слёзы:

— У меня сегодня погибли Лёня, Антон, Вовка Ладин, «Шило» и «Рыбак». Вася Федосов тяжело ранен, его увезли за ленточку... впрочем, ты их всё равно не знаешь...

— Юра, чем я могу тебе помочь? — прямо спросил директор, переварив услышанное.

В его голосе, наконец-то, Трофимов распознал участие.

— Я не знаю, Игорь, — Юра действительно не знал, что попросить — он позвонил только для того, чтобы поделиться с бывшим коллегой своими переживаниями, где-то в глубине души, конечно, надеясь на какую-то помощь, но в целом не веря в осуществление этой мечты.

Да и не знал Юра, как попросить материальной помощи, чтобы восстановить утраченное имущество, без которого был невозможен военный быт. Не умел он это делать — просить — жизнь не научила.

— Говори, — Игорь понял его затруднения: — Не стесняйся, чем смогу — помогу! Как ты помнишь, «народ и армия — едины». Вот теперь расскажи, как твоё здоровье — об этом поговорим в первую очередь!

— Ноги зашили, зажили. Доктор мне выдал таблетки, сказал десять дней пить, — произнёс Юра. — Как это далеко — десять дней. От постоянных контузий я уже забыл, что такое нормально спать. Ночью работаем, а днём кто мне даст спать? Я же — старший офицер. Голова болит постоянно, таблетки помогают слабо.

Морозов молчал.

— Но если я сломаюсь, — продолжил Трофимов, — сломаются и все остальные. Мне никак нельзя ломаться — ведь я офицер.

— Юра, — сказал Игорь. — Я тебя услышал. Я всё сделаю, что попросишь. Давай, определяйся, что тебе надо, составляй список, я закуплю всё, привезу сам — в таком деле нашим тыловикам доверять нельзя — сам тылом командовал, знаю!

— Добро, — сказал Юра, чувствуя, как к горлу подкапывает ком — после недавней поездки в мирную жизнь его не покидало ощущение того, что идущая на Украину война полностью игнорировалась российским обществом, что гражданскому населению были чужды потребности военных, отчего оно самоустранилось от войны, но первый же «звонок другу» развеял эту убеждённость. — Спасибо, Игорь.

— Да не за что ещё, — ответил директор.

Проговорив больше часа, Юра почувствовал некоторое моральное облегчение. Осознание того, что ты не остался со своими проблемами один на один, стало его успокаивать, впереди забрезжили перспективы решения, казалось бы, нерешаемых вопросов. Через полчаса он уснул, и уже спокойно проспал до самого утреннего обхода.

На следующий день, после повторного осмотра у врача и перевязки, подручным транспортом Юра направился к дому на окраине Антоновки, где во время его отсутствия старшина организовал для мобильного отряда минимальный быт. Часть отряда, под руководством недавно прибывшего из ППД бригады сержанта Борзова, действовала в отрыве от основных сил вместе с первым мотострелковым батальоном на удержании позиций в Николаевке.

— Мы раскопали подвал, — доложил Романов. — Нашли всё оружие. Могу констатировать — группа лишилась двух АСВКМ, «Манлихера-308», двух СВД и одного «Винтореза». Вашу винтовку, товарищ майор, можно восстановить — думаю, скоро мы её починим.

— «Уары» целые? — спросил Юра.

— Да, эти винтовки целые, они сейчас работают в группе Борзова. Получается, он забрал их из «капсулы» перед тем, как КамАЗ поехал к нам. И все патроны 308-го калибра он тоже забрал. У них же находится последняя АСВКМ.

— Хоть что-то сохранили, — кивнул Юра.

— Только манаток никаких не осталось, — посетовал старшина. — Всего лишились. Даже зубы почистить нечем...

— Этот вопрос мы решим, — заверил Трофимов, но ставить Романова в известность о разговоре с Игорем он не стал — чтобы не питать надеждами на случай, если вдруг ничего не получится.

Ближе к вечеру разведчики Шаманова передали в мобильный отряд газовую плитку, две пятилитровки воды и пару спальников — быт стал налаживаться. На семерых нашлось три сухпайка, из чего получился хороший ужин, да и на завтрак остались галеты, немного кофе и сладости.

После ужина Юра занимался своей перебитой винтовкой, пытаясь вернуть ей природную неделимость. Но ложе было так сильно разбито тяжёлым осколком, что совместить «половинки» не удавалось даже универсальным средством — изолентой.

Так как здесь была связь, он включил телефон, надеясь позвонить Тане и родителям, и практически сразу раздался звонок от Морозова.

— Юра привет, — сказал он. — Тут такое дело... я позвонил своему сослуживцу, он сейчас владелец небольшого банковского бизнеса, а заодно и любитель пострелять по сусликам. Он тебе позвонит в ближайшее время, поговори с ним, ему есть, что тебе предложить.

— Поговорим, — ответил Юра.

Буквально через минуту раздался звонок с незнакомого номера

— Слушаю, — осторожно сказал Юра.

— Это Юрий Трофимов? Правильно?

— Так точно, — ответил Юра по-военному, давая этой фразой собеседнику понять, что это «тот Юрий».

— Здравствуйте!

— Добрый вечер!

— Меня зовут Александр. Мне ваш номер дал Игорь Морозов. Скажу прямо: я человек не бедный, и хотел бы вам помочь с оружием и боеприпасами. Давайте определимся, какой конкретно тип высокоточных винтовок вас интересует, в каком калибре?

— Секунду, — Юра так сказал, потому что ему нужно было отдышаться от услышанного. — А на что максимум я могу рассчитывать, и что я вам буду должен, Александр?

— Ну, в пределах разумного, конечно, — ответил собеседник. — И ничего вы мне должны не будете, это станет моим вкладом в дело нашей общей победы!

— Осколком перебило ложе моего «Манлихера» три-три-восемь. К этой винтовке я привык.

— Бросьте, Юрий. «Манлихер» мы вам и так починим. Давайте поговорим о более мощных и более точных винтовках, например, о калибре 408 чи-тек. Замечательная штучка. Вы с ней сможете работать на дальности до двух километров, не подвергая себя опасности. Подлётное время пули на такую дальность — около трёх секунд. В принципе, можно бить даже движущиеся цели. Ну, и прицел поставим соответствующий! Лучших мировых брендов! Как вам?

В голове билась мысль, что это какой-то розыгрыш. Поверить в то, что вот так, запросто, ему могут передать дорогостоящую винтовку, Юра не мог.

— Я не против, — наконец-то проговорил он.

— Тогда я выезжаю на «территорию», и завтра подъеду к вам, чтобы обговорить детали. Роман сказал, что вы где-то в районе Антоновки находитесь. Правильно?

— Точно так, — выжал из себя Трофимов.

— Вот и отлично, — весело сказал Александр. — Завтра после обеда подскочу. Я тут недалеко живу, в Ростове. До завтра!

— До завтра, — машинально сказал Юра.

Утром в госпитале ему повторно осмотрели и обработали раны, заявив, что «майору следовало бы отлежаться хотя бы недельку». В ответ Трофимов посетовал, что не может оставить своё подразделение без чуткого руководства и жёсткого контроля, ибо в противном случае его подчинённые непременно предпримут попытку самостоятельно атаковать Киев.

В административной палатке он встретил уже знакомую девушку — лейтенанта медицинской службы, которая в прошлую встречу в МОСНе поразила его своим тяжёлым, совершенно не девичьим взглядом, вмиг обнулившим желание с ней полюбезничать.

— Доброе утро, — ожидая встречу со «спонсором», Юра был в приподнятом настроении, и ему хотелось эту радость раздавать всем вокруг: — Как вас зовут, товарищ лейтенант? А то мы с вами второй раз видимся, а я не знаю, как к вам обращаться!

— Обращайтесь по званию, — не поднимая глаз, ответила она, что-то вписывая шариковой ручкой в бумажные документы.

— Гвардии майор Трофимов, — сказал Юра, когда она закончила писать и подняла на него глаза. — Осколочные ранения в обе голени.

— А, я вас помню, — сказала она. — У вас была тяжёлая контузия. Как прошло, голова не беспокоит?

Так как оценка состояния здоровья, очевидно, в данном случае не входила в её обязанности, Юра сделал вывод, что девушка вынужденно проявила простое человеческое участие.

— Всё нормально, — ответил Трофимов. — Почти. Пью таблетки после недавних контузий.

— Это хорошо, — кивнула она, выбирая из вороха бумаг, лежащих на столе, документы на Трофимова.

Юра поймал себя на мысли, что смотрит он на неё как на дочь, и вот эта мысль о кажущемся участии родного человека в кровавой войне внезапно обожгло душу.

На встречу с Александром Юра взял с собой Романова. Заказав яичницу с колбасой и кофе, парни сели в углу небольшого заведения.

Ровно в назначенное время в помещение кафе вошел представительный мужчина, который безошибочно определил, с кем ему следует общаться.

— Юрий? — спросил он, подойдя к столику.

— Так точно, — Юра встал и пожал руку.

— Александр, — представился человек.

Максим тоже подал руку. Гость сел за стол.

— Юра, можно на «ты»? — спросил Александр.

— Конечно, — кивнул Трофимов.

— В общем, смотри. Первый вопрос: какой у тебя личный счёт?

Вопрос был очень чувствительный, из тех, которые в «приличном» обществе задавать не принято, но Юра понял, что от его ответа будет зависеть очень многое.

— Под три десятка точно есть, может и больше, — сказал он. — Я иногда не могу определить степень поражения цели... поэтому не удаётся порой точно посчитать.

— Прилично, — сказал Александр. — Ты работал когда-нибудь винтовками калибра 408 чи-тек?

— Пристреливал пару раз, — соврал Юра.

— Значит, справишься, — сказал Александр. — Схема такая: я оплачиваю оружейной компании изготовление ствола, а ты под документы о войсковых испытаниях нового типа оружия довозишь его сюда самостоятельно. Попутно подкину тебе патронов. Для начала пятьсот штук, позже ещё накрутим. Прицел... ну, допустим, «Вортекс-рейзор», пойдёт?

— Мне нечего сказать в ответ, — Юра развёл руками. — Конечно, я буду рад такому «подгону»!

— Значит, договорились, — Александр встал, чтобы рукопожатием закрепить достигнутые договорённости.

Юра тоже поднялся, пожал крепкую руку и вернулся за стол.

— И ещё, — сказал Александр. — У меня в машине лежит ложа для «Манлихера». У тебя же эсгэ-ноль-восемь, как я понимаю?

— Ноль-восемь, — кивнул Трофимов, имея в виду австрийскую маркировку своей разбитой винтовки.

— Бери ложу, ставь на свой ствол и стреляй себе на здоровье, — сказал гость. — Двести патронов в придачу.

— Спасибо, Александр, от всего сердца — спасибо!

Позавтракав и потрепавшись с новым знакомым «за жизнь», Трофимов забрал из машины ложу для «Манлихера», и они с Романовым двинулись к дому. Гость уехал.

— Мне кажется, что это какой-то сон, — сказал Максим. — Я такое никогда бы не смог представить! Винтовка стоит фантастических денег... а он вот так раз, и выложил — берите, пацаны, пользуйтесь, «стреляйте на здоровье».

— Бывает, — загадочно сказал Юра. — Ещё и не то скоро увидишь. Какой у тебя, кстати, размер ноги?

— А что?

— «Ловы» не хочешь получить?

— Их что, вещевая служба выдаст?

— Ага, держи карман шире, — улыбнулся Юра. — Люди нас оденут и обуят. Наши, цивильные, правильные люди.

— Как это?

— Да ты понимаешь, — сказал Трофимов. — Я позвонил своему директору, и честно говоря, не ожидал, что он сразу откликнется... а он откликнулся. Сегодня мне написал, что с утра поехал покупать для нас лазерные дальномеры, приборы наблюдения, коптеры, снарягу, одежду, медицину!

— Какая-то сказка кругом... — «Шеф» не верил своим ушам.

— И это ещё не всё. Таня моя завела телеграмканал, через который организовала жён военнослужащих на всякую волонёрскую работу — маскировочные сети собираются плести, представляешь?! Попросила у людей помощи для нашего мобильного отряда, так ей на карту за три дня миллион рублей накидали. Сейчас по магазинам поехала — я ей список небольшой составил. Знаешь, она говорит, люди со всей страны ей деньги присылают...

— Я удивлён, — признался Максим. — Если вся страна отозвалась, значит... мы не зря здесь воюем? О нас знают! Нам помогают!

— Всё не зря, — сказал Юра. — Всё мы делаем правильно, кто бы чего не говорил. Мы делаем правое дело. И вся страна это видит!

Они шли по улице местами разрушенной Антоновки и улыбались. На душе было легко и радостно — впервые с начала войны они ощутили реальную поддержку со стороны гражданского общества, что было крайне важно для морально истощённых людей, выносящих на своих плечах всю тяжесть проводимой «специальной военной операции».

ГЛАВА 9

Отделив от своей «раненой» винтовки разбитую ложу, Трофимов осмотрел ствольную коробку, ища возможные повреждения. Не обнаружив таковых, он занялся совмещением деталей оружия. Новая ложа подошла как родная, и спустя несколько минут винтовка уже вернула себе боеспособность. Радости не было предела.

К вечеру Александр прислал скрин платёжного документа и ответ директора производства, в котором Юра получил приглашение забрать винтовку уже через неделю. С этим ответом Юра направился на пункт управления к командиру бригады.

— Товарищ полковник, разрешите убыть в Москву за новой высокоточной винтовкой! — своим вопросом Трофимов ввёл Михайлова в ступор.

— Чего? — переспросил он. — В какую Москву?

— В Белокаменную, конечно, — съязвил Юра.

— А, контузия сказывается? — догадался комбриг. — Ты пойдёшь, приляг. Это пройдёт.

— Товарищ полковник, я серьёзно! У меня нашлись спонсоры, серьёзные люди, которые мне купили винтовку 408-го калибра и пятьсот патронов. Я с этой штуки смогу немцев убивать за два километра. Зачистка вражеских опорников превращается из тяжелой и опасной работы в «веселое и увлекательное приключение»...

— А кто бы спорил, — язвительно ответил Михайлов. — У меня в бригаде старших офицеров не хватает на командные должности расставлять, а тут целый майор развлекаться продолжает. Нормально живём, да, товарищ Трофимов?

— Товарищ полковник, смею напомнить, что я два дня как был ранен в ноги, но остался в строю, чтобы воевать, а не в госпитале отсиживаться. Моя группа за время своего существования уже вражеский батальон обнутила, если по головам считать. Кто-то ещё может показать такой результат?

— А ты ещё и скромный, как я погляжу, — усмехнулся комбриг.

— Разрешите получить ВПД! — Трофимов сделал вид, что упрёк командира бригады он не заметил.

Полковник несколько секунд смотрел Трофимову в глаза, надеясь отыскать в них подвох, но тот взгляд выдержал, и комбриг махнул рукой:

— Черт с тобой, езжай за своей винтовкой. Покажешь, как привезёшь. Мне, а не Миронову.

— Есть, — ответил Юра. — Разрешите идти?

Михайлов махнул в ответ рукой.

Командир бригады был на семь лет младше Трофимова, но старше его на два звания, и это сильно сказывалось на товарищеских отношениях: Юра, достаточно возрастной для своего майорского звания, считал Николая скороспелым переростком, по воле случая прыгнувшим через одну должностную ступень и на этой высоте «поймавшим звезду», а Николай, в свою очередь, относил Юрия к разряду «пятнадцатилетних капитанов», которого Павлов почему-то поставили на какой-то непонятный «мобильный отряд», по численности не превышающий взвод. Возможно, их отношения могли быть другими, если бы Михайлов хотя бы раз поговорил с Трофимовым по душам, и смог бы оценить глубину его военных знаний, приобретённых ещё в те времена, когда армия не знала «нового облика». Но, к сожалению, Николай продолжал считать Юру майором, которому Павлов не доверил батальон, и соответствующе

к этому относился, а попытки Трофимова влезать в планирование операций фактически игнорировал, считая, что сорокадвухлетний майор-неудачник умеет лишь умничать, «нахватавшись верхушек».

Нельзя сказать, что они были антагонистами, но и тяги друг к другу у них точно не существовало. Кроме того, демонстративное покровительство, оказываемое Трофимову со стороны Павлова, безусловно, заставляло Михайлова считаться с этим обстоятельством и порой только это и вынуждало его соглашаться с предложениями командира мобильного отряда.

— Нужны «Ловы»: две пары 41 размера, четыре пары 42 размера, две пары 43 размера и одну пару 44 размера, — Таня сверилась со списком. — Вроде так...

— Подождите немного, надо посмотреть на складе... — продавец удалился из торгового зала в кладовку.

Она ездила по всем милитари-магазинам края, выискивая то, что обсудили к закупке с Юрой для оснащения его мобильной группы. Пока ещё ни в одном магазине не удалось застать сразу весь требуемый объём каких-то товаров — поэтому приходилось добирать по нескольким магазинам.

Отдать должное, специфика и количество закупаемых товаров сразу говорили продавцам, куда они предназначены, и практически везде Таня встречала в ответ горячее стремление помочь, выраженное в предоставлении максимальных скидок — даже там, где она появлялась впервые.

— Знаете, нет 44 размера, и двух пар 42 размера, — продавец вернулся в торговый зал. — Забирать будете?

— Да, — кивнула Трофимова. — Только мне будет нужен товарный чек.

— Разумеется, сделаем! С максимальной скидкой!

— Благодарю, — кивнула Таня.

Завершив процесс оформления, продавец выложил на прилавок запасные шнурки — по количеству купленных ботинок:

— Это от меня, возьмите!

— Спасибо!

В следующем магазине она покупала тепловизионные прицелы.

— Вам для охоты? — на всякий случай спросил «слегка удивлённый» продавец.

— Если это можно так назвать, — кивнула Таня.

— В соседнюю страну? — уточнил продавец.

— В неё.

Он просмотрел техническую документацию на прицелы и выбрал устройства с максимальной дальностью обнаружения человека. Таня ничего в них не понимала, но старательно вычитывала инструкции, паспорта, сравнивала с полученным от супруга списком и старалась запоминать новые для себя термины — не было никакого сомнения, что подобными закупками придётся заниматься и дальше, а раз так, то предмет нужно было знать хорошо.

— И смотрите, чтобы они могли устанавливаться на планку Пи... — Таня забыла слово, смутилась и стала искать в списке, — сейчас уточню...

— На планку Пикатинни, — подсказал продавец.

— Да, — кивнул она. — Простите, я пока ещё не всё запомнила...

Пока вертели в руках приборы и документацию к ним, у продавца зазвонил телефон.

— Слушаю! Да... понял... сделаем! Хорошо, сейчас спрошу... — он посмотрел на Таню. — Скажите, директор нашей торговой сети спрашивает, вы ещё ищите зимние маскхалаты?

— Купила уже, — ответила Трофимова. — Нашла в другом магазине.

— Нет, купила уже, — ответил он в телефон, закончив разговор.

Таня вопросительно посмотрела на продавца. Тот улыбнулся и объяснил:

— Директор видит по камерам всё, что в магазинах нашей сети происходит. Вчера вы спрашивали зимние маскхалаты в нашем магазине в Семёновске.

— Было, — согласилась Таня. — Заезжала. А он меня так сразу и запомнил?

— Знаете, — усмехнулся продавец. — Есть покупатели постоянные, а есть запоминающиеся. Каждый день, что ли, у нас спрашивают по три тепловизора, десять маскхалатов, пятнадцать водолазных свитеров и коробку термоносок?

— Наверное, нет, — Таня пожала плечами.

— Именно, — кивнул продавец. — И да, шеф сказал сделать вам самую большую скидку!

На прощание продавец протянул несколько пачек батареек:

— Это передайте тем «охотникам», кому вы купили прицелы. И пусть судьба сохранит жизни наших воинов...

Объём закупленного имущества стал исчисляться мешками — куда аккуратно всё упаковывалось и готовилось к отправке. В транспортной компании сотрудницы огорошили заявлением, что в указанный срок груз не будет доставлен — логистика оказалась немного не та, о которой ранее договорились по телефону. Таня почувствовала, как опустились руки.

— Ольга, — Таня прочитала имя сотрудницы на бейджике. — Я отправляю это нашим мужчинам на фронт. В телефонном разговоре вы меня заверили, что в указанный срок груз будет в Таганроге. Я уже купила билеты на самолёт до Москвы, купила билет на поезд до Ростова, чтобы забрать там все эти мешки и двинуться дальше, за «ленточку». Теперь вся логистика, выходит, рушится.

— На фронт? — девушка подняла взгляд.

— Да, на войну, — подтвердила Таня.

— Подождите, я сейчас попробую...

Ольга стала звонить в аэропорт, каким-то менеджерам, каким-то руководителям, разговаривая, где с просьбой, где с нажимом, и спустя несколько десятков минут предложила новую схему, по которой груз успевал попасть в Таганрог к сроку прибытия туда Трофимовой.

— Вроде получается, — сказала она.

— Вы чародейка, — Таня не знала, как благодарить. — Спасибо, Оля, вам большое.

— На войну же... мы должны помогать нашим... — ответила оператор транспортной компании.

В последний мешок Трофимова упаковала пачку писем, которые написали дети из школы сына — пожелания воинам, выполняющим боевые задачи. Эту часть груза предполагалось раздать не только в мобильном отряде, но и в других частях мотострелковой бригады.

— ... для защиты нашей Родины, её суверенитета и территориальной целостности, для обеспечения безопасности нашего народа и людей на освобождённых территориях, считаю необходимым поддержать предложение Министерства обороны и Генерального штаба

о проведении в Российской Федерации частичной мобилизации... — президент смотрел с экрана смартфона уставшими глазами, в которых читался тяжелейший груз принятой на себя ответственности.

Таня сидела в аэропорту в ожидании посадки на самолёт и пролистывала телеграм-каналы, пытаюсь у военкоров узнать реальное положение дел на фронте, ибо официальная пропаганда ограничивалась только сухим перечислением количества «уничтоженной техники противника», словами «перегруппировка», «жесты доброй воли», «более выгодные позиции» и «ширина фронта составляет более тысячи километров», которые не говорили ни о чём.

Новость о предстоящей мобилизации она приняла как саму собой разумеющейся, что отражало чаяния и надежды тех остатков войск, которые сейчас держали ту самую тысячекилометровую линию фронта. С другой же стороны, мобилизация вырывала (причём, неожиданно) мужчин из семей, которые ещё вчера и предположить не могли, что их может ждать уже сегодня.

На досмотре перед «чистой зоной» сотрудники транспортной безопасности аэропорта, просвечивая рентгеном её ручную кладь, и увидев полдюжины оптических и тепловизионных приборов, одарили Таню уважительными взглядами.

— Туда? — с пониманием спросил старший смены.

— А куда ещё... — ответила Трофимова.

Самое ценное оборудование она везла с собой. Восьмичасовой перелёт показал, как за это время изменилась в России жизнь: Шереметьево было натурально переполнено молодыми людьми, бегущими от мобилизационного призыва в другие страны. Кто-то светился радостной улыбкой скорого «спасения», кто-то прятал глаза от сты-

да — у каждого было своё эмоциональное сопровождение принятому решению. Таня смотрела на этих людей с отвращением, словно её вынудили прикоснуться к чему-то мерзкому и неприятному, хотя их попытка спастись от вероятной гибели на войне, вполне была объяснима с точки зрения психофизиологии, но никак не чести, которой по праву обладал её муж.

Утомительная поездка закончилась в одной из гостиниц Таганрога, где Таня без сил упала на кровать и закрыла глаза — до встречи с Юрой оставалось два часа.

Всё это мероприятие, со сбором средств, с приобретением приборов, оборудования, одежды, обуви, медицинского и другого имущества, отправка груза транспортной компанией, перелёт до Шереметьево, и затем переезд поездом до Ростова, а далее на заранее заказанном такси до Таганрога, потребовали огромного количества пространственно-временных стыковок, нарушение или задержка любой из них могли разорвать всю цепочку спланированных событий, и не дать Тане в нужное время оказаться в этой в гостинице, где она сейчас отдыхала — сюда могли не доставить вовремя груз, или Юра бы по какой-то причине задержался в части или на границе, и тогда проблемы стали бы нарастать одна за другой... но Провидение решило, что раз Трофимова делает правильное и нужное дело, то всё должно пройти точно и в срок.

Юра, в стремлении избежать различного рода препятствий, которые повсеместно насаждали представители различных служб, попросил обеспечивающего бригаду контрразведчика майора Каренина поучаствовать в процессе доставки закупленного имущества, на что тот

с готовностью согласился, наотрез отказавшись принять в дар какой-нибудь нужный девайс — «спасибо, не надо, нас обеспечивают всем необходимым». Кроме того, Валентин предложил для поездки свой автомобиль, что Трофимов расценил уже как проявление более чем приятельского отношения.

— Таня, я приехал, — Юра вышел из машины возле входа в гостиницу, разговаривая с супругой по телефону.

Когда она появилась в дверях, Юра бросился навстречу, едва не сбив подвернувшегося прохожего.

Он подхватил её на руки, обнял и закружил, с радостью и волнительным трепетом глядя в её счастливые глаза.

— Таня... ты приехала...

— Поставь девочку на планету! — улыбнулась она и жарко поцеловала свою половинку.

— У тебя всё хорошо? — справился Юра. — Ты отдохнула?

— Да, всё хорошо, — кивнула она. — Я даже час успела поспать. Не выспалась, конечно, но всё же.

Из машины вышел контрразведчик.

— Здравствуйте, — поздоровался он и представился: — Валентин. Коллега вашего мужа.

— Татьяна, — представилась Трофимова. — Очень приятно!

В этот момент к гостинице подъехал небольшой грузовичок с фирменными надписями транспортной компании.

— Наш, — сказала Таня. — Удивительно точно!

Валентин открыл заднюю дверь «Патриота», куда аккуратно сложили мешки с «гуманитаркой», сумку с дорогими приборами пристроили на заднем сиденье.

Заехав в заведение общепита, пообедали, после чего отвезли Таню на автовокзал, где уже был куплен билет на обратную дорогу до Москвы.

— Надо же, — она обнимала супруга, стоя возле автобуса. — Всего два часа с тобой, а как будто энергией зарядилась, как будто совсем не устала с этими перелётами, — сказала Таня.

— Как же я рад, что ты приехала, — прошептал Юра. — Ты не представляешь, как... среди всего этого... увидеть тебя... мою девочку...

— Юра, — она уже смотрела на мир мокрыми глазами.

— Таня, — он тоже чувствовал, что ещё не много, и не сдержит чувств.

— Автобус отправляется! — крикнул водитель. — Прошу пассажиров занять свои места!

— Иди, — Юра поцеловал супруга. — Опоздаешь...

— Я люблю тебя, — сказала она и в нагрудный карман куртки положила небольшую шоколадку — «Алёнку»: Пусть лежит у тебя в кармане, будет трудно — она тебя спасёт.

Таня зашла в автобус, Юра сел в машину. Их пути сейчас временно разошлись, но души стали ближе, чем когда-либо.

На переходе границы их попросили предъявить машину к досмотру. Валентин показал удостоверение, боевое распоряжение, которым он подкрепился на всякий случай, и заявил, что с ним следует спецгруз, досматривать который он не позволит.

— «Гуманитаркой» промышляете? — поинтересовался таможенник.

— Не могу ответить на ваш вопрос, — Каренин развёл руками.

— Я буду вынужден арестовать груз до выяснения причин, — заявил таможенник — в его глазах уже читалась прибыль от изъятия гуманитарного груза и последующей его продажи.

— Каких таких причин? Основание? — спросил Валентин. — Я показал вам боевое распоряжение, подписанное начальником управления службы по округу, в котором указано, что сопровождаемый мною груз досмотру и изъятию не подлежит, показал вам документ, удостоверяющий личность, в данном случае этот перечень документов является закрытым и достаточным.

— В обычное время да, — согласился таможенник, — но сейчас у нас особый мобилизационный период, и требования изменились. Груз мы у вас всё же изыщем.

Каренин не стал вступать в длительные споры, а просто позвонил коллеге, обеспечивающему данный таможенный пост, и кратко обрисовал ситуацию. В течение пяти минут ретивому чиновнику перезвонили, и после короткого разговора он поблел, извинился за доставленные неудобства и пропустил машину без досмотра, пожелав счастливого пути.

— Наживаются на войне, — пояснил контрразведчик. — Руки до них пока не доходят, много других дел... сейчас, кстати, увидишь, кто и как тут ещё промышляет.

Пока доехали до Антоновки, машину несколько раз останавливали патрули различной принадлежности — и всех горячо интересовало, что было в мешках. Натыкаясь на удостоверение ФСБ, некоторые утрачивали интерес, другие же ставили под сомнение достоверность «ксивы» и нагло лезли на рожон, и только способность контрразведчика сохранять спокойствие и подбирать правильные слова, каждый раз спасали ситуацию.

— Распоясались, — негодовал Валентин после каждого подобного «поста». — Надо будет заняться этими романтиками с большой дороги. Фронта не видят, зато в тылу — герои...

Ему было известно, что на дорогах республик бесследно исчезали машины с волонтерами, возящими «гуманитарку» на фронт. Потом пропавшая «гуманитарка» всплывала где-нибудь в объявлениях по продаже. К сожалению, сами волонтеры исчезали навсегда. Бороться с этим явлением было некому — у контрразведки своих задач было по горло, а правоохранные органы молодых республик были массово мобилизованы с началом СВО и брошены на фронт, оставив «на хозяйстве» недостаточно опытных сотрудников, не способных пресечь разгул дорожного бандитизма.

Единственное, что Каренин знал точно, многие из тех, кто организовывал официальные посты, тесно сотрудничали с бандитами, являясь для них первыми наводчиками и требуя «по результату» свою долю. Это был прибыльный «бизнес», отдавать который никто не хотел.

К счастью, до места расположения удалось добраться без подобных приключений. Доставленный в отряд груз произвел настоящий фурор — бойцы были безмерно счастливы.

— Ставлю тебя в известность, что в части округа прибыло мобилизационное пополнение в количестве двадцати тысяч человек, — сказал генерал Миронов. — Это позволяет нам полностью восстановить боеспособность дивизии и всех боевых бригад. Поэтому... — Миронов сделал шаг к карте, висящей на стене, и ткнул в неё

пальцем: — Смотри — это твой Сталедар. По меркам Ростова — небольшой спальный район. Как говорится — всего делов — «зайти и выйти». Но есть лично для тебя очень приятный момент. Как только ты докладываешь мне о взятии Сталедара, на стол Верховного я лично кладу представление тебя на Героя. Погоны генерал-майора как прилагаемый бонус. Уверен, получишь под своё командование армию — генерал Лазаренко завтра покинет свой пост, ты становишься врио, а там уже — как проявишь себя. Так что давай, полковник, действуй.

— Есть, — кивнул Павлов.

— Срок на подготовку — сутки. На всю операцию — два-три дня. В первый день ты берёшь Петровку, на второй день — Сталедар. И помни, что в Генштабе смотрят на то, как ты проведёшь эту операцию. Это твой шанс. Надеюсь, ты всё правильно понимаешь.

— Так точно, товарищ генерал, — Павлов с трудом сдерживал улыбку — ещё бы — буквально несколько дней отделяли его от заветной мечты — генеральских погон и звания Героя. — Что я могу обещать командирам соединений?

— Обещать можешь всё, — усмехнулся Миронов. — А там уже посмотрим, кто чего будет достоин в реальности. Тридцатого числа ты мне докладываешь о взятии города. Свободен.

— Есть, — полковник козырнул и вышел из кабинета командующего группировки, оборудованного в одном из подвалов Антоновки.

Спустя час он уже находился на командном пункте мотострелковой бригады, и взяв указку, подошёл к карте, висящей на стене.

— Твоя бригада сегодня получает мобилизационное пополнение — две тысячи человек. Поэтому... смотри,

Коля, — Павлов ткнул указкой в точку на карте: — Это Петровка. Это Сталедар. По данным разведки армии оборона посёлка состоит из двух рот территориальной обороны. Город обороняет механизированная рота и танковый взвод, который у них остался после разгрома в Николаевке. В общем, как ты понимаешь, «зайти и выйти». Делов на два-три дня. Но самое главное — если ты тридцатого числаставишь флаг на самое высокое здание Сталедара, Миронов готов будет подписать на тебя представление... — Павлов выдержал театральную паузу. — На Героя.

Михайлов засветился бесконечной радостью — тщеславие и завышенные амбиции всегда были основой «управленческого таланта» многих военачальников, как бы они того не отрицали даже сами себе.

— Сделаем, товарищ полковник, — заверил он. — Всего-то делов, как вы говорите — «зайти и выйти».

— И смотри, это твой шанс. На операцию будет смотреть Генштаб. Сам полагай, какие перед тобой откроются перспективы... в случае успеха.

— Я всё понял, Альберт Романович. Я всё понял. Успех обеспечим.

Ещё через пару часов Михайлов собрал свой штаб и командиров батальонов и мобильного отряда, который за последние пару месяцев разросся до роты и начал представлять ощутимую силу — такую, что его командира стали приглашать на командирские совещания.

— Товарищи офицеры, сегодня бригада получила пополнение — две тысячи свежих штыков, и поэтому перед нами поставлена боевая задача — взять Петровку и следом, действуя на плечах отступающего противника, ворваться в Сталедар и овладеть им. Предлагается решить эту задачу за два-три дня. С учётом восстановления боеспособности бригады за счёт прибывшего мобилиза-

ционного пополнения, полагаю, что решение поставленной задачи не столкнётся с непреодолимыми трудностями. На разработку операции и подготовку подразделений к бою отведен один день, то есть, оставшиеся до вечера четыре часа. Завтра в пять часов утра штурмовые колонны должны начать выдвижение на Петровку. Предлагаю установить порядок нашей работы на завтра. Начальник разведки, вам слово.

Со стула поднялся начальник разведки бригады майор Кобзев.

— Товарищ полковник, данные о противнике не полные, но те, которыми мы располагаем, не позволяют рассчитывать на успех наступательных действий даже с учётом прибывшего пополнения. Нам противостоит 72-я механизированная бригада без одного батальона, два стрелковых батальона территориальной обороны, сводный добровольческий отряд нацистов до ста человек, серьёзная артиллерийская группа механизированной бригады, на вооружении которой имеются до шести «топоров» с «эскалибурами». На крышах многоэтажек размещены до четырёх ПТРК «Стugna», которые могут достать до дороги между Петровкой и Горским.

— По данным Павлова, нам противостоит две роты в Петровке и рота в Сталедаре, — возразил командир бригады.

— Товарищ полковник, — Вадим Кобзев развёл руками: — Я за свои данные ручаюсь. Я их ежедневно получаю от своих разведывательных органов и тщательно анализирую. Всё это я передаю и в группировку, а как они это там анализируют, мне не ведомо.

Не вступая в спор с разведчиком, Михайлов посмотрел на Хвостова:

— Командир танкового батальона, я вас слушаю.

За полгода взлетевший с должности командира взвода на должность исполняющего обязанности командира батальона капитан Миша Хвостов встал со стула.

— Я, товарищ полковник!

— Изложите ваше видение организации предстоящего боя.

— Предлагаю одну мою роту задействовать в атаке на Петровку со стороны Николаевки, другую со стороны Горского, третью держать в резерве для развития успеха в направлении Сталедара. Подразделения, действующие в первом эшелоне, предлагаю распределить вот по этим восьми лесополосам...

— Принимается, — кивнул комбриг. — Командир первого батальона!

Женя Гусев поднялся и, переминаясь с ноги на ногу, осторожно сказал:

— Товарищ полковник, вы видели это пополнение? Я не представляю, как с ними идти в бой. Они приехали все в хлам бухие, с машин натурально выпадали — хорошо, что не убились. Мои ротные их сейчас размещают по домам, постоянно возникают конфликты, они лезут в драку на офицеров, им нужно пару дней, чтобы протрезветь, потом нужно будет заняться с ними боевой подготовкой, научить их хотя бы чему-то. А то, из того, что я увидел, это всё очень печально. Я не могу с такими людьми идти в бой.

— Вы полагаете, что в окружном учебном центре, где они провели два месяца, их ничему не учили?

— Я в этом уверен, товарищ командир, так как обстановку в учебном центре знаю хорошо, — сказал Гусев.

— Мне командующему так и доложить? — спросил Михайлов. — Что пополнение не готово, выполнить приказ командующего группировки я не могу?

— Товарищ полковник, я вам довёл истинное положение дел в батальоне, а докладывать или нет — это ваше право, — заявил комбат.

— В общем, так, майор, — командир бригады повысил голос. — С этими людьми вы завтра идёте в бой и решаете поставленную задачу. Кто из них выживет — станет настоящим воином, кто погибнет — значит, плохой он солдат. Ясно?

— Так точно, — кивнул Гусев. — И второй момент. Завтра из них мало кто вообще на ноги встанет. Им нужно, как я уже сказал, пару дней, чтобы протрезветь.

— В бою протрезвеют, — отмахнулся комбриг. — Здесь война, а не вытрезвитель. Или вы что, не знаете, что нужно делать с алкашами?

— Товарищ полковник, что с ними делать, я знаю. Но на все воспитательные мероприятия у меня просто нет времени.

— Значит, воевать завтра пойдёте только с теми, кто сможет идти, — Михайлов сказал это в такой интонации, что все присутствующие поняли, что далее обсуждать этот вопрос он не намерен.

— Есть, — кивнул Женя. — Тогда я готов действовать с одной из танковых рот Хвостова.

— Второй батальон? — спросил Михайлов.

Командир батальона майор Витя Васильев поднялся и пожал плечами:

— Товарищ полковник, у меня проблемы все точно такие же, как и у «Стрельца» — люди прибыли никакие, им нужен отдых, как минимум. И подготовка.

— На ваши проблемы у вас есть время до утра, — сказал Михайлов. — Родина дала вам людей, численность бригады восстановлена, а вы сейчас ищете оправдание, чтобы не идти в бой. А оправдание, товарищ майор, это скрытая форма неповиновения.

— Тогда у меня тоже всё просто — буду действовать с другой ротой Хвостова, — сказал Васильев.

— Разведывательный батальон? — комбриг искал глазами комбата.

— Могу побыть в оперативном резерве, — сказал Чехов. — Как обычно.

— Савельев? — комбриг посмотрел в сторону командира артиллерийского дивизиона.

Андрей поднялся.

— Я получил пополнение, двести тридцать человек, из них только двое — артиллеристы. Ну, это ладно, вопрос со временем решим — хотя бы снаряды подносить к орудиям завтра они смогут. Сейчас мне необходимы актуальные цели, план огневого поражения, количество боеприпасов на артиллерийскую подготовку атаки, на артиллерийскую поддержку атаки, на изоляцию района, на контрбатареиную борьбу, на подавление внезапно появляющихся целей. Дайте мне порядок взаимодействия и связи с наступающими подразделениями, кто и как мне указывает цели...

— Стоп, — комбриг остановил вопросы артиллериста. — Сколько у тебя сейчас есть снарядов?

— В дивизионе «Гиацинтов» есть шесть полных ОФС, двенадцать уменьшенных ОФС, четыре уменьшенных дымовых, в реактивной батарее двадцать шесть ракет для «Града», в противотанковой батарее есть тридцать два снаряда к «Рапирам», восемь ракет к «Фаготам», ещё, насколько я знаю, десять ракет к «Корнету» есть у Трофимова в мобильном отряде. Дивизион Д-30 вообще пустой, нет ни одного снаряда. К «сто двадцатым» миномётам есть восемь осколочно-фугасных мин и шесть дымовых, к «восемьдесят вторым» есть двадцать три осколочно-фугасные мины. Всё перечисленное — это на пять минут

боя. Я с таким количеством боеприпасов войну бы не начинал, товарищ полковник. Потому что подавить врага снарядами и мин не хватит, а наступление на неподавленную оборону — это преступление. И вам это известно.

— Знаешь, Андрей, ты со своими «преступлением» иди лесом, — ответил Михайлов. — Завтра ты получишь ещё снарядами, ракет и мин.

— Завтра — это когда? После пяти часов утра? После начала атаки?

— Завтра — это завтра.

— Тогда спрошу — сколько?

— Сколько привезут — всё твоё.

— Это не ответ, — не отставал Савельев.

— Другого ответа у меня для тебя нет, — обрезал Михайлов и посмотрел на Трофимова: — Мобильный отряд!

— Товарищ полковник, мобильный отряд мобилизационное пополнение получил в размере тридцати человек. Все эти люди к решению боевых задач не готовы. Но я готов действовать «старыми силами» как и прежде: заблаговременный выход снайперских и противотанковых групп на огневые позиции, кроме того, отряд в настоящее время располагает десятью FPV-дронами, оснащёнными боевыми частями от выстрелов ПГ-7ВМ.

— Это что ещё такое? — спросил командир бригады.

— Ну, это такие дроны, скоростные, которыми можно бить технику или укрепления противника, — пояснил Юра.

— То есть, майор, ты хочешь сказать, что ты разукреплял гранатомётные выстрелы, поставил их боевые части на какие-то игрушки и докладываешь мне, какой ты Д'Артаньян, в то время, когда у нас общая нехватка боеприпасов? Я тебя правильно понял?

— Так точно, товарищ полковник, — ответил Юра таким тоном, что все присутствующие поняли, что он включил в разговоре с командиром бригады режим «ты начальник — я дурак».

— Вернуть всё на штатное место и передать гранатомётные выстрелы в первый батальон, — приказал Михайлов.

— Так точно, товарищ полковник, — козырнул Трофимов. — Есть десять боевых дронов с дальностью полёта шесть километров вернуть обратно для применения с гранатомётами на дальность стрельбы пятьсот метров! Разрешите выполнять?

Командир бригады окинул командира мобильного отряда презрительным взглядом:

— Майор, тебе не надоело в игрушки играть? И хамить мне при каждом удобном случае?

— Товарищ полковник, я у вас уточняю поставленную задачу. Мне же надо понимать, как при полном отсутствии артиллерийских боеприпасов и нормального боевого планирования, я завтра буду обеспечивать боевую работу фактически небоеспособных батальонов.

Сейчас он сказал то, о чём думал каждый сидящий на совещании офицер. Но почему-то никто не возражал командиру бригады, опасаясь за свои должности и положение, быстро достигнутое на фронте — которое так же быстро могло исчезнуть — и примеров на то было очень много. Внезапно его поддержал начальник артиллерии бригады:

— Трофимов правильно всё говорит. Мы сейчас вписываемся в заведомый разгром, товарищ полковник. Вчера хохлы разнесли «хаймерсами» основной склад боеприпасов нашей общевойсковой армии, других запасов у нас нет и до завтра пополнить их никак не сможем,

чего бы вы мне не обещали. А если нет снарядов, мы не имеем права наступать, ибо в противном случае мы потеряем всё мобилизационное пополнение.

На мгновение повисла тишина, но чувствуя, что ему не хватает личного авторитета для разрешения назревающей ситуации, Михайлов снова заручился авторитетом вышестоящих командиров.

— Вы сейчас что, пытаетесь уклониться от выполнения приказа, поставленного командующим группировкой?

— Я приказ, товарищ полковник, в глаза не видел, — ответил Савельев, намекая на отсутствие приказа в письменном виде, что было широко распространённой практикой для ухода командиров от ответственности — все это знали, но изменить сложившееся положение не могли.

— Я тебе его сейчас устно поставлю, — вскипая, пообещал Михайлов. — А не нравится, поставлю задачу командовать штурмовым отрядом, вместо артиллерии. И будешь воевать не артиллерией, а вот этими пьяными мужиками!

— Товарищ полковник, — Савельев тоже стал накаляться. — Я-то пойду, хоть в штурмовики, хоть куда. А вот лично у вас ничего не ёкнет? Они хоть и пьяные, но они — люди, которые завтра протрезвеют. Или скажете, что вы сами так не бухали никогда? По-вашему получается, пусть мобилизованные мужикидохнут перед неподавленной обороной, так?

Михайлов вскипел окончательно, и, срываясь на визг, крикнул:

— Пошёл вон отсюда, подполковник!

Не собираясь дальше дискутировать с командиром бригады, Савельев молча вышел из помещения, громко хлопнув дверью.

— Кто ещё хочет высказаться? — свирепый взор командира бригады обошёл каждого присутствующего и остановился на Трофимове: — А ты, иди, и выполняй, что я тебе приказал.

— Не «ты», а «вы», товарищ полковник! — Трофимов встал и вышел вслед за начальником артиллерии.

— Ещё есть мятежники? — спросил комбриг.

В ответ ему была тишина.

Догнав Савельева, Юра сказал:

— Андрей, постой.

— Пошёл он на хер, — отмахнулся артиллерист. — Не буду возвращаться!

— Да я тебя не зову обратно, — поспешил сказать Трофимов.

Савельев остановился и посмотрел в глаза командиру мобильного отряда.

— Вот скажи мне, Юра, как воевать, если командир такой мудака?

— Он что, один такой, что ли? — усмехнулся Юра. — Ты давно в армии или группировке был?

— Но ведь ещё совсем недавно, когда Коля был комбатом, он же не был таким. Что с ним произошло? Откуда у него такое безразличие к человеческим жизням появилось?

— Да откуда нам это известно, с нашей-то колокольни, — Юра развёл руками. — Когда туда, в высшие слои атмосферы, люди попадают, они там быстро меняются. И за своё положение готовы рассчитывать чем угодно. Хотя бы жизнями подчинённых им людей. А то, каким он был комбатом, да просто у него на той должности не

было возможности проявить себя в качестве людоеда, и всего лишь.

— Мы как будто завтра собрались немца трупами заваливать, чтобы взять эту Петровку! Как будто для какой-то даты кому-то срочно понадобилось взять эту деревню в три двора, да Сталедар в десять многоэтажек...

— Полагаю, что Колю чем-то заинтересовали... — сказал Юра. — Могу даже предположить звезду Героя.

— Зная Михайлова — могу легко в это поверить, — ответил Савельев. — Завтра бригада хлебнёт горя... ради звезды своего командира. Пойдём, хотя бы с тобой отработаем взаимодействие. Будешь корректировать огонь, когда всё начнётся. Приберегу для тебя немного снарядов.

После детальной отработки элементов боевого взаимодействия с главным артиллеристом бригады, Юра вернулся в расположение своего отряда и собрал командиров взводов и оператора БПЛА: недавно прибывшего по мобилизации капитана Захарова, вернувшегося из госпиталя лейтенанта Крылова, младшего лейтенанта Романова и рядового Назарова.

— Наступление на Петровку запланировано на пять утра. Батальоны будут двигаться вдоль восьми лесополос, полагаю, нас куда-то туда и пошлют. Предлагаю в полночь на основные направления выслать четыре снайперские группы, которые к утру начнут зачищать наблюдателей, а с началом боя — подавлять огневые точки. «Корнетчиков» держим в качестве оперативного резерва в готовности выдвинуться на угрожаемые участки. Ты, Руслан, — Юра посмотрел на главного «дроновода» отряда, — со своими помощниками выходишь на рубеж боевой работы с таким расчётом, чтобы с рассветом быть в готовности запускать свои игрушки. Оператор «Мави-

ка» должен иметь запас аккумуляторов не менее чем на шесть полётов.

Руслан Назаров кивнул:

- Есть, командир. У меня всё готово.
- Сколько сегодня собрали «игрушек»?
- Всего сейчас в готовности четырнадцать, но гранаты есть только на двенадцати — те, что были, уже все установлены на дроны, а пехота больше реактивных гранат не даёт, говорят, что им на гранатомёты надо.

Юра не стал сообщать Назарову требование командира бригады вернуть реактивные гранаты в мотострелковый батальон.

— Сколько подготовили ВОГов для сброса с «Мавика»?

- Десять. Больше хвостов пока нет.
- Принял...

Каждый раз, глядя на Назарова, Юра невольно улыбался. Руслан совершенно не был похож на военного человека — он был с заметным превышением веса, нескладный, рыхлый, со слабыми руками, не матерился, голоса не повышал, на турнике не мог подтянуться ни разу, а при беге «умирал» уже на первых ста метрах. Если бы не война, он бы ни при каких обстоятельствах не оказался в армии, но война много кому изменила жизнь — и Назаров попал под мобилизацию, даже не имея за своими плечами срочной службы — в районном военкомате, лихорадочно выполняющим план по призыву, посчитали, что и такой гражданин вполне достоин понести почётную обязанность по защите Родины и определили его в мотострелковую бригаду по военно-учётной специальности «стрелок-санитар». Когда же Трофимов приехал в окружной учебный центр подбирать в свой отряд толковых парней из числа мобилизованных, на перепуганного пузатого

очкарика он обратил своё внимание в самую последнюю очередь, и то, только лишь потому, что ему откровенно стало жалко этого человека, всем своим видом бесконечно далёкого от армейской действительности. Юра подошёл к бойцу поинтересоваться, как же того угораздило попасть под мобилизацию. А когда парень рассказал, чем он занимался в своей жизни последние пять лет, то Юра в очередной раз убедился, что Бог на свете есть.

Оказалось, что толстяк был чемпионом России по гонкам на скоростных дронах, прекрасно разбирался в технической составляющей этого процесса, умел держать в руке паяльник, умел программировать полётные процессоры, прекрасно разбирался в теории и практике организации связи и её радиоэлектронного подавления.

Трофимов сделал всё, чтобы как можно быстрее изъять «Чемпиона» из разлагающей среды беспробудного пьянства и вечных выяснений отношений, царивших на полигоне среди мобилизованных, и как следствие, представлявших угрозу физического существования человеку, который не мог обидеть и мухи, но который для фронта был важнее всей роты, где он числился с момента мобилизации.

Впрочем, если отношение к мухам у Назарова и не изменилось, то в своём деле за последнее время он продемонстрировал ранее никем не виданные возможности. Налаженная гуманитарная работа позволила организовать поставку комплектующих, из которых Руслан сноровисто собирал 7-дюймовые ударные дроны, между делом летая на «Мавике» или на разведку, или на сбросы. Уже через два месяца после того, как он перешагнул порог военкомата, его боевой счёт лично им убитых врагов превысил личный снайперский счёт самого Трофимова.

Видеозаписи с неизменной надписью по центру экрана «нижняя подсветка вкл» Юра отправлял супруге, а та ставила их на своём канале, набирая подписчиков и расширяя охват, что отражалось на сборе пожертвований и соответственно, качественном улучшении технического оснащения мобильного отряда.

Однако, «Чемпион» считал, что сбросы — это не самое интересное, и активно работал над подбором наиболее оптимального заряда для FPV-дронов. Учитывая важность этого направления, Трофимов подобрал в свой отряд специалиста по минно-взрывной технике — вместе с которым дела у «авиационной» составляющей отряда пошли в гору. Боря Шустов до мобилизации работал техником по взрывным работам на руднике, и ему не пришлось долго вживаться в новую роль. Варианты взрывных устройств стали множиться с огромной скоростью — и всё это великолепие инженерной мысли легко могло быть доставлено к противнику с помощью FPV-дрона, буквально вчера считавшегося всего лишь дорогой игрушкой. Глядя на их «изобретения», состоящие из различных вариаций замыкателей, электродетонаторов и взрывчатки, Юра порой задумывался, чем эти двое будут заниматься после войны — и ему становилось не по себе от очевидности простого ответа — если кривая направит их в криминальное русло. Шустов ранее был судим за убийство — вступился за девушку и отсидел шесть лет, а перед мобилизацией работал взрывником на руднике только потому, что к работе под землёй люди особо не стремились, и работодатель закрыл глаза на его судимость. И вот блатные нотки, как заметил Трофимов, со временем начали передаваться безобидному Назарову, который, открыв личный счёт, стал менять своё поведение, в котором появилась смелость и жёсткость.

Впрочем, вопрос применения военных навыков в послевоенной жизни касался не только Назарова и Шустова, но и всех других людей, которые на войне приобретали не только технические навыки в лишении жизни других людей, но и теряли психологические ограничения, в мирное время сдерживающие от преступлений, а на войне растворяющиеся за ненадобностью. Но это всё будет потом, после войны, сейчас же это играло на достижение победы, а следовательно, должно было поощряться и развиваться.

И оно поощрялось и развивалось, даже вопреки мнению и желаниям вышестоящего командования.

В двадцать два часа Юра явился на «последнее» совещание перед наступлением, где доложил о готовности своих групп. Михайлов был больше озабочен танкистами и пехотой, и фактического внимания Трофимову не оказал, проигнорировав просьбу командира мобильного отряда указать место в предстоящем бою.

— Не до вас сейчас, — последовал ответ. — Подождите!

Начальник артиллерии сидел на совещании мрачнее тучи — новых снарядов никто ему не дал, и выполнять огневые задачи было нечем. Самым радостным был Миша Хвостов — его танковый батальон, состоящий из четырнадцати танков, был практически готов к выполнению боевых задач — машины были заправлены, экипажи накормлены, снаряды загружены. Батальон также получил мобилизованных бойцов, но садить их в танки пока не представлялось возможным — среди пополнения не было ни одного танкиста, и потому «мобииков» танкового батальона пока решили в бой не вводить.

Михайлов решил действовать двумя колоннами, состоящими из танков и БМП, которые должны были осуществить быстрый манёвр вдоль двух лесополос, сходящихся на юго-восточной окраине Петровки, после чего развернуться в боевой порядок и атаковать село. Четыре танка и шесть БМП оставались в резерве для последующего развития наступления. По шести другим лесополосам пехота должна была двигаться в пешем порядке — практически всю ночь.

— Успех действий будет обеспечен рывком бронегрупп, которые высадят пехоту на окраину Петровки, — полковник Михайлов водил указкой по карте: — Здесь и здесь! С завязкой боя начнут подходить пешие штурмовые группы, которые будут продвигаться по селу каждая в своём секторе. Колонны начинают движение в пять часов, пешие группы начинают выдвигаться в два часа ночи.

В какой-то момент времени Михайлов пересекался взглядом с Трофимовым.

— Майор Трофимов!

— Я, — Юра поднялся.

— Ты выводил своих снайперов на огневые позиции с таким расчётом, чтобы они до подхода пехоты успели выбить вражеских наблюдателей и дежурные огневые средства... — он провёл указкой по краю села: — Вот на этом рубеже.

— Мои группы выходят в полночь, — ответил Трофимов. — Занимают указанные рубежи и начинают работать. С начальником артиллерии мы отработали взаимодействие по корректировке огня.

— Отлично, — кивнул Михайлов. — Вот можете же, когда захотите. Предложения есть?

Снайперским группам от окраины Горского до окраины Петровки по лесополкам нужно было идти около че-

тырёх километров, а пехоте с мест её сосредоточения — от пяти до семи километров — это могло создать сумятицу в ночной мгле, и поэтому Трофимов сказал:

— Предлагаю на всех маршрутах выдвижения выставить посты обозначения и регулирования. Чтобы в ночное время подразделения не сошли со своих направлений и не заблудились. Ну, и чтобы друг друга не перестреляли.

— В трёх соснах не заблудятся, — возразил Михайлов. — Ничего ставить не будем — напрасная трата времени и сил.

Трофимов представлял, в каком физическом состоянии к рубежу атаки дойдут мобилизованные, обвешанные бронёй, оружием и боеприпасами, при том, что основная их часть была представлена достаточно возрастными людьми, в неге гражданской беспечной жизни позабывшими, что такое физическая подготовка, и усугубившими своё состояние обильно выпитым алкоголем.

Гусев и Васильев в своих батальонах из числа наиболее физически крепких старослужащих создали нештатные штурмовые взводы, предполагая первоначальные задачи батальонов решать этими «кулаками» — пока они не сточатся о вражескую оборону. А потом — будь, что будет.

— У меня вопрос, — со своего места поднялся начальник медицинской службы бригады.

— Слушаю, — Михайлов повернулся к «Доктору».

— Прошу обозначить на карте пункты сбора раненых, откуда мы будем проводить эвакуацию.

— Капитан, — Михайлов протянул медику указку: — Ткни в карту сам, и это будут точки эвакуации.

Данил указал три точки, командир бригады велел всем присутствующим записать их себе и руководствоваться этими данными в ходе боя.

Исходя из имеющегося боезапаса, начальник артиллерии доложил своё видение предстоящего боя, где упор он решил делать на стрельбу дымовыми минами по двум опорникам на краю села для их ослепления в момент начала атаки, с последующим переходом на подавление выявленных целей. Другого варианта действий артиллерист не видел. Михайлов, остывший после прилюдного конфликта с Савельевым несколько часов назад, согласился с этим решением. Другого варианта действий у него тоже не было.

Юра осмотрел бойцов, назначенных на выход. С учётом всеобщего бардака он решил обойтись для начала двумя снайперскими группами, остальных же бойцов наметил вводить в бой по мере прояснения обстановки. Одной группой командовал сержант Борзов, другую в бой вёл младший лейтенант Романов. Оба командира групп были вооружены снайперскими винтовками 375 калибра, недавно полученными от спонсоров вместе с приличным количеством патронов. К винтовкам прилагались мощные тепловизионные прицелы, позволяющие уверенно стрелять на двухкилометровое расстояние.

— Давайте, с Богом, — Юра хлопнул Борзова по плечу. — Аккуратнее там. Главное — под своих не попадите.

— Не попадём, — ответил Романов, пожимая командиру руку. — Мы же в лесополке затихаримся, а пехота по опушке пойдёт.

— И помните про мины...

— Да как про них забудешь, командир, — Максим широко улыбнулся. — Тем более, что «Мины ждут своего часа»!

Когда группы растворились в ночи, Юра вернулся в дом, который отряд использовал как временную передовую базу в Горском. В доме с окнами, забитыми фанерой и профильным железом, было холодно. Топить имеющуюся печь было запрещено, а газовые отопители, находящиеся на базе в Антоновке, ещё не привезли.

Трофимов развалился в кресле и прикрыл глаза — снайперские группы дойдут до своих рубежей через несколько часов, и всё это время они будут придерживаться режима радиомолчания. Полёты коптеров можно будет начать только с рассветом, когда оператор будет видеть, куда лететь. Оставалось только спать... но как это делать при таком нервном напряжении, сопровождающим ожидание развязки?

Юра несколько раз выходил на улицу размяться, и в очередной выход стал свидетелем того, как мимо дома по улице в сторону Петровки прошла длинная колонна пехоты. Они брели в отрешении, молча. Было видно, что люди уже порядком устали, а идти им предстояло ещё несколько километров.

Вдруг Юра почуял запах от проходящей колонны людей — это было удивительное сочетание человеческого пота, оружейной смазки, обувной ваксы, перегара и животного страха — страха людей, которые шли к месту, в котором их будут убивать. Подумалось, что позже, спустя какое-то время, они найдут в себе силы жить в условиях войны, научатся воевать, научатся преодолевать себя и станут достойными воинами, но сейчас мимо него шли мужчины, которых Родина бросила в самое пекло специальной военной операции — не дав им времени даже на то, чтобы прийти в себя после длительного переезда.

— Есть курить? — от колонны оторвался один из бойцов и подошёл к Трофимову.

Юра поспешно вытащил из кармана «дежурную» пачку, выбил из неё пяток сигарет и высыпал их на протянутую ладонь.

— Держи. Удачи.

— И тебе того-же, — боец произнёс это с заметным презрением: всё же он шёл в бой, а тот, кто угостил его сигаретами, оставался в тылу, что разобщало их широченной пропастью — между смертью и жизнью.

Чуда не произошло — некоторые подразделения не смогли сориентироваться в темноте и вышли не на свои маршруты, что привело к наступлению по четырём направлениям всей массой пехоты, тогда как ещё четыре остались пустыми. На одном из маршрутов авангард одной роты догнал замыкание другой роты, и посчитав обнаруженных людей за противника, без всяких попыток опознать друг друга, открыл результативный огонь — начав счёт убитым в этом наступлении.

Обстреливаемая рота, посчитав себя попавшей в окружение, легла в круговую оборону и на целый час остановила всё движение по данному маршруту, расстреливая вокруг себя всё подозрительное. Михайлов, находящийся на передовом пункте управления, негодовал и сквернословил в эфир, пытаясь восстановить управляемость подразделений.

Как только удалось всё выяснить и заставить обе роты двинуться дальше, выделив людей на вынос раненых (погибших пока решили не трогать, сложив тела убитых на опушке лесополосы), история со взаимным

обстрелом повторилась на другом маршруте с точностью до наоборот — там замыкание в темноте увидело догоняющих их людей и особо не разбираясь, открыло огонь.

Офицеры, присутствующие на командном пункте, стали высказывать опасения, что фактор внезапности из-за этой стрельбы утрачен, и во избежание больших потерь следовало бы сыграть команду «откат», на что командир бригады заметил, что безотносительно того, утрачена внезапность или нет, бригада продолжит двигаться вперёд, чтобы «взломать оборону врага силой оружия».

Разведчики доложили, что гарнизон Петровки поднят по тревоге и украинские солдаты занимают оборону, готовясь к отражению атаки.

— Командир, надо отходить, — сказал начальник штаба Сергей Серов. — Нам сейчас здесь воткнул по самые помидоры. У нас нет той силы, которой мы могли бы ломать вражескую оборону.

— Никаких откатов, — Михайлов старался придать своему голосу железные нотки. — Решение командира разгромить противника должно быть твёрдым и непреклонно доведено до конца! — поучительно процитировал он строчку из Боевого Устава.

— Это было бы справедливо, — заметил Серов. — Если бы мы обеспечили нормальное поражение обороны противника, а сейчас мы просто людей поубиваем без всякого результата... Или, даром, что мобилизованные?

— Людей? — спросил комбриг. — Здесь нет людей! Есть только солдаты! Мобилизованные они, или контрактники — нет никакой разницы!

— Отмените атаку, товарищ полковник, — начальник штаба повысил голос. — Я вас прошу.

— Сопли подберите, подполковник, — Михайлов посмотрел своему начальнику штаба в глаза: — Или вы мо-

жете предложить мне здесь и сейчас иной способ взятия села? Если нет, тогда попрошу вас не мешать мне выполнять боевую задачу, поставленную командующим группировкой!

Начальник штаба опустил взгляд — на такой аргумент возразить было нечем.

В четыре часа утра противник отработал по одной из штурмовых колонн пакетом «Града». Командир второго батальона тут же доложил о больших потерях и запросил машины для эвакуации раненых и тел погибших. В качестве эвакуационной группы к месту трагедии Михайлов направил КамАЗ с отделением разведчиков, который, не доезжая пары сотен метров до ожидавших его столпившихся людей, получил противотанковую ракету в кабину и сгорел у всех на виду.

Ситуация со скрытностью осложнялась ещё и тем, что Петровка находилась в низине, а Горское с одной стороны и Сталедар с другой стороны, располагались на пологих склонах обращённых друг к другу возвышенностей, отчего украинские расчёты ПТРК, расположенные к тому же на крышах первой линии многоэтажек, прекрасно видели все передвижения автомобильной или боевой техники на участке от Горского до Петровки — и широко этим пользовались, работая противотанковыми ракетами почти на пределе дальности их пуска.

Когда в наступление пошли танки, вначале одна колонна свернула не там, где было нужно, пустившись в полчасовые плутания от одной лесополки к другой, а потом другая колонна вышла на минное поле, где в течение двух минут три танка лишились хода, а две БМП разнесло в клочья, что повлекло остановку остальных машин, экипажи которых пребывали в нерешительности, и идти дальше не спешили.

— «Броня», я «Скиф», чего встали? Продолжаем движение! — все переговоры Юра слышал, находясь в доме — одна из раций была настроена на общебригадную волну.

— «Брод», я «Броня», вперёд! — Хвостов, подстёгнутый командиром бригады, теперь толкал вперёд своих танкистов. — Не стоим, двигаемся!

— «Броня», я «Брод», двигаться не могу, я разулся, — объяснил причину остановки один из командиров взводов.

— «Брод», меняй любого командира танка и вперёд! — было слышно, как Михаил старается «командирским» голосом управлять своими подчинёнными.

Трофимов выскочил из дома и перебежал на окраину села, где находился его противотанковый расчёт с ПТРК «Корнет».

— Что у вас? Противника наблюдаете? — спросил он у ракетчика.

Захаров указал рукой в сторону многоэтажек Сталедара.

— Товарищ майор, мы обнаружили их противотанковый расчёт.

— Достанем?

— Достанем, — кивнул Илья. — Сейчас тепловизор «разогреется», и начнём работать.

Трофимов, обозначая своё участие в бою, вышел в эфир:

— «Скиф», я «Восток», наблюдаю жирные цели в городе, могу работать.

— «Восток», я «Скиф», давай, бей немцев!

Тепловизор прицела противотанкового ракетного комплекса доставал до города на пределе дальности, однако, вражеский ПТРК, находящийся на крыше, виден был хорошо, особенно после того, когда при пуске раке-

ты, пламя лизнуло стену дома, оставив на ней заметный тепловой след.

— Сейчас мы с ним разберёмся, — Захаров в разрыв прицельной марки поймал тепловое пятно на крыше дома и перед тем, как пустить ракету, громко крикнул: — Выстрел!

Позиция полыхнула огнём, сопроводив пуск ракеты громким хлопком.

Илья начал вслух отсчитывать секунды, чтобы практически весь путь ракета прошла выше линии визирования и не мешала наблюдать цель через тепловизионный прицел, но за несколько секунд до достижения цели, вывести её на наблюдаемое тепловое пятно.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... — вслух считал Захаров.

В сумерках наступающего рассвета Юра видел только яркую точку работающего двигателя ракеты, которая, рыская, сближалась со Сталедаром.

— Двадцать, — сказал Илья и прекратил счёт.

Спустя ещё две секунды далеко впереди полыхнула вспышка разрыва.

— Есть, — удовлетворённо сказал Захаров.

Однако, спустя минуту, с крыши был выполнен очередной пуск, в результате которого один из подорвавшихся на mine танков загорелся, а спустя несколько секунд на нём взорвалась боеукладка.

— Это, похоже, «Стugna», — сказал Захаров. — Оператор комплекса находится на расстоянии от пусковой установки и управляет полётом ракеты с выносного пульта. От нашего попадания он вполне мог выжить сам, а взрыв, видимо, не повредил его пусковой станок...

— Меняйте позицию, — это было единственное, что Юра смог порекомендовать. — Чтобы не попасть под его ракету.

В это время обе снайперские группы дошли до назначенных рубежей, осмотрелись и начали работать. К наступлению рассвета они смогли уничтожить двух наблюдателей и одного дежурного пулемётчика. Однако, радоваться долго не пришлось — один из бойцов группы, мобилизованный с Чукотки парень, находясь совсем рядом от Романова, буквально переминаясь с ноги на ногу, вдруг наступил на мину.

Взрывом ему раздробило стопу, и все кинулись оказывать первую помощь. Пока ему накладывали турникет, разрезали кроссовок и тампонировали кровавые лохмотья, Максим внимательно осмотрел место пребывания группы, в результате чего у него на голове натурально зашевелились волосы — оказалось, что вот уже полчаса снайперская группа находилась в центре минного поля, хорошо засеянного противопехотными «лепестками» ПФМ-1.

— Пацаны, всем стоять на месте, мы на минном поле!

Когда первая рота первого батальона сблизилась с окраиной села на триста метров, Женя Гусев, понимая безальтернативность событий, приказал командиру роты совершить рывок к опорному пункту противника — буквально через открытое поле, поросшее неубранным по черневшим подсолнухом. Комбат уже прекрасно понимал, что взятие села не обойдётся малой кровью, но всё же попытался вложиться в рывок, как в возможность ворваться в окопы противника — хотя бы теми людьми, кто сможет преодолеть это пространство.

Не было никакого киношного «ура», да и люди, нагруженные боеприпасами и амуницией, не бежали, а медленно шли — проваливаясь по щиколотку в переувлажнённую после дождей почву, с трудом вытаскивая из грязи ноги. Когда рота была уже ровно между лесопосадкой и окраиной Петровки, противник приступил к отражению атаки.

Со стороны врага заработали миномёты и пулемёты. На открытой местности, да с таким грунтом, не позволяющим бежать, шансов выжить у людей оставалось не много. Мины сыпались одна за другой, с каждым разрывом убивая и калеча людей, которые ещё два месяца назад и представить себе не могли, что когда-нибудь возьмут в руки оружие и пойдут в эту самоубийственную атаку.

Вопли от боли и ужаса тонули в грохоте разрывов, хороня надежды на прорыв в село. Командиры взводов перестали выходить на связь, лейтенант Исмаилов, накануне назначенный командиром первой роты, по рации доложил, что получил ранение, после чего затих. Буквально через двадцать минут украинские миномётчики прекратили интенсивный огонь, так как это уже больше не требовалось — как организационная единица, рота прекратила своё существование, а атака захлебнулась.

— «Стрелец», я «Скиф», — командир бригады вызвал на связь командира первого батальона. — Чего топчемся? Вперёд!

— «Скиф», там наступать некому, роту размотали, — ответил Женя. — Потери большие, количество доложу позже. Прошу команду на откат!

— «Стрелец», мне плевать на потери! Иди, и поднимай людей в атаку! — заорал Михайлов. — Твоя задача — ворваться на опорник и захватить его! Если твой ротный этого сделать не может, тогда ты, командир батальона, иди и сам всё делай! Ты меня услышал? Вопрос!

— Так точно, «Скиф», — отозвался Гусев.

— Выполняй! И через полчаса жду от тебя доклад о зачистке опорника!

Слушая этот радиообмен, Юра не мог оставаться безучастным зевакой. Он метался по дому, не находя себе места, при том, что помочь сейчас он ничем не мог — до рассвета оставалось ещё много времени, и только тогда бы он смог начать корректировать огонь артиллерии, наблюдая за обстановкой с разведывательного коптера.

Схватив рацию, настроенную на выделенную волну мобильного отряда, Юра вызвал Романова.

— «Шеф» на связи, — отозвался тот.

— Что там у вас? Как «Чукча»?

— Турникет наложили, рану закрыли, готовимся выносить, но пока не можем выйти из лесополки — мины убираем. Красным фонарём свечу по земле, нахожу «лепестки» и отбрасываю их в яму. Как расчищу выход на дорогу, так и двинемся обратно.

— Ты со своего места бой сейчас наблюдаешь?

— Так точно. Немцы нашу роту в клочья порвали. Даже отсюда слышу, как раненые помощь просят.

— Противника видишь?

— Нет, передний край у немцев сейчас молчит. Видимо, ждут, когда наша пехота снова в атаку подойдёт.

— Значит так, — Юра буквально почувствовал, как тяжело ему будет отдавать этот приказ. — Раненого несут двое, да, им будет тяжело, но вариантов нет — сейчас всем тяжело. Поднапрягутся, и всё получится. Ты с «Ланцетом» остаёшься на позиции, и как только противник обозначит себя, начинаешь работу. Как принял?

— Принял на «хорошо», — ответил Максим, давая понять, что если бы было на «отлично», то он согласился

бы с приказом безоговорочно, а если только «хорошо», то есть вопросы...

— Действуй, — сказал Трофимов. — Ты обязательно должен выбить у них пулемёты.

— Я понял, командир, — спокойно ответил Романов.

Когда Женя Гусев по лесополосе дошёл до места, откуда было видно поле, усеянное убитыми и ранеными бойцами, его встретил командир третьего взвода первой роты лейтенант Елизаров — выпускник текущего года.

— Товарищ комбат, — лейтенанта заметно трясло. — Командир роты пропал без вести, мы тут, кто остался, решили, что я теперь командир роты...

— Ты должен был не «мы решили», а «я решил»!

— Так точно, товарищ майор. Я решил, — исправился офицер.

— Доложите обстановку, — потребовал Гусев. — И возьмите себя в руки! Перестаньте дрожать!

— Есть взять себя в руки, — ответил молодой офицер. — Рота попала под миномётный обстрел, из офицеров сюда, в лесополосу вышел обратно только я, судьба других офицеров мне неизвестна. В роте большие потери, там людей на мясо рвало... — Елизаров кивнул в сторону поля.

— Сколько с вами человек? — спросил комбат.

— Около двадцати, — ответил лейтенант. — Это те, кто смог оттуда выйти...

— Сколько заходило?

— Семьдесят восемь.

— Вы, как командир роты, организовали оказание помощи раненым?

— Я... нет, товарищ майор. Поле простреливается, там невозможно организовать... — офицер со страхом в глазах смотрел на командира батальона.

— То есть, вы бросили раненых товарищей? — строго спросил Гусев. — Так выходит?

— Мы не бросили, — ответил Елизаров, в этом «мы» размывая ответственность. — Мы, как того требует устав, вышли из-под обстрела...

— Нет, лейтенант, — Женя стал включать в себе командира. — Вы именно бросили своих товарищей. А, кроме того, вы уклонились от выполнения приказа — взять опорный пункт на окраине Петровского. Вместо того, чтобы бежать сюда, вы должны были бежать в сторону противника. Или вы думаете, что я один его брать буду?

Лейтенант смотрел на командира батальона перепуганным взглядом. Он уже чётко осознал, что буквально через несколько минут ему придётся вернуться в ад.

В рассветной мгле Женя стал рассматривать окраину села — она казалась сейчас безмолвной, но он чётко знал, что это безмолвие обманчиво, что там, за околицей, через прицелы пулемётов на него смотрят украинские солдаты, говорящие на русском языке, носящие русские имена, но называемые в российских войсках «немцами».

— Сержанты в живых остались? — спросил Гусев.

— Двое, — ответил лейтенант.

— Давай их сюда.

— Есть, — Елизаров ушёл искать своих младших командиров.

Женя связался по радиации с Трофимовым.

— «Восток», «Стрельцу»!

— Ответил, — отозвался Юра.

— Скажи, твои «тяжёлые» смогут отработать по «Карасю-12» и «Карасю-13»? — командир батальона назвал кодированные наименования точек рубежей обороны села.

— Через двадцать малых смогут помочь, — ответил Юра, прикидывая, сколько времени нужно будет снайперам, чтобы выйти с минного поля.

— Очень надо, «Восток», — сказал Женя. — У нас здесь очень всё печально.

— Я в курсе, — ответил Юра. — Постараемся помочь, чем сможем.

Елизаров вернулся с двумя сержантами, которые выглядели ничуть не лучше лейтенанта.

— Мы туда не пойдём, — заявил один из них. — Это бессмысленно...

— Где ваше оружие? — спросил комбат.

— Потерял, — честно признался младший командир.

— А ваше? — Женя посмотрел на второго сержанта. Тот скинул с плеча автомат.

— Вот.

— Вы стреляли в бою?

— Нет, не успел... — ответил сержант.

— Неправда, — сказал комбат. — Хотите, я вам скажу, почему вы не стреляли?

Сержант опустил взгляд.

— Ранее в армии служили? — спросил комбат обоих.

— Да, — ответил один. — В стройбате.

— А я на флоте, на подводной лодке, — ответил второй.

Гусев послал ментальный привет вначале военкомам, а затем другим военным руководителям, занимавшимся распределением мобилизованных по должностям, после чего указал рукой в сторону села.

— Значит так, товарищи сержанты. Сейчас нам помогут снайпера. Они подавят огневые точки, и мы войдём в окопы противника. Чтобы огневые точки заработали, и чтобы снайпера их обнаружили, мы должны показать врагу новую атаку. Ваша задача — поднять людей.

— Товарищ майор, — сказал один из сержантов. — Люди не пойдут.

— Что значит «не пойдут»? — спросил Гусев. — Вам для чего даны сержантские лычки? Чтобы плечи украшать, или чтобы людьми командовать?

— Командовать, — ответил один.

— Значит, командуйте! У вас есть для этого все полномочия! Если личный состав отказывается выполнять поставленные задачи, его нужно мотивировать — а уж как вы это будете делать, мне без разницы, хотите — рожи бейте, хотите — расстреливайте, война это всё спишет, но люди должны встать и пойти вперёд, и там, в селе, захватить передовой опорник.

Сержанты молчали.

— Давайте, действуйте, — сказал майор.

Елизаров смотрел на этот поучительный диалог широко раскрытыми глазами. Он, как офицер, понимал, что в боевой ситуации может так случиться, потребуется не только крепкая рука в управлении, но и жёсткая рука, и даже жестокая — и рукой этой будут сержанты. Именно они являются самым последним звеном в цепочке военной иерархии, по которой реализуется воля высшего командования, направленная из уюта тёплых кабинетов, бесконечно далёких от реалий войны, в простреливаемые поля, окопы, боевые машины и оборачивающаяся в примитивное физическое принуждение смертельно уставших солдат выполнить боевой приказ. Ещё в Прусской армии бытовало утверждение, что солдат должен бояться палки сер-

жанта больше, чем самого противника, а Жуков любил повторять фразу, ставшей крылатой — «армией командуя я и сержанты» — и эти утверждения родились не на пустом месте, а были выпестованы тысячелетиями коллективных военных действий, когда для организации согласованной боевой деятельности человеческих масс требовалась суровая дисциплина и продуманная система управленческой иерархии, необходимые для успешного решения задач, поставленных перед войсками высшим руководством.

За тысячелетия система не подверглась никаким изменениям, ибо не подверглась изменениям психика человека — он остался точно таким же, каким был тысячу лет назад — жаждущим жизни, сторонящимся боли и смерти, желающим покоя и свободы.

— Смотрите, как куётся в бою дисциплина, — сказал Гусев и повёл сержантов за собой, к сидящим в сторонке бойцам. — Ты, — он ткнул кулаком в грудь самого слабого бойца. — Встаёшь и идёшь в поле, доходишь до окопов противника, забрасываешь их гранатами. Задача ясна?

— Меня же там убьют, — упавшим голосом ответил солдат.

— А здесь убью тебя я, — сказал комбат, показав солдату бесшумный пистолет. — Выбирай — погибнуть героем, или сдохнуть трусом?

Парень смотрел взглядом отрешённого от всего человека — ему как дважды два была ясна его судьба.

— Героем...

— Правильно, — удовлетворённо согласился майор Гусев.

Сделав несколько шагов дальше, Женя остановился и шагнул в сторону, пропуская сержантов перед собой:

— Понятно, как надо? Давайте, действуйте! А я посмотрю, какие вы сержанты...

Младшие командиры топтались в нерешительности.

— Работаем! — Гусев направил пистолет на одного из них. — Ты или командир, и поднимаешь людей, или такой же солдат, как и остальные, и тогда... будешь идти вперёд в первых рядах.

— Я буду командиром, — ответил сержант и рванулся к ближайшему бойцу: — Встать! Слушай боевую задачу! — он стал входить в роль, и эта роль начинала ему нравиться, так как пришло понимание, что его место в бою находится не в первой линии, где должны быть одни солдаты, а значит, его шансы выжить кратно повышались — это и пробуждало в нём «сержанта, палки которого солдат должен был бояться больше, чем врага». — А ты — кем хочешь погибнуть? Героем или трусом?

Через несколько минут управляемость подразделения была восстановлена. Измученные, истощённые и смертельно напуганные люди уже были готовы идти хоть куда, лишь бы быстрее закончилось это мучение.

Оценивая складывающуюся обстановку, Михайлов сосредоточенно смотрел на карту, по поступающим докладам представляя, как развивается ситуация. Направив Гусева в остановившуюся роту, он ждал услышать мнение командира батальона, который бы прояснил реальное положение дел, из чего можно было бы делать какие-то выводы. При этом было понятно, что своими подразделениями бригада уже так глубоко втянулась в предместья Петровки, во все эти лесополки, и что их вывод на исходные позиции мог обернуться ещё большими потерями, если бы войска смогли бы проломить оборону противника и войти в село — под прикрытие находящихся там зданий и сооружений.

— «Скиф», я «Стрелец», у меня восемнадцать активных штыков, поддержите огнём, — в эфире появился Женя Гусев.

Командир бригады посмотрел на своего артиллериста, Савельев, который прекрасно слышал весь обмен, развёл руками:

— А чем я помогу?

— Дымовыми, — предложил Михайлов.

— Дымовых больше нет, — ответил Андрей. — Все истрачены на первую атаку.

Николай вышел по связи на командира танкового батальона:

— «Броня», что у вас? Когда сможете поддержать атаку пехоты на «Карася-12»?

— «Скиф», я «Броня», работать не могу, все танки поражены.

— Где твой резерв?

— Резерв на исходной.

— Выдвигай резерв, мне нужно поддержать атаку на опорник!

— Есть, сейчас сделаем! — ответил Хвостов, однако, спустя минуту он доложил: — Товарищ «Скиф», резерв уничтожен, три коробочки горят.

— У тебя в резерве было четыре коробочки.

— Да, один остался.

— Пусть идёт.

— Один?

— Да, один, — Михайлов повысил голос.

— Есть, — ответил Хвостов.

Михайлов взял в руки другую радиостанцию:

— «Стрелец», ждите группу «Востока», ждите коробочку от «Брони», после чего начинайте действовать. Коробочка поможет вам разнести огневые точки, и вы зайдёте в село!

— Есть, принял, — ответил комбат. — Арты не будет?
— Я всё сказал, — Михайлов снова повысил голос. —
Выполняйте задачу!

Поставив задачи своим группам, работа которых предполагалась на флангах «участка прорыва», Юра с несколькими снайперами и противотанковым расчётом вышел из дома, чтобы направиться по лесополосе к месту боя. Он увидел удивительную картину: вся улица, по которой совсем недавно прошли роты, направленные на штурм Петровки, была усеяна военным снаряжением, тут и там валялись выстрелы к гранатомётам, реактивные штурмовые гранаты, шлемы и даже бронежилеты — прошедшие ночью люди освобождали себя от тяжести, облегчая себе передвижение, но обрекая себя на беззубость и уязвимость в предстоящем бою.

— А вот и ответы на многие вопросы... — сам себе вслух сказал Трофимов.

Впереди были слышны частые выстрелы и разрывы, мгла уже рассеялась, и на востоке занимался рассвет — предстоящий день обещал быть очень тяжёлым.

Юра гнал от себя плохие мысли, однако, весь его командирский опыт подсказывал, что отсутствие нормального планирования и подготовки этой операции, обернутся сегодня сотнями жизней, и совсем не фактом было и то, что врага удастся завалить количеством участвующих в бою солдат. Огрехи командования сегодня будут компенсироваться героизмом солдат и младших командиров, которые своими жизнями будут исправлять управленческие ошибки тех, для кого ошибка никак не могла стоить жизни. Таковы реалии войны, в которых

солдаты, сержанты и офицеры в представлении высшего военного руководства были всего лишь бездушным расходным материалом.

Остро ощущая себя «расходником», майор Трофимов всё же надеялся, что сегодняшний день он сможет пережить. Печаль ситуации состояла в том, что за сегодняшним днём шёл день следующий, за ним — ещё и ещё. И в каждом из них жизненный путь мог завершиться, и даже, совсем не героической гибелью.

ГЛАВА 10

— «Восток», «Шеф» на связи, работаем, — Максим коротко обозначил ситуацию.

— Принял, «Восток», — отозвался Юра. — Работайте.

Трофимов со своими бойцами уже двигался по лесополосе в сторону Петровки, периодически встречая каких-то солдат, бредущими в тыл с опустошёнными глазами. Этих воинов он заворачивал обратно, чётко понимая, что мужики, растерявшиеся в первом в своей жизни бою, находили единственно возможный выход из ситуации в самовольном возвращении на исходные позиции — где никто не стрелял, и риск быть убитым сводился к нулю. Этих людей нужно было вернуть к месту боя даже не для того, чтобы они приняли участие в бою, а если уж на то пошло, хотя бы для того, чтобы привлечь их к выносу раненых. По докладам Гусева, которого Юра слышал в эфире станции, работающей на общебригадной волне, было понятно, что «трёхсотых» уже очень много, забота об их судьбе отрывала других бойцов от выполнения прямой боевой задачи, и нужно было как-то решать этот вопрос.

В лесополосе, находящейся у окраины Петровки, откуда в свою последнюю атаку ушла первая рота, стали накапливаться подразделения второго батальона, а Гусев и Васильев начали планировать вторую атаку.

Романов и Кузьмичёв, осмотревшись и освоившись, приступили к боевой работе, и буквально в течение двадцати минут смогли выбить двух наблюдателей и двух пулемётчиков — доклад об этом успехе дошёл до командира бригады и тот снова стал гнать людей вперёд, настаивая на том, что только напористый рывок позволит пробить оборону противника. Комбаты не спешили выполнять

приказ Михайлова, так как обстановку видели лучше, осознавали объём предстоящей работы и лихорадочно искали возможности к успешному штурму передовой позиции.

Когда Трофимов находился на полпути к месту боя, Назаров доложил, что с поднятого в воздух «Мавика» он обнаружил два миномётных расчёта и готов применить по ним FPV-дроны. Юра не стал откладывать дело в долгий ящик и немедленно разрешил Руслану злодействовать.

Первый удар «Чемпион» выполнил по миномётному расчёту с большой аккуратностью и чрезмерным волнением — таким, что, уже обнаружив камерой дрона цель, Руслан не стал в неё втыкаться с ходу, а опасаясь промаха, снизил скорость сближения, чтобы успеть довернуть дрон, если он по какой-то причине отклонится в сторону. Последние несколько метров картинка в очках оператора стала пропадать из-за потери коптером высоты и утраты устойчивой связи, но Боря Шустов, управляющий разведывательным «Мавиком», чётко зафиксировал поражение миномёта.

— «Восток», я «Чемпион», один «стодвадцатый» на минус. Иду за вторым!

В голосе оператора Юра почувствовал бурю восторга, сопровождающую доклад. У Трофимова и самого заалело в груди от хорошо выполненной работы его подчинённого, что было результатом длительных усилий по поиску и отработке новых форм и способов вооружённой борьбы, которые соответствовали бы современным реалиям — и вот оно — свершилось!

Второго «камикадзе» Руслан положил во вражеский миномёт уже более уверенно, не снижая маршевой скорости. Второй доклад о боевом успехе пришёлся на момент, когда Трофимов встретил в лесополке Гусева и Васильева.

— Здорово, мужики, — он пожал комбатам руки. — Я немцам только что два миномёта вынес, «чего топчесь, давайте, вперёд». — В последних словах он постарался заложить тембр голоса командира бригады, в столь тяжёлую минуту разбавляя обстановку незлым военным юмором — комбаты улыбнулись.

— Танк ждём, — ответил Васильев. — А он не идёт — командир танка боится «Стугну» на крыше в Сталедаре.

— Какой дом по карте? — спросил Трофимов — на кодированной карте всем значимым объектам были присвоены названия и номера.

— Шестой, — ответил Васильев. — В пятом секторе.

— «Чемпион», — Юра вызвал своего оператора БПЛА: — Цель — ПТРК «Стугна» на крыше шестого дома в пятом секторе. Желательно убить оператора. Жду доклада.

— Принял, «Восток», — ответил Назаров. — Работаем!

«Мавик» пришлось вернуть из-за необходимости заменить аккумулятор, на что ушло некоторое время. Затем полчаса пришлось потратить на доразведку цели, в ходе которой Боря обнаружил не только огневую позицию «Стугны», но и подметил, где прячется от ответного огня вражеский ракетчик. Взлетев на ударном дроне, «Чемпион» «добрался» до крыши заветного здания, и, сделав круг, приземлился своего «камикадзе» прямо на двух операторов, расположившихся за бетонной коробкой выхода на крышу. Противотанковая граната, которую коптер принёс в гости к противнику, не оставила им шансов. Последнее, что увидел Назаров в свои очки, были удивлённые лица украинских солдат, повернувшиеся на звенящий звук подлетающей смерти.

«Мавик» зафиксировал взрыв, вызвавший последующую детонацию нескольких противотанковых ракет,

рядом с которыми прятались украинские ракетчики от возможного ответного огня со стороны Петровки.

— «Броня», я «Восток», проблему устранили, подгоняй коробочку, работай, — сказал Трофимов.

На пункте управления бригады люди оживились — постепенно ситуация не только стала проясняться, но появились первые успешные действия, которые ломали намерения и возможности противника, и которые необходимо было использовать для развития успеха.

— А ты говорил — «прошу откат», — Михайлов весело посмотрел на своего начальника штаба. — Видел, как «Восток» своими снайперами работает? Два миномёта, расчёт «Стугны», пулемётчиков пострелял! Мы сейчас перегруппируемся, и ворвёмся в эту Петровку!

— Он не снайперами работает, — ответил Серов.

— А чем? — спросил командир бригады, и в этот момент на командном пункте наступила тишина — все присутствующие повернули головы на начальника штаба, ожидая кульминационной развязки.

— Игрушками, с которых вы приказали ему снять боевые части гранат и вернуть их в пехоту, — подполковник сказал это так показательно-небрежно, словно тренировал всю фразу заранее.

Несколько секунд Михайлов молчал, лихорадочно подыскивая достойный ответ — при том, что этот ответ все присутствующие ждали с не меньшим интересом.

— После боя пусть составит подробный отчёт о работе новым оружием, — нашёлся комбриг, самолюбие которого сейчас было очень глубоко уязвлено. — Если опыт окажется полностью положительным, нужно будет вне-

дрять во всех батальонах. Проконтролируйте, начальник штаба!

— Есть, — кивнул Серов.

В углу зашевелился артиллерист.

— Товарищ полковник, уже восемь часов утра, — напомнил Савельев. — Дайте мне снаряды!

Михайлов сделал вид, что занят и вопроса не слышал.

— У меня есть штурмовой взвод из контрактников, — сказал Гусев. — Через десять малых они будут здесь. Такой же взвод есть у «Печали», — Женя кивнул на Васильева. — Этими силами, если удастся без потерь или с незначительными потерями доставить их в окопы к немцам, опорник мы возьмём. Вопрос: как доставить их туда живыми?

Рассвело, и с украинских позиций, находящихся в низине, были видны любые перемещения по лесополкам, уходящим вверх в сторону Горского. Вражеская артиллерия, хоть и не обладающая большим количеством боеприпасов, но всё же старалась пресекать все хождения и уж тем более езду, и скрытно сосредоточить силы для решительного удара было практически невозможно. Оставалось одно — делать всё на виду у врага, подвергая себя обстрелам, но надеясь, что созданный перевес сил позволит решить боевую задачу.

— Ты говорил, что остатки первой роты готовы идти в бой, — сказал Васильев Гусеву.

— Да, Елизаров с двумя сержантами привёл людей в чувство, — ответил Женя.

— Значит, делаем так, — Витя рукой показал в сторону Петровки. — Рота Елизарова начинает движение к опорнику, пока идут вот эти триста метров по «открытке», вызывают огонь на себя. Твои, Юра, снайпера, и мои АГСы выбивают огневые точки. Затем штурмовые взводы врываются в опорник. За ними идёт остальная пехота... я пока их продвижение приостановил, но с началом атаки они двинутся по лесополкам сюда.

— Я согласен, — кивнул Гусев. — Только... надо бы людям Елизарова в глаза посмотреть. Мы их, как ни крути, фактически на смерть посылаем.

— Пошли, — сказал Васильев. — Посмотрим.

Офицеры прошли по лесополосе в сторону Петровки, остановившись метров за сто до её окончания — здесь лежали бойцы Елизарова, морально готовясь к предстоящему бою. Елизаров попросил несколько человек подойти к старшим офицерам.

— Бойцы, я командир второго батальона, — сказал Васильев. — Мой позывной — «Печаль». Своего командира вы знаете, — Витя кивнул в сторону Гусева, затем посмотрел на Юру: — Это командир мобильного отряда, снайпера которого будут вам помогать штурмовать опорник. Ничего не бойтесь, идите смело, снайпера уже убили пулемётчиков и миномётчиков, а если кто вылезет, будет сразу уничтожен. Всё это сделано было только для того, чтобы вы спокойно могли дойти до опорника. Мужики, я в вас верю, — Васильев использовал избитые фразы, но ничего другого сказать мобилизованным он не мог, как и не мог дать той поддержки, какая должна была быть по уставным требованиям при штурме ротного опорного пункта.

— А вы сами с нами пойдёте? — один из мобилизованных задал самый простой вопрос, который мгновенно разрушил весь пафос ранее сказанных слов.

— Давайте каждый будет делать своё дело, — предложил Васильев. — Я буду управлять действиями батальона, — ответил Васильев. — А вы — будете заходить на опорник. В нужный момент боя там и встретимся.

— Каждый своё дело? — спросил немолодой солдат. — Два месяца назад я занимался своим делом — учил детей геометрии. И вы два месяца назад занимались своим делом — защищали Родину. Но вы так отвратительно делали своё дело, что теперь почему-то я делаю ваше дело, а моё дело стоит, дети остались без геометрии, преподавать её некому. Сейчас вы отправляете на смерть меня, гражданского человека, который не знает, с какой стороны держать в руках автомат. Вы уверены, что с порученным делом я справлюсь лучше вас? Можете не отвечать, это риторический вопрос. Я пойду в бой, ибо по сложившейся традиции «кадровые военные нужны для парадов, а когда приходит время лежать в окопах и стрелять, то это делают купцы, бухгалтера и учителя».

Этот неуклюжий солдат развернулся и пошёл по лесополосе в сторону Петровки.

Васильев, пристыженный, молча смотрел уходящему вслед. Наверное, учитель годился ему в отцы, и Виктору было, что сказать в ответ, ибо он уж точно не принадлежал к той значительной части «кадровых военных», пустую суть которых быстро обнажила начавшаяся война. Он мог бы рассказать, как он, командир взвода, принял роту под Киевом, когда ротный, желая уклониться от участия в смертельных боях, вначале сказался больным, а затем и вовсе написал рапорт на увольнение — «запятисотился» — как это теперь называлось. Или как он под Осиновкой увлёк за собой в атаку свою и соседнюю роты, выбив противника с опорного пункта. Или как в Николаевке он в одиночку держал оборону сбежавшего взво-

да — отражая атаку танка и взвода пехоты. Да, к моменту, когда он стал командиром батальона, он уже не воспринимал солдата иначе, как расходный материал, но упрекнуть его в этом не мог никто, кто знал, сколько раз смерть раскрывала над Васильевым свои крылья, и сколько раз он профессионально избегал с ней встречи.

— Как он тебя сделал, — сказал Юра, когда офицеры направились обратно к Горскому, вглубь лесополосы, встречать штурмовой взвод первой роты.

— Да он ведь прав, — сказал Витя. — Он во всём прав. Мы входили на Украину опереточной армией, многие командиры которой не были готовы не только к бою, но и не умели нормально провести учения с боевой стрельбой — ибо были отучены принимать самостоятельные решения и нести ответственность. Зато все умели заполнять миллион журналов учета, контроля, наблюдения, проверок. Зато все умели делать фотоотчёты и красиво докладывать на бесконечных совещаниях по ВКС. И как только началась война, тут же все и вскрылись — кто чего стоит.

— Я потому и ушёл когда-то из армии, — сказал Трофимов. — Противно было смотреть на этот цирк, и на клоунов в больших погонах.

— А почему вернулся? — спросил Гусев.

— Да потому что цирк — это немного не та организация, которая должна уметь воевать, — ответил Юра. — Я очень благодарен Павлову, с которым я когда-то вместе служил, за то, что он создал в бригаде нештатный мобильный отряд и поставил меня им командовать. В отряде я имею возможность развивать новые формы и способы ведения войны, которые дойдут до наших командиров очень не скоро. Хотя результаты боевой работы они видят уже сейчас, очевидно даже не понимая, как это работает. Для них это всё — игрушки.

— Это ты сейчас про «Скифа»? — улыбнувшись, уточнил Гусев.

— И про него то же.

— Он тебе скажет, что не успевает за всем следить, — усмехнулся Женя. — Мол, вся бригада на нём и рутина служебная, ещё не хватало обращать внимание на всякие игрушки!

— К Михайлову у меня сложные чувства. Где-то он молодец и красавчик, а где-то я прямо слов не могу подобрать, чтобы обрисовать его поступки, в основе которых лежит его чрезмерное самомнение и небывалое тщеславие. Если ему пообещали звезду Героя за эту Петровку, то он всю бригаду положит с лёгким сердцем в стремлении доказать, что звезды он достоин, как никто другой...

— Помню, как он завернул представление на Героя, написанное Дужниковым на танкиста с танкового батальона, который в бою спалил два вражеских танка и БМП, так Коля прилюдно заявил, что пока ему самому Родина звезду не вручит, в бригаде никто Героем не станет. Весь штаб слышал.

Обсуждая командира, офицеры слышали свист приближающегося снаряда и присели, чтобы переждать осколки и куски земли, разлетающиеся при взрыве. Снаряд упал метрах в ста впереди. Когда же прошли немного вперёд, им навстречу показались бойцы штурмового взвода. Сержант Азаров доложил Гусеву о готовности взвода к работе.

— Это вас там арта накрыла? — спросил комбат, выслушав доклад.

— Ну, рядом легло, — отмахнулся Рамиль. — Царапнуло немного, я пластырем заклеил... до следующей свадьбы уже заживёт.

Командир штурмового взвода улыбнулся. Формально он был ранен, и имел все правовые основания, чтобы не участвовать в предстоящем бою — ему достаточно было объявить себя «трёхсотым» и слегка покривить лицо в мнимых страданиях, но он не делал этого, а шёл вперёд, где его ждал тяжёлый бой.

Как и задумывалось, повторная атака началась с выхода на открытое поле остатков первой роты, которых вёл лейтенант Елизаров. В первые минуты большая часть идущих людей погибла, но «Шеф» и «Ланцет» сумели обнаружить и уничтожить двух вражеских пулемётчиков и гранатомётчика. На некоторое время снайперам удалось подавить оборону противника, чем и воспользовался Азаров — и спустя несколько минут его бойцы уже ворвались в окопы опорника, начав его зачистку. После лицезрения количества убитых сослуживцев перед этим опорным пунктом, разъярённые штурмовики, но негласному правилу, в плен никого не брали.

Спустя ещё несколько минут в село ворвался вначале один танк, затем второй. Взаимодействуя со штурмовыми взводами батальонов, они начали подавлять огневые точки противника, оборудованные в частных домах — и эти дома разлетались один за другим. В одной из боевых машин сидел сам Миша Хвостов, которого командир бригады отправил воевать лично, ибо никаких других танков в батальоне больше не было.

Остававшиеся в резерве танкового батальона три машины сгорели — по первоначальному докладу — от удачных попаданий «эскалибурами». Однако, почти сразу выяснилось, что имел место поджог — увидев, как горят

на поле боя танки, находящиеся в резерве танкисты, сочли поджог собственных машин единственной возможностью избежать участия в столь рисковом предприятии. К их печали молодой командир танкового батальона, обозлённый на подчинённых за этот опрометчивый поступок, быстро принял радикальное решение отправить поджигателей в штурмовые порядки второго батальона, где они и оказались спустя всего лишь два часа после того, как полыхнули их танки. Не захотев принимать участие в бою за противоснарядной бронёй, горе-танкисты теперь были вынуждены идти на врага даже без бронежилетов — за скоротечностью принятого решения этот элемент снаряжения выдать им не успели. Тот экипаж, который отказался жечь свой танк, сейчас и работал вместе с командиром батальона.

Штурмовики первого батальона за полчаса расправились с гарнизоном опорного пункта, что фактически открыло двери для входа в село. Оценив обстановку, Гусев стал заводить взводы своего батальона на юго-восточную окраину Петровки, откуда пехота стала распространяться по селу.

В десять утра противник открыл артиллерийский огонь по окраине села, полагая, что своих там уже нет. Вскоре из города в село пошли резервы противника, которыми он вознамерился пресечь продвижение российской пехоты по Петровке. «Чемпион», летая на «Мавике» над полем боя, обнаружил выдвижение из Сталедара трёх танков противника.

— «Восток», я «Чемпион», наблюдаю выход из «Общаги» трёх коробочек.

Юра довёл полученную информацию командирам батальонов, но и Гусев и Васильев развели руками — им нечем было встречать вражеские танки. Миша Хвостов

по радиации сообщил, что у него заканчивается запас снарядов, и он вынужден выйти из боя на перезарядку, а во втором танке не было бронебойных снарядов, так как предполагалось, что стрелять он будет только по целям в селе — домам и огневым точкам — для чего в автомате заряжания он имел только осколочно-фугасные выстрелы.

Захаров ответил, что попытается выполнить пуск, но вероятность попадания была низкой, так как танки шли с другой стороны лесополосы, время от времени скрывающей их силуэты. Движение «коробочек» выдавал только столб выхлопных газов, и танки были всё ближе и ближе.

Как Илья и предполагал, пуск ракеты оказался бесполезным — добиться поражения вражеской техники не удалось.

Однако, ситуация резко изменилась, когда начал действовать пухленький и розовощёкий «Чемпион». Когда первый танк доехал до фермы, расположенной на северо-западной окраине Петровки, к нему подлетел FPV-дрон с противотанковой гранатой в качестве «полезной нагрузки». «Чемпион», работая стиками, спикировал под основание башни, туда, где торчала голова механика-водителя, который по старой танкистской привычке на марше вёл машину в походном положении, предполагая опустить сиденье и закрыть над собой люк только при прибытии к месту боя. Эта привычка сыграла с украинским танкистом злую шутку, а «Чемпиону» позволила взрывом гранаты поджечь танк. Так как механик-водитель был убит, танк через какое-то время остановился.

— «Восток», я «Чемпион», одна коробочка уничтожена, — Назаров поспешил обрадовать командира своим боевым успехом, сообщив также закодированные координаты места поражения танка.

— «Скиф», я «Восток», — Юра вышел на командира бригады: — Игрушками уничтожил коробочку противника. Наблюдаю ещё две, прошу огонь артиллерии.

Офицеры, находящиеся на командном пункте, оценили, как Трофимов, поучая Михайлова, который был старше его по званию и занимаемой должности, в одном коротком докладе смог задеть все струны самолюбия комбрига.

Николай сидел за столом, наливаясь злобой. Уже давно нужно было прекратить эти мальчишеские выяснения, у кого острее язык и глубже знания, но между ними уже даже не кошка пробежала чёрная, а наверное, целый чёрный слон, и Михайлов, чувствуя, что ментально проигрывает Трофимову, был полон решимости раз и навсегда решить поднятый вопрос.

— «Восток», я «Скиф»! Ставлю тебе персональную задачу: через час ты лично сам устанавливаешь российский флаг на здание школы и докладываешь мне о выполнении приказа. В случае невыполнения приказа, будешь предан военному суду. Как принял? Приём!

— Принял хорошо, — ответил Трофимов. — Чтобы этот приказ не считался преступным, прошу обеспечить его артиллерийской поддержкой.

— Майор, — Михайлов подскочил со стула и заорал в рацию: — Да ты охренел! Вперёд! Немедленно! Через час доложить, что поставил флаг на школе! Время пошло!

— Разрешите выполнять? — спросил Юра, но в ответ ему была тишина.

В этот момент Трофимов впервые пожалел, что ещё не научился управлять FPV-дроном, однако, тут же подавил в себе криминальные мысли. «Другого комбрига у нас для вас нет», — мелькнуло в голове.

К этому времени Гусев вознамерился идти в Петровку, так как прочные подвалы частных домов внушали

больше уверенности, чем хлипкие поросли лесополосы, обильно прореженные артиллерией обеих сторон.

Указав ориентир своим бойцам, Юра предложил пересекать поле, максимально рассредоточившись, чтобы не привлекать к себе внимание артиллерии, которая наверняка должна была искать более жирные цели, чем одиночный боец, бредущий по топкому полю с неубраным подсолнухом. Помогая подчинённым, Трофимов взвалил на себя две противотанковые ракеты.

Эти триста метров открытого пространства, половина которых была усеяна не только трупами, но и ещё живыми обездвиженными людьми, показались Трофимову вечностью. Не останавливаясь, и не отвечая на стоны лежащих в грязи раненых, он шёл и думал, что все эти жертвы стали результатом необъяснимой поспешности, которой сопровождалась подготовка к наступлению, когда не принимались во внимание никакие доводы об отсутствии тех или иных средств, которые были крайне важны для организации боя, и отсутствие чего сейчас обильно компенсировалось кровью и жизнями солдат, в большинстве своём — недавно мобилизованных с гражданской жизни.

Одна за другой в поле упали и разорвались три мимолётные мины, заставляя Трофимова каждый раз приседать. К намеченному дому он пришёл мокрый от пота. Буквально в сотне-другой метрах от окраины села сейчас шёл бой — штурмовики одно за другим брали дома, остервенело выбивая из них украинских солдат, которые дрались с не меньшей остервенелостью, на предложения сдаться, отвечающие «русские не сдаются».

Линия обороны опорного пункта проходила через огород крайнего дома, и к хорошему бетонному подвалу вёл ход сообщения, сверху перекрытый кровельным железом, брусом и остатками маскировочной сетки. Сам

дом был разрушен — от близкого разрыва была развалена одна стена, куда завалилась и черепичная крыша. Возле дома были выложены четверо убитых солдат — двое в российском «пикселе» EMR, двое в украинском «пикселе» ММ-14. В самом подвале сидели четверо раненых солдат, ожидающих эвакуацию.

— Ветер в хату, — Юра своеобразно поприветствовал людей в душном подвале. — Кто старший?

— Я, — ответил немолодой солдат, в котором Трофимов разглядел учителя геометрии.

— О, географ, ты живой, — Юра искренне обрадовался этой встрече, возможно ещё и потому, что предыдущая встреча осталась какой-то недосказанной.

— Я не географ, — ответил мужчина. — Я учитель геометрии!

— А позывной у тебя есть? — поинтересовался Юра.

— Нет.

— Ну, вот тебе и позывной — «Географ»! — весело сказал Трофимов и представился: — Мой позывной «Восток». Я командир мобильного отряда, воинское звание майор.

— Ладно, я согласен, — сказал мобилизованный учитель. — Зовите, как хотите...

— Куда ранен? — спросил Юра. — Ты и остальные...

— Меня в ногу ранило, — сказал «Географ». — Когда я вместе со штурмовиками до опорника дошёл. Тут жуткая стрельба была, и я почти сразу почувствовал удар по ноге и упал. Жгут наложил и пакетом перемотал. Мне помогли дойти до подвала. Жду эвакуацию. У остальных — нога-рука, живот, плечо и спина. Поскорее бы.

— Готовьтесь терпеть долго, — сказал Юра. — Скрывать не буду, организовать эвакуацию сейчас никак не получится. Нужно, чтобы бой затих. Придётся вам время от времени ослаблять жгуты, чтобы не потерять конечности.

Вскоре в подвал стали спускаться бойцы мобильного отряда, среди которых был и фельдшер.

Подсвечивая фонарём, Дима быстро осмотрел раненых.

— У вас кроме жгутов и перевязочных пакетов ничего другого нет? — спросил он «Географа».

— Нет, — ответил он. — Нам выдали только это.

— Обезболивающее выдавали?

— Обещали, — ответил учитель. — Но выдать не успели...

Всем раненым Дима вколол Нефопам — из запасов медсредств мобильного отряда.

— Я, конечно, помогу им, командир, — Мосин посмотрел на Трофимова. — Но их всех реально нужно вытаскивать туда, где им могли бы оказать специализированную помощь. У вас есть связь с «Доктором»? Я бы хотел проконсультироваться с ним по некоторым вопросам...

— Сейчас организуем...

Юра по связи вызвал начальника медицинской службы бригады, и после короткого разговора, передал рацию Мосину. Два медика тут же погрузились в неведомый Трофимову мир медицинской терминологии, где один описывал наблюдаемые симптомы, а другой выдавал рекомендации — что и как можно сделать в сложившихся условиях для сохранения если уж и не полноценного здоровья, то хотя бы самой жизни раненых, эвакуировать которых не было никакой возможности.

— «Восток», я «Печаль», потерял тебя, — раздалось в эфире.

— Работаю, «Печаль», — ответил Юра, и зная, что его будет слышать комбриг, добавил: — Выполняю приказ «Скифа» водрузить российский флаг на здании школы. Мне осталось пройти тысячу двести метров!

— «Восток», не ёрничай, — хохотнул Васильев. — Ты поймал карася?

— Уже двенадцать, — ответил Трофимов, имея в виду, что он находится на кодированной точке «Карась-12».

— Принял, встречай.

Минут через пять в подвал спустился Васильев.

— «Стрелец» нашёл себе подвал пожирнее, — заявил командир второго батальона, осмотрев тесное помещение. — О, географ! Живой! А говорил, что погибнешь!

— Судьба спасла меня от прямой смерти, товарищ комбат, — смиренно ответил учитель. — Но, вижу, что неорганизованность вашего мероприятия всё же убьёт меня и всех раненых, — он кивнул в сторону людей, сидящих и лежащих в углу подвала. — Неужели, готовя наступление, нельзя было сразу предусмотреть действия по эвакуации раненых? Какой генерал планировал это наступление?

— А вы всё философствуете, — сказал в ответ Васильев. — Лучше поберегите силы, они вам пригодятся.

— Ответьте мне, пожалуйста, — попросил «Географ». — Перед очевидной смертью я хотел бы прояснить для себя очень важный вопрос...

— Вам ничего не даст фамилия генерала, — ответил командир батальона, и вдруг, к удивлению Трофимова, разоткровенничался: — Так у нас выстроена система, и пока мы не умоемся собственной кровью, ничего не изменится.

— Я так и предполагал, — кивнул учитель. — Когда стало нужно, гражданское общество доверило генералам мобилизованных граждан, а они их начали привычно убивать точно так же, как убили до этого кадровую армию. Кто именно, по вашему мнению, должен умыться кровью, чтобы система изменила подход — генерал или солдат? Если генерал, то кто конкретно? Если солдат, то сколько?

И кто в итоге лично ответит за поле, усеянное трупами солдат первой роты?

Васильев снова почувствовал, что у него нет ответов на вопросы, которые задавал этот мобилизованный на войну человек. Витя буквально ощущал, как растворяется в воздухе нерушимый образ защитника Отечества, к которому он себя причислял, надев погоны — вначале курсанта, а потом и офицера. Проще всего сейчас ему было прекратить этот разговор или окриком, или действием, как он привык поступать в случаях, когда подчинённые начинали умничать, ставя командира в неловкое положение. Но сейчас случай был другой — и Васильев предпочёл промолчать.

«Географ» указал на свои ранения:

— Видите, у меня не получается делать вашу работу. И мне больше нечего вам сказать.

— Отец, — вдруг сказал Витя. — Ты главное — держись. А я свою работу сделаю обязательно, поверь. Возьмём мы эту Петровку!

— Да дело-то не в этой Петровке... — вздохнул учитель. — Петровка — это просто показатель всеобщей безответственности и некомпетентности...

Васильев поспешил выйти из подвала, подхватив под локоть и Трофимова. На свежем воздухе он указал на один из соседних домов:

— Юра, там мы с Женей организовали штаб по штурму Петровки. Всё управление будет вестись пока оттуда. Подвал мощный, наверное, даже прямое попадание снаряда выдержит. Сейчас с лесополосы подойдут ещё люди, принесут боеприпасы, воду, еду, и будем здесь обосновываться. Видел, как по улицам идём хорошо? Дом за домом, дом за домом...

— Видел, — ответил Трофимов. — Как мы «идём хорошо». Всё поле, вон, ходаками усеяно.

— Мы не виноваты в этих потерях, — сказал Витя. — Ты же сам видел, как шло планирование...

— Давай согласимся, что не было никакого планирования, — сказал Юра.

Рядом разорвался снаряд, и офицеры упали на землю. Поднявшись, Витя сказал:

— Согласен — ни планирования, ни обеспечения. Ты в курсе, что Каренин даже обращался к генералу Миرونору, доказывая, что решение на штурм Петровки необоснованно, не обеспечено и приведёт к большим потерям? Но тот его и слушать не стал. И сейчас за всё это расплачиваемся здесь мы.

— Расплачиваемся, — кивнул Юра. — Но на то мы и офицеры — чтобы решения верхнего руководства, пусть даже самые безумные, обращать в осязаемый результат.

В образованном в подвале штабе, Трофимов встретил Гусева, который нависал над картой, разложенной на столе. Руководствуясь докладами подчинённых, он наносил на карту текущее положение войск. Увидев вошедших, он поздоровался, словно они не виделись не час-полтора, а сутки-двое.

— Как обстановка? — спросил Юра.

— Идём дворами по Шевченко, — сказал Женя. — Правым флангом пока топчемся на Ленина, без продвижения. Левый фланг с отставанием, но двигается по Калинина. Там какой-то дом вторая рота взять не может, перекрикиваются с немцами, матом друг друга кроют, а толку никакого...

Он схватил со стола рацию.

— «Янтарь», я «Стрелец», что там у тебя? Взяли угловой?

— «Стрелец», я «Янтарь», пока нет.

— Ну, а чего стоим?

— Работаем!

— Не вижу, что работаете! Давайте, бейте дом, подберитесь, киньте гранату, сами они оттуда не уйдут! Надо действовать!

— Есть, подберёмся, кинем, — ответил командир штурмовой группы.

— Давайте, я в вас верю, — Женя отключился, снова глянул на Трофимова. — Сколько у тебя людей?

— На штурм я их тебе не дам, — сказал Юра. — Предупреждаю сразу. Они у меня только на поддержке работать будут — слишком дорогие специалисты! А так, десять с собой.

— Да не сильно и хотелось, — Гусев махнул рукой. — Пожрать есть что?

— Только это, — Юра скинул рюкзачок и достал из него банку тушёнки.

— О, отлично, — Гусев потёр руки. — Открывай, похаваем. А то я с вечера не жрамши.

Фактически, мотострелковая бригада работала сейчас силами нескольких десятков человек, которые, сумев войти в село и уничтожив гарнизон опорного пункта, представлявшего собой главную линию обороны Петровки, теперь отбивали дом за домом, продвигаясь к центру. Пережив первоначальные потрясения от количества погибших на этапах выдвижения, офицеры управления бригады теперь испытывали сложные чувства: с одной стороны решительность, настойчивость и воля командира позволили прорваться в Петровку, но с другой стороны, действия, не обеспеченные огнём артиллерии, ударами авиации и взаимодействием с соседями, привели к мас-

совой гибели большого числа мобилизованных солдат, сержантов и офицеров. Прибывшие на фронт люди даже не успели освоиться в боевой обстановке, как сразу попали в кровавую мясорубку.

Полковник Михайлов торжествовал и светился счастьем, осознавая наметившийся в бою перелом. Он несколько раз повторил выдержки из Боевого Устава, которые требовали от командиров решительности и непреклонности и являлись основой успеха в бою, однако, большинство офицеров, наблюдавших за гибелью передовых подразделений бригады, радости командира не разделяли — всем была понятна причина массовых потерь. Начальника штаба Сергея Серова и начальника артиллерии Андрея Савельева командир бригады предупредил, что если они ещё раз посмеют упрекнуть командира в излишней решительности, то будут направлены в Петровку — командовать штурмовыми взводами, которые сейчас остро нуждались в командирах.

— То есть, я здесь совсем не нужен? — уточнил начальник штаба.

— А ты сам посуди, — усмехнулся Михайлов, — какой от тебя прок? Сейчас важно гнать людей вперёд, а они там уже сами всё сделают, если, конечно, захотят выжить.

— Слышали бы твои слова те люди, которых ты погнал на неподавленную оборону, — пожелал Сергей. — Танкисты без танков, артиллерия без снарядов... если нет снарядов, зачем тогда было затевать этот бой?

— Ты не понимаешь, — Михайлов посмотрел в глаза начальнику штаба. — Ты вроде умный мужик, а не можешь, или не хочешь понять, что наш успех — это ожидание даже не армии, не группировки, это ожидание со стороны самого высшего командования. Им там, наверну, решать, какой бригаде или полку, и с какими силами

и ресурсами идти в бой. Может, так было изначально задумано...

— Было задумано бессмысленно положить столько людей? — спросил Серов. — Давай ты не будешь сказками про «так было задумано» прикрывать свою боязнь доложить командующему о неготовности бригады к этим действиям! Среди раненых и погибших много непростых людей, мобилизованных в области, они сами и их родственники молчать не будут. Этот бой ещё аукнется тебе, поверь. Нельзя, Коля, так бездумно разбрасываться жизнями доверенных тебе людей.

— Ты меня сейчас что, жизни учишь? Кто из нас командир, я, или ты? Если ты такой умный, почему тогда ты сам не комбриг?

— Потому что очень сложно эту должность совмещать с ролью честного и достойного человека, — с вызовом ответил начальник штаба. — Это получается далеко не у всех командиров!

— Ты сейчас конкретно меня в нечестности обвинил? — вспыхнул Михайлов.

В этот момент на командном пункте кто-то из офицеров крикнул:

— Товарищи офицеры!

В помещение вошёл генерал Миронов в сопровождении нескольких человек. Все встали.

— Здравствуйте товарищи, — поприветствовал он присутствующих.

— Здравия желаем товарищ генерал, — отозвались офицеры.

— Командующий общевойсковой армией генерал Лазаренко снят с должности, — сообщил Миронов. — Временно исполняющим обязанности командующего армией назначен полковник Павлов, — добавил он.

Павлов, стоящий рядом с генералом, приветственно кивнул присутствующим офицерам.

— Полковник Михайлов, доложите обстановку! — потребовал Миронов.

— Товарищ генерал, — командир бригады взял со стола указку и стал водить ей по карте, отмечая необходимые для доклада точки: — Выдвижение подразделений, назначенных для штурма Петровки, прошло штатно, в семь часов началась атака переднего края, к восьми часам сопротивление противника было сломлено. В настоящее время первый и второй батальоны, танковый батальон, а также мобильный отряд решительно действуют на юго-восточной окраине Петровки. Идёт продвижение по улицам Ленина, Шевченко, Калинина. Ферма, расположенная к югу от Петровки, будет полностью зачищена через час-полтора.

— Потери?

— Потери незначительные, товарищ полковник! — бодро ответил Михайлов.

— Какая помощь требуется со стороны группировки?

— Товарищ генерал, помощь не требуется, бригада способна самостоятельно решить поставленную перед ней задачу! — бодро ответил командир бригады.

— Молодцы! — похвалил Миронов. — А вот дивизия на левом фланге топчется, тремя полками не может взять две лесополки. То у них снарядов нет, то у них дроны все танки выбили, то у них раненых эвакуировать невозможно — в общем, ищут причины, чтобы не выполнять боевую задачу.

Михайлов промолчал.

Пробыв на пункте управления минут десять, Миронов несколько раз успел за это время похвалить ре-

шительность, проявленную командиром бригады. Подчинённые, увидев расположенность генерала, сочли необходимым своё мнение теперь держать при себе.

Когда генерал и сопровождающие вышли и стали рассаживаться по своим бронемашинам, Михайлов ухватил Павлова за рукав:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться...

— Что у тебя? — Павлов уже сел в бронированный «Патриот», и собирался захлопнуть тяжёлую дверь.

— Альберт Романович, у нас... у нас катастрофа... танковый батальон выбили, снарядов для артиллерии нет, потери огромные...

— Ты же доложил Миронову, что у тебя всё хорошо!

— А я разве мог доложить иначе?

— Что ты от меня сейчас хочешь? — командующий армией посмотрел в глаза командира бригады.

— Доложите, пожалуйста, генералу Миронову о создавшемся положении. Ну, так... аккуратно...

— Доклад уже прошёл, — возразил Павлов. — Как говорится, из «первых уст». Как я сейчас ему буду что-то другое докладывать?

— И что мне теперь делать? — Михайлов выглядел испуганным.

— Решай задачу, полковник. Из того, что мы с тобой ранее обговорили, ничего не изменилось — возьми Петровку и Сталедар — быть тебе Героем.

— Теперь это невозможно, — обречённо вздохнул Михайлов.

— Решай пока с Петровкой. Может, на фоне бездействия других частей, тебе и Петровка в зачёт хорошо зайдёт. А Сталедар позже возьмём. Давай, действуй!

Прямо перед лицом Михайлова Павлов захлопнул бронированную дверцу.

Вернувшись обратно на командный пункт, Михайлов молча сидел несколько минут, сосредоточенно глядя на карту, после чего ожил и отдал распоряжение артиллерии и обеспечивающим подразделениям передать часть личного состава в штурмовые отряды, чтобы иметь резерв для наращивания усилий при штурме села.

— У вас всё равно снарядов нет, — заявил он Савельеву. — Так что, подготовьте для передачи в первый и второй батальоны по сто человек сегодня и столько же завтра.

— Я людей не отдам, — запротестовал Андрей. — Вы их сейчас угробите, и оставите бригаду без артиллерии!

— А она что, есть? — спросил Михайлов. — Артиллерии у нас нет — по крайней мере, сегодня я вашей работы не наблюдаю. Так что, попрошу не затягивать. Тем более, двести с лишним человек ты уже сейчас можешь отдать — сам говорил, что артиллеристов среди мобилизованных нет.

Савельев поднялся — весь его вид не предвещал Михайлову ничего хорошего.

— Коля, ты перегибаешь палку, — сказал Андрей, сжимая кулаки. — Я сегодня не работаю только по твоей воле. Были бы у меня снаряды — я бы стрелял. Зачем ты так говоришь, что артиллерии у нас нет?

— Идите, товарищ подполковник, отсюда, — сказал командир бригады. — Выполняйте полученную задачу подготовить пополнение для штурмовых подразделений. И готовьтесь командовать штурмовой группой, а то не ровен час, командиры батальонов погибнут, кто их заменит?

— Какой же ты... — Савельев хотел сказать командиру что-то вызывающее, но сдержался.

Однако, Михайлов его хорошо понял, и вдруг ответил, глядя подполковнику в глаза:

— Был бы ты на моём месте, Андрей, ты делал бы то же самое.

— Я не на твоём месте, — сказал Савельев.

— Свободен, — комбриг повысил голос, показывая, что минутная слабость у него уже прошла, и больше вопросами философии заниматься он не намерен.

Как только артиллерист вышел, командир бригады вызвал начальника разведки. Кобзев появился минут через десять.

— Вызывали, товарищ полковник? — майор вытянулся перед Михайловым.

— Вадим, а как так получается, что у тебя командир бригады без личной охраны оказался? Надо бы пяток бойцов из разведбата сюда выделить, а то не ровен час, украинская диверсионная группа здесь появится, или какой-нибудь обидчивый офицер, не пожелав выполнять полученный приказ, застрелит своего командира бригады.

— Выделим, товарищ полковник! — заверил Кобзев. — Сейчас поставлю Чехову задачу.

— Пусть на входе на пункт управления у всех прибывающих офицеров и бойцов бригады забирают личное оружие. Скажи, что это мой приказ.

— Есть, — кивнул начальник разведки. — Сделаем.

Прогнув своих подчинённых, полковник больше не мог остановиться — ему хотелось доказать подчинённым, что власть его абсолютна, и что каждый военнослужащий бригады всецело подчинён только ему, и должен будет выполнить любой его приказ. Пусть даже самый бессмысленный. Главным он считал достижение цели, которая, впрочем, становилась всё более размытой — размытой солдатской кровью.

Понимая, что как от руководителя здесь от него не будет никакого толка, Юра пошёл искать удобную позицию, откуда можно было бы вести снайперский огонь, помогая работе штурмовых групп. «Шеф» и «Ланцет» оставались на связи, и пока Трофимов не планировал заводить их в село — парни своими дальнобойными винтовками вполне справлялись с задачами с прежней позиции, находящейся в одной из лесополос южнее Петровки.

В это время два вражеских танка, пройдя через центр села, сблизилась с атакующими группами штурмовиков и начали по ним работать, создавая серьёзные проблемы. Поразить их не было никакой возможности — в штурмовых группах уже давно закончились реактивные гранаты, а со стороны Горского достать их противотанковыми ракетами было невозможно — танки скрывались за постройками.

Женя Гусев попросил у Трофимова поддержки, увидев, что Юра уже затащил в село один противотанковый расчёт. Зная, что ракета имеет минимальную дальность стрельбы в несколько сотен метров, меньше которых она просто не отработает, «Стрелец» предложил организовать противотанковую засаду вдоль одной из улиц — Шевченко или Ленина, где будет удобнее. Побывав и там, и там, Юра предположил, что улица Ленина в этом отношении будет более перспективной — и не только потому, что она несла имя руководителя мирового пролетариата, но и потому, что была несколько шире и просматривалась дальше.

«Корнет» на треноге установили у гаража, примыкающего к улице, откуда его можно было быстро вынести на дорогу, и для маскировки от летающих дронов, прикрыли листом профнастила, оторванного от крыши. Сам расчёт

спрятался в погребе неподалёку, выставив наблюдателя. «Чемпион» доложил, что на оставшиеся два танка потратил четыре дрона, но безрезультатно, однако, все перемещения вражеских боевых машин он наблюдает уверенно.

— Могу в режиме реального времени докладывать, — сказал по рации Назаров. — Вы, товарищ «Восток», только скажите, где вы их ждёте, чтобы я понимал и успел вас предупредить.

— Нет, «Чемпион», — сказал в рацию Трофимов. — Противник слышит все наши переговоры, поэтому ты просто говори, где танки, куда едут, а мы уже сами их тут...

— Принял, — ответил Назаров. — Хорошо вы придумали...

Спустя пять минут он доложил, что один из танков находится в районе школы.

— Бездельники, подъём! — Юра поднял расчёт противотанкового комплекса, и парни выскочили из погреба.

Переставить ПТРК из-за гаража частного дома на улицу было делом минуты. Оператор прильнул к прицелу. Трофимов со снайперской винтовкой лёг под упавшим деревом, осматривая окрестности — чтобы хотя бы попытаться защитить своих ракетчиков от случайной пехоты противника.

Впрочем, танк выбрался на улицу раньше, чем появился хотя бы один вражеский боец. Ракета тут же сошла, а спустя несколько секунд танк был поражён — взрывом боеукладки ему сорвало башню.

— «Скиф», я «Восток», минус ещё одна коробочка, — доложил Трофимов по рации о боевом успехе. — Возле школы.

— Ты давай, флаг вешай на школе! — комбриг напомнил о боевой задаче.

К полудню продвижение штурмовых групп по Петровке составило до полукилометра. К этому времени практически везде действия застопорились — сказывалось израсходование боеприпасов, при том, что их пополнение оставалось практически неосуществимым — противник продолжал наносить артиллерийские удары по лесополкам, и особенно, по полю с черными подсолнухами, через которое пролегал путь тех, кто заходил в село.

Ситуация с ранеными вообще была из ряда вон. Если на этапе броска перед позициями вражеского опорного пункта «трёхсотыми» ещё можно было как-то пренебречь, не отвлекаться на них в бою, когда главным было дойти, ворваться во вражеский опорник, то когда бои перетекли на улицы села, оказание помощи раненым и их эвакуация в медучреждения встали в полный рост.

Раненых в самом селе накопилось много, плюс ещё много людей оставалось в поле, которые, сохранив свои жизни, были лишены подвижности и не могли самостоятельно передвигаться. Холодная погода серьёзно осложняла положение дел — обескровленные и ослабшие люди рисковали не дожидаться помощи.

Данил требовал от командира бригады обратить внимание на организацию выноса «трёхсотых» к пунктам сбора раненых, откуда их можно было бы забирать автомобильным транспортом. Действуя по своей линии, медик позволял себе то, что не позволял себе ни один другой офицер бригады. Являясь носителем таких же военных погон, Данил подчинялся и другим смыслом, ничего общего не имеющих с убийством себе подобных. Его задача заключалась в обратном — в сохранении че-

ловческой жизни. Ибо наряду с военной присягой, он давал клятву врача, и эта клятва оставалась для него в приоритете.

— Товарищ полковник, прошу организовать вынос раненых, в противном случае мы можем их потерять... — капитан медицинской службы с надеждой смотрел на командира бригады.

— Я не могу сейчас это сделать, — спокойно ответил Михайлов. — Сейчас всё подчинено одной цели — обеспечить взятие Петровки. И на вынос раненых я не могу отрывать людей, так как все задействованы в штурме села.

— Товарищ полковник, это бесчеловечно, — прямо сказал Данил. — Отсутствием решения вы убиваете раненых. Так же нельзя...

— Данил, ты только не думай, что я намеренно препятствую тебе, — сказал комбриг. — У меня действительно нет для этого людей. Поддерживай контакт с командирами батальонов, если у них к вечеру люди освободятся, попытаемся чем-то тебе помочь.

— Не мне, — уточнил медик. — А нашим раненым.

— И много их сейчас? — поинтересовался командир бригады.

— Вам лучше знать, товарищ полковник, — ответил Данил. — По моей информации — более трёхсот.

«Доктор» отметил, что сказанное не произвело на Михайлова никакого впечатления.

— Могу посоветовать организовать легкораненых на вынос «тяжёлых», — сказал командир бригады. — И то, скорее всего, это станет возможным только с наступлением ночного времени суток.

— До ночи многие не доживут, — сказал Данил. — Разрешите убыть на место?

— Что ты там будешь делать?

— Стабилизировать раненых до последующей эвакуации.

Забрав с собой командира взвода из медицинской роты, Данил на КамАЗе направился из Горского к одному из пунктов сбора раненых, который он сам и обозначил для присутствующих на постановке задач перед началом наступления. С собой два врача взяли два больших рюкзака с групповыми комплектами медицины, которые «подогнали» спонсоры. Своим личным присутствием они решили хотя бы как-то и хотя бы кому-то помочь, если будет такая возможность...

Развернувшись, КамАЗ тут же укатил обратно в Горское, чтобы не пасть «смертью храбрых» на хорошо простреливаемом участке.

На точке, где сходились две дороги и заканчивались две лесополосы, Данил решил организовать специализированную помощь раненым перед автомобильной эвакуацией, надеясь дать людям шанс дожить до МОСНа, который находился в двенадцати километрах от этого места, и где раненых уже ждали специализированные бригады врачей.

— Всё, мои встали, — констатировал ситуацию Витя Васильев. — Чтобы идти вперёд, больше нет никаких сил. Боеприпасы на исходе, люди тоже заканчиваются.

В подвале, где командиры батальонов организовали пункт управления, находился человек шесть — половина офицеров из числа тех, кто зашёл в село. Остальные действовали со своими взводами и ротами. Время приближалось к вечеру, и уже нужно было думать о закреплении на достигнутых рубежах.

В целом, практически в каждом доме, сохранившемся или разрушенном, но имеющем подвал, находилось не менее двух-трёх бойцов. Пережив потрясения первых часов штурма села, многие бойцы сейчас прятались по домам, отвергая предложения своих командиров отважно двигаться дальше. Отвага закончилась вместе с силами и боеприпасами, и для продолжения штурмовых действий людям нужно было восстановить и первое и второе.

Только некоторые бойцы ещё продолжали активные действия, и доходило до того, что на ряде направлений весь бой вели одиночки — они захватывали оставляемые противником дома и пробовали продвигаться дальше, и если это получалось — шли в следующий дом.

К исходу дня уже стала вырисовываться линия обороны, которую организовал противник в самом селе, и видимо, отдавать которую он не собирался. Большой урон наступающим наносили операторы вражеских FPV-дронов и дронов, сбрасывающих на головы бойцов ручные гранаты и гранаты для подствольных и автоматических гранатомётов. В отличие от ударов «камикадзе», которые разрывали людей в клочья, в большинстве случаев сбросы гранат не убивали людей, но множили количество раненых. Люди искали от них спасение под любой крышей, которая могла бы или скрыть человека от взора врага, или защитить от взрыва.

— Мои штурмы тоже остановились, — сказал Гусев. — Здесь, здесь и здесь, — он указал на карте достигнутые рубежи — от крайнего до школы было около полукилометра.

— Ночью они обязательно будут пытаться отбить позиции, — сказал Трофимов. — Моё решение — я завожу в село свои группы снайперов с тепловизионными прицелами, будем держать оборону.

— Твои снайпера действительно помогли бы, — согласился Гусев. — Когда они смогут зайти?

— В процессе, — ответил Юра. — Полагаю, что через пару больших уже будут здесь. В общем, как стемнеет.

— Тогда надо сразу определиться с секторами, которые они перекроют, — предложил Васильев. — Сколько будет групп?

— Четыре.

— Тогда, — командир второго батальона глянул на карту. — Здесь, здесь и здесь... и одну группу будем держать в резерве.

— Это слишком близко к противнику, — возразил Юра. — Мы потеряем группы, если до каждой дойдёт хотя бы один толковый немец. Снайпера будут работать из глубины наших боевых порядков, хотя бы метров с трёхсот, не ближе. Оружие позволяет, да и стрелки будут в относительной безопасности.

— За безопасность своих людей тревожишься? — со злостью спросил Витя Васильев. — На фоне сегодняшних потерь?

— Именно поэтому и тревожусь, — парировал Юра. — Или у нас здесь в селе сейчас есть в ваших батальонах оборудование, которое способно работать ночью? А у меня есть, и мои снайпера пока ещё обладают свежими силами, не измотаны боем.

— Принимается, — кивнул Васильев. — Второй вопрос — раненые. Как будем их выносить?

— Комбриг приказал задействовать легкораненых, — сказал Гусев. — Полностью с ним согласен.

— «Доктор» просится сюда зайти, — сказал Васильев. — Его нужно будет встретить на входе в село. Сейчас он в лесополке вместе с Зайцевым.

— Зачем? — спросил Трофимов. — Зачем врачам лезть в самое пекло? Здесь и санинструкторы справятся.

— Думаю, что они понимают, что делают, — сказал Витя. — Им нужно будет выделить подвал для работы. А может и два или три. Раненых у нас очень много. И что самое печальное, я сейчас не готов доложить, сколько у меня в батальоне людей осталось...

— Я, к сожалению, тоже, — добавил Гусев.

Трофимов промолчал — у него потеря в течение прошедшего дня, к счастью, не было.

— Разрешите, — на пункте управления бригады появился Валентин Каренин. — Товарищ полковник, есть вопросы...

Михайлов отошёл с Карениным в угол, сели за стол.

— Давай.

— Армейские разведчики с БПЛА наблюдали, как хохлы увели в плен нескольких военнослужащих бригады, — сообщил контрразведчик. — До пяти человек.

— Вполне возможно, — кивнул командир бригады. — Там сейчас возможно вообще всё...

— Мы полагаем, что в настоящее время та сторона допрашивает наших бойцов, — сказал Валентин.

— Это естественно, — согласился Михайлов. — Я бы так же поступил.

— У меня к вам просьба, — Каренин со своей стороны за последние пару суток приложил много сил, чтобы отсрочить наступление на Петровку, чтобы дать прибывшему мобилизованному пополнению прийти в себя, а бригаде — насытиться боеприпасами, но когда его требования были отвергнуты, стал действовать в тех условиях, которые имели место быть в реальности. — Прикажите на предстоящую и последующую ночь сменить места

проживания командиров и начальников служб бригады, а также исключить массовое скопление личного состава в местах их постоянного расположения. И, конечно, предлагаю вам съехать с этого пункта управления на запасной командный пункт.

— У нас нет запасного пункта, — ответил Михайлов.

— Значит, нужно будет найти новое место, — настаивал контрразведчик.

— Вы, товарищ майор, будете мне указывать, что делать?

— Этого требует оперативная обстановка, — тихо ответил Каренин.

— Как ты сам это видишь? — спросил комбриг. — Ты понимаешь, сколько нужно произвести работы, чтобы сменить место размещения пункта?

— Знаю, — кивнул майор. — А вы знаете, сколько нужно времени, чтобы ввести в систему управления «Хаймерса» точные координаты этого пункта управления, полученные от пленных?

— Да бросьте. Никто там этим заниматься не будет, — заявил Михайлов. — У них сейчас проблема — это оборона Петровки, а не стрельба по местам жительства начальников служб.

— На чём основана ваша уверенность, товарищ полковник? — спросил Каренин. — Вы провидец? Или вы недооцениваете своего противника? Вот лично я, попадись мне пленный, первое, что бы у него спросил — где находится командир, самый большой из числа ему известных. И немедленно передал бы координаты артиллерии или ракетчикам.

— Хорошо, — кивнул комбриг. — Я вас услышал. У вас ко мне всё?

Каренин отметил, что Михайлов перешёл на «вы», что означало переход к формальному языку отношений,

и как следствие, выражало невысказанное несогласие с прозвучавшими предложениями.

— Никак нет. Есть ещё один вопрос. В телеграм-каналах появилось некое коллективное письмо на имя нашего губернатора якобы от офицеров бригады, в котором говорится, что в результате непродуманных действий по штурму Петровки бригада понесла катастрофические потери, но комбриг продолжает бездумно гнать людей на убой.

— Интересно, — хмыкнул Михайлов. — Уверен, это Трофимова рук дело — насколько мне известно, его жена ведёт телеграм-канал.

— Её канал перепостил это сообщение, но не она является автором письма.

— А кто? Вы установили?

— Установили, — кивнул Каренин.

— Арестуйте мерзавца, — предложил командир бригады. — Это же дискредитация вооружённых сил!

— Мы не можем его арестовать, — сказал Каренин.

— Почему?

— Офицер, составивший это коллективное письмо, два часа назад погиб в бою. Да и вообще, мой вопрос не в том, чтобы его арестовать. И уж тем более мы не собираемся арестовывать владельцев каналов, которые его распространили — как минимум потому, что в письме нет навета.

— А в чём же тогда ваш вопрос? — Михайлов заметно напрягся — всё же Каренин был не простым майором, а майором военной контрразведки.

— Вопрос не в том, что данная информация вышла в публичное поле, и разгорается политический скандал, который активно подхватывает противник, вопрос в пер-
вопричине этого скандала. Я хотел бы завтра взглянуть

на боевые документы, которые составлялись штабом бригады и подписывались вами перед началом наступления. Начиная от приказа командующего группировкой на штурм Петровки и вашего приказа подразделениям бригады, заканчивая таблицами боевого взаимодействия подразделений, таблицами плановых целей для артиллерии по подавлению обороны, расчёты расходов боеприпасов. Вместе со мной для изучения этих документов завтра приедут сотрудники военно-следственного комитета.

Михайлов начал менять в лице — Каренин отметил, как у того вздулись на лбу жилы.

— Да, конечно, — сдержанно ответил полковник и спросил: — У вас, товарищ майор, всё?

— Так точно, — контрразведчик встал. — Разрешите идти?

Проводив Каренина, Михайлов подозвал к себе начальника связи:

— Степан, сколько тебе нужно времени, чтобы сменить место размещения пункта управления?

— Сутки, товарищ полковник, — ответил связист. — Это с учётом того, что ещё нужно найти такое место.

— Ясно. Подыщите варианты.

— Есть!

Следующим Михайлов позвал начальника штаба.

— Сергей, — командир бригады постарался придать своему голосу безапелляционные нотки. — Нам нужно до завтрашнего утра подготовить все документы боевого планирования по наступлению на Петровку.

— Отличная идея, — усмехнулся Серов. — Очень своевременная. Это означает, что я, как начальник штаба, всё же нужен?

— Вы меня поняли, что нужно сделать? — спросил Михайлов, проигнорировав сарказм подчинённого.

— Так точно, товарищ полковник, — чётко ответил начальник штаба. — Разрешите выполнять?

— Сколько человек нужно выделить в помощь?

— Чтобы всё это было готово к утру, мне нужно три-четыре человека, которые ранее занимались составлением боевых документов.

— Берите, кого посчитаете нужным, — согласился командир бригады. — Сейчас это главный вопрос.

— Есть, — кивнул начальник штаба.

— Пока вы будете заниматься документами, — сказал Михайлов, — я лично займусь организацией передислокации пункта управления на новое место.

— Только что выходил Васильев, уточнял вопросы эвакуации раненых, — сообщил Серов. — Что ему прикажете передать?

— Ему уже всё доведено, — ответил Михайлов. — Пусть выполняет то, что уже обговорили. Мне сейчас не до него — появились более важные задачи.

Последним предложением он дал понять Серову, что разговор на эту тему закончен.

Врачей встретили на окраине села, моргнув фонарём. Мокрые и обессиленные, по колено в грязи, медики сели под стеной разваленного дома, чтобы отдышаться. Минут через пять, они встали и двинулись дальше за проводником, который вскоре привёл их в подвал, где находились раненые.

— Привет, — Данил пожал руку Диме Мосину. — Как обстановка?

— Нет слов, — коротко ответил фельдшер. — Двое уже скончались. Хаос полнейший.

— Смерть любит хаос, — подтвердил Данил.

В подвале находилось более двадцати человек, было душно, постоянно кто-то стонал, пахло кровью и мочой. При свете налобных фонарей медики стали осматривать и сортировать раненых. Данил был беспощаден в своих заключениях, и, наверное, в мирной жизни, его бы засудили неблагодарные пациенты, но здесь, в тяжелейших условиях боя, даже мобилизованные бойцы, которые в большинстве своём ещё не свыклись с мыслью о глобальных изменениях в своей жизни, принимали выводы врача с готовностью и безоговорочно.

— Встань, — требовал врач от раненого, если не видел у него критических ранений. — Идти можешь? Отлично. Жди в том углу.

Медики быстро выделили трёх «очень тяжёлых», в отношении которых решили не предпринимать никаких действий, ещё четверых «тяжёлых», которым решили оказывать помощь прямо на месте, чтобы стабилизировать их перед пешей эвакуацией. Остальные полтора десятка легкораненых могли не только самостоятельно передвигаться, но и готовы были потрудиться, чтобы поскорее покинуть это страшное место в сторону медицинского учреждения.

Зайцев организовал поиск подручных носилок — одеял, кусков брезента или тента, или чего-то другого подходящего для переноски раненых, затем стал распределять людей по группам, объясняя им, как правильно нести раненого. Вскоре первые группы стали выносить «тяжёлых» в поле.

Носильщикам предстояло выполнить тяжелейший труд — донести своих боевых товарищей до точек эвакуации, которые отстояли от села на несколько километров. При том, что и сами эти носильщики были ранены и истощены прошедшими сутками.

Подвал опустел, и это позволило медикам организовать последовательный «приём» раненых, которые стали стягиваться сюда со всех направлений. Кому требовалось оказать немедленную помощь — врачи и фельдшер делали всё от себя зависящее.

Тем временем Трофимов начал лично разводить по занятой части села своих снайперов, нарезая им задачи.

— Помните, парни, — говорил он. — Этой ночью только вы и останетесь «глазами» двух батальонов. Передовая, конечно, тоже будет бдить, но, похоже, что «тепляки» есть только у вас. Всё, что дальше трёхсот метров от вас в сторону противника — всё вражеское. Пресекайте любое перемещение. Убивайте всех. От этого зависит и ваша личная безопасность. Ара, тебе понятно?

— Так точно, — Давид уже считался опытным снайпером, которому можно было доверять самые сложные задачи.

У него был самый «перспективный» участок, который с высоты чердака одноэтажного дома просматривался на шестьсот метров — как раз на дальность уверенного огня из СВД. Так как его винтовка была оснащена ещё и «банкой», Трофимов не переживал за выбранное для бойца направление.

— Только не вздумай вперёд идти, — напутствовал командир отряда, вспоминая прежние подвиги молодого снайпера.

— Так точно! — весело ответил Давид.

За полночь в село зашли Романов и Кузьмичёв со своими бойцами-помощниками из числа вновь прибывших. Снайпера выбрали подходящий и относительно це-

лый двухэтажный дом на самой окраине села, откуда можно было вести косой фланговый огонь, и быстро оборудовали на нём позицию. В доме размещалось несколько бойцов из первого и второго батальонов, часть из них была ранена и без командиров они не знали, что им делать. Трофимов, переговорив с бойцами, ужаснулся тому, что те даже не знали название села, которое их привели штурмовать, не дав отдохнуть после переезда. Мобилизованные уверяли, что вся постановка боевой задачи свелась к словам «да там на двадцать минут работы и сразу пойдёте отдыхать». При себе у них не было ни еды, ни воды, ни запасов патронов. Куда «ушли» боеприпасы командир мобильного отряда видел на улице в Горском...

Разъяснив мобилизованным порядок ночного дежурства и предупредив, что за сон на посту карать будет противник, Юра поднялся на чердак к своим снайперам.

Спустя полчаса наметились для работы пять объектов — от школы, до которой было тысяча двести метров, до фермы, отстоявшей от позиции на тысячу шестьсот метров и расположенной за рекой, протекавшей к северу от Петровки, от которой далее шла дорога на Сталедар.

Рассматривая в ТОД украинских наблюдателей на крыше школы, которые торчали в провалах скатной шиферной кровли, Юра вспоминал свои ощущения, когда он впервые наблюдал работу снайпера — когда, затаив дыхание, он с содроганием сердца ждал развязки — смерти противника от точного попадания маленького кусочка металла, геометрически идеального для полёта. Сейчас на этот процесс он смотрел уже без прежних эмоций. Люди, которых он видел в сетке прибора наблюдения, давно перестали быть для него одушевленными существами, в его представлении они были всего лишь бездушными пикселями в электронно-оптическом приборе, не более.

В снайперской группе мобильного отряда, в силу большого внимания со стороны гражданских спонсоров, появилось уже несколько дальнобойных винтовок калибра 338, 375 и 408, плюс приличное количество боеприпасов, которые снайпера не особо экономили, позволяя себе стрелять на максимальные дистанции столько раз, сколько требовалось для поражения цели. Можно сказать, что в мобильном отряде снайперское дело было вознесено на вершину своего совершенства, немыслимую в довоенный период. Однако, розовощёкий и пухлый «Чемпион», никоим образом внешне не похожий на суровых снайперов, справедливо глумился над лучшими мастерами хорошего выстрела, рискуя быть битым, но не способный отказаться от соблазна изложить им правду в глаза: всеми своими действиями он уже неоднократно доказал, что с помощью коптеров — со сбросами или ударными «камикадзе» — он побеждает традиционный снайпинг всухую. Как бы многим достойным снайперам мобильного отряда этого и не хотелось признавать.

Трофимов имел возможность наблюдать уникальную ситуацию — снайперское ремесло в руках подготовленных стрелков, обеспеченных лучшими отечественными и иностранными винтовками с совершенными прицелами и приборами наблюдения, оказавшись на пике своего развития, вдруг стало проигрывать «игрушкам», цена использования которых была значительно ниже стоимости использования дальнобойных высокоточных снайперских комплексов. Находясь в центре событий, и реально оценивая практику боевого применения, Трофимов видел, что удар одним FPV-дроном, который естественно был дороже самого дорогого снайперского патрона, выходил... дешевле и эффективнее, чем стрельба из снайперского оружия.

Дело было даже не в том, что снайпер тратил на цель далеко не один патрон, как это принято думать у обывателя, а в том, что действовать снайперу приходилось на прямой видимости противника, зачастую ставя себя в дуэльную ситуацию, и почти всегда — подвергая себя риску быть убитым или раненым миномётным или артиллерийским огнём, противопехотной миной или вступив в перестрелку с противником на дистанциях ближнего боя. Всего этого риска избегал оператор БпЛА, который мог находиться за несколько километров, а то и десятков километров от объекта атаки, и безнаказанно мог бить противника — при этом ему не нужно было по минам заходить на позицию, искать защиты от огня противника — в момент атаки оператор вообще мог быть в защищённом бункере, пребывая в тепле и уюте.

Вот это тепло и уют больше всего раздражало традиционных снайперов, а не то, что ударный дрон, управляемый умелой рукой, мог убивать противника, залетая вовнутрь помещений, открытых люков бронированных машин, в стрелковую ячейку окопа — чего ни при каких обстоятельствах невозможно добиться снайперским выстрелом.

В своём коллективе Трофимов заметил такую закономерность, что снайпера негласно поделились на две примерно равные группы — половина которых стремилась к изучению нового вида оружия и его возможностей, и вторая половина, которая наотрез отказывалась признавать факт утраты былой значимости снайперского огня на поле боя. Дело даже доходило до споров, переходящих на оскорбления и попытки рукоприкладства. Горячие головы Юра остужал привычными армейскими способами — привлечением к коллективному общественно-значимому труду, в основном выраженному копанием укрытий.

Преследуя благие цели совершенствования боевого мастерства, Трофимов двигался по пути создания центра подготовки операторов, где главным инструктором он видел «Чемпиона», однако, пару раз обратившись к командиру бригады с просьбой дать ему право отбора в своё подразделение лиц, заинтересованных в обучении на «бездушного пилота», получил прямой отказ с советом «не заниматься ерундой». Дневной успех, продемонстрированный «Чемпионом», безусловно доказывал значимость ударных дронов, и Трофимов твёрдо решил добиваться выделения ресурсов на создание учебных мест уже даже не перед Михайловым, а перед Павловым, который всегда благоволил подобным начинаниям.

Пока шла подготовка к боевой работе, Романов и Кузьмичёв рассказывали о своих успехах в течение дня, не преминув заметить, что за всё это время четыре раза попадали под сбросы ВОГов с дронов противника, и лишь случайность уберегла их и приданных им бойцов от ранений.

— А теперь поставьте себя на место того оператора, который кидал в вас гранаты, — предложил Трофимов. — Если при контрснайперской работе вы ещё можете обнаружить своего противника, то обнаружить оператора дрона вы не можете никак. Где он был? В полукилометре от вас, или в пяти километрах?

— Товарищ майор, вы сейчас на больной мозоль мне давите, — заявил Романов. — Я потратил на обучение снайперскому ремеслу в общей сложности десять лет. Я выполнял очень сложные задачи, за результаты которых я горжусь, и буду гордиться всегда. А тут приходит какой-то пухлый тип, который не может ни разу подтянуться на турнике, и за два месяца убивает хохлов больше, чем я.

— Макс, — усмехнулся Юра. — Мир не стоит на месте, технологии развиваются. Ты сравни свой «Орсис» с винтовкой Мосина, сравни ТОД с восьмикратным биноклем Б-8 — и согласишься, что снайперское дело прошло огромный путь развития. С «Моси» можно стрелять на шестьсот метров, с «Орсиса» на тысячу шестьсот и дальше, есть разница?

— Согласен, — кивнул Романов.

— Увеличение дальности поражения противника делается с одной целью — повысить безопасность самого стрелка. Правильно?

— Правильно, — согласился Романов.

— А теперь подумай, как ты относишься к противотанковой ракете, которая способна бить танк на несколько километров. Это круче, чем ручная противотанковая граната? Или «коктейль Молотова»?

— Конечно, круче!

— А как ты воспринимаешь операторов ПТРК?

— Нормальные парни, а что?

— По-твоему получается, что они бьют врага не в открытом бою, а издали. Можно даже сказать, что исподтишка. Так?

— Допустим...

— Теперь смотри, дрон — это всего лишь средство доставки боеприпаса к цели — по сути, точно такое же, как ракета, несущая кумулятивный заряд к вражескому танку, или ствол твоей винтовки, забрасывающий пулю к голове противника. Только воспринимаешь ты этот дрон как игрушку, чем он, собственно, и является. И соответственно, операторов этих «игрушек», имеющих навыки «игры», ты воспринимаешь как несерьёзных геймеров, случайно оказавшихся на войне. Но эти геймеры показывают результат. За что ты их не уважаешь?

— Если на то пошло, то скажу прямо: мы воюем честно — ползаем в грязи, сидим сутками в засаде, рискуем жизнями, выходя на огневые позиции...

— А ты переживаешь, что «Чемпион» во время боевой работы сидит в тепле?

— Ну, допустим.

— А что в этом плохого?

— Это не честно! — в словах Романова сквозила обида за своё положение.

— Война — это путь обмана! — усмехнулся Юра. — Изучай дроны, осваивай управление — и ты будешь сидеть в тепле! А пока, — Трофимов кивнул в сторону школы, — давай, работай, как умеешь.

Продолжая бухтеть, Максим сел на стул перед триподом, на который опиралась его винтовка, поворочавшись, выбрал удобное положение.

— Готов...

Наводчик подвёл его к первой цели — видимому тепловому пятну в левой части школьной крыши.

— Огонь по готовности!

— Выстрел, — практически сразу ответил Максим и потянул спуск.

Пятно исчезло.

— Цель, — подтвердил наводчик.

Вначале уничтожили троих наблюдателей, сидевших на школе в проёмах скатной шиферной крыши. Затем стали бить тепловые пятна, появляющиеся в окнах третьего этажа. Когда люди, находящиеся в школе наконец-то осознали, что их расстреливают снайпера, пятна перестали появляться в окнах.

— А сейчас и «Чемпион» не поможет! — злорадно заявил Максим. — Потому что ночью он не летает! Ха-ха-ха!

— Скоро придёт дрон с тепловизором, — сказал Трофимов. — Я тогда посмотрю, что ты скажешь... — и после паузы с чётким разделением добавил: — Ха-ха-ха.

ГЛАВА 11

К трём часам ночи Юра едва сдерживал себя, чтобы не заснуть — сказывалась усталость и хронический недосып. К этому времени, опасаясь ответного огня, снайперская группа сменила позицию — Кузьмичёв с двумя помощниками перебрался в соседний дом, откуда продолжил наблюдение за противником, то же самое сделала и группа Романова, найдя для себя новый чердак.

Всю ночь с обеих сторон шла беспокоящая стрельба, со стороны Сталедара слышался шум моторов. Очевидно, противник проводил перегруппировку своих сил, намереваясь выбить мотострелковые батальоны из Петровки.

Прихватив с собой одного бойца в качестве сопровождающего, Юра перебрался в подвал дома, где находились командиры батальонов — они оба не спали, над картой обсуждая предстоящие действия.

— Как успехи? — спросил Трофимов.

— Всё нормально — тонем, — пошутил Гусев.

— Принимаем резервы, — сказал Васильев. — Пока темно, в село идёт подкрепление, выносим раненых. Утром ждём атаку противника, но что-то мне подсказывает, что «Скиф» не согласится на оборону и снова погонит нас атаковать врага. Что у тебя?

— Работаем, — ответил Трофимов. — Снайпера выбили два десятка немцев, в том числе восемь — в школе. Наблюдаем перемещение со стороны города. Противник, как и мы, выносит раненых, заводит в село резервы и боезапас. На пределе дальности мои парни простреливают подходы к мосту с той стороны. Я не гарантирую, что мы сможем пресечь всё движение людей, но какую-то часть забаранить сможем.

— Хотя что-то, — вздохнул Васильев. — А то сплошная тоска и печаль. Чую, день будет ничуть не легче, чем прошедший. Только бы сил нам ещё набраться...

— День простоять, да ночь продержаться, — усмехнулся Трофимов.

Однако, за разговорами командиры батальонов планировали свои дальнейшие действия — обсуждали, кто и как будет действовать с наступлением рассвета. Всю ночь они восстанавливали управляемость вошедших в село подразделений, сильно потрёпанных, но не сломленных. Восстанавливали боеспособность, назначали новых младших командиров из числа тех, кто проявил себя, кто показал, на что способен, кто мог повести людей в бой.

— Первым делом нужно отбить вот этот дом, — Гусев ткнул карандашом в карту. — Взяв его, мы получаем контроль за участком улицы и перекрёстком, что позволит нам пройти до вот этих двух домов. Овладев этими домами, мы получаем возможность выхода на станцию техобслуживания и минимаркет. Отсюда мы фланкируем противника сюда и сюда, отсекая резервы для обороняющихся ангары транспортного предприятия... — Женя посмотрел на Виктора: — Ты к этому времени должен будешь продвинуться до вот этого перекрёстка и взять линию домов вот до сюда.

— А что мешает взять этот дом сейчас? — спросил Юра. — Противник явно не ждёт большой атаки до утра.

— Отсутствие приборов ночного видения, — ответил Гусев. — Мы, к сожалению, не спецназ, у которых всё есть.

— Спецназ сказал бы, что это не их профиль, — улыбнулся Трофимов. — У меня есть бесшумная винтовка с тепловизором, я могу выбить обороняющихся, а ваши штурмы подойдут и закидают дом гранатами. Или что, гранат тоже нет?

— Гранаты есть, — задумчиво сказал Женя. — А ты что, прямо сейчас готов?

— А чего тянуть? Я так понимаю, что этот дом сейчас как передовой рубеж обороны, и как ключевая точка обороны Петровки, можно сказать. Если мы его берём — рушится вся система. Или, по крайней мере, сильно шатается. Так что — надо брать.

— Они нас ждут утром, — сказал Васильев. — Так как точно знают, что у мобилизованных нет никаких ночных приборов, и все действия могут начаться только на рассвете — когда у нас уже будет подкрепление.

— Соблазн велик, — сказал Гусев. — Настолько велик, что нужно идти и работать прямо сейчас.

Женя окликнул своего ординарца и приказал ему поднять остатки штурмового взвода. Спустя пять минут они уже пробирались тёмной улицей к намеченному объекту атаки. Выйдя на свой передний край, комбат коротко поставил задачу сержанту:

— После того, как снайпер отработает наблюдателя, по команде подрываетесь и бегом к дому. Если кто-то там попытается отстреливаться, снайпер тоже будет работать. Подходите, забрасываете в окна гранаты, выжившим предлагаете выйти из дома, можете обещать сохранить им жизнь. Зачищаете дом, организуете круговую оборону.

— Сделаем, — старый и опытный контрактник верил в свои силы и силы своего штурмового взвода. Или он уже пребывал в такой степени апатии, что любое развитие событий было ему безразлично.

Юра включил тепловизионный прицел, привезённый супругой, и стал разглядывать дом. Это было крепкое каменное двухэтажное строение с окнами во все стороны. Возле дома располагалось несколько построек — гараж, баня, сарай, в которых также могли размещаться люди.

Территория была обнесена забором — местами из профнастила, местами из сетки Рабица.

Человека он обнаружил в окне второго этажа — наблюдатель добросовестно нёс службу, находясь в глубине помещения. Выстрел из ВСС, произведённый с дистанции в сто метров не дал человеку шансов на выживание.

— Работаем! — сказал Юра комбату.

— Пошли, — негромко сказал он командиру взвода.

Четыре человека двинулись в темноту. Их движение было хорошо слышно, так как ступать бойцам приходилось по различному хрустящему хламу, которым после обстрелов была завалена улица. Впрочем, значения это уже не имело, так как атака уже началась, и она была неотвратима.

— К бою! — донеслось со стороны дома. — Москали идут!

В течение пары минут Юра застрелил ещё трёх человек, пытавшихся вести огонь из окон, после чего в доме стали рваться гранаты — штурмовая группа подошла к домовладению и приступила к штурму.

— Вперёд, — скомандовал Гусев остальной части штурмовиков и ещё шесть человек побежали к дому.

Через несколько минут стрельба и взрывы в доме стихли, и к комбату прибежал посыльный боец.

— Товарищ командир, дом взят, группа немцев заблокирована в подвале с подземным гаражом. Говорят, что «русские не сдаются» и выходить не желают. У нас двое двухсотых и трое раненых, один тяжёлый.

— Блокируйте подвал, занимайте круговую оборону, ждите группу закрепления и группу эвакуации, — сказал комбат.

— Есть, — боец убежал обратно в дом.

— Как по маслу, — удовлетворённо сказал Гусев. — Спасибо тебе, майор. Ты нас очень выручил.

— Будешь должен, — ответил Трофимов.

Потеря пяти человек, в том числе убитыми, не смутила Гусева — командир батальона только что решил ключевую задачу, которая обещала успех предстоящего штурма остальной части села.

С наступлением рассвета противник попытался отбить дом, но Гусев, понимая его тактическую ценность, направил туда десять человек, распределив их по соседним домам и постройкам, что позволило создать систему огня, непроходимую для украинских штурмовых групп. В бессильной злобе враг начал закидывать дом минами, а так как подвал к этому времени отбить не удалось, то у обороняющихся появились раненые.

В подвал сбросили пару гранат, заявив, что больше церемониться не будут, однако, противник сдаваться снова отказался, переместив свою оборону в дальнее помещение подвала, куда невозможно было забросить гранату. Было слышно, как запертые в подвале украинские бойцы пытаются по радиации вызвать огонь на себя.

Снайперские группы Трофимова сильно мешали продвижению вражеских штурмовых групп, и вскоре противник подтянул БМП-2, которая стала пушечными очередями расстреливать чердаки, зачищая возможные места нахождения снайперов.

— В Петровке наметился оперативный успех, — командир бригады по телефону докладывал текущую обстановку командующему группировкой генералу Миронову. — Да, товарищ генерал, продвижение штурмовых отрядов идёт по плану, к вечеру буду готов доложить о взятии

села! Нет, товарищ генерал, помощь не нужна, справимся своими силами!

Находившиеся рядом с Михайловым офицеры управления бригады по-разному выражали в этот момент свои эмоции — кто-то согласно кивал, кто-то ужасался, начальник штаба бригады сидел за столом, подперев голову рукой, и молча смотрел в одну точку.

С комбригом соглашались те, кто не видел себя участником идущего боя, кто точно знал, что с автоматом в руках ему не придётся штурмовать эту Петровку, что достигнутое им положение в военной иерархии уже не подразумевало личный риск и лишения, кроме тех, какие они несли по факту своего присутствия на СВО. Это были те офицеры, которые выросли в «новом облике» армии, для которых вовремя сделанный доклад, даже если он опережал события, был более приоритетной сущностью, чем вовремя выполненная задача.

Ужасались происходящему те офицеры, которые осознавали, во что может вылиться столь бодрый и преждевременный доклад комбрига командующему группировкой. Они точно знали, каких ресурсов потребует последующее достижение уже доложенных «наверх» результатов, истинной целью которых было не выполнение боевой задачи, а сохранение командиром бригады своей должности и положения, а также хорошей расположенности со стороны командования.

— Начальник разведки, — закончив говорить с генералом, Михайлов обратился к майору Кобзеву. — Доложите обстановку!

— Товарищ полковник, подразделения бригады продолжают вести наступательные действия в Петровке. В течение ночи, по докладу Гусева, совместными действиями с мобильным отрядом Трофимова, ему удалось

овладеть ключевым пунктом обороны села — домом на улице Ленина. В тёмное время суток удалось завести в село шестьдесят семь человек, ещё четыреста тридцать сосредоточены в прилегающих лесополосах...

— Их всех немедленно направить в село!

— С рассветом это стало невозможно, — возразил начальник разведки. — Противник безостановочно бьёт миномётами по полю, через которое мы осуществляем вход в село, а дорога с Николаевки находится под огнём контролем противника и продвижение по ней так же невозможно.

— И что, ты хочешь сказать, что четыре сотни человек будут весь день прохлаждаться в лесополках, когда нам необходимо к вечеру взять Петровку?

— Я, товарищ полковник, только довожу вам обстановку, — сказал Кобзев.

— Немедленно всех в село! Полем или дорогой, мне безразлично! Я поставил задачу — направить всех этих людей в село! Кто её не выполнил? Кого послать в штурмовой отряд? Где Хвостов? Где Васильев? Где Гусев? Где этот бездельник Трофимов? Почему они не на совещании?

— Хвостов погиб, товарищ командир. «Хаймерс» прилетел в дом, в котором он проживал с офицерами танкового батальона. Все остальные, товарищ полковник, находятся в Петровке.

Несколько мгновений на командном пункте висела тишина, никто не хотел спорить с командиром бригады, но многие хотели покинуть это помещение и исчезнуть с глаз долой. Ещё пару дней назад Михайлов не позволял себе так разговаривать с подчинёнными, но эти два дня многое изменили.

— Разрешите продолжить? — спросил начальник разведки, и когда комбриг взглянул на него, тот сказал: —

В течение ночи вынесено на пункт эвакуации семьдесят шесть тяжёлых раненых, вышло самостоятельно сто восемьдесят пять, около сорока человек вышли из села, но к пункту эвакуации не дошли. Незначительное количество раненых остаётся в Петровке.

— Безвозвратные?

— Из числа подсчитанных, на этапах выдвижения, при начале штурма, и в ходе штурма в самом селе — около ста пятидесяти. Данные уточняются, они будут расти, товарищ полковник. Сильно расти.

— Что ты на меня так смотришь, майор? — вдруг громко спросил Михайлов. — Думаешь, что будет, если всё это разом привезут в область? А не надо разом! Чтобы нас с тобой не разорвали родственники мобилизованных, приказываю убитых отправлять партиями, не более десяти человек за раз! Всем всё понятно?

— Мы так до лета гробы отправлять будем, — вдруг сказал Савельев — его лицо не предвещало ничего хорошего: — Товарищ полковник, на вашем месте после такого «результата» я бы застрелился. Не надо было начинать войну без снарядов.

— Я только твоего совета не спросил, — огрызнулся командир бригады. — Ты уже передал людей в штурмовые отряды?

— Нет, — ответил Савельев. — Я не позволю из своих артиллеристов делать «пушечное мясо». Вы, ради удовлетворения своих амбиций, готовы гнать на убой всё новых и новых людей, надеясь численным превосходством завалить оборону Петровки, умыть кровью эту деревню. Не слишком ли высока цена за село в три улицы, товарищ полковник?

— Вы смеете обсуждать приказы? — Михайлов чувствовал, как теряет контроль над собой — единственное,

что ему сейчас хотелось, это ударить Савельева кулаком в лицо, и единственное, что его сдерживало, это понимание того, что Савельев не станет подставлять вторую щеку.

— А вы отдайте мне письменный приказ, — сказал Савельев. — Я настаиваю. И я его сразу исполню.

Андрей тоже уже был на грани, чтобы не кинуться на комбрига с кулаками.

— Товарищ полковник, я подготовил документы, — в разговор вмешался начальник штаба.

Михайлов перевёл взгляд на Серова:

— Подпишите их.

— Без вашей подписи я не имею права, — ответил Сергей.

— Подписывайте, — твёрже сказал командир бригады. — Я приказываю.

— Ваша подпись, — твёрже сказал начальник штаба.

Николай почувствовал, как закипает в голове кровь — наверное, давление шагнуло за двести. За прошедшие сутки бригада потеряла несколько сотен человек, которые пошли в бой по его, Михайлова, воле. Он чётко понимал, что, не имея на руках письменных указаний вышестоящего руководства, вся ответственность за погибших ложилась на его плечи. Мысль о получении звезды Героя выветрилась из его головы. Со всей очевидностью Михайлов осознал, что не только Сталедар, но и эту небольшую Петровку своими силами взять он уже не сможет.

— Разрешите, товарищ полковник! — в помещении пункта управления появился майор Каренин, за спиной которого стояли ещё двое. Снаружи слышалась какая-то возня.

— Что там происходит? — спросил Михайлов упавшим голосом.

— Спецназ Шаманова вяжет ваших охранников, которые не хотели пускать нас на командный пункт, — пояснил контрразведчик. — Вы подготовили документы боевого планирования?

— Подготовили, — тихо ответил командир бригады. — Они у начальника штаба.

— Мы их изымаем, — сказал Каренин. — А также предлагаем вам проехать с нами для проведения следственных действий.

— Я не могу... — Михайлов изменился в лице. — Я командир бригады. Идёт бой за Петровку. Мне нужно руководить...

В помещение протиснулся Павлов. Увидев его, комбриг просветлел, словно его озарил лучик надежды, но к великому удивлению исполняющий обязанности командующего армией не поспешил его выгораживать.

— Полковник Михайлов, — Павлов говорил поставленным командирским голосом, от которого все, кто был на командном пункте, вздрогнули. — Сдайте должность подполковнику Савельеву. Немедленно.

Михайлов несколько секунд переваривал услышанное, но затем обернулся на начальника штаба:

— Сергей, впишите в журнал боевых действий указание командующего армией...

Савельев был удивлён не меньше Михайлова. Он ожидал чего угодно, но только не этого.

— Товарищ полковник... — Николай посмотрел на командующего. — Вы же сами...

— Замолчите, полковник. Мы с вами поговорим в другом месте.

Михайлов обернулся на Савельева:

— Ты хотел побыть в моей шкуре, ты этого добился. Только смотри теперь, как сам превратишься в дракона...

— Товарищ полковник, почему я? — спросил Андрей у командующего армией.

— Потому что опереться можно только на то, что не ломается, — ответил Павлов и добавил: — Вообще-то, я теперь генерал-майор. И жду от вас решений по Петровке, — отведя Савельева в сторону, он добавил: — На эти решения смотрят в Генштабе, так что сам полагай... и да, заместителей подбери себе сам. Но помни — Петровку нужно взять.

— Сталедар я силами бригады не возьму, — сразу сказал Савельев. — У меня потери огромные. Снарядов нет.

— Снаряды завтра будут. Много. Планируй свои действия исходя из этой информации.

— Есть!

Предпоследним FPV-дроном «Чемпион» ударил по украинской БМП, которая не давала снайперам работать с крыш домов.

— Командир, «камикадзе» остался один, — доложил он по связи. — Дронов нет, но вы держитесь.

— Принял, «Чемпион», — ответил Трофимов.

Вооружившись СВД, Юра вместе с Давидом, удивляясь собственной безнаказанности, смогли пройти дворами к станции технического обслуживания, на которой уже обосновались три бойца. Эти парни выбили немцев из помещения мастерской и теперь держали оборону. Когда Трофимов вошёл на станцию, его едва не расстреляли, приняв за украинца.

— Гусев! — крикнул Юра, надеясь найти понимание.

— Товарищ комбат, это вы? — один из бойцов вступил в диалог, чего было достаточно для предотвращения «дружественного огня».

— Я майор Трофимов, командир мобильного отряда, — крикнул Юра из-за стенки. — А Гусев это ваш комбат. Я к вам на помощь пришёл. Не стреляйте, я выхожу!

Парни с удивлением смотрели на «целого майора», который со снайперской винтовкой бежал по переднему краю.

— Показывайте, откуда у вас тут пострелять можно!

— Вдоль улицы можно, — сказал боец. — Через окно. А у вас воды нет? Пить хочется...

Юра скинул рюкзак и достал полторашку с водой.

— Это всё, что есть. Будем экономить.

Штурмовики стали жадно пить воду.

Юра обошёл помещение — в углу лежало тело убитого украинского солдата, судя по вывернутым карманам его уже осмотрели. Осторожно выглянув в окно, он увидел перед зданием ещё два тела.

— Эти выбежали, — рассказал один из бойцов. — Я их одной очередью срезал. А того, в углу, тоже я убил. Мы с ним нос к носу столкнулись, он как раз автомат свой перезаряжал. Не повезло американцу.

— Почему американцу? — спросил Трофимов, глядя на улицу.

— А я у него паспорт нашёл. Юнайтед стейс.

— Давай его сюда, — потребовал майор. — Передам контрразведчикам.

— Товарищ майор, а мне медаль за него полагается? — спросил боец, доставая из кармана американский паспорт.

— Я посодействую, — пообещал Юра.

Как только командующий армией и контрразведчики уехали, Савельев собрал офицеров управления бригады.

— Первое — Гусеву и Васильеву остановить наступательные действия и закрепиться на достигнутых рубежах. Гусева назначаю старшим в Петровке. Задача — сохранить текущее положение в течение двух суток. Второе — отвести из лесополос в Горское и рассредоточить по населённому пункту все находящиеся там подразделения за исключением двух рот, которые с наступлением тёмного времени заходят в село в распоряжение Гусева и Васильева. Третье — у находящегося в Петровке начмеда заканчиваются медицинские средства, приказываю обеспечить в дневное и ночное время доставку в село медицинских средств, необходимых для оказания помощи раненым. Поодиночке и мелкими группами люди дойдут даже днём. Ночью организовать вынос раненых. Пункты сбора раненых выдвинуть ближе к селу. Четвёртое, в подразделения обеспечения немедленно вернуть всех водителей, подготовить машины к выезду за снарядами. Пятое — организовать эвакуацию подбитой боевой техники с поля боя. И шестое, начальник штаба, обеспечьте выполнение моих распоряжений, а я отлучусь на час — решу кое-какие вопросы.

— Есть, — кивнул Серов. — Сделаем, товарищ командир.

В первую очередь Андрей посетил командира бригады радиотехнической разведки особого назначения, в полосе разведки которой действовала и мотострелковая бригада. «Горец» встретил его как старого друга:

— Поздравляю с назначением, тёзка, — сказал комбриг-разведчик.

— Откуда знаешь? — усмехнулся Андрей.

— Я всё знаю, — улыбнулся «Горец». — Я же разведка. Говори, чего приехал.

— Скажи, ты тут всё слушаешь...

— Слушаю и вижу, — кивнул разведчик. — Сводки ежедневно отправляю наверх. Реализации сверху — ноль. Работаю на корзину.

— А что если мы сформируем рабочую группу, ты будешь давать мне координаты интересных целей, в полосе наступления моей бригады, а я буду бить их артой?

— Я это «Скифу» давно предлагал, — сказал «Горец». — Но ему это не надо было почему-то.

— Мне это надо, — горячо заверил Савельев.

— Я только — «за», — кивнул разведчик. — Сейчас ориентирую свои посты для работы.

— Спасибо, — Андрей пожал руку своему тёзке и попрощался: — Извини, я поехал, работы много.

Через двадцать минут он уже был на командном пункте артиллерийской бригады общевойсковой армии.

— Павлов завтра мне обещает снаряды, — сказал Савельев артиллерийскому комбригу. — Дай мне займы сегодня! Я завтра всё отдам. Чес-слово.

— Какой ты шустрый, — усмехнулся артиллерист. — Только в должность вступил, как уже побираться поехал по соседям.

— Не я такой, — улыбнулся Андрей. — Жизнь такая.

— Какие нужны?

— К «Граду» сотни две. 122 миллиметра, 152 миллиметра, мины 120 миллиметров, мины 82 миллиметра — сколько не жалко, — начал перечислять Савельев.

Артиллерист глянул наличие собственных боеприпасов и кивнул:

— Хорошо, выдам немного. Но смотри, как получишь, отдашь мне!

— И ещё вопрос! — Савельев вошёл в раж и уже не мог остановиться: — У тебя же есть «Малка»?

— Есть, — кивнул артиллерист. — Не дам, даже не проси.

— Оставь себе, — ответил Андрей. — Но если я буду давать координаты целей...

— Я стреляю по согласованию с командующим армией, — сразу смекнул комбриг. — Это может быть очень долго.

— Такое разрешение ты получишь, — сказал Савельев.

— Могу и пострелять, если так, — согласился артиллерист.

— Тогда выдели мне контактное лицо, через кого я мог бы быстро реализовывать данные разведки. И будет лучше, если уже сейчас организуешь под меня дежурную «Малку».

— Какой ты шустрый, — повторил комбриг. — Уговорил.

Командиры бригад ударили по рукам.

— «Стрелец», я «Скала», — вернувшись на командный пункт, Савельев сразу приступил к исправлению текущего положения. — Через час доложить о готовности корректировать огонь артиллерии.

— «Скала», я «Стрелец», вас принял на отлично, — сказал в эфир Женя Гусев и добавил: — Спасибо, «Скала».

— Куда пропал «Восток»? — спросил Андрей. — Не могу найти его в эфире, не отвечает мне.

— Работает, — ответил Гусев. — У него одна станция на бригадной частоте, другая на выделенной частоте мобильного отряда, может, бригадная села или разбил.

— Как появится, если ещё живой, передайте ему мой приказ вернуться на исходную. Он мне здесь нужен, на командном пункте бригады.

— Принял, — ответил Женя. — Передам.

Танковый снаряд разорвался в верхней части помещения, заполнив мастерскую каменной крошкой и пылью. Юра почувствовал, как его сильно приложило о бетонный промасленный пол и завалило каким-то хламом. Голова отдала былой болью, словно и не проходила полученная ранее контузия. Трофимов подтянул колени, перевернулся на живот и приподнялся. Его тут же вырвало. Сильно кружилась голова.

— Есть, кто живой? — крикнул он.

— Я живой, товарищ майор, — отозвался Давид.

— Ара, после обстрела будет атака, — сказал Трофимов. — Держи оборону.

— Держу, командир!

Юра выбрался из-под завала, достал СВД и подошёл к окну. Метрах в двухстах от него стоял танк, ствол которого смотрел прямо на окно.

— Ара, ты где? — крикнул Юра. — Он сейчас снова будет стрелять!

Сам он бросился под окно, и едва ли не сразу оглушительно ударил ещё один разрыв. Голова словно раскалывалась, Юра обхватил виски руками. Активные наушники слетели ещё при первом взрыве, и сейчас к головной боли добавился звон в ушах.

«Нужно встать», — сам себе сказал Трофимов.

Превозмогая себя, он поднялся на колени и взглянул на улицу. Танк уходил задним ходом, направив орудие куда-то в сторону. Вдоль оград домовладений к мастерской приближалось пять человек — они шли уверенно, держа оружие на уровне глаз.

— Ара, работаем! — крикнул Юра.

— Работаю! — крикнул сбоку Давид.

Трофимов зарядил винтовку и выглянул наружу — до вражеских бойцов было метров сто. Первым выстрелом он положил одного человека, но внезапная нестерпимая боль в голове заставила его вскрикнуть и уронить винтовку.

Рядом раздалось четыре выстрела — это стрелял Давид.

Трофимов стиснул зубы — больше всего ему сейчас не хотелось показывать свою слабость перед молодым бойцом. Винтовка снова легла в его плечо.

Там, где только что шли штурмовики, лежали лишь два тела. Юра встал на ноги, чтобы лучше осмотреться, как над головой легла автоматная очередь, заставившая его вернуться в прежнее положение. В самом помещении раздались взрывы ручных гранат, которые никак не заделали Трофимова.

— Ара, — крикнул он. — Ты их видишь?

Давид не ответил.

Юра стал обходить автомобильный подъёмник и наткнулся вначале на одного лежащего бойца, затем на другого. Третьего не было, но ещё дальше он увидел оторванную ногу, и судьба третьего бойца прояснилась. У дальнего окна он увидел Давида, прислонившегося к стене.

— Ты как? — спросил майор.

Юра сел рядом, спиной к стене, толкнул Давида в плечо.

— Ничего, выберемся отсюда. Ещё на свадьбе твоей потанцуем.

Снайпер не отвечал. Юра полностью повернулся к нему — боец опустил голову вниз, положив её себе на грудь. Осколок попал ему ровно под срез шлема в затылок — за ворот бронежилета обильно текла кровь.

У входа мелькнули тени. Юра достал пистолет.

— Эй, есть, кто живой? — крикнули снаружи. — Выходите, сохраним жизнь!

Съехав спиной по стене, он полностью прижался к полу, притворившись мёртвым. Пистолет он прикрыл ногой, чтобы сразу его не было видно. Прикрыл глаза, сохранив только узкие щелочки, чтобы видеть происходящее.

В мастерскую заглянул украинский боец, быстро окинул взглядом помещение, спрятался за стену. Спустя мгновение заглянул снова, и уже уверенный в своей безопасности, шагнул вовнутрь. Следом за ним зашли ещё двое. Вначале они шагнули к телам двух бойцов, пнули их, дострелили в головы. Трофимов чувствовал, как его начинает трясти — от безысходности, от чудовищной близости смерти, и главное — от её очевидной неотвратимости.

— О, этот ещё живой, — громко сказал один из вошедших, и потешаясь, выстрелил в оторванную ногу. — Всё, готов.

И вдруг Юре Трофимову приближение смерти стало совершенно безразлично. Мысленно он уже попрощался со своей жизнью, которая, можно сказать, уже покинула брненное тело, и упорхнула куда-то далеко и высоко. Туда, где нет всего этого ужаса, а есть только сладострастие вечного покоя — откуда вот уже сейчас он будет взирать на этот чудовищный мир, где люди, наделённые самым

великим чудом на земле — жизнью — целеустремлённо лишают друг друга этой главной ценности.

Он подумал о Тане — как она встретит сообщение о его гибели, как она потом сможет устроить свою жизнь — без мужа, без отца своих детей. Вспомнил детей — тот момент, когда они радостно прыгали на него при первом его возвращении с войны...

Враги приближались, осматривая помещение.

Юра вспомнил себя в детстве, когда ходил заниматься стрелковым спортом в заводской тир, открытый в бомбоубежище. Там было упражнение для отработки скоростной стрельбы: установленные ребром в специальный станок пять мишеней вдруг поворачивались к стрелку фронтом и оставались в таком положении четыре секунды — и за это время нужно было поразить их все, ведя рукой справа налево.

Сейчас «мишеней» было меньше, и стояли они ближе. Но все они были в бронежилетах и шлемах, что сильно затрудняло работу по ним из пистолета. Трофимов чётко понимал, что следующие секунды решат его судьбу.

«Прощай, Таня» — мелькнуло в голове. Он поднял руку, направляя пистолет на того, кто был правее остальных — будь, что будет. Враг заметил движение и повернулся, поднимая автомат.

В этот момент в помещение влетел FPV-дрон, и, застыв на мгновение в воздухе, словно осматриваясь, через секунду ринулся в атаку. Трофимов интуитивно сжался и прикрыл рукой лицо, представляя, что сейчас произойдёт.

Взрыв полыхнул огнём и ударом воздушной волны — одного солдата разорвало в клочья, второй упал. На такой дистанции Трофимову не потребовалось прицеливаться — он «чувствовал» пистолет ещё с детства.

Третий, выживший при взрыве дрона, через несколько секунд с простреленной шеей свалился в пяти метрах от майора и забился в агонии.

Отдышавшись, и осознав, что ему ещё предстоит некоторое время пожить в этом мире, Юра приподнялся на колени, затем встал на ноги. Нашарил радиостанцию.

— «Чемпион», спасибо тебе, выручил...

— Прости, командир, что позволил им войти, — отозвался Назаров. — Долго выбирал — танк бить, или этих... всё же последний дрон был, как-никак.

— Два наряда вне очереди, — сказал Трофимов. — Надо было танк. С этими я бы и сам справился...

— Есть два наряда вне очереди, — ответила рация.

— «Чемпион», выйди на «Стрельца», скажи ему, чтобы сюда людей прислали. Я один не смогу держать оборону.

— Пять сек, командир, — бодро отозвался Руслан.

— От «Горца» сообщение, — сказал начальник разведки.

— Читай, — предложил Савельев.

— Координаты... икс... игрек... полевой пункт управления второго батальона семьдесят второй бригады, прошла команда на сбор в восемнадцать ноль-ноль командиров рот и взводов, обороняющих Петровку.

— Отлично, — Андрей засветился радостью. — Попались, голубчики. Сейчас мы из вас голубцы делать будем. Корректировщика в воздух! — он взглянул на часы, — в работу через двадцать три минуты!

— Ещё сообщение, — Кобзев, почувствовав, что пришло время нормальной боевой работы, тоже светился радостью. — Икс... игрек... огневая позиция «три топора»...

— Отлично! Этого отдаём на расправу «Малке»! — Савельев потирал руки.

Где-то далеко в тылу всё пришло в движение — вначале заработало дежурное орудие, затем добавили остальные.

— Сообщение от «Горца», — чуть не вскрикнул Кобзев. — Перехват: поражён командный пункт второго батальона семьдесят второй бригады! Тринадцать двухсотых, девять трёхсотых, второй батальон лишился управления!

Савельев вышел по связи на Гусева и сообщил о результатах огневого поражения.

— Что думаешь, Женя?

— Думаю, почему мы так раньше не делали? Нужно немедленно воспользоваться ситуацией, пока они не восстановили управление батальоном!

— А мы им сейчас ещё резерв «Градами» накроём, который они скопили на ферме за Бесовкой! Вот прямо сейчас! Слышишь?

Спустя несколько секунд Гусев ответил:

— Слышу, «Скала»! Хорошо гремит!

— Работай, Женя! Но людей береги! Снаряды я нашёл, обращайся!

— Есть, принял!

— Два осколочных ранения у вас, товарищ майор, — сказал Данил, осмотрев Трофимова, вышедшего с передовой. — Я их обработал, заклеил, вам надо в МОСН. Идти сможете?

— Смогу, — кивнул Юра. — Дайте чего-нибудь от головной боли!

— От боли есть только нефопам, — медик показал шприц-тюбик.

— Колите, — разрешил Трофимов.

На командном пункте в Петровке царило оживление — реальный успех снял с людей печать безысходности и вселил надежду на победное завершение штурмовой эпопеи.

— Тебя Савельев срочно требует, — сказал Васильев, как только Трофимов спустился в «командный» подвал.

— Это я уже слышал, — ответил Юра. — Мне мои дронотопы передали.

— Миша Хвостов погиб, — сообщил Витя. — Он на танке из боя вышел и пошёл спать в дом, где жили офицеры танкового батальона. Под утро прилетел «Хаймерс» — прямо в ту часть дома, где находился Хвостов.

— Просто так «Хаймерс» они бы не пустили.

— Да, — кивнул Васильев. — У него в плен сдались танкисты, которых он в штурмы отправил за то, что они сожгли свои танки, испугавшись идти в бой...

— Неприглядная история, — вздохнул Юра. — Война — мерзкая сущность.

— Одно большое кровавое преступление, — согласился Васильев. — Особенно с такими командирами, как наш Коля. Хорошо, что его сняли...

— «Скифа» сняли? — удивился Юра. — Вот это поворот! Есть подробности?

— Приехал Каренин со следаками и потребовал документы боевого планирования на эту операцию.

— Какие документы? — усмехнулся Юра. — Михайлов комбатом-то не тянул и презирал штабную работу, а как комбригом стал, так вообще...

— Ну, вот и я о чём. Штаб, по приказу Михайлова, всю ночь эти документы рожал — чтобы к утру показать их чекистам. Но какой в том смысл, если на них ни одной утверждающей подписи нет.

— Как нет и документов из армии и округа, — подсказал Трофимов. — Так?

— Именно так. Потому что никто не хочет брать на себя ответственность, — сказал Витя. — Вертикаль, где невозможно найти виновного.

— Виновного можно только назначить. Все участники этого цирка — заложники сложившейся системы, проломить которую очень сложно, — сказал Юра. — Я потому и ушёл из армии, так как стало невозможно нормально служить. Если ты не лизоблюд, то тебя изведут и выгонят. А война обострила эти процессы, вскрыла их с самой неприглядной стороны. А потому что само устройство военного организма подразумевает безраздельную власть старших по званию над младшими, что у многих военачальников порождает ложное ощущение безнаказанности.

С улицы раздалось несколько близких разрывов. Никто из присутствующих не обратил на взрывы своего внимания — уже привыкли.

— Когда компетентность командиров оставляет желать лучшего и не может достичь уровня занимаемой должности, тогда боевые задачи решаются не оперативным искусством, а «пушечным мясом», — сказал Трофимов. — Боевой Устав, защитив непререкаемость решения командира, пособствует и обратной стороне медали, позволяя при некомпетентном командире «мясным штурмам» цвести буйным цветом — потому что возразить никто не смеет, не рискуя попасть на передовую.

— К счастью, случилось то, что случилось, — сказал Витя. — Но я не могу найти объяснение тому, почему сняли Михайлова. Ведь он был совершенно типичным современным командиром, не способным идти в ногу со временем. Он был частью прогнившей системы, которая

по-другому воевать не умеет.

— Здесь вопрос в другом, — заметил Трофимов. — Савельев на три головы выше Михайлова по оперативно-тактической грамотности и организаторским способностям, и Павлов это знал лучше всех. Зачем он изначально поставил комбригом «Скифа», а не Савельева?

— Да вот здесь-то как раз всё просто, пацаны, — в разговор вмешался Женя Гусев. — Наш бывший комбриг Павлов, уходя на повышение, оставил Колю вместо себя только потому, чтобы тот, чётко зная свой уровень компетентности, а вернее, некомпетентности, дорожа своим местом, слепо выполнял любые его приказы. Лояльность всегда ценилась выше компетентности. Но с этой Петровкой Михайлов «превзошёл» все мыслимые пределы, и его убрали, пока он не довёл дело до необходимости разбираться на голову выше. Поставили человека, который умеет работать. Вынужденно поставили. Как только ситуация исправится, вот увидите, Савельева задвинут снова на задворки, и на должность комбрига поставят очередного «полковника никто», и так — до следующей катастрофы.

— Виновным в массовой гибели людей останется только Михайлов, но никак не Павлов, и уж тем более, никак не Миронов — система не пойдёт на самоуничтожение, — предположил Васильев.

— Вот я совсем не исключаю, что он ещё всплывёт на какой-нибудь другой бригаде или дивизии, — сказал Гусев. — В нашей системе всё может быть.

— А я бы очень хотел, чтобы Михайлова заставили побывать во всех семьях мобилизованных, погибших из-за его бездарного руководства. Пусть объяснит родным и близким погибших, за что умерли их мужья, отцы, братья и дети. Пусть посмотрит им в глаза, — сказал Трофимов. — А они — ему.

- Согласен,— сказал Васильев.
- Согласен,— сказал Гусев.

Савельев хорошо взялся за дело: искусно поставленная с помощью радиоразведки контрбатарейная борьба принесла свои плоды — работа вражеской артиллерии уменьшилась кратно. Это позволило организовать доставку в Петровку боеприпасов, продуктов и воды, а также начать вынос раненых и сбор тел убитых.

В составе очередной партии раненых, способных самостоятельно передвигаться, Трофимов вышел из Петровки в направлении Горского. Нужно было пройти всего несколько километров, но организму, обессиленному за последние пару суток, эта дорога далась с большим трудом.

Юра несколько раз останавливался, чтобы передохнуть. Буквально на каждом шагу он встречал следы побоища, которое случилось здесь всего двое суток назад — валяющееся снаряжение, оружие, боеприпасы, тела погибших и части человеческих тел. Лесополоса, вдоль которой он шёл, за это время изменилась неузнаваемо: вместо разлапистых деревьев сейчас здесь были только голые стволы, взрывами снарядов и мин лишённые веток и коры.

Когда до Горского оставалось около километра, а сил идти уже не было, к своему удивлению Юра нашёл в кармане куртки небольшую шоколадку «Алёнка». Вспомнил: в карман её положила Таня, когда она приезжала в Таганрог с закупленными приборами и снаряжением.

«Вот ты меня и спасла», — подумал Юра.

Петровка исчезала позади, но в ней оставались дорогие Трофимову люди, а ещё в ней оставался кровавый калейдоскоп событий, состоящий из властного тщесла-

вия и безответной покорности, животного ужаса и безрассудной удали, самопожертвования и трусости, боли, слёз, крови и смерти, где не было только одного — радости от проделанной работы.

В месте, где раненых подбирали специально выделенный автотранспорт, Трофимов увидел машину контрразведчика. Каренин был тут же. Два майора обнялись.

— Я за тобой, — сказал Валентин.

— Арестовывать за невыполненный приказ? — спросил Юра. — За то, что я флаг на школу не водрузил?

— Да ты что, издеваешься что-ли? — усмехнулся Каренин. — Садись в машину, довезу.

Трофимов забрался на заднее сиденье, Каренин сел рядом с водителем.

— Дайте воды, — попросил Юра.

— Держи, — Валентин передал ему бутылку с водой.

Юра стал жадно пить.

— Как только «Стрелец» сообщил, что ты вышел из села, я немедленно поехал тебя встречать, — сказал Каренин, принимая бутылку обратно. — Мне нужно с тобой поговорить, прежде чем ты окажешься в штабе бригады.

— Говори сейчас, а то я усну, — предупредил Трофимов. — Устал так, что ног не чую...

Сказав это, Юра прислушался к себе — всё тело болело, его трясло от переохлаждения, ноги были мокрые, с кровавыми мозолями, заклеенные пластырями осколочные ранения кровоточили — радовало только то, что впереди забрезжила перспектива прекращения этих мучений в виде тёплых, сухих и мягких госпитальных коек.

— В общем так, Юрий Павлович. У нас есть мнение, что в ближайшее время вам сделают хорошее кадровое предложение, и мы совершенно не возражаем увидеть вас на этом посту...

— А что так официально? — хрипло спросил Юра.

— Ну, а как я ещё могу обращаться к такому высокому должностному лицу? — рассмеялся Каренин. — Ладно, это лирика. Теперь по делу, чтобы ты понимал, что происходит. Михайлова убрали за огромные потери, о которых стало известно всему миру. Однако, за массовые потери наказывать командиров у нас ещё не принято, поэтому мы приняли его за присвоение зарплат погибших военнослужащих, которых он несколько месяцев подавал как живых. Конечно, на фоне того, что он натворил, это мелочь, но всё же. Как меня когда-то учили, «если не можешь посадить убийцу за убийство, посади его за что-нибудь другое» — здесь именно тот случай. Я хочу тебя предупредить — как только ты встанешь на большую командную должность, к тебе будет проявляться повышенное внимание от моей службы и от военных прокуроров. Я знаю, что человек ты честный, но вокруг тебя всегда будет много завистников и проходимцев, желающих использовать твоё положение для преступной наживы. Будь аккуратнее. Ну и, как понимаешь, я всегда помогу тебе, чем смогу.

— Я тебя понял, Валентин, — ответил Юра. — Спасибо.

— Да не за что, — улыбнулся майор Каренин.

Перед тем, как убыть в МОСН, Юра заглянул на командный пункт.

— На ловца и зверь бежит, — из-за стола поднялся Савельев. — Здорово, Юрий Павлович!

— Здоровей видали, товарищ врио командира, — усмехнулся Юра, пожимая Андрею руку. — Поздравляю!

— Вот уже не знаю, радоваться мне, или печалиться, — усмехнулся Савельев. — У меня есть к тебе предложение.

— Внимательно!

— Юра, скажу прямо. Мне нужен твой опыт в боевой подготовке и в работе с новыми видами оружия. Я предлагаю тебе стать заместителем командира бригады. Твоя задача — организовать с мобилизованными бойцами занятия по боевой подготовке, чтобы люди получили представление, куда они попали, и что нужно делать, чтобы увеличить свои шансы победить врага и живыми вернуться домой. Ты сам прекрасно видел, какие они пришли с учебных центров. Нужно понять, кто на что способен, на какое направление их распределить и чем занять, чтобы был максимальный толк. И второе — в бригаде нужно сформировать новые подразделения: дивизион дальноточных орудий, роту радиоразведки, роту радиоэлектронной борьбы, и на базе твоего мобильного отряда — батальон огневой поддержки, в котором совместить четыре направления — снайперское, противотанковое, боевые и разведывательные дроны, а также мобильные миномёты. Никого другого, кроме тебя, на этом направлении я не вижу. Комбата и ротных подбирай сам.

Юра усмехнулся:

— Так мы и до Киева первыми дойдём!

— Да что Киев, — рассмеялся комбриг. — Даёшь Варшаву! Даёшь Берлин! Согласен?

— А чего нет-то? Всего делов — зайти и выйти!

*Москва — Волноваха — Владивосток
2024 г.*

